Фонд «Русский мир»
Государственное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Донецкий национальный университет»

Донецкий регионлект

Донецк – 2018

Фонд «Русский мир»
Государственное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Донецкий национальный университет»

Донецкий региолект

Монография

Под редакцией В.И. Теркулова

Донецк – 2018

УДК 81
ББК 81.411.2-02
Д67
ISBN 978-5-6041177-3-6

Рекомендовано к печати
учёным советом ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»
(протокол № 8 от «28» сентября 2018 г.)

Рецензенты:

доктор педагогических наук, доцент Т.Ф. Новикова (ФГАОУ ВО «Белгородский государственный национальный исследовательский университет»)
доктор филологических наук, профессор Е.А. Оглезнева (ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский Томский политехнический университет»)

Д67
Донецкий региолект: монография / В.И. Теркулов, Н.П. Курмакаева, В.И. Мозговой, К.В. Першина, И.А. Кудрейко и др.; под ред. В.И. Теркулова. – Донецк: Издательство ООО "НПП" Фолиант", 2018. – 265 с.
ISBN 978-5-6041177-3-6

В монографии осуществляется первичное описание донецкого региолекта русского языка. Объектом описания являются языковые (фонетические, словообразовательные, лексические и грамматические) черты региолекта, основные особенности донецкого ономастикона, донецкая языковая личность, маркёры лингвокультурного пространства Донбасса, донецкий текст, методика обучения русскому языку в региолектных условиях.
Для филологов, учителей русского языка и литературы, краеведов, а также для широкого круга читателей, интересующихся особенностями донецкого региолекта русского языка.

Печатается на средства гранта № 1684Гр/II-286-16 Фонда «Русский мир»

УДК 81
ББК 81.411.2-02
Д67

ISBN 978-5-6041177-3-6

ISBN 978-5-6041177-3-6
9 785604 117736

Оглавление

ВВЕДЕНИЕ

В.И. Теркулов

О том, что речь жителя Донбасса имеет некоторые особенности, пусть не такие яркие, как особенности речи, например, одессита или петербуржца, но всё-таки вполне ощутимые, говорилось давно. Ещё А. Фадеев писал в «Молодой гвардии», что донбассовцы говорят на том смешанном наречии, «которое образовалось от скрещения языка центральных русских губерний с украинским народным говором, донским казачьим диалектом и разговорной манерой азовских портовых городов».

С тех пор мало что изменилось. Как отмечает сегодня донецкий поэт Анна Ревякина, «удивителен говор дончан, филологи величают его региолектом, местные просто называют скрежетливым словом "суржик". Исторически так сложилось, что промышленный регион Украины говорил на русском языке. Он был выбран в качестве общего знаменателя для нашей многонациональной местности» (https://ukraina.ru/exclusive/20180629/1020542425.html).

Мы легко угадываемы по тому говорку, который нам здесь представляется обычным и обыденным. При этом мы всё-так осознаём его отличия от речи других регионов. Мои одноклассники, например, услышав после долгого перерыва в общении мой филологический литературный язык, спросили: «Ты что теперь – в Москве живёшь?».

Совсем недавно донецкая речь зазвучала и на телеэкранах – в телесериале «Сваты» (замечу, что в отличие от моих российских друзей, называющих этот сериал «Сва́ты», я всё-таки по традиции донецкой речи иногда называю его «Сваты́»). Людмила Руденко, живущая в Осло, написала на страничке актрисы Татьяны Кравченко, уроженки Донецка, о её Валюхе, героине этого сериала: «Татьяна Эдуардовна, я тоже из Донецка, но уже 20 лет живу в Осло. Не скучаю за Донецком и никогда не думала, что мне будет так приятно услышать неповторимый донецкий говорок, на котором говорит Ваша Валюха. Такому языку невозможно научиться (например, Элина Быстрицкая так и не научилась говорить по-казацки как настоящая казачка), этот говорок у Вас в крови, и он часть Вашего таланта, Вашей индивидуальности. Я, например, очень люблю смотреть фильмы про Одессу (как «Ликвидация»), они для меня всегда комедия именно благодаря одесскому сленгу и забавной неповторимой одесской манере говорить. Вы же, дорогая Татьяна Эдуардовна, первая из актёров внесли свой вклад в кинематографе в пропаганду не менее забавного донецкого сленга, да так талантливо, что только благодаря одному этому фильм бы удался, а там ещё

столько всего талантливого! Спасибо Вам огромное, дорогая Татьяна Эдуардовна, за это!» (сайт https://www.kino-teatr.ru).

К сожалению, если не учитывать вышедшей в 1958 году великолепной брошюры Г.И. Рихтера «Нормы литературной речи, по преимуществу разговорной», в которой описываются донецкие региональные речевые ошибки [Рихтер 1958], опытов донецких краеведов, писавших о донецких словах и городских названиях (посмотрите, например, интересные языковедческие зарисовки на сайтах Е. Ясенова и В. Стёпкина), исследований Е.С. Отина, посвящённых донецкой топонимике [Отин 2013; Отин 2014], можно говорить о том, что донецкая речь никогда комплексно научно не изучалась. Проект «Донецкий регионолект», реализуемый группой преподавателей кафедры русского языка Донецкого национального университета, как раз и ставит перед собой цель описать особенности русского языка в Донбассе. Работа только началась, и поэтому в предлагаемой вашему вниманию монографии лишь намечены основные направления изучения донецкой речи, сделаны первые выводы и обобщения.

Донецкая речь, как уже понятно из названия нашего проекта, определяется нами как «донецкий регионолект». Регионолект – это новая, пришедшая на смену диалектам, форма существования территориальных разновидностей русского национального языка: это совокупность **городских и «урбанизированных» сельских говоров одного региона**, объединённых обычно вокруг говора какого-то административного центра – областного, краевого, республиканского.

Термин «донецкий регионолект» не совсем точно обозначает то, что мы изучаем: если исходить из названия нашего проекта, может сложиться мнение, что речь идёт только об особенностях русского языка в городе Донецке. Это не так. Регионолект не может быть отождествлён с отдельно взятым городским говором: как и диалект, в большом количестве исследований определяемый как единство близких сельских говоров, он связывается с единообразной речью нескольких населённых пунктов – городов, посёлков городского типа и т.д. В нашем исследовании донецкий регионолект – это речь жителей городов бывшей Донецкой области: Донецка, Горловки, Макеевки и т.д. Однако вполне очевидно, что он близок не только регионолектам остального Донбасса, охватывающего ещё и Луганщину и некоторые другие русские земли, но и регионолектам ближайших к нам «не донбасских» регионов – Белгородчины, Слобожанщины и т.д. Вполне возможно, что следует говорить о единой юго-восточной регионолектной зоне, включающей Донецк, Луганск, Белгород, Харьков и другие лингвистически сходные территории распространения русского языка. Но такой вывод требует всё-таки основательной поддержки

фактами, получаемыми в ходе эмпирических полевых исследований, для которых необходимо создание и реализация программы изучения русских юго-восточных регионлектов. А это сейчас сделать сложно, поскольку сложна сама ситуация, в которой существуют эти регионлекты.

У нашего исследования, например, в процессе его выполнения возникли некоторые трудности ненаучного свойства: оно стало «лакомым куском» для разнообразных спекуляций политиков и журналистов. Во всех «критических» статьях о наших исследованиях цитируется только одна моя фраза, сказанная в 2017 г. в телерепортаже о начале комплексного изучения донецкой речи. Привожу её полностью: «Сегодня мы начинаем разработку долгосрочной темы "Донецкий регионлект". В рамках работы мы планируем собрать корпус русских текстов для научных исследований, затем проведём этимологический, лексический и грамматический анализ собранного материала. Затем мы хотим составить словарь донецкого регионлекта. Не секрет, что у нас есть огромное количество слов, которые не понятны жителям других территорий, в частности "тремпель", "тормозок". Нас также интересуют неофициальные городские наименования, например Щетинино – Щётка, Южный вокзал – Яма» (https://forum.lingvolive.com/thread/l158394/).

Как ни странно, в этой фразе журналисты нашли то, чего в ней нет, и сотворили целую вереницу мифов. Украинские, да и некоторые российские СМИ утверждают, что мы, якобы по прямому приказу Кремля, создаём какой-то особый «донецкий язык», чтобы на его основе сотворить особую «донецкую нацию».

Создать язык на основе регионлекта нельзя: он возникает в результате унификации народной речи, в результате стирания языковых различий между диалектами под влиянием единого литературного стандарта. Речь регионов сейчас менее различается, чем в то время, когда основной территориальной формой существования национального языка был диалект, и это закономерное следствие языковой конвергенции в пределах национального языка. Появление же новых языков возможно только на базе дивергентных процессов, к которым регионлекты не имеют никакого отношения. При этом для возникновения новых наций нужны в первую очередь не языковые, а политические основания: особые настроения в обществе, осознание какой-то группой людей себя отдельным этносом и т.д., чему трансформация диалектов в регионлекты способствовать не может (я писал об этом в статье «Регионлект или национальный вариант: к постановке проблемы» [Теркулов 2012]). Именно поэтому у нас нет даже возможности что-либо создавать. Мы просто пытаемся описать, как говорят в Донбассе, и это необходимо для того, чтобы:

1) дать школьному учителю информацию о том, с какими региональными языковыми чертами он встретится при обучении школьников нормам русского литературного языка;

2) описать лингвокультурные особенности нашего региона;

3) обеспечить лингвистическую поддержку литературоведческого анализа «донецких текстов».

Эти цели абсолютно совпадают с целями наших коллег – представителей различных российских школ лингвистической регионалистики, активно исследующих белгородский (Т.Ф. Новикова, С.А. Кошарная), дальневосточный (Е.А. Оглезнева), астраханский (И.С. Зварыкина), пермский (Л.А. Грузберг, Т.Е. Ерофеева), забайкальский (И.С. Игнатович) и др. российские региолекты. Наша работа, таким образом, осуществляется в русле становления нового направления именно российской филологии, которую трудно обвинить в стремлении создать новые языки и народы на базе региолектов. Кстати, для нас важно ещё и то, что благодаря включенности нашего исследования в систему российских региолектных исследований оно впервые объективирует представление о донецкой речи как **о важной и неотъемлемой части единого русского национального языка**.

Мы занимаемся нужным и полезным делом. И первым результатом этого нужного и полезного дела стала эта монография, в которой представлены только первые опыты описания донецкого региолекта. Мы попытались определить, что же такое региолект, как формировалось донецкое языковое пространство. Мы сделали в этой книге первые шаги к описанию языковых особенностей донецкой речи, поговорили о донецкой языковой личности и концептосфере Донбасса, о донецком тексте и методике обучения русскому языку в региолектных условиях.

В наших планах окончание работы над донецким словарём, этнопсихологические исследования речи дончан, характеристика шахтёрского сленга. Мы хотим в дальнейшем коснуться состояния языка эпохи войны. Достаточно интересным представляется нам и создание языковых портретов дончан разных возрастов и сословий. И, конечно же, мы будем и дальше работать с «донецким текстом».

Надеюсь, эти работы прольют свет на истинное состояние души жителей Донбасса.

Глава 1. Понятие «региолект»

В.И. Теркулов

Русский национальный язык представляет собой совокупность идиомов, образующих цельную систему, скреплённую единым национальным стандартом – русским литературным языком. Как писал Н.Д. Голев, «русский язык многолик и многовариативен, его вариантообразование продолжается и осуществляется на наших глазах. Можно говорить о внутреннем вариантообразовании, связанном с его изменчивостью во времени и в пространстве, с разнообразием его функций, сфер бытования, обусловливающих формирование социолектов, региолектов, нациолектов (если регионы обладают национальной спецификой), наконец – идиолектов» [Голев 2015, с. 62].

В этом нет ничего страшного и удивительного. Во-первых, территориальное и социальное варьирование является обязательным свойством всех так называемых «развитых» языков: сложную систему идиомов представляют собой и английский, и немецкий, и французский, и многие другие языке. Во-вторых, такое варьирование выражает индивидуальное в общем: принадлежность к какому-либо этносу, нации не отрицает наличия индивидуальных черт в языке, культуре, ментальности у отдельно взятого человека, города, села, региона.

Наиболее изученными в русистике являются русский литературный и русский диалектный языки. Однако ещё Ф.П. Филин писал, что между литературным языком и диалектами находятся «разнообразные формы народно-разговорного языка, просторечия, а также «полудиалектов», иначе – речи широких масс городов, находящихся в диалектном окружении [Филин 1966, с. 32], которые, к сожалению, долгое время оказывались на периферии лингвистических исследований. Регионально маркированная речь города только недавно стала объектом системного научного изучения, хотя ещё в 1928 году Б.А. Ларин писал: «Мы запоздали с научной разработкой языкового быта города, да и нигде до сих пор она не производилась широко и систематически» [Ларин 1977, с. 175].

В последние десятилетия положение изменяется в лучшую сторону. Как пишет Т.Ф. Новикова, «если ещё несколько лет назад лингвисты довольствовались противопоставлением литературного языка диалекту, то в наши дни в цепочке языковых состояний как особое звено, существенное для современных социолингвистических исследований, всё чаще выделяются такие понятия, как «региональные говоры», «региональные языки», обозначающие группу переходных и не вполне устойчивых языковых состояний» [Новикова

2017, с. 172]. Сейчас формируется новая наука – лингвистическая регионалистика (другое название – лингвистическое регионоведение), задачей которой как раз и является изучение городской речи регионов. Центрами этой формирующейся науки являются Белгород, Курск, Астрахань, Пермь и многие другие российские университетские города. Региолектные исследования проводятся и в других странах. Например, на Украине активно изучаются одесский региолект [Степанов 2004; Степанов 2011], львовский региолект [Палінська 2010] и т.д.

Для чего необходимо исследование региональной речи? Причин, как нам видится, как минимум, три.

Первая причина – прикладная. Как писал Г.И. Рихтер, рассуждая об особенностях донецкого языкового состояния, «у многих жителей Донбасса, у значительной части его интеллигенции, его учащейся молодёжи выравнивание речи по литературным образцам требует переучивания, преодоления привычных местных особенностей» [Рихтер 1958, с. 5]. Учителю русского языка важно знать, какие именно местные особенности речи должны быть исправлены в процессе школьного обучения литературному языку, а информацию о них могут дать только комплексные региолектные исследования.

Вторая причина – лингвокультурная. В.А. Маслова пишет об этом так: «Разработка концепции региональной лингвистики позволит объяснить ряд закономерностей регионального языка и понять особенности региональной языковой личности с учётом культуры, истории, психологии, географии, социальных факторов региона, а также установить региональные ценности, лежащие в основе региональной картины мира» [Маслова 2015, с. 3]. Сейчас унификация народно-разговорной речи вполне очевидна. Но если в ней ещё сохраняются какие-то местные особенности, они, вероятно, лингвокультурно значимы. Почему-то люди всё-таки говорят: *На дороге сплошная* ***мачмала****, разбитая самим же транспортом*; *В* ***кайбаше*** *хранятся личные вещи и суточный паёк трудящихся. Кроме того, там, как правило, не курят*. Это не базовый фонд словаря дончанина: данные слова находятся на его периферии. Но они все-таки характеризуют в той или иной мере особенности местного менталитета, и именно поэтому их и нужно изучать.

Третья причина – литературоведческая. По мнению Л. Поляковой, «задача филологической регионалистики как отрасли, с одной стороны, филологии, с другой – исторического знания, состоит в системном исследовании литературно-художественных явлений или языковых процессов, генезиса, эволюции региональной субкультуры с использованием филологического инструментария, через постижение особенностей творческой

индивидуальности художника» [Полякова 2015, с. 195–196]. Донецкие региональные языковые черты отмечаются в текстах как классиков донецкой литературы Б. Горбатова, П. Беспощадного, А. Парщикова и др., так и в произведениях современных литераторов – А. Ревякиной, В. Скобцова, А. Александрова, А. Савенкова и др., и их появление в произведениях этих авторов значимо. В некоторых случаях на основе донецких регионализмов создаётся цельное поэтическое пространство. Например, в стихотворении А. Парщикова слово *жужелка* «печной шлак» стало формирующим элементом художественного бытия:

Жужелка

Находим её на любых путях
пересмешницей перелива,
букетом груш, замёрзших в когтях
температурного срыва.

И сняли свет с неё, как персты,
и убедились: парит
***жужелка** между шести*
направлений, молитв,

сказанных в ледовитый сезон
сгоряча, а теперь
она вымогает из нас закон
подобья своих петель.

И контур блуждает её, свиреп,
йодистая кайма,
отверстий хватило бы на свирель,
но для звука – тюрьма!

Точнее, гуляка, свисти, обходя
сей безъязыкий зев,
он бульбы и пики вперил в тебя,
теряющего рельеф!

Так искривляет бутылку вино
невыпитое, когда

застолье взмывает, сцепясь винтом,
и путает провода.

Казалось, твари всея земли
глотнули один крючок,
уснули – башенками заросли,
очнулись в мелу трущоб,

складских времянок, посадок, мглы
печей в желтковом дыму,
попарно – за спинами скифских глыб,
в небе – по одному!

Проникнуть в мир этого стихотворения можно только через ту особую лингвокультурную среду, в которой оно создавалось, то есть через ту систему ценностей, которые воплощены в русском языке донецкого региона.

Лингвистическая регионалистика – молодая наука, которая только формирует свой категориальный аппарат и инструментарий исследований. Многие из её положений ещё не получили достаточного определения. Даже само наименование рассматриваемого ею объекта – «региолекта» – не является общепризнанным. В описаниях современных городских говоров русского языка помимо этого термина используются и другие обозначения: «диалект», «полудиалект», «региональный язык», «язык региона», «городское койне». Часто эти наименования определяются как абсолютные синонимы. Например, Е.Н. Степанов отмечает, что «российские лингвисты предпочитают давно известному в лингвистике термину «койне» новый термин "региолект"» [Степанов, с. 13]. Необходимость уточнения и специализации терминологии региональных лингвистических исследований, то есть, в сущности, в создании единой терминосистемы лингвистической регионалистики, очевидна. Как пишет И.С. Зварыкина, «современные языковые явления, возникающие на границе между литературным языком и диалектом, являются слишком сложными и многообразными, поэтому их необходимо чётко отграничивать от диалектных явлений, разрабатывая для этого специальную терминологию» [Зварыкина 2013, с. 32].

Термин «региолект» был введён в русскую социолингвистическую терминологию В.И. Трубинским [Трубинский 1991, с. 157], но стал распространённым благодаря работам А.С. Герда [Герд 1995; Герд 2001]. Сейчас разработку теории региолекта осуществляют Л.А. Грузберг, И.С. Зварыкина, Т.Ф. Новикова, Е.А. Оглезнева и многие другие. Обоснование

необходимости выделения региолекта даётся А.С. Гердом: «Выделение региолекта постулирует факт наличия особого языкового состояния, которое оказывается едва ли не основной формой устно-речевого общения больших групп этноса на определённой территории» [Герд 1995, с. 13].

Важно установить место региолектов в системе идиомов русского национального языка, поскольку, как отмечает Е.А. Оглезнева, для языкознания актуален «вопрос не только о существовании такого языкового явления, как "региолект", или "региональный вариант языка", но и о характере взаимоотношений региолекта с другими вариантами и формами существования языка, а также о составе региональных вариантов русского языка» [Оглезнева 2013, с. 28]. Осознание этих отличий может быть осуществлено как раз через оценку терминов, использующихся для обозначения региональной речи, а также через установление её отличий от смежных явлений.

Регионально маркированная речь города достаточно долго не выделялась из диалектной речи: учёные считали городской говор особой формой территориального диалекта. Например, О.С. Блинова утверждала, что в современных говорах (диалектных) можно выделить диалектно-просторечные (то есть, собственно, городские, поскольку просторечие – это «устная, некодифицированная, общепонятная речь для повседневного общения **преимущественно городского населения** (выделено нами. – В.Т.), не владеющего нормами литературного языка» [Войлова 2000, с. 7]) и собственно диалектные элементы [Блинова 1984, с. 36].

С такой трактовкой сложно согласиться хотя бы потому, что диалект и региолект являются не взаимопроникающими, а сменяющими друг друга явлениями: «На смену старым крестьянским диалектам приходит не стандартный литературный язык, а особые новые формы разговорной речи. Диалекты не умирают, а трансформируются в региолекты» [Герд 2001, с. 23-24]. М.А. Бородина ещё в 1982 году, говоря, правда, о диалектах французского языка, утверждала: «Само собой разумеется, что в последней четверти XX в. речь не может идти о «диалектах», явлении в целом свойственном другой исторической формации, от которой в силу различных условий непосредственных свидетельств (записей) диалектной речи не осталось вовсе или остались единичные свидетельства. Мы присутствуем сейчас при трансформации былых диалектов в местную региональную речь как одну из характеристик «региона» [Бородина 1982, с. 29]. Различие диалектов и региолектов, в связи с этим, значимо не только для регионалистики, но и для классической диалектологии. Например, В.И. Супрун и Е.В. Брысина, сравнивая кубанскую и донскую речь, отмечают: «На Кубани народная речь постепенно трансформировалась в региолект» [Супрун, Брысина 2016, с. 97], в

то время как донские говоры во многом сохраняют свой диалектный статус: «В силу своей социальной изолированности донские диалекты, будучи престижными, сохраняют наиболее важные особенности традиционной системы» [Супрун, Брысина 2016, с. 98].

Использование термина «диалект» для обозначения регионально маркированной речи городов нельзя считать убедительным ещё и потому, что он не является универсальным: его нельзя распространить на диффузные региолекты (см. ниже), возникшие на территориях позднего заселения не на диалектной основе, а в результате смешения и последующей унификации наречий мигрантов.

Для обозначения идиомов, не могущих быть определёнными при помощи терминов «литературный язык» и «диалект», в том числе и для обозначения регионально маркированной речи, в 70-е гг. XX столетия вместо термина «диалект» стали использовать термин «полудиалект»: «Имея в основе своей организации какой-либо конкретный территориальный диалект, полудиалект оформляется в качественно иную языковую структуру» [Коготкова 1970, с. 105]. Однако лингвистами отмечается некоторая семантическая «расплывчатость» данного наименования, которая стала причиной того, что в целом ряде исследований «всё, что не попадало под понятие "диалект", было классифицировано как "полудиалект"» [Ливинская 2015, с. 39]. Поэтому специализированный на обозначении городской речи термин «региолект» стал активно вытеснять в последние десятилетия как термин «полудиалект», так и все остальные наименования регионально маркированной речи.

Важно отметить особый статус региолекта в современном языковом пространстве. Во многих исследованиях о нём пишут как о современной базовой территориальной разновидности национального языка: «Можно с абсолютной уверенностью утверждать, что в современном русском языке региолект и является основной формой местной речи» [Грузберг 2010], «Можно констатировать, что мы присутствуем сейчас при трансформации былых диалектов в местную региональную речь, которая остаётся одной из репрезентативных характеристик региона. Более того: перерождение диалектов в региональные языки (региолекты) является **одной из существенных особенностей современного языкового развития** (выделено нами. – В.Т.)» [Новикова 2011, с. 126].

Такой статус региолекта вполне объясним: он обусловлен тем, что активная жизнь русского языка переместилась из деревни в город. Как отмечает А. Мерзлов, «после перестройки, по разным оценкам, до 30 тысяч деревень исчезло, многие обезлюдели, и этот процесс продолжается, к сожалению, катастрофическими темпами» [Вымирание 2018]. Мы далеки от

представленной в работах некоторых учёных идеи о том, что «современные говоры в традиционном понимании разрушены» [Попов 1984, с. 121] и что русские диалекты «как цельные речевые единицы со своей особой системной организацией теперь уже почти не существуют» [Филин 1982, с. 140]: исследования наших коллег, например диалектологические экспедиции Волгоградского государственного социально-педагогического университета, показывают, что диалекты ещё живы. Однако то, что статус базовой территориальной разговорной разновидности национального языка получил сейчас язык города, – неоспоримый факт.

К сожалению, термин «регионалект» не имеет устоявшегося определения. Т.Ф. Новикова замечает: «Насколько привычны и определённы термины «диалект», «полудиалект», «социолект», настолько расплывчато-неопределённы терминологические сочетания "региональный язык", "язык региона", а также термин "регионалект"» [Новикова 2011, с. 126].

Наиболее авторитетной и чаще всего приводимой учёными является дефиниция А. С. Герда, который понимает под регионалектом «особую форму устной речи, в которой уже утрачены многие архаические черты диалекта, развились новые особенности. Это форма, **с одной стороны, не достигшая ещё статуса литературного языка, а с другой, в силу наличия многих ареально варьирующихся черт, не совпадающая полностью и с городским просторечием** (выделено нами. – В.Т.)» [Герд 2001, с. 23–24]. Данное определение несколько уточняет Т.В. Жеребило, считающая регионалектом «речь жителей средних и малых городов, в которой ощущается влияние местных говоров и просторечия» [Жеребило 2010, с. 300].

Тут очевидны два признака, которыми учёные наделяют регионалект и которые всё-таки вызывают у нас сомнения:

1) регионалект – это отдельный идиом, который находится в структуре городской речи между литературным языком и просторечием и не совпадает с ними;

2) регионалект – это «речь жителей средних и малых городов» (Т.В. Жеребило), а также «поселков городского типа» [Герд 2001, с. 24].

Если говорить о первом признаке, то учёные в данном случае, как нам кажется, попросту ищут пространство в структуре национального языка для «нового» типа идиома, стараясь избежать совпадений и обвинений в создании синонимичного и потому избыточного термина. Наши исследования показывают, однако, что обозначенная таким образом позиция регионалекта сомнительна.

Если принять определение А.С. Герда, следует говорить о том, что у регионалекта есть особые носители, речь которых в том или ином населённом

пункте отличается от речи носителей просторечия и литературного языка. В некоторых работах таковые действительно «обнаруживаются». Например, Т.В. Жеребило считает, что «основные носители региолекта – местная городская интеллигенция, служащие административных учреждений» [Жеребило 2010, с. 300], в то время как просторечие, вероятно, появляется в речи менее образованных людей. Наш анализ, однако, показал, что носители всех городских идиомов, в том числе и просторечия, в той или иной мере реализуют в своей речи региональные особенности фонетики, лексики, грамматики и т.д.

Именно социальную, а следовательно, и идиомную многовекторность региолекта имеет в виду Е.В. Ерофеева, когда пишет, что он возникает «при столкновении разнородных языковых образований и имеет социальное расслоение» [Ерофеева 2005, с. 100]. Мы, однако, позволим себе усомниться в том, что взаимодействие этих разнородных языковых образований «приводит к возникновению некоторой гомогенной языковой структуры, характерной только для данного города» [Ерофеева 2005, с. 100]. У разных носителей региолекта его черты проявляются по-разному именно потому, что они имеют разный уровень языковой подготовки, разный круг общения и т.д. Но факт остаётся фактом: многие исследователи городской речи говорят о том, что «региолект функционирует на территории региона (или даже нескольких регионов) и **используется всеми его жителями (без социальных, возрастных и других ограничений)** (выделено нами – В.Т.), в отличие от диалекта, который используется преимущественно сельскими жителями определённой местности (то есть диалект более ограничен локально и функционально)» [Кошарная 2017, с. 22].

Иными словами, следует признать, что «вряд ли можно говорить о "носителе региолекта", но в речи представителей любого региона (особенно – в неофициальной, в меньшей степени по причине её контролируемости – в официальной речи) присутствуют регионально окрашенные, типичные для носителей русского языка данного региона черты, в совокупности и составляющие то, что мы называем региолектом» [Оглезнева, с. 67–68].

При этом, как показало наше исследование, региолектные черты обнаруживаются в речи жителей региона, так сказать, по «социальной убывающей»: их минимальное количество отмечается у тех, кто владеет литературным языком, а максимальное – именно у тех, кто пользуется просторечием. Это опровергает идею о том, что региолект отделим от просторечия и противопоставлен ему.

Просторечием называют «устную некодифицированную сферу общенациональной речевой коммуникации – народно-разговорный язык»,

который «имеет наддиалектный характер» [Бельчиков 1998, с. 402]. Иначе говоря, просторечие чаще всего определяют как некий аналог литературного языка в том смысле, что оно считается идентичным (наддиалектным) на всём пространстве существования русского языка. По мнению Е.В. Черемисиной, регилект и просторечие «бытуют в речи городского населения, но регилект отличается от просторечия следующими особенностями: 1. Принадлежность к определённой территории. 2. Культурная коннотация, оценка с точки зрения культуры: просторечие воспринимается как нарушение литературной нормы и имеет отрицательную культурную коннотацию, регилект – как территориальная разновидность языка, и его культурная оценка сегодня всё чаще перестаёт быть отрицательной» [Черемисина 2015, с. 47].

Оба эти тезиса вызывают возражения.

Во-первых, во многих исследованиях просторечия очень часто говорится о его региональной маркированности. Так, например, рассматривается городское просторечие Санкт-Петербурга [Колесов 1991], Томска [Банкова 1987], Прикамья [Ерофеева 1969] и т.д. Более того, именно в просторечии, как показали наши исследования, региональные языковые особенности проявляются в наибольшей степени: нами не обнаружено носителей донецкого просторечия, в речи которых не были бы представлены региональные фонетические, грамматические и, конечно же, лексические черты.

Во-вторых, у нас есть сомнения в том, что культурная оценка какого-либо языкового состояния может быть признана дефиниционным критерием, тем более что и просторечие, и регилект в большинстве случаев люди всё-таки определяют как неправильную, некодифицированную, неграмотную речь

Таким образом, представление о регилекте как об отдельном идиоме национального языка вряд ли можно признать удачным, поскольку в этом случае он должен был бы отличаться от других городских идиомов и иметь своих носителей, чего, как мы отметили выше, нами не обнаружено. Наоборот, наше исследование показало наличие вполне очевидных региональных языковых черт во всех разновидностях национального языка в отдельно взятом регионе. Можно, например, говорить о региональном просторечии, о региональном сленге, о региональном профессиональном жаргоне и т.д. Учёные пишут и о существовании регионального разговорного варианта литературного языка, который является «точкой (или, скорее, областью) на оси перехода литературного языка в регилект <…>, по своим характеристикам близкий и литературному языку, и регилекту» [Ерофеева 2005, с. 100]. Другими словами, регилектные черты могут проявляться и в устно-разговорном варианте литературного языка, который «является единым,

но вместе с тем сложным образованием, **варьирующимся на огромной территории** (выделено нами. – В.Т.)» [Ливинская 2015, с. 38].

Суммируя вышесказанное, отметим, что в нашем представлении региолект – это не какая-то разновидность речи, не какой-то отдельный идиом, имеющий своих носителей, а **определённая регионально маркированная организация всего языкового пространства региона**.

В разных идиомах, составляющих региолект, удельный вес регионализмов, если обозначать этим термином не только локальные лексические единицы, но и регионально маркированные единицы всех других уровней, варьируется, что согласуется с мнением Н.В. Хорошевей, которая отмечает в отношении регионализмов «их нестабильное и нерегулярное употребление в речи даже одного информанта» [Хорошева 2011, с. 33]. О. Блох ещё в начале XX в писал о том, что региолект не является «ни говором с определённой внутренней структурой, ни однородной языковой системой, т. к. известно, что в нём преобладает общенациональная форма языка, изменённая под действием местных говоров. Он является более варьированным и индивидуализированным, чем эти последние, так как говорящий на региональной форме языка отражает нестабильность языковой структуры» [Bloch 1921, c. 121].

В устно-разговорном варианте литературного языка в Донбассе спорадически обнаруживаются лексические регионализмы (например, нами отмечено активное употребление слов *тремпель*, *тормозок*, *лоток* «контейнер для еды» и т.д.), в значительно меньшей мере – фонетические (например, слабая редукция безударного гласного непереднего ряда [*гаварил*]), и изредка – грамматические (*мы с Донбасса, на Донбассе*). В просторечии и жаргонах количество и значимость всех этих элементов увеличивается. При этом даже в данном случае невозможно говорить об абсолютном единообразии речи всех представителей одного региона: у кого-то регионализмы в речи проявляются в большей мере, у кого-то в меньшей, что и является свидетельством языковой нестабильности региолекта.

Если говорить о втором признаке (региолект – речь средних и малых городов), то и здесь следует сделать некоторые уточнения. Нам несколько непонятно, почему из региолектной зоны выведены большие города. Явные региональные черты имеет, например, речь жителей Москвы, Санкт-Петербурга. Представляется неправильным считать, что эти города не относятся ни к какой региолектной зоне.

Важно отметить ещё один момент, связанный с территорией употребления региолекта: общие региональные языковые черты чаще всего обнаруживаются не только в идиомах одного города, но и во всём ареале городов,

формирующемся обычно вокруг административного центра региона. Региолект не может быть, следовательно, привязан к какому-то конкретному городу. В городе реализуется городской говор, который мы по традиции параллельно называем городским койне, хотя и осознаём некоторую двусмысленность этого термина. Региолект связан с **регионом**. Следует говорить, скорее всего, о параллелизме корреляций «диалект – сельские говоры» и «региолект – городские (региолектные) говоры» и определять региолект как некоторую «надыдиомную» обобщающую региональную структуру: как диалект – это совокупность однотипных взаимосвязанных сельских говоров, так и региолект – это совокупность взаимосвязанных в первую очередь городских говоров (но в последнее время городская речь становится эталонной и для сельских жителей, корректируя и тем самым переводя их речь из диалектного пространства в региолектное). И этот вывод согласуется с идеей Е.А. Оглезневой: «Современный русский язык демонстрирует множество своих региональных вариантов – региолектов. Основанием для региолектного членения русского языка является наличие общих регионально маркированных языковых черт в том или ином регионе, независимо от городской или сельской языковой среды» [Оглезнева, с. 68].

Таким образом, региолект является объединением идиомов в двух плоскостях: горизонтальной (объединение говоров населённых пунктов одного географического и социально-политического ареала) и вертикальной (объединение разных идиомов, формирующих говоры этих населённых пунктов: просторечия, жаргонов и т.д.). Такой подход позволяет предложить новую стратификационную модель регионально маркированной системы идиомов национального языка. Представляется важным определить в этой связи такие понятия, как «регионально маркированные языковые явления», «региолектный идиом (региональный вариант идиома) национального языка», «региолектный говор» и, собственно, «региолект».

Языковыми элементами, определяющими региолект, являются **регионально маркированные языковые явления**, под которыми мы понимаем единицы и языковые (речевые) процессы, отличающиеся от наддиалектных единиц и процессов, представленных в литературном стандарте и в общенациональном фонде просторечия и других идиомов. Например, существование в донецкой речи дублетных заднеязычных – фрикативного [γ] и фарингального [h] (единицы) и их чередование в слабой позиции с [х] (процесс) является регионально маркированным языковым явлением, поскольку: а) в литературном языке нормативным (за исключением некоторых ситуаций предписываемого употребления фрикативного) признаётся заднеязычный взрывной [г], чередующийся с [к], б) в просторечии фонема <г> не имеет

единого варианта звучания в сильной позиции (она может быть представлена в разных регионах в сильной позиции как звуком [г], так и звуками [γ] и [h]), что подтверждает невозможность трактовки какого-либо из её воплощений как элемента общенационального просторечного фонда.

Наиболее очевидно проявление регионально маркированных черт на лексическом уровне, однако и все остальные языковые уровни также несут в себе региональные признаки: «Развитие языка в его социальной обусловленности в первую очередь проявляется на самом подвижном уровне языковой системы – лексическом. Именно на основе наблюдений за лексикой языка делают выводы о произошедших в языке изменениях. Гораздо более консервативны другие языковые уровни, но и они реагируют на движение жизни, предоставляя варианты, актуальные для разных коммуникативных сфер и ситуаций, и, как следствие, своей совокупностью определяя состав форм существования национального языка и дифференцируя эти формы» [Оглезнева 2013, с. 27]. В донецком региолекте, например, обнаруживаются регионально маркированные фонетические черты (упомянутое выше наличие фрикативного [γ] и фарингального [h], ослабленная редукция при безударном аканье), грамматические черты (конструкции типа *смеялся **с него**, я **за него** тебе говорил*) и т.д.

Минимальной единицей региолектной стратификации является **региолектный идиом (региональный вариант идиома) национального языка**, представленный в том или ином населённом пункте, то есть, например, региолектное просторечие Донецка, региолектный сленг (например, шахтёрский) Макеевки и т.д. На этом уровне решается вопрос о носителе: нет носителя региолекта, но есть носитель региолектного просторечия, региолектного жаргона и т.д. При этом базовым региолектным идиомом мы все-таки считаем региональное просторечие, поскольку языковые навыки носителей всех остальных идиомов формируются именно на его основе.

Базовой единицей региолектной стратификации является **региолектный говор**, представляющий собой объединение региолектных идиомов, функционирующих в пределах одного населённого пункта. Например, донецкий региолектный говор включает просторечие города Донецка, донецкие сленги и жаргоны, донецкие языковые черты в устно-разговорном варианте литературного языка, Основной формой региолектного говора является **городское койне**, то есть региолектный говор города. Но региолектный говор может обнаруживаться и в сельских населённых пунктах, в первую очередь – в посёлках городского типа. В последнем случае мы говорим о **сельском региолектном говоре**.

Региолект мы определяем как новую единицу территориального членения языка, объединяющую общими регионально маркированными языковыми чертами региолектные говоры расположенных рядом и обычно административно объединённых населённых пунктов. Например, донецкий региолект объединяет региолектные говоры Донецка, Макеевки, Горловки, Краматорска, Славянска и т.д., а также региолектные говоры ряда посёлков и сёл Донетчины.

Следует указать на необходимость специализации и использующегося параллельно с термином «региолект» термина «**региональный язык**». М.А. Бородина отмечает: «Насколько интуитивно ясен термин «диалект», настолько же неопределённо ставшее терминологичным словосочетание "региональный язык"» [Бородина 1982, с. 29]. Использовать его в качестве абсолютного синонима термина «региолект» нам представляется неправильным хотя бы потому, что региолекты, в силу того, что они возникают в результате действия процессов унификации народно-разговорной речи, теряют те черты, которые могли бы развиться в черты самостоятельного языка: «Региолект – это звено в системе языковых состояний, находящееся в постоянном движении в отличие от диалекта, который в течение определённого исторического периода (например, феодального) настолько устойчив, что приравнивается к понятию "язык"» [Бородина 1982, с. 29].

Вполне обоснованно предложение М.А. Бородиной считать региональным языком не отдельно взятый региолект, а систему, объединяющую все региолекты одного языка: «Все региональные говоры объединяются в понятие регионального языка» [Бородина 1982, с. 29]. В этом случае термин «региональный язык» вступает во вполне обоснованную корреляцию с терминами «литературный язык», то есть обработанная форма общенародного языка, обладающая письменно закреплёнными нормами, и «диалектный язык», который «представляет собой сложную систему диалектных микросистем и макросистем различных степеней» [Аванесов 1964, с. 10–11]. Данный термин в таком значении становится обозначением явления, которое характеризуется стремлением к унификации: различий между региолектами значительно меньше, чем различий между диалектами, и поэтому вполне возможно использование наименования «региональный язык» как термина, обозначающего целостную систему мало различающихся региональных идиомов русского национального языка.

Необходимо ещё одно уточнение, касающееся роли регионально маркированных языковых черт в структуре региолекта и регионального языка.

Региолект в наших исследованиях – это не просто совокупность языковых единиц и процессов, используемых на данной территории и отличающихся от

общенациональных единиц и процессов (регионально маркированных языковых черт). В этом случае региолектом закономерно следовало бы называть не столько языковую систему региона, сколько входящие в неё лексические, грамматические, фонетические и т.д. регионализмы. Такой подход, конечно же, возможен: он формирует представление о региональной лингвальной уникальности. Однако он не позволяет рассмотреть местную речь целостно, в совокупности всех присущих ей особенностей, как реализацию русского языка в отдельно взятом регионе. В нашем представлении региолект – это цельная языковая система, включающая в себя как регионально маркированные, так и общеязыковые элементы. Уникальность региолектов создаётся, скорее, не за счёт уникальности конкретных языковых фактов, а за счёт их **«системного калейдоскопа»**, особой регионально маркированной **организации языка**. Региональное и общее формируют единую систему, в которой общее во многом определяется региональным.

Е.А. Оглезнева говорит о трёх источниках формирования региолектов: «1) городская речь, в том числе литературная, как в центральных, так и в провинциальных городах испытывает влияние окружающих город диалектов; 2) русский язык в разных регионах России обладает спецификой вследствие языковых контактов с представителями народов соседних государств и коренных народов; 3) русский язык в регионах отличается самобытностью вследствие своеобразной реализации словообразовательных и семантических моделей и тем самым демонстрирует богатый потенциал своей системы» [Оглезнева 2013, с. 28]. Все эти процессы формируют **диалектный региолект**, возникающий в результате урбанизации «исконного» региона путём унификационной трансформации функционировавших в нём диалектов под влиянием литературного стандарта. Так создаются региолекты «исконных», «диалектных» городов России – Ярославля, Вологды и многих других.

Мы же добавим ещё одну причину возникновения региолектов: взаимодействие на территории позднего заселения языков и наречий мигрантов. Так возникает **диффузный региолект**, минующий стадию диалектного существования. В его основе лежит стабилизационная «революционная» интегративная унификация системы миграционных идиомов. Мигранты в процессе создания нового территориального субэтнического единства осуществляют своего рода языковую селекцию: выбирают, принимают и абсолютизируют те языковые черты, которые либо является общими для большей части взаимодействующих идиомов, либо делают речь удобной, выразительной, либо присущи наиболее авторитетным представителям нового языкового сообщества, либо отражают важные для

формирующейся новой ментальности концепты. Именно к диффузным региолектам и относится донецкий региолект.

Если диалектный региолект обладает всё же высоким уровнем **уникальности компонентов**: в нем можно предположить существование на всех уровнях языковой структуры базовых уникальных черт, которые достались ему в наследство от местных говоров, то диффузный региолект не может содержать большого количества таковых, поскольку в нём, как уже было сказано, на базовом уровне отмечается смешение языков, диалектов и региолектов тех регионов, которые стали источником миграций. Следовательно, регионально маркированные языковые черты диффузного региолекта в большинстве своём обнаруживаются одновременно как в региолектных границах, так и за их пределами (в исконной зоне – в той местности, откуда, собственно, и прибыли мигранты). В связи с этим для диффузных региолектов главным характеризующим фактором является все-таки **уникальность организации системы**: собранные в нем из разных идиомов компоненты обычно сочленяются так, как никогда не сочленялись в исходных языках, диалектах и региолектах.

Конечно же, и в **диффузном** региолекте на лексическом уровне могут появляться уникальные единицы, но их появление обусловлено теми причинами, которые коррелируют с самими причинами миграции. Так, например, причиной миграции в Донбасс было развитие угольной и металлургической отраслей. Здесь создавались новые профессиональные корпорации, а в этих профессиональных корпорациях возникал новый региональный профессиональный жаргон. В силу того, что основу донбасского сообщества составляли семьи шахтёров и металлургов, профессионализмы стали активно распространяться через членов семей, в речи которых происходила дежаргонизация, депрофессионализация жаргонизмов, расширение их семантики. Таким образом, источником уникальности компонентов в промышленных диффузных региолектах является профессиональный жаргон. Именно оттуда в донецкий региолект пришли слова *тормозок*, *коногонка* (сначала «лампочка, использующаяся шахтёром в шахте», а затем – «фонарик, крепящийся на голове»), *киндейка*, *кайбаш* «сарай» и др.

Исходя из вышесказанного, мы определили следующие наиболее важные на данном этапе объекты описания:

- социально-политические причины возникновения и развития региона: источники и условия миграции в Донбасс (для определения миграционных составляющих языковой системы региолекта);
- языковая политика на территории региона;

- источники формирования системы регионально маркированных языковых черт;
- система регионлектных идиомов;
- донецкие шахтёрский и металлургический сленги как источники формирования уникальной части донецкого словаря;
- система регионлектных говоров Донбасса;
- общие особенности регионлектной языковой системы:
  - регионлектная фонетика;
  - регионлектный словарь;
  - регионлектная грамматика;
  - региональная топонимия, в том числе и урбанонимия и микротопонимия, как официальная, так и неофициальная и историческая;
- региональная языковая картина мира;
- региональный текст.

Как мы уже говорили выше, лингвистическая регионалистика только формирует инструментарий своих исследований. Однако активно ведущиеся сейчас работы по описанию белгородского, архангельского, тамбовского, дальневосточного и многих других регионлектов вселяют надежду в скорое уточнение многих понятий и положений теории лингвистической регионалистики. Как пишет Е.А. Оглезнева, «изучение регионлектов представляется весьма перспективным, требующим привлечения разнообразных методов научного лингвистического исследования. Одной из важнейших задач в изучении региональных разновидностей русского языка может стать выявление состава существующих регионлектов, их структуры, границ между ними, зон возможного взаимопроникновения и факторов, обусловливающих эти особенности. Конечным итогом такого исследования станет регионлектное картографирование, которое отразит регионлектное членение русского языка на определённом этапе своего существования» [Оглезнева, с. 68]. С этим трудно не согласиться.

Глава 2. Языковая ситуация в Донбассе: данные переписей населения

И.А. Кудрейко

Формирование донецкого диффузного региолекта связано с особой языковой ситуацией, возникшей на территории Донбасса. По определению А.Д. Швейцера, языковая ситуация – это «модель социально-коммуникативных систем и подсистем, существующих и взаимодействующих в пределах данного политико-административного объединения культурного ареала в тот или иной период, а также социальных установок, которых придерживаются в отношении этих систем и подсистем члены соответствующих языковых и речевых коллективов» [Швейцер1976, с. 31].

Следует отметить, что Донбасс на протяжении всей истории своего существования был многоязычным. Учитывая тот факт, что общество здесь удовлетворяет коммуникативные потребности посредством нескольких языков, языковую ситуацию в регионе можно охарактеризовать как полилингвальную, в которой два языка (русский и украинский) на протяжении нескольких столетий выполняли основные коммуникативные функции.

Для анализа языковой ситуации на исследуемой территории необходимо остановиться на национально-демографических, языковых процессах, которые происходили в Донецкой области СССР и Украины и нашли отражение в соответствующих архивных документах.

Нами проанализированы исторические документы, связанные с этапами заселения, с формированием национального состава Донецкой области – данные переписей 1897, 1923, 1939, 1970 и 2001 годов.

Донбасс характеризуется полиэтничностью. На его территории проживает около 130 этнических групп. Наличие в этом регионе представителей различных национальностей обусловлено особенностями заселения края, которое осуществлялось с XVII века по трём направлениям. Во-первых, сюда приезжали люди из Новороссии, во-вторых – из других регионов России, в-третьих – из украинских сёл и городов. Японский учёный Г. Куромия так писал о Донбассе: «Его шахты были убежищем для тех, кто стремился к свободе. Здесь оседал народ со всей страны и из-за её пределов, а безжалостная экономическая эксплуатация и межэтнические столкновения были частью повседневной жизни Донбасса. В этом смысле Донбасс можно сравнить с Сибирью и американским Западом. Даже в разгар сталинизма Донбасс сохранял некоторые элементы свободной степи, предоставляя убежище людям, лишённым гражданских прав, изгнанникам, беглецам, преступникам и другим» [Куромія 2002, с. 130].

Правда, начало заселения связывается отнюдь не с добычей угля. В первой половине XVII века значительные территории современного Донбасса заселялись запорожским и донским казачеством [Пирко 2003, с. 15–17]. Активнее этот процесс шёл во второй половине XVII века. Этому способствовал ряд факторов, среди которых особое значение имел военно-политический договор Украины с Россией, заключённый Б. Хмельницким в 1654 году, согласно которому Левобережная Украина и Запорожье вошли в состав Российского государства [Пирко 1992, с. 30–31]. Во второй половине XVII – начале XVIII вв. усилилась миграция населения из Слободской Украины на территорию современного Донбасса [Обиднёва 1998, с. 9]. Причиной массовых переселений было открытие нового солевого промысла в Донецких степях.

Однако «донецкие поселения» в то время были ещё малочисленны. И только обнаружение в 1721 году Н. Вепрейским и С. Чирковым на территории Бахмутской провинции месторождений каменного угля привело к активному заселению нашего края [Подов 1991, с. 11].

С 1751 г. между Северским Донцом, Бахмуткой и Луганью начали селиться сербы, молдаване и другие народы [Никольский 1992, с. 52]. В 1778 году царское правительство разрешило переселение на территорию южнорусской губернии христианского населения (греков и армян). В Приазовье прибыло 18000 греков, которые основали на побережье Азовского моря и на правом берегу Кальмиуса 24 слободы.

В конце XVIII в. в междуречье Кальмиуса и Грузского Еланчика (территория современного Новоазовского района) основали колонии прусские, баденские и саксонские немцы. Немецкая колонизация этого района, осуществлявшаяся в несколько этапов, продолжалась до конца XIX в. В 1882 году здесь проживало более 6 тыс. немцев. Во второй половине XVIII в. на Северском Донце возникли новые поселения украинских и русских крестьян, бежавших от крепостников. К концу XVIII в. на территории нынешнего Донбасса насчитывалось более 200 тыс. человек, представлявших около 40 этнических групп.

Во второй половине XIX в. в связи с индустриализацией Донбасса усиливается приток в край русского населения. Из русских в подавляющем большинстве и формировалась индустриальная база края. Это и определило ту ситуацию, когда города Донбасса в основном были русскоязычными, в то время как село оставалось чаще всего украиноязычным [Пирко 1998, с. 13–14]. При этом отношения между украинцами и шахтёрами были не самыми простыми. Вот как описывает их В. Вересаев: «Вообще вражда между шахтёрами и местными хохлами крайне жестокая. Шахтёры при каждом удобном случае колотят хохлов, хохлы – шахтёров. Это два враждующих лагеря, которые не знают между собой перемирия» (В. Вересаев. Невенчанная губерния).

Первая всеобщая перепись Российской Империи 1897 г. дала возможность определить национальный состав населения на территории Екатеринославской губернии. Состав населения по народности (национальности) в переписи определялся только на основе данных о родном языке (наречии). Екатеринославская губерния по этому показателю выделялась среди других губерний Европейской России. По переписи зарегистрировано 45 различных отдельных наречий. Иначе говоря, в губернии жили представители 45 различных народностей. По национальности и родному языку население Бахмутского и Мариупольского уездов делилось на следующие группы: малороссы – 310716 чел., великороссы – 239393 чел., греки – 48432 чел., немцы – 21750 чел., евреи – 19748 чел., татары – 15818 чел., молдаване (румыны) – 6466 чел., турки – 5337 чел., белорусы – 3165 чел., поляки – 2528 чел., французы – 497 чел., армяне – 341 чел., англичане – 325 чел., чехи и словенцы – 151 чел., литовцы – 131 чел., итальянцы – 76 чел., болгары – 70 чел., латыши – 65 чел., осетины – 61 чел., сербы – 48 чел., эстонцы – 34 чел., финны – 19 чел., персы – 14 чел., шведы – 14 чел., грузины (картвельские) – 11чел., жмуды – 11 чел., норвежцы – 5 чел., голландцы – 5 чел., черкесы – 4 чел., башкиры – 2 чел., мещеряки – 1 чел.

Из полученных данных видно, что самыми многочисленными на территории Бахмутского и Мариупольского уездов были малороссы – 52,97% и великороссы – 40,81%. Однако следует учитывать, что представители других этнических групп использовали в межэтническом общении именно русский язык.

Впервые Донбасс был выделен в отдельную административную единицу 1 февраля 1919 в составе двух уездов Екатеринославской губернии: Бахмутского и Славяносербского. В 20-е – 30-е годы XX века Донбасс стал местом крупнейшей в Украине миграции за все времена. Войны, разрушение и голод в начале 20-х годов негативно отразились на количественном составе многонационального населения Донбасса. По окончании Гражданской войны советское правительство первоочередной задачей считало пополнение рабочей силы заводов и шахт Донбасса. С провозглашением курса на индустриализацию эта задача приобрела ещё большее значение. Основной состав прибывавшего населения, как и в прежние времена, представляли русские. Наибольшая часть переселенцев была из Приуралья, центральных районов России, Сибири, Брянской, Курской и других областей. Правда, отмечается и отток населения: в этот период с территории Донецкой области эмигрируют немцы, евреи и представители других национальностей. Голод 1932 – 1933 гг. в Донбассе привёл к значительным потерям населения как сельского, так и городского, однако трудно определить цифры погибших, поскольку в этот период в регион на заработки постоянно прибывали новые переселенцы. В 20-е – 30-е годы XX

века Донбасс и, в частности, Сталинская область пополнились значительным людским ресурсом, отмеченным принадлежностью к разным национальностям.

В 20-е годы XX века на территории УССР активно проводилась политика украинизации: Совнарком УССР 27 июля 1923 издал декрет «О мерах по украинизации учебно-воспитательных и культурно-образовательных учреждений», а 1 августа этого же года ВУЦИК и Совнарком УССР опубликовали постановление «О мерах обеспечения равноправия языков и содействия развитию украинского языка». Оба эти документа подтверждали равноправие языков представителей всех национальностей, проживающих на территории УССР, и создавали каждому гражданину любой национальности равные возможности и права в его отношениях с государственными органами [Даниленко 1992, с. 82]. Однако на самом деле в Донбассе в это время проводилась насильственная украинизация.

В. Корнилов так пишет об этом времени: «В 1921 году в Донецкой губернии насчитывалось аж 5 украинских школ (при 2250 русских). К началу 1923 г. их число возросло до семи. А вот с этого времени началась тотальная украинизация образования! Наркомпрос УССР издал приказ с начала 1923–24 учебного года украинизировать в течение трёх лет 680 школ в губернии! При этом, как это было принято в годы первых пятилеток, все надо было «выполнять и перевыполнять». Поэтому уже к 1 апреля 1924 года при начальном плане 106 украинских школ таковых в Донбассе было открыто 156! Понятно, что большей частью – за счёт закрытия русских школ. К концу 1924–25 учебного года было украинизировано уже 648 школ губернии (при плане – 636). Только за первый учебный год украинизации (1923–24 гг.) число учеников украинских школ в Донецкой губернии выросло на 866%, за 1924–25 г. – ещё на 415%. Такие резкие темпы украинизации образования, само собой, сопровождались серьёзными проблемами. Главная из них – тот факт, что сами учителя Донбасса мовой не владели. Скорострельные курсы по украинизации, которые обязали пройти всех учителей, лишь в общих чертах давали представление о правилах мовы, которые практически ещё и не были кодифицированы. <…> Учительница из Славянска Н. Тарасова в своём письме от 1928 г. так рисовала ситуацию в Донбассе: «В школах идёт двойная трата времени в связи с украинизацией – учитель сначала проводит беседу с учениками по-украински, а потом по-русски, чтобы дети лучше поняли». К пику украинизации ситуация в образовании Донбасса стала просто-таки катастрофической. На 1 декабря 1932 г. из 2239 школ Донбасса 1760 (78,6%) были украинскими, а ещё 207 (9,3%) – украинско-русскими. Русскоязычное образование в крае было фактически разгромлено и запрещено» [Корнилов].

В связи с этим перепись 1923 года вызывает некоторые сомнения относительно объективности представления в ней национального состава (национальность определялась по родному языку респондентов) различных слоёв населения в районах Донбасса. По её данным на территории Донецкой области проживало 2518010 чел., среди них: украинцев – 1609713 чел. (63,9%), русских – 655962 чел. (26 %), немцев – 56834 чел. (2,3 %), греков – 86615 чел. (3,4 %), болгар – 867 чел. (0,03%), поляков – 6622 чел. (0,3 %), татар – 5347 чел. (0,2 %), евреев – 42727 чел. (1,7%), других национальностей – 16032 чел. (0,6%), неизвестных – 37303 чел. (1,5%).

Значительное увеличение количества украинцев обусловлено, скорее всего, помимо объективных миграционных процессов, – переселения на территорию Донбасса большого числа украинцев из центральных и западных областей УССР, реакцией части населения на политику украинизации, проводившуюся в эти годы. Многие респонденты, повинуясь новым веяниям, попросту вписывали в рубрику «родной язык» украинский. Следующая перепись (1939 года) показывает, что данные 1923 искусственны: процентное соотношение русских и украинцев в нём вернулось к соотношению, представленному в переписи 1897 года, и сохранялось вплоть до последних переписей.

В Сталинской области, по данным материалов 1939 года, общее количество населения составляло 3099810 чел. Родным языком считали: украинский – 1545487 чел. (49,9% жителей области), русский – 1412577 чел. (45,6%), греческий – 52681 чел. (1,7%), немецкий – 36081 чел. (1,2%), еврейский – 15995 чел. (0,5%), татарский – 11431 чел. (0,4%), белорусский – 8973 чел. (0,3%), молдавский – 3805 чел. (0,1%), армянский – 2157 чел. (0,06%), болгарский – 1579 чел. (0,05%), польский – 1241 чел. (0,04%).

За годы послевоенного восстановления численность населения превысила уровень 1939 г. и приблизилась к уровню 1941 г. В последующий период наблюдается постоянный рост населения области.

Согласно переписи 1970 г. общее количество городского и сельского населения Донецкой области составило 4891979 чел. Распределение населения по показателю «родной язык» представлено в таблице 1, где в 1-ом столбце дано количество представителей определённой национальности, во 2-ом, 3-ем и 4-ом столбцах показано количество человек в абсолютном и процентном измерении, которые считают родным свой национальный язык или язык иной национальности: русский, украинский или др.

Таблица 1.

Состав населения Донецкой области согласно переписи 1970 года по показателю употребления родного языка

Национальность	Родной нац. язык	Родной укр. язык	Родной рус. язык	Родной др. язык
Украинцы (2.596.894)	1.831.910 (70,54%)	—	764.795 (29,45%)	189 (0,007%)
Русские (1.987.218)	1.973.061 (99,2%)	14.000 (0,7%)	—	157 (0,007%)
Греки (93.937)	5.396 (5,74 %)	1.876 (1,99%)	86.371 (91,94%)	294 (0,01%)
Белорусы (77.836)	24.999 (32,11%)	1.502 (1,92%)	51.307 (65,91%)	10 (0,01%)
Евреи (39.988)	1.997 (4,99%)	245 (0,61%)	37.707 (94,29%)	39 (0,09%)
Татары (26.716)	16.079 (60,18%)	154 (0,54%)	10.468 (39,18%)	15 (0,05%)
Молдаване (11.760)	4.322 (36,75%)	875 (7,4%)	6.548 (55,68%)	15 (0,01%)
Поляки (8.574)	853 (9,94%)	1.653 (19,27%)	5.944 (69,32%)	124 (1,44%)
Болгары (7.708)	1.597 (20,71%)	309 (4%)	5.797 (75,20%)	5 (0,06%)
Армяне (6.029)	2.137 (35,44%)	44 (0,72%)	3.827 (63,47%)	21 (0,34%)

Эти данные показывают, что наибольшее количество представителей разных этнических групп отдают предпочтение русскому языку как родному, а именно: греки, белорусы, евреи, молдаване, поляки, болгары, армяне (в этот список не попали украинцы, татары, потому что больше 50% представителей этих национальностей родным считают свой национальный язык: 70,54% украинцев, 60,18% татар). Следует отметить, что 2945825 человек, а это 60,21% от общего количества населения Донецкой области родным считают русский язык.

В период до 1989 года народонаселение области постоянно росло. Данные переписи 2001 года дают возможность выяснить количественно-процентное соотношение представителей различных национальностей, проживающих на территории Донецкой области. Так, на 5 декабря 2001 года наибольшее количество жителей Донбасса назвали себя украинцами, их численность составила 2744,1 тыс. человек, или 56,9% от общего числа опрошенных. Второе место по численности занимали русские: их количество к моменту переписи

населения 2001 года составляло 1844,4 тыс. человек, или 38,2%. Третье место принадлежало грекам, их насчитывалось 77,5 тыс. человек, или 1,6%.

Таблица 2.

Языковой состав населения Донецкой области по данным Всеукраинской переписи населения 2001 года (% от общего количества населения Донецкой области)

Национальность	Родной нац. язык	Родной укр. язык	Родной рус. язык	Родной др. язык
Украинцы	41,2	-	58,7	0,1
Русские	98,6	1,3	-	0,1
Греки	5,4	3,2	91,3	0,1
Белорусы	10,4	3,9	85,5	0,2
Татары	24,3	1,6	73,9	0,2
Армяне	38,6	1,4	59,5	0,5
Евреи	1,5	2,4	95,9	0,2
Азербайджанцы	42,2	1,8	53,7	2,3
Грузины	26,0	2,5	71,1	0,4
Молдаване	15,2	7,1	77,1	0,6
Болгары	7,1	5,8	86,8	0,3
Немцы	4,8	6,5	88,6	0,1
Поляки	4,1	19,3	75,7	0,9
Цыгане	44,9	13,0	40,3	1,8
Другие	23,9	3.9	69,9	2,3

Как видим, ситуация в Донбассе складывается таким образом, что русский язык в течение многих лет заселения нашего края был и остаётся главным средством общения. Анализ языковой ситуации показывает, что большинство жителей городов исследуемой территории являются русскоговорящими, жители сел в повседневном общении часто используют украинский язык. Индустриализация Донбасса является основной причиной активного роста городского населения, уменьшения количества сельских жителей, а следовательно – формирования доминирующего русскоязычия. Коммуникативная мощность русского языка больше, так как значительное количество говорящих удовлетворяло свои коммуникативные потребности в различных сферах деятельности именно по-русски. Кроме того, языком обучения в большинстве учебных заведений всех уровней аккредитации был русский язык [Кудрейко 2013, с. 75].

Конечно же, демографическая мощность русского и украинского языков различна: по-русски говорило большинство населения региона. Однако на

развитие русского языка в нашем регионе сильное влияние оказал украинский язык: достаточно большое количество донецких региолектных черт имеют украинское происхождение, что и будет показано в третьей главе.

Не остались в стороне и другие языковые стихии: Донбасс – это территория активных процессов взаимодействия и взаимопроникновения языков и народов, и именно эти процессы и привели к возникновению нового состояния русского языка в наших землях. Он впитывал черты других наречий, которые и сформировали современный диффузный донецкий региолект.

Глава 3. Языковые черты донецкого региолекта

3.1. Фонетическая система донецкого региолекта

И.А. Кудрейко

Фонетические особенности региолектной речи вместе с особым региональным словарём считаются главными признаками региолекта. Звучание речи, особенности произношения отдельных звуков, ритмика и интонационная оформленность речи обычно и являются первыми и самыми очевидными показателями регионального статуса говорящего в процессе общения.

Мы различаем системные и ситуативные фонетические черты региолекта. Системные характеризуют региолект в целом (или почти в целом, в силу того, что отличительной чертой региолекта является различная представленность тех или иных языковых черт у разных носителей регионально маркированной речи). Ситуативные языковые черты касаются особенностей произношения отдельных слов.

Системные фонетические особенности

Вокализм

Ударный вокализм

Замена в речи ряда носителей региолекта под влиянием украинского языка ударного [и] на [ы], например *мыска, брытый*: *ты шо не брытый*?

Безударный вокализм

1) сильное аканье в безударной позиции после твёрдых согласных: как во всех предударных, так и в заударных позициях [о] и [а] совпадают в звуке, близком к ударному [а] (редукция до [ъ] отмечается крайне редко и является маркёром «чужой» речи): [*в**а**дá, н**а**гá, к**а**шыл’óк, п**а**ч’итáл**а**, кры́шк**а***] и т.п., например: [*в**а**ды́ н’ибýд’ит двá д’н’á как’и́ит**а** римóнтныи р**а**бóты пр**а**вóд’ат*] (записано от Петренко Натальи 1980 г.р., Донецк);

2) иканье, при котором в безударной позиции после мягких согласных фонема <е> представлена звуком [и]: *в’**и**лá, р’**и**кá, л’**и**снóй, ч’итá**и**т*, и т. д.;

3) яканье, при котором фонема <а> в безударных слогах после мягкого согласного часто произносится как [а]: *п’**а**тáк, м’**а**снóй*, например: [*с’**и**вóд’н’**а** вм’**а**снóм кур’éй куп’и́ла*] (записано от Ивановой Анны 1960 г.р., Донецк).

Консонантизм

1) наличие фрикативного заднеязычного [γ] или фарингального [h][1] у большинства говорящих и его чередование с [х] в конце слова и перед глухим согласным: *на**γ**á – но**х**, п’ира**h**’и́ – п’ирó**х***, например: [*патарáпл’ивайс’а скóра*

---

[1] Звуки [γ] и [h] не имеют чётко разграниченных зон употребления: их различие не является системно обусловленным. Поэтому для упрощения мы в данном тексте используем для обозначения всех фрикативных разновидностей фонемы <г> знак [γ].

үóс'т'и пр'ййду́т / аунáс н'ич'иво́ н'иүато́ва] (записано от Бейко Игоря 1962 г.р., Горловка); взрывной [**г**], переходящий в конце слова в [**к**]: *нага – но**к**, п'ираг'и – п'иро**к**,* зафиксирован у небольшого числа респондентов, например: [*фч'ира разгавáр'ивала скумо́й паскáйпу*] (записано от Канюк Ирины 1971 г.р., Ясиноватая);

2) согласный [в] в конце слова сохраняется как губно-зубной с оглушением его в звук [ф], но у ряда респондентов отмечается билабиальный [ў], что обусловлено влиянием украинского языка*: дамо́**ф**, здаро́**ф***, но П'итро́ў, камаро́**ў**, например: [*камаро́**ў** **ў**этáм үаду́ какн'икаүдá // т'мá…*] (записано от Тимчишиной Татьяны 1960 г.р., Макеевка);

3) произнесение [ч'] в сочетании [ч'н] в тех словах, в которых в литературном языке звучит [шн]: *сердечный, достаточно, скучно, скворечник*, например: [***ш**о́та вүруд'и́ пабáл'иваит, нáда с'ирд'é**ч'н**ыи кáпл'и куп'и́т'*] (записано от Ивашины Тамары 1945 г.р., Макеевка)*;*

4) депалатализация губных в абсолютном конце слова: *кро**ф**/кро**ў**, л'убо́**ф**/л'убо́**ў**,* например: [*л'убо**ў** пр'ихо́д'ит ыухо́д'ит, аку́шат' хо́ч'ица фс'иүда*] записано от Иванова Владимира 1971 г.р., Макеевка), [*ун'иво́ кро**ў** пат'иклá*] (записано от Завгородней Екатерины 1958 г.р., Донецк);

5) у ряда информантов отмечается произношение долгого [ж':]: *дро́ж':и, во́ж':и,* например: [*éсл'и дро́**ж'**:и харо́шыи, то́т'éста бы́стра падайд'о́т*] (записано от Бондаревой Нины 1954 г.р., Докучаевск).

Фонетические черты региолекта формируются за счёт базисных релевантных черт тех языков, диалектов, на основе которых он возник. Донецкая фонетика возникла в результате взаимодействия двух стихий: южнорусского наречия и украинского языка. В донецком региолекте ярко выражены такие черты южнорусских говоров:

- неразличение гласных неверхнего подъёма во всех безударных позициях как после твёрдых, так и после мягких согласных;

- наличие фрикативного [γ], переходящего в [х] в конце слова и перед глухим согласным.

Наиболее явно выраженными украинскими фонетическими чертами донецкой речи является наличие у большого количества информантов фарингального [h], появление у ряда носителей билабиального [ў], депалатализация [ў] и [ф] в конце слова.

Ситуативные фонетические черты обнаруживаются только в отдельных словах. Здесь речь идёт о фонетических регионализмах. Можно отметить следующие внесистемные, то есть не обусловленные унификационным воздействием системы, ситуативные явления:

1) изменение места ударения в слове, например: *а́рбуз* [*ско́л’ка э́тат а́рбуз зат’а́н’ит*] (записано на рынке г. Донецка), *закупо́рить* [*ну́жна сто́ка фс’иво́ закупо́р’ит’ на́з’иму*] (записано от Ольги Гречихиной 1968 г.р., Донецк);

2) диэретические процессы – процессы выпадения звуков:

а. афереза и апокопа – опущение звуков в начале и конце слова, например: *ля* (из *гля< глянь*): [*л’а / шо́ ана́ γавар’и́т*] (записано на рынке г. Донецка);

б. синкопа – выпадение звуков в середине слова, например *болер* (синкопа й) «бойлер»: *Продам дом в Донецке. Пластиковые окна, паровое отопление, туалет и ванна в доме, есть* ***болер*** (https://dom.ria.com › Продажа › Дома › Дом › Донецкая область › Донецк);

3) эпентетические процессы – процессы вставки звуков:

а. протеза – вставка звука в начале слова, например: *апаловник* (из *половник*): [*йа пр’икуп’и́ла с’иб’е́ апало́вн’ик*] (Виктория Захарова 1956 г.р., Донецк);

б. эпентеза – вставка звука в середине слова, например: *ягодница* (= *ягодица*): *Дженифер Лопес застраховала свои ягодницы на $300 млн* (https://professionali.ru/Soobschestva/rozhdyonnye_v_sssr/malchiki-rasskaz-iz-donetska/);

4) фонемная замена:

1) диссимилятивной природы, например: *выбражуля* (расподобление [*а*] – [*а*] в [*ы*] – [*а*] с предварительным стяжением [оо] > [а]): *В поисках дома великолепная* ***выбражуля*** *Мотя. Мы подобрали Мотю, когда ее переехала машина* (https://peepcity.ru/doneck/post/58438642), *битон* «бидон» (замена [д] на [т] под влиянием звонкого [б] и сонанта [н]); *бичмула* (из *мачмала*) (замена [м] на [б] под влиянием второго сонорного [м]);

2) ассимилятивной природы, например: *ризетка* (замена <о> на <и> или <е> под влиянием ударного [е]): *Установка и замена замков, личинок, замена* ***ризеток****, включателей* (https://www.olx.ua › Все объявления › Дом и сад › Строительство / ремонт / Донецк), *камфорка* (замена <н> на <м> под влиянием губного [ф]): *Продам горелки, крышки на* ***камфорки*** (https://www.olx.ua/donetsk/q-газова-горелка/).

3.2. Словообразовательная система донецкого региолекта

А.И. Бровец, В.И. Теркулов

Описание диффузного региолекта, который, с одной стороны, испытал сильное унифицирующее влияние литературного языка, а с другой – образован в результате взаимодействия диалектов переселенцев, представляется актуальным с точки зрения особенностей его словообразовательной системы.

Мы уже обращали внимание (см., например, [Теркулов 2008]) на то, что традиционная типология способов словообразования, предложенная ещё В.В. Виноградовым и включающая морфологический, лексико-семантический, морфолого-синтаксический и лексико-синтаксический способы, не лишена целого ряда недостатков, наиболее существенным из которых является то, что понятие «средство словообразования», ставшее основой для классифицирования, в ней чётко не определено и поэтому довольно размыто: в первом случае в качестве средства выступает субстанция – материально выраженный аффикс, во втором и четвёртом – процесс – изменение значения слова или компрессия словосочетания, в третьем – результат – переход слова из одной части речи в другую. В этой ситуации вполне возможно отнесение одного и того же явления к разным словообразовательным способам. Например, появление у слова ***человек*** «homo sapiens» во фразе *Тут к тебе **человек** пришёл* значения «некто» с точки зрения процесса должно быть отнесено к лексико-семантическому способу словообразования (перенос наименования), а с точки зрения результата – к морфолого-синтаксическому (переход: существительное – местоимение).

Опыт работы со словообразовательной системой донецкого регионлекта показывает необходимость разграничения трёх типов способов деривации по тому, каким образом осуществляется процесс создания новых номинативных единиц: морфологической деривации, семантической деривации и универбализации.

1. **Морфологическая деривация** осуществляется тогда, «когда доминантой процесса является конструирование новых номинативных единиц на базе существующих номинатем с помощью словообразовательных формантов» [Теркулов 2008, с. 160], например: *бодяга* «жидкая смесь» > *бодяжить* «разводить водой».

При морфологической деривации в донецком регионлекте действуют три типа мотивационных отношений между производящим и производным: мутационные, модификационные и транспозиционные.

Первый тип мотивационных отношений: мотивация **мутационного** типа, при которой производные слова «называют субстанцию, признак, действие, полностью отличные от того, что названо мотивирующим словом (*чай – чайник*, *белый – белеть*, *жир – жирный*)» [Улуханов 2008, с. 149]. Например, мутационные отношения связывают глагол *выбивать* с существительным *выбивалка* «предмет домашнего обихода, предназначенный для выбивания от пыли ковров».

Нами отмечаются следующие модели мутационного словопроизводства в донецком регионлекте.

1. Суффиксальные производные:

а. Модель «Глагол + [*ка*] > Существительное» (словообразовательное значение: «средство, обеспечивающее осуществление действия, обозначенного производящим словом»), например: *насыпать* > *насыпка, перегородить* > *перегородка*.

б. Модель «Глагол + [*ка*] > Существительное» (словообразовательное значение: «тот, кто осуществляет действия, обозначенные производящим словом»), например: *быковать* > *бычка* «агрессивный человек».

в. Модель «Глагол + [*ка*] > Существительное» (словообразовательное значение: «приспособление, при помощи которого осуществляется действие, обозначенное производящим словом»). В данной модели отмечается использование вариантных формантов [*лка*], например: *выбивать* > *выбивалка*; [*чка*], например: *открывать* > *открывачка* и под.

г. Модель «Глагол + [*ушка*] > Существительное» (словообразовательное значение: «объект, возникающий в результате действия, обозначенного производящим словом»), например: *болтать* «мешать» > *болтушка* «яичница».

д. Модель «Глагол + [*унья*] > Существительное» (словообразовательное значение: «объект, возникающий в результате действия, обозначенного производящим словом»), например: *болтать* «мешать» > *болтунья* «яичница».

е. Модель «Глагол + [*уха*] > Существительное» (словообразовательное значение: «лицо, осуществляющее действие, обозначенное производящим словом»), например: *говорить* > *говоруха* «болтливый человек».

ж. Модель «Глагол + [*чик*], [*ик*] > Существительное» (словообразовательное значение: «объект, осуществляющий действие, обозначенное производящим словом»), например: *дырчать* > *дырчик*. В данной модели отмечается использование вариантного форманта [*вчик*]: *дуть* > *дувчик,*

з. Модель «Глагол + [*кий*] > Прилагательное» (словообразовательное значение: «признак по действию»), например: *варить* > *варкий*.

и. Модель «Глагол + [*стый*] > Прилагательное» (словообразовательное значение: «признак по действию»), например: *якшаться* > *якшастый*.

к. Модель «Существительное (субстантивированное прилагательное) + [*отня*], [*ота*] > Существительное» (словообразовательные значения: «объединение тех, кто назван производящим словом» и «объединение того, что названо производящим словом»), например: *мелкий* > *мелкотня, свинья* > *свинота*.

л. Модель «Наречие + [*тка*] > Существительное» (словообразовательное значение: «действие, осуществляемое в направлении, обозначенном производящим словом»), например: *туда* > *тудатка*, *обратно* > *обратка*.

2. Безаффиксное производное.

а. Модель «Глагол + парадигма существительного > Существительное» (словообразовательное значение: «нечто, являющееся средством осуществления действия, обозначенного глаголом»), например: *матюкаться* > *матюк*.

б. Модель «Глагол + парадигма существительного > Существительное» (словообразовательное значение: «лицо, осуществляющее действие, обозначенное производящим словом»), например: *бокопорить* > *бокопор, шкандыбать* > *шкандыба*.

в. Модель «Существительное + (тематический суффикс) + парадигма глагола > Глагол» (словообразовательное значение «создавать то, что обозначено производящим словом»), например *бодяга* > *бодяжить*; *кучка* > *кучковаться*.

г. Модель «Существительное + (тематический суффикс) + парадигма глагола > Глагол» (словообразовательное значение «делать что-л. при помощи того, что обозначено производящим словом»), например *жак* > *жаковать*, *масло* > *мастить*.

д. Модель «Существительное + (тематический суффикс) + парадигма глагола > Глагол» (словообразовательное значение «производить действия, характерные для того, кто обозначен производящим словом»), например *куховар* > *куховарить*.

е. Модель «Существительное + (тематический суффикс) + парадигма глагола > Глагол» (словообразовательное (метафорическое) значение «использовать то, что обозначено производящим словом»), например *жила* > *жилиться*.

Иногда между производящим и производным отмечаются отношения метафорической мотивации, при которой производящее слово получает образное значение, не предполагаемое значением производящего слова: *бормотать* > *бормотуха* «дешёвое вино».

3. Конфиксальные производные.

а. Модель «Существительное + [за- … -еть] > Глагол» (словообразовательное значение: «стать подобным тому, что обозначено производящим словом»), например: *дуб* > *задубеть* «замерзнуть».

б. Модель «Существительное + [по- … -jему] > Наречие» (словообразовательное значение: «осуществлять нечто так, как осуществляет его тот, кто обозначен производящим словом»), например: *заяц* > *по-заячьему, волк* > *по-волчьему.*

Второй тип мотивационных отношений: мотивация **модификационного** типа, при которой семантика производного слова «включает в себя помимо

значения мотивирующего слова дополнительный модифицирующий признак» [Косова 2013, с. 143], например: *холодец* > *холодчик* (модификатор – суффикс с уменьшительным значением).

1. Основным типом модификации в региолекте является деминутивная модификация, например: *балда* > *балдичка, бубки* > *бубочки, глудка* > *глудочка, говоруха* > *говорушка* и под.

2. В большом количестве глаголов модификационное значение способа глагольного действия реализуется при помощи видового префикса, например: *сгинать, перегинать, загинать* и т.д. Продуктивными модификационными префиксами для глаголов в донецком региолекте являются:

а. ***вы-*** *купаться* > *выкупаться* «помыться»;

б. ***за-*** *бульбенить* > *забульбенить* «выпить», *винтить* > *завинтить* (кран) «закрутить» и др.;

в. ***из-*** *купаться* > *искупаться* «помыться»;

г. ***на-*** *колотить* > *наколотить* «размешать», *кутузиться* > *накутузиться* «намучаться» и др.;

д. ***об-*** *духопериться* > *обдухопериться* «излишне надушиться», *корнать* > *обкорнать* «коротко постричь» и др.;

е. ***под*(*о*)-** *рихтовать* > *подрихтовать* «исправить, подравнять», *тютюрить* > *подтютюрить* «подшутить», *есть* > *подъесть* «немного поесть» и др.;

ж. ***по-*** *мастить* > *помастить* «помазать маслом», *сахарить* > *посахарить* «добавить сахар, посыпать сахаром» и др.;

з. ***при-*** *мостить* > *примостить* «прикрепить, приделать что-то куда-либо или к чему-то», *трусить* > *притрусить* «присы́пать» и др.;

и. ***про-*** *втыкать* > *провтыкать* «не заметить что-либо, пропустить, оставить без должного внимания», *орать* > *проорать* «обсмеять», *тря́хнуть* > *протряхнуть* «проветриться, досохнуть» и др.;

к. ***раз- /рас-*** *дербанить* > *раздербанить, раздеребанить* «растаскать, разворовать, разобрать», *бодяжить* > *разбодяжить* «развести водой».

3. В некоторых случаях модификационное значение способа глагольного действия получают суффиксальные производные: «глагол + [ну] > глагол», например: *бухать* «пить (о спиртном)» > *бухнуть* «выпить».

4. Модификационное значение способа глагольного действия могут иметь и конфиксальные производные: «глагол + [*за-* … *-ся*] > глагол», например: *есть* > *заесться* «неаккуратно поесть»; «глагол + [*обо-* … *-ся*] > глагол» (словообразовательное значение: «произвести ответное действие»), например: *звать* > *обозваться* «откликнуться».

5. Модификационным является образование феминитивов, например *лодырь, лодарь* > *лодырька, лодарька*, *почтарь* > *почтарька*;

6. Образование слов со значением повышенной интенсивности проявления также относится к модификационному словообразованию, например: *ветер* > *ветруган*, *ветрюган.*

7. Модификационным является использование суффикса -*чик* в именах собственных: *Вовчик, Ирчик, Аллунчик, Ленчик* и т.п.

Третий тип мотивационных отношений – **транспозиция**, при которой производное слово «совпадает с производящим по значению, отличаясь от него лишь отнесенностью к другой части речи» [Филиппова 2009, с. 110]

При образовании существительных на базе глаголов транспозиция реализует в них словообразовательное значение «процесс, реализующий действие, обозначенное производящим словом»,

1. Модель «Глагол + [*ка*] > Существительное», например: *готовить* > *готовка* «процесс приготовления пищи», *закатывать* > *закатка* «процесс закатывания крышек на банках при консервации» и т.д.

2. Модель «Глагол + [*ня*] > Существительное», например: *метушиться* > *метушня* «суета».

3. Модель «Глагол + [*ёж*] > Существительное», например: *гудеть* > *гудёж*;

4. Модель «Глагол + парадигма существительного > Существительное», например: *гужбанить* > *гужбан*.

5. Модель «Глагол + [(*от*)*ня*] > Существительное», например: *ругаться* > *руготня, ругня.*

6. Модель «Глагол + парадигма существительного > Существительное», например: *бахкать* > *бахи «*отдалённые звуки артиллерийского или миномётного обстрела».

Отмечается также транспозиционная модель образования глаголов на базе звукоподражаний «Звукоподражание + парадигма глагола > Глагол (словообразовательное значение: «процесс, сопровождающийся звуками, обозначенными производящим словом»), например *бах*! > *бахкать* «стрелять в отдалении». Сюда же, вероятно, следует отнести образование слов *бухыкать, кыхыкать* и под.

Следует отметить смежные с морфологической деривацией процессы, отмечаемые в донецком региолекте:

1) добавление избыточных аффиксов, не несущих никакого словообразовательного значения, например: *поймать* > *впоймать, беспокойство* > *беспокойствие, внутрь* > *вовнутрь, обувь* > *обувачка, этот* > *отэтот*; в ряде случаев такое добавление используется как средство

иронической оценки явления, например *бурса* «профессионально-техническое училище» > *бурситет* (по аналогии с *университет*);

2) замена аффиксов, например: *дохнуть* > *выдохнуть, выздохнуть* «поумирать», *рубать* > *вырубливать;*

3) замена русских производных украинскими, например: *баба* > *бабский* (вм. *бабий*)*, гусь* > *гуска* (вм. *гусыня*)*, болеть* > *болячка* (вм. *болезнь*)*, биться* > *забиться* (вм. *разбиться*)*;*

4) русско-украинская интерферентная контаминация, например, образование слова *задарма* путём сложения русского наречия *задаром* и украинского *дарма*.

2. **Семантическая деривация** формируется на основе лексикализации, когда новые номинативные единицы образуются в результате семантических сдвигов, замены актуализированных сем слова семами, являющимися онтологическими конструктами концепта, связанного с обозначенным глоссой референтом, например: *брехунчик* «маленькая рюмка» > *брехунчик* «стограммовая бутылка водки».

Вопрос о разграничении омонимов и значений многозначного слова является, вероятно, одним из «вечных» для языкознания.

В.В. Виноградов понимает под полисемией «синхронную или последовательную совместимость разных значений в смысловой структур одного и того же слова» [Виноградов 1986, с. 135], в то время как омонимы такой совместимости не имеют. Иначе говоря, разграничение омонимов и значений многозначного слова осуществляется на основе выявления «пересекающихся сем». Предполагается, что основой для объединения разных значений, связанных с одной материальной оболочкой, в единую языковую номинативную сущность являются «актуальные деривационные связи значений лексемы» [Кацнельсон 1965, с. 60], которые понимаются как «отношения семантической производности, связывающие между собой разные значения одного слова на уровне синхронной полисемии, и отношения между значениями слова в разные моменты его истории» [Зализняк 2001, с. 14]. Например, набор значений слова *вылезать* составляет единую семантическую структуру и является основой его тождества, поскольку связь между этими значениями типична, регулярна и неуникальна: отношение значений «выходить откуда-то» – «выходить из транспорта на своей остановке» основано на типичном, регулярном и неуникальном таксономическом переносе “род – вид” (ср.: *выходить* «откуда-то» – *выходить* «на своей остановке»).

Нами обнаружены следующие типы переносов, формирующих эпидигматику регионализмов (полисемию).

Метафорический перенос (перенос по сходству): *шпынять* «1) толкать; 2) попрекать»; *бодяга* «1) жидкая смесь: нечто неудобоваримое и гадкое; 2) чушь, обман».

Метонимический перенос (перенос по смежности): *болячка* «1) ранка, язва; 2) болезнь»; *брасматик* «1) тюбик туши для ресниц; 2) сама тушь».

Сужение значения: *распушить* «1) взбить; 2) «распустить волосы» (общая сема «придать чему-либо объем»); *вылазить* «1) вылезать; 2) выходить на своей остановке».

Расширение значения: *бичмала* «1) *шахт*. полужидкая горная масса; 2) всякая грязная вязкая жидкость (из *мачмала*)»; *глуда* «1) *шахт*. большой пласт угля; 2) большая куча чего-либо».

Семантическая деривация «осуществляется путём включения слова в иной лексический разряд» [Марков 2001, с. 121]. В этом случае речевая актуализация сем трансформируется в их языковую абсолютизацию, при которой утрачивается промежуточное звено – та сема, которая ранее была совместителем исходного и производного значений. Например, для того чтобы на основе слова *бутылёк* «маленькая банка» возникло слово *бутылёк* «шахтерские посиделки», необходимо, чтобы семантическое развитие слова прошло следующий путь: (1) «маленькая банка»; (2) «маленькая банка со спиртным» (денотация с актуализацией семы «наполнение»); (3) «банка со спиртным, которая берётся шахтёрами на посиделки» (денотация с актуализацией семы «назначение» / момент распада); (4) «посиделки» (абсолютизация метонимического переноса: утрата связывающей семы «банка со спиртным» / полный распад). В результате семанитической деривации возникают омонимы. Нами отмечены: омонимы-существительные *балда* «глупый человек» – *балда* «полупудовая (8 кг) кувалда», *мелкотня* «маленькие дети» – *мелкотня* «мелкие фрукты» – *мелкотня* мелкая рыба; омонимы-глаголы *мутить* «встречаться» и *мутить* «подавать идею», *разводить* «смешивать что-либо с водой, делать растворимый кофе» и *разводить* «обманывать», *тарабанить* «стучать по чему-нибудь» и *тарабанить* «тащить, передвигать что-то тяжёлое и громоздкое».

3. **Универбализация** отмечается в тех случаях, когда происходит трансформация словосочетания в слово без изменения значения. Обнаружены следующие типы универбализации:

а. универбация: *бестолковый человек > бестолковка, гладильная доска > гладилка, ветровое стекло > ветровик, головная боль > головняк* и под.;

б. субстантивация: малая (дочка, сестра) > малая «младшая дочь или сестра; маленькая девочка; ласковое обозначение любимой девушки»;

в. композиция, например: *пороть бока* > *бокопорить, гудит гай* > *гайгуй* «вечеринка»; *метать пургу* > *пургомёт*.

3.3. Лексическая система донецкого региолекта

В.С.Коробова-Латынцева, К.А.Куприянова, В.И.Теркулов

3.3.1. Понятие о регионализмах

Наиболее явно региолект проявляется на лексическом уровне – в системе регионально ограниченной в употреблении лексики. И.Н. Савченкова, анализируя определения термина «региональная лексика», представленные в работах специалистов по регионоведению, составляет перечень признаков указанной словарной группы: 1) функционирование входящих в неё лексем на определённой территории, 2) устная форма бытования; 3) использование этих единиц носителями литературного языка; 4) фиксация толковыми словарями некоторых единиц такого рода с пометами «обл.», «местн.», «прост.», «разг.» [Савченкова 2011, с. 173]. У нас вызывает сомнения только третий пункт данного перечня. Нам не совсем понятно, почему использование слова носителем литературного языка так значимо. Регионализмы, по нашим наблюдениям, активнее употребляются не в литературном языке, а в просторечии, и поэтому не могут определяться через, скажем так, «чуждую» для них среду.

Региональные лексемы, то есть «территориально ограниченные в своём распространении, но широкоупотребительные для данного конкретного региона слова» [Кошарная 2017, с. 22], «слова, функционирующие на определённой территории, не зафиксированные в толковых словарях литературного языка или получающие в них пометы обл., местн., прост., разг.», которые «являются частью региональной культуры» [Кадоло 2011, с. 22], называют «локализмами» (Т.И. Ерофеева), «регионимами» (С.А. Кошарная) и т.д. (см. обзор работ в [Резвухина 2015]). Мы будем использовать для их обозначения достаточно распространённый термин «регионализмы» (И.С. Зварыкина), хотя бы потому, что он создан по модели общепринятого термина «диалектизм» и указывает на отношения преемственности между диалектом и региолектом [Зварыкина 2013, с. 30].

Термин «регионализм», как и многие другие региолектные термины, ещё не получил чёткой дефиниции. Определение термина, как известно, наиболее эффективно на основе его противопоставления терминам, обозначающим смежные понятия.

Для термина «регионализм» таким смежным понятием является понятие «диалектизм». При этом диалектизмы определяются как «характерные для

территориальных диалектов языковые особенности» [ЛЭС 1990]. Термин же регионализм связывается обычно с региональными вариантами языка. М.А. Чернышева, например, под лексическим регионализмом понимает лексическую единицу регионального варианта языка, форма или значение которой не свойственны литературному языку и не зафиксированы в словарях. Данные единицы характеризуются употреблением на территории более или менее крупного региона [Чернышова 2010].

В этом случае, правда, несколько неясным остаётся значение термина «региональный вариант языка», поскольку и диалект, в принципе, может считаться таковым.

Более точна в понимании регионализмов Т.Ю. Загрязкина: «Если цитаделью народных говоров была деревня, то центрами распространения регионализмов стали города» [Загрязкина 1995, с. 23]. В словаре лингвистических терминов Т.В. Жеребило даётся определение регионализма, уже связанное с понятием «региолект»: регионализм – это «1) Местное слово или выражение, бытующее на определённой территории, употребляемое носителями региолекта; 2) Лексическая единица, заимствованная из другого языка, но используемая только на определённой территории – в региолектах, бытующих в зоне контактирования языков» [Жеребило 2016, с. 300].

Развёрнутое определение регионализмов даёт Е.А. Торохова: регионализмы – «это отдельные лексические единицы местной разговорной речи. Региональный тип лексем характерен для отдельного региона, локальные лексемы – это слова, которые фиксируются только в речи коренных жителей того или иного города, области, республики или живут особой жизнью на той или иной территории» [Торохова 2005, с. 11–12].

Диалектизмы и регионализмы являются разными видами территориально ограниченной лексики. Есть необходимость в термине, который бы объединил данные явления. Нам представляется возможным использование для этих целей термина «локализм». Т.И. Ерофеева, например, употребляет его для обозначения новой языковой единицы, которая отражает взаимодействие литературного языка и диалекта. Локализмы, по мнению учёного, фиксируются на всех языковых уровнях. Они не считаются кодифицированными единицами и являются локальными элементами либо исключительно в речи жителей определённого региона, либо в речи данного региона вместе с некоторыми другими областями [Ерофеева 1974, с. 5]. Как видим, данный термин используется для обозначения любой территориально ограниченной в употреблении единицы. Эту идею поддерживает И.Е. Гальченко, которая, анализируя региолектную лексику, использует для её обозначения термины «локализм» и «регионализм» как родовидовые наименования. В понимании

И.Е. Гальченко термин «локализм» является гиперонимом по отношению к термину «регионализм» [Гальченко 1980, с. 9–11]. Локализм, следовательно, это обобщённое понятие, объединяющее два вида территориально ограниченной лексики – диалектизмы и регионализмы.

Отметим, кстати, что понятие «регионализм» шире понятия «диалектизм», потому что к числу регионализмов относятся не только диалектные языковые единицы, но и единицы просторечия, а также могут относиться профессионализмы и жаргонизмы [Зварыкина 2013, с. 35].

Возникает вопрос о методике выделения регионализмов. Очень часто при обсуждении той или иной единицы на различных форумах и конференциях как специалистами, так и не специалистами появление слова в нескольких региональных вариантах языка определяется как свидетельство утраты этим словом статуса регионализма. Например, определение слов *тормозок* и *тремпель* при описании донецкого региолекта как регионализмов вызвало такое возражение: «Что же касается особенных «донецких» терминов, то его основатели будут «приятно» удивлены, когда узнают, что «тремпель» — это белгородское слово для вешалки-плечиков, а «тормозком» с удовольствием пользуются шахтёры даже в далёкой Караганде, – поясняет российский лингвист Светлана Крутакова» [Залевская 2018]. Можно ли считать тот факт, что слово используется в разных региолектах, свидетельством того, что оно не является регионализмом?

М.А. Бородина, определяя территорию распространения регионализмов, выделяет узкие и широкие регионализмы. Узкие регионализмы – это те слова, которые представлены только в определённом регионе, широкие – имеют более обширный ареал распространения. При этом автор отмечает, что для России с её многонациональным составом и поликультурностью не характерны узкие регионализмы: одна языковая единица практически всегда представлена в различных регионах [Бородина 1982, с. 35]. Здесь вполне очевидно указывается на то, что использование того или иного слова только в одном месте не является обязательным условием для определения регионализма.

Этот тезис поддерживается и другими учёными. Например, по мнению И.С. Зварыкиной, главным фактором при квалификации регионализма не должен выступать фактор территориальной ограниченности. Важно лишь то, насколько характерна та или иная реалия для данного региона, насколько активно жители региона используют этот регионализм, насколько они воспринимают ту или иную единицу как «свою», свойственную своему региону. Иначе говоря, регионализм должен быть частью региональной культуры [Зварыкина 2013, с. 34].

Главным условием для выделения регионализмов, следовательно, является то, что таковыми могут считаться только «языковые единицы, имеющие пространственно-ограниченную сферу функционирования» [Климкова 1994, с. 53], независимо от того, каково количество регионов, в которых они употребляются. Региолекты возникают в результате стирания диалектных различий, на фоне миграционного перенесения языковых фактов из одного региона в другой, влияния литературного языка и т.д., и это мотивирует возможность употребления одного и того же слова не в одном, а в нескольких региолектах, но не на всей территории распространения русского языка. Особенно это значимо для диффузных региолектов, к которым относится и донецкая речь. Как пишет В.И. Теркулов: «Для донецкой речи характерно преобладание именно широких регионализмов, поскольку <…> наш лексикон формировался путём взаимопроникновения лексических систем мигрантов. Здесь региональность создаётся не наличием специфических лексем, а особым многоисточниковым словарём» [Теркулов 2018, с. 406].

В связи с этим главным критерием, который может быть использован при определении той или иной единицы как регионализма, является критерий территориальной ограниченности употребления. С этой точки зрения вопрос о том, являются ли слова *тормозок* и *тремпель* а) регионализмами и б) словами донецкого региолекта, должен быть решён положительно. Эти слова не относятся к общенародным, а связаны только с определёнными территориями: *тремпель* употребляется не только в Харькове, откуда оно, собственно, и распространилось, но и в Белгороде, Донецке, Луганске, Сумах, Полтаве, зато практически неизвестно в других регионах, а *тормозок* – в Донецке и Луганске и спорадически в Кузбассе, а также в шахтёрских населённых пунктах Казахстана и Белоруссии. Они выступают в качестве компонентов лексиконов указанных региональных вариантов русского языка и поэтому считаются нами регионализмами.

Сохранение регионализмов в речи жителей определённых территорий обусловлено тем, что они имеют большую лингвокультурную значимость. И.С. Зварыкина, анализируя природу регионализмов, говорит о том, что они не просто функционируют на определённой территории, не просто используются местными жителями, но и называют важные для региона понятия (природные, социальные, бытовые, культурные). Именно поэтому данные языковые единицы являются частью региональной культуры [Зварыкина 2013, с. 32]. Таким образом, изучение регионализмов позволяет лучше понять культуру региона, проанализировать влияние на неё других языков и культур: «Сбор, описание и анализ подобной лексики дают возможность исследовать русский язык в аспекте регионального существования» [Кадоло 2011, с. 31].

Культурологическая значимость регионализмов подкрепляется тем, что мы можем их встретить в местной печати и на телевидении, в произведениях местных авторов [Зварыкина 2013, с. 34]. Регионализмы имеют статус культурных маркеров, служащих для выражения региональной идентичности. Т.И. Ерофеева при этом акцентирует внимание на том, что местные слова и выражения в большинстве случаев используются горожанами в речи неосознанно, ведь регионализмы являются частью их идиолексикона с детства. Но бывают случаи, когда жители включают локализмы в свой лексикон специально как стилистически «заряженные», броские [Ерофеева 1974, с. 20].

Регионализмы с точки зрения их соотношения со словами литературного языка подразделяются на следующие группы:

1) фонетические регионализмы, отличающиеся от литературных слов звучанием, например: *ризетка* «розетка», *аполонник, ополоник* «половник», *болер* «бойлер», *друшляк* «дуршлаг», *протвень* «противень», *комбинзон* «комбинезон», *камфорка* «конфорка»; или местом ударения, например: *а́рбуз, ра̀кушка, це́почка, тефте́ли санти́метров, кило́метров;* разновидностью фонетических регионализмов являются усечения: *спики* «спички», *зажига* «зажигалка», *филара* «филармония», *конса* «консерватория», *магаз* «магазин», *мотик/моцик* «мотоцикл», *фломик* «фломастер», *фотик* «фотоаппарат»;

2) лексические регионализмы, являющиеся абсолютными синонимами литературных лексем, например: *вавка* «ранка», *брасматик* «тушь», *гендэ́лык* «рюмочная», *мастерка* «куртка от спортивного костюма с застёжкой», *толчёнка* «картофельное пюре», *кайбаш* «склад», *лоток* «пластиковый контейнер для тормозка», *болтушка, болтунья* «омлет, яичница», *жменя* «горсть» и под.;

3) семантические регионализмы, отличающиеся от литературных лексем значением, например: *проходчик* «бомж», *разбить* «разменять деньги», *сходить* «выходить из общественного транспорта», *зарядить* «пополнить счет» и под.;

4) словообразовательные регионализмы, отличающиеся от литературных слов словообразовательной структурой, например: *досточка* «дощечка», *кортоны* «корточки», *обувачка* «обувь»;

5) грамматические регионализмы, отражающие изменения в целой словоизменительной парадигме: *ездию – езжу, едь – поезжай, поискаю – поищу*, *тикёт* (от инф. *течь*), *пикёт* (от инф. *печь*), *антресоля* «антресоль».

Мы уже писали в разделе «Понятие "региолект"», что региолект нестабилен: его черты по-разному проявляются в речи жителей региона в зависимости от их возраста и социального статуса. При наличии общеупотребительных регионализмов типа *закрутки*, *протряхнуть*, *буцать*,

маечка «пакет» и под. в речи дончан обнаруживаются и слова, которые практически вышли из употребления: они известны только представителям старшего поколения. Это такие, например, лексемы, как *глейковатый, выгудзёливать, глудка* и под. Мы все-таки рассматривали их в словнике региолекта, осознавая, конечно, что они являются для него скорее архаизмами: эти лексемы – маркёры исторической памяти нашей речи.

3.3.2. Тематические группы регионализмов

На данном этапе анализа осуществляется тематическая классификация регионализмов. В целом такая классификация отражает общеязыковые модели описания тематических групп. Как известно, первичным параметром при их определении является констатация отнесенности включаемых в них единиц к одной части речи. Далее «части речи делятся на лексико-семантические группы, которые, в свою очередь, можно разделить на лексико-семантические подгруппы» [Кузьмина 2001, с. 136]. Таким образом, структуру тематической группы можно представить в виде последовательности шагов классификации «часть речи – лексико-семантическая группа – разновидность лексико-семантической группы».

Если говорить о частеречной характеристике, то здесь уместно привести мнение М. Докулила, с точки зрения которого «обобщённое отражение действительности в сознании сначала определённым образом обрабатывается, расчленяется и упорядочивается в соответствии со способами наименования данного языка. Это внутреннее формирование понятия по отношению к его выражению в данном языке происходит при помощи так называемых ономасиологических категорий, т.е. основных понятийных категорий, образующих в данном языке основу называния и обладающих своим категориальным выражением» [Dokulil 1962, с. 196]. Развивая данный тезис, Е.С. Кубрякова указывает на предельный уровень ономасиологического членения, предлагая соотносить ономасиологические категории с частями речи, ориентированными на разное обозначение по-разному воспринимаемых объектов действительности [Кубрякова 1978, с. 25]. Имя существительное при этом соотносится с ономасиологической категорией «предметность», имя прилагательное – «признаковость» или «атрибутивность», глагол – «процессуальность» [Кубрякова 1978, с. 45–48]. Таким образом, первым уровнем объединения слов в тематическую группу является уровень тождественного общекатегориального значения в пределах номинативных значений рассматриваемых единиц, поскольку любой процесс номинации на первой стадии своей реализации относит обозначаемое явление к тому или

иному классу референтов, определяя тем самым его наиболее общие (грамматические) признаки.

На втором этапе построения классификации ономасиологических классов определяются **лексико-семантические группы**. Под лексико-семантической группой понимается «объединение слов, организованных на основе единого понятия, сходства функций, соположения, отражающее, прежде всего, естественное онтологическое расчленение реальной действительности, связь слов с конкретными предметами и их свойствами» [Клименко 1990, с. 90–91].

Базовым семантическим конструктом семантики слов, по которому осуществляется их распределение по лексико-семантическим группам и внутренняя структурация последних по подгруппам, является архисема, которая и относит слово к предельному классу наименований.

1. Имя существительное

Самая многочисленная группа регионализмов – имена существительные. Нами обнаружены следующие лексико-семантические группы существительных:

1) наименования людей и животных (субъектов);
2) наименования объектов;
3) наименования абстрактных понятий.

Наименования людей и животных (субъектов).

К данной группе относятся слова, обозначающие живые существа.

Названия по профессии и роду деятельности: *индус* «перевозчик на частном автомобиле», *крот* «шахтёр; болельщик футбольного клуба «Шахтёр»; игрок этого клуба», *проходчик* «бомж».

Аксиологические названия: *кулёма* «недотёпа», *шалапендра* «непутёвая девица».

Названия по физическим данным: *мелочь* «маленькие дети», *шибздик* «низкорослый человек», *шкандыба (шкандыбатый)* «хромой человек», *шпендик* «человек маленького роста».

Термины родства и межличностных отношений: *зёма* «земляк», *малой, малая* «младший брат или младшая сестра; младший ребёнок в семье», *родич* «родственник», *подружайка* «подруга».

Возрастные наименования: *пацики (паца), ребя, малой, малая* «ребёнок».

Названия объединений людей: *упряжка* «рабочая смена», *мелкотня* «дети».

Названия животных и насекомых: *кабысдох* «худая, запаршивевшая собака или кошка», *кутёнок, кутятёнок, кутька «*щенок», *чушка, чунька* «свинья», *бэцик* «мелкое назойливое насекомое».

Наименования объектов

Сюда относятся названия артефактов и естественных объектов.

Названия географических объектов и их частей: *ставок* «пруд», *террикон* «искусственная насыпь из пустых пород, извлечённых при подземной разработке месторождений угля», *посадка* «городская лесополоса, самопосадной лес», *кварта́л* «часть города».

Названия предметов быта и их частей: *быльце* «боковушка у кровати», *выбивалка, хлопалка* «приспособление для выбивания ковров», *целлофан* «полиэтиленовый пакет», *лутка* «дверной косяк», *майка (маечка)* «пакет», *мочалка* «губка», *мусорка* «урна или место для свалки», *наволка* «наволочка», *печка* «плита».

Названия приспособлений: *коногонка* «шахтёрский фонарь; фонарик, надеваемый на голову», *переноска* «электрический удлинитель», *понедельник* «тяжёлая кувалда», *балдичка* «кувалда весом в четверть пуда (4 кг.)».

Названия канцелярских принадлежностей: *ампулка, паста* «стержень шариковой ручки», *пачка бумаги* «упаковка бумаги», *тёрка* «ластик», *чинка* «точилка для карандашей», *штрих* «корректор».

Названия продуктов питания и блюд: *бубочки* «очищенные семечки», *кирпичик* «хлеб квадратной формы», *жарёха* «жареная картошка», *таранка* «сушёная рыба», *холодчик* «холодец», *шавуха* «шаурма», *юшка* «бульон».

Названия растений: *а́рбуз* «арбуз», *гарбуз* «тыква», *буряк* «свёкла», *дичка* «не привитое фруктовое дерево», *синенькие* «баклажаны».

Названия частей тела: *гуля* «волосы, собранные в пучок», *патлы* «космы».

Навания частей объектов: *корябуха* «горбушка хлеба».

Названия жидкостей: *бодяга* «нечто неудобоваримое и гадкое», *бормотуха* «дешёвое вино», *кисляк* «простокваша».

Названия емкостей: *чекунец* (*чекушка*) «бутылка водки маленького объёма», *шалабан* «стакан водки», *бадья* «ведро», *баклажка* «пластиковая бутылка для напитков», *бутыль* «большая банка», *заварник* «заварочный чайник», *ковшик* «небольшая миска с длинной ручкой», *лоток, судочек* «пластиковый контейнер для хранения еды», *мыска/миска* «тазик» и др.

Названия видов одежды: *водолазка* «тонкий свитер под горло», *мастерка* «куртка от спортивного костюма с застёжкой на молнии», *спортивки* «штаны от спортивного костюма», *пайта* «близкое к *мастерке*, тёплая демисезонная кофта без застёжки», и т.д. Обувь – это и *обувачка* (*переобувачка, сменка* – сменная обувь), и *педали*, *подкрадухи* и проч.

Названия учреждений и строений: *бурса, бурситет* «ПТУ», *гендэлык* «рюмочная», *кайбаш* «подсобка», *киндейка* «маленькая комната, служебное помещение», *киоск* «ларёк», *змейка* «длинный многоподъездный дом»,

ожидалка «зал ожидания», *халабуда* «самодельное укрытие, сделанное детьми из подручных средств, шалаш» и др.

Названия транспортных средств, их частей и разновидностей: *тралик, клава, падик* «троллейбус», *лайба* «велосипед», *марка* «номер маршрута муниципального транспорта, чаще применяется для трамвая и троллейбуса», *мотик (моцик)* «мотоцикл».

Названия природных объектов и явлений: *жужалка, жужелка* «печной угольный шлак», *мачмала* «грязь, неоднородная жидкая субстанция неизвестного происхождения», *муляка* «мутная, грязная вода, ил», *ветруган* «сильный ветер».

Названия документов: *табулька* «индивидуальная зарплатная ведомость», *талончик* «билет на проезд в общественном транспорте».

Наименования абстрактных понятий

Названия процессов по действию: *готовка* «процесс приготовления пищи», *закупорка, купорка* «консервирование, консервация», *мордобойка* «драка» и др.

Названия мероприятий: *вылазка* «пикник, поход, поездка в рамках активного отдыха», *ладки* «игра в салочки», *бутылёк* «как правило, шахтёрские посиделки с крепкими напитками».

Названия искусственных или естественных процессов и явлений: *бахи* «отдалённые звуки артиллерийского или миномётного обстрела», *минусы* «обстрел с нашей стороны».

Названия эмоциональных состояний и действий: *беспокойствие* «беспокойство», *головняк* «неприятные заботы».

Аксиологические наименования: *порожняк* (происходит от названия порожней вагонетки) «ненужное, лишнее дело или разговор», *бутор* «нечто отвратительное, несъедобное, иногда вообще что-то плохое», *матюк* «бранное слово», *смитьё* «мусор, помои», *халамбалам* «околесица».

Параметральные наименования: *вага* «вес», *глудка* «ком чего-либо».

К регионализмам следует отнести и часто встречающиеся коллокативные обороты субстантивного типа: *базарное масло* «домашнее масло (сливочное или растительное)», *белые семечки* «тыквенные семечки», *сахар кубиками* «рафинад», *майский жук* «бронзовка» и проч.

2. Глагол

Глаголы физического действия или воздействия: *буцать* «пинать», *ввинтить, вкрутить* (кран или лампочку, чтобы он стал/перестал работать, перекрыть), *складировать* «собирать в кучу вещи, нагромождать, водружать».

Глаголы физического состояния: *кондзюбнуть* «мерзнуть», *ослабнуть* «ослабеть», *отлыгать* «прийти в себя».

Глаголы движения: *гепнуться* «упасть», *гоцать* «прыгать», *телёпаться* или *телёпать* «идти медленно».

Глаголы социальных действий: *панькаться* «церемониться», вваливать «наказывать», *войти* «вселиться в новую квартиру», *кучковаться* «собираться в группу».

Аксиологические глаголы: *вошкаться* «медлить, долго собираться, возиться», *выгудзёливать* «делать что-то тщательно», *жилиться* «напрягаться».

Глаголы изменения состояния: *выхолаживаться* «остужаться (о еде)», *обветриться* «высохнуть (о хлебе)», *выдохнуть (выздохнуть)* «поумирать», *задубеть* «замерзнуть».

Глаголы эмоционального действия и состояния: *колотиться* «волноваться», *кумарить* «раздражать, надоедать», *пылить* «приходить в сильное раздражение, выражая недовольство, гнев», *типать* «волноваться».

Глаголы звучания: *бахкать* «взрываться (о звуках обстрелов»), *гупать* «громко стучать», *сёрбать* «шумно есть, пить».

Глаголы речи и интеллектуальных действий: *отэтывается* «отнекивается», *мороковать* «обдумывать», *матюкаться* «сквернословить».

Глаголы оценки ситуации: *настачиться* «напастись».

Состояние погоды или природы: *цебенячить* «лить (о дожде)».

Некоторые глаголы наращивают смыслы и становятся многозначными: *накидывать* 1) надевать одежду сверху чего-либо, 2) добавлять цену на что-либо 3) обманывать, преувеличивать, фантазировать; *бахкать* 1) бить, биться обо что-то; 2) стрелять в отдалении; *распушить* 1) взбить, 2) распустить волосы, *шпынять* 1) толкать, 2) попрекать.

Некоторые глаголы-регионализмы имеют синтаксически связанное значение: (*наколотить* (кофе), *навести* (чай), *расколотить* (сахар), *разбить* (деньги), *включить* (воду), *насыпать* (борщ, суп), *бросить* (деньги на счёт), *ввинтить* (кран).

3. Имя прилагательное

Для прилагательных отмечаются следующие лексико-семантические группы.

Физические качества человека: *буцматый* «крепыш, подтянутый»; *прогонистый*, *шклявый* «тощий».

Качества, выражающие характеристику внешности человека: *моднячий* «модный».

Эмоциональные состояния человека: *заклопотанный* «занятой», *радый* «радостный, довольный».

Черты характера: *балахманный* «непутёвый», *недотепанный* «рассеянный, невнимательный», *прибабаханный* «непутёвый, ненормальный», *чаморошный* «зачуханный, невзрачный».

Посессивные наименования: *бабский* «бабий».

Параметральные наименования: *высокосный* «високосный».

Свойства и состояния предметов: *пожамканный* (*пожмаканный*) «мятый»; *порэпаный* «потрескавшийся, шершавый», *растрощенный* «разбитый, раздробленный», *глейковатый* «непропечённый».

4. Наречия и слова категории состояния

В донецком региолекте наречия, слова категории состояния, а также наречные обороты относятся к следующим тематическим группам (разрядам):

способ действия: *кабанчиком, по-шустрику «*быстро», *пешкариусом «*пешком», *на глазах* «открыто, на виду», *под расчёт* «без сдачи, точно», *вотрусь* «плотно», *втихаря* «тайно, втихомолку», *задарма* «даром», *тихо* «медленно»;

время: *напостой «*на всё время, навсегда», *на потом* «на более позднее время»;

место: *тудою, сюдою, досюда* «сюда», *кругом* «вокруг», *напрямки* «прямо», *по нэтрям, чигирями* «по закоулкам»;

качество: *видно* «светло», *без балды* «по правде сказать, не шутя»;

количество: *густо* «много», *пара* «несколько».

5. Местоимения

Регионализмами являются местоимения, относящиеся к следующим разрядам:

вопросительные: *шо* «что, почему», *где* «куда», *чего* «почему», *нашо* «зачем»;

указательные: *отэтот, отэтотот* «этот»;

отрицательные: *нишо* «ничего».

6. Служебные части речи и междометия

Междометия: *гля (ля)* в значении удивления, *тю* в значении удивления, *махандра* «айда».

Частицы: *не, нема, та, хай*.

Предлоги и их особое использование в синтаксически связанных конструкциях: *до (ехать до бабушки), за (говорить/договориться за* в значении «о чем-то, о ком-то», *скучать за), по* (в значении касательно, по поводу) *договориться по расчётам, по конференции всё объяснил; по ходу* в значении «по всей видимости», «по идее»*; на – собраться на природу, поехать на клуб, гулять на районе/на хате* и т.п. (см. подробнее п. 3.4.2.).

3.3.3. Системные отношения в лексике

1. Отношения синонимии

В принципе, практически все регионализмы вступают в отношения синонимии со словами из общенационального фонда. Например, слово *вавка* синонимично литературному *ранка*, а слово *бадья* – слову *ведро*. Исследование отношения «региональное – нерегиональное» ещё ждёт своего осуществления. На данном же этапе нами рассматриваются только отношения между регионализмами, которые показывают, как формируется локальная лексическая парадигматика.

Синонимами, вслед за Л. Нелюбиным, мы называем «слова, разные по звучанию, относящиеся к одной части речи. Они имеют одно или несколько сходных значений, которые, выражая одно понятие, могут отличаться дополнительными оттенками значения, эмоциональной и стилистической окраской, употреблением и сочетаемостью с другими словами в свободных и устойчивых словосочетаниях» [Нелюбин 2001, с. 150].

В донецкой речи отмечаются абсолютные синонимы, имеющие тождественное значение, например: *закрутки – закатки* «консервация», семантические синонимы, различающиеся оттенками значения, например: *кулёк* «полиэтиленовый пакет» – *майка* (*маечка*) «полиэтиленовый пакет с ручками», *обувачка* «обувь» – *переобувка* «сменная обувь», стилистические синонимы, различающиеся обычно оценочным значением, например: *маршрутка – сарай – лоховоз* «маршрутный автобус; автобус», где второе и третье слова явно имеют пейоративное значение.

Интересным представляется рассмотрение синонимов в связи с тематическими группами, в которых они представлены.

В лексико-семантической группе «Названия канцелярских приспособлений»: *ампулка – паста*.

В лексико-семантической группе «Названия жидкостей»: *бормотуха – шмурдяк* «дешёвое вино».

В лексико-семантической группе «Названия видов одежды»: *обувачка – педали – переобувка* (данные слова обозначают обувь, *переобувка* включает в себя дополнительную сему – «сменная»), *пайта – мастерка* (общее значение для данной синонимической пары – «кофта с молнией»; *мастерка* имеет дополнительное значение «кофта от спортивного костюма»).

В лексико-семантической группе «Названия строений и учреждений»: *бурса – бурситет «ПТУ»* – однокорневые синонимы, *кайбаш – каптерка– киндейка* «подсобка».

В лексико-семантической группе «Название людей: *шибздик – шпендик* «человек маленького роста», *кулёма – бестолковка* «глупый человек, недотёпа».

Лексико-семантическая группа «Названия посуды» включает синонимические пары: *лоток – судочек* «контейнер для тормозка», *ковшик – чумычка* «небольшая кастрюля с ручкой»; *протвень – лист* «противень».

В лексико-семантической группе «Названия бытовых объектов»: *горелка – камфорка* «конфорка»; *кулёк* (*кулёчек*) *– майка, маечка* «полиэтиленовый кулёк», *выбивалка – хлопалка* «приспособление для выбивания ковров».

В лексико-семантической группе «Названия продуктов питания»: *закатки – закрутки* «консервированные запасы на зиму», *буханка – кирпичик* «хлеб». Для синонимического ряда *«семки – бубочки – семари»* общая сема – «семечки», *бубочки* включает в свою семантическую структуру ещё и дифференциальную сему «очищенные».

В лексико-семантической группе «Названия транспортных средств»: *гармошка – клава* «троллейбус», но *гармошка* имеет дополнительное значение «двойной», *сарай – лоховоз* «муниципальный автобус», *падик – тралик* «троллейбус».

В лексико-семантической группе «Пространственные обозначения»: *хомыри – чигири* «окольные, обходные пути».

В лексико-семантической группе «Названия животных»: *кутятёнок – кутёнок – кутька – шерсть* «щенок».

Лексико-семантическая группа «Названия процессов»: *махач – мордобойка* «драка».

Для глаголов можно выделить следующие синонимические ряды: *выдохнуть – выздохнуть* «поумирать», *вылазить – вставать* «выходить из общественного транспорта», *бухнуться – гепнуться* «упасть», *бахнуть – жахнуть – забульбенить – оховячить* «выпить спиртной напиток», *мудохаться – муздыкаться* «возиться с чем-либо, решать трудную задачу», *навести – наколотить* «сделать чай или кофе», *примостить – пристроить* «определить куда-либо», *облокотить – притулить* «наклонить», *телёпаться – телёпать – шкандыбать* «медленно идти», *типать – колотиться* «бояться, волноваться», *шморгать – шмурыгать* «шмыгать (носом)».

У прилагательных выделяется синонимический ряд *балахманная – прибабаханная* «непутёвая, ненормальная».

У наречий выделяется синонимический ряд *кабанчиком – пошустрику* «быстро».

2. Отношения антонимии

Антонимия в региолекте представлена хуже, чем синонимия, т.к. в антонимические отношения вступают лишь слова, соотносительные по какому-либо признаку – качественному, количественному, временному, пространственному и обозначающие референты, принадлежащие к одной и той же категории объективной действительности, как взаимоисключающие явления. Такие отношения достаточно редки в региональной лексике, но они также отмечаются. Мы обнаружили следующие антонимические пары: *обозваться – морозиться* (откликнуться – не отвечать); *плюс – минус* (запуск снаряда – попадание снаряда); *подрихтовать – ухайдокать* (исправить – испортить); *тудатка* «поездка на Украину» – *обратка* «возвращение с Украины» и под.

3.3.4. Типы регионализмов по происхождению

Вопрос о происхождении донецких регионализмов требует глубокого исследования. В некоторых случаях мы можем однозначно определить идиомы, из которых слова поступают в нашу речь (нет никаких проблем, например, с украинизмами), в некоторых идиом-донор определить достаточно сложно. Например, слова *глудка* и *глудочка* «комок» (например, *каша с глудочками, уголь глудками*), которые встречаются в речи старшего поколения, могут быть связаны с украинским *грудка* и *грудочка* «комок». Кстати, в идиолектах некоторых дончан они именно так и звучат. Однако в словаре русских народных говоров приводятся диалектные слова *глудка* и *глудочка* в том же значении, отмечаемые в Воронежской, Ростовской, Курской областях, Краснодарском крае, что позволяет предположить в качестве источника для донецких регионализмов всё-таки русские диалекты.

Т. Ерофеева выделяет следующие пути возникновения регионализмов: они могут восходить к диалектным единицам, городскому просторечию, сложиться в разговорной литературной речи горожан, могут представлять собой вариант литературного языка, который получил широкое функционирование в определённом регионе. Также регионализмом может быть слово, которое вышло из литературного употребление, но задержалось в устной речи горожан [Ерофеева 1974, с. 15].

Особая ситуация отмечается в донецком региолекте. Здесь региональность создаётся не наличием специфических лексем, а особым многоисточниковым словарём.

Достаточно большой пласт лексики в донецком региолекте представляют украинские по происхождению лексемы: *кутята* «щенки», *ставок* «пруд», *халабуда* «шалаш, сделанный детьми», *быльца* «боковушки у кровати»,

жужалка «печной шлак», *кавун* «арбуз», *радый* «радостный», *затышная* «уютная», *квиточки* «билеты», *лушпайки* «шелуха семечек подсолнуха», *нашо*, *нема*, *ховаться* «прятаться», *притулиться* «прислониться», *пошукать* «поискать», *запровадить* «внедрить, начать использовать, ввести», *впоймать* «поймать» и под.

В большом количестве встречаются слова из других регионлектов, в частности одесского, например: *лайба* «велосипед», *синенькие* «баклажаны», харьковского, например: *тремпель* «плечики», *марка* «маршрут городского транспорта», *ампулка* «стержень шариковой ручки», *пожмаканый* «помятый», *пайта* «толстовка, реглан» и под.

Достаточно много в донецком регионлекте слов, заимствованных из сленгов: *пыриться* «смотреть», *прохавать* «понять», *втыкать* «понимать» и под.

Слова, созданные в Донецке, также существуют: они в большинстве своём являются заимствованиями из профессиональной речи шахтёров: *тормозок* «шахтёрский продуктовый набор для перекуса в шахте» – «заготовленный заранее продуктовый набор для обеда на работе или учёбе», *коногонка* «шахтерский фонарь» – «фонарик, который крепится на голову», *копытные* «часть оплаты труда шахтёра: компенсация за проход от клети к месту работы» – «сдача, оставляемая как вознаграждение тому, кто сходил за покупкой», *балда* «полупудовая (8 кг.) кувалда», *балдичка* «кувалда весом в четверть пуда (4 кг.)» и пр. К данной группе следует отнести также большое количество неофициальных урбанонимов и микротопонимов.

Кроме того, в лексиконе донецкого регионлекта есть слова, которые имеют эквиваленты в диалектах русского языка. Слово *куёвдиться* «ворочаться», например, отмечается в брянских говорах, *квилиться* «капризничать» – в тверских говорах, *гармыдер* «шум, беспорядок» – в орловских и рязанских говорах.

Исследование лексического строя регионлекта доказывает, что богатство языка заключается не в количестве лексических единиц словаря, а в многообразии их значений, в способности слова к разнообразному контекстуальному воплощению – «значение есть употребление». Соответственно, эта многозначность становится мощным источником для пополнения словарного состава языка. Для того чтобы качественно обработать лексический материал регионлекта, мы должны сосредоточить внимание на особенностях функционирования слова в речи, произвести его полное семантическое описание, что, в свою очередь, стимулирует интерес к единицам большего размера – таким, как высказывание, словосочетание и предложение. Данные работы осуществляются сейчас при составлении «Словаря донецкой речи».

3.4. Грамматическая система донецкого региолекта

В.И. Теркулов

Грамматика донецкого региолекта, как и все остальные уровни его языковой структуры, формируется за счёт взаимодействия, как минимум, двух стихий: украинского языка и русского просторечия. Здесь мы перечислим наиболее значимые для нашей речи особенности морфологии и синтаксиса. Напомним, что региолект не гомогенен. У разных его носителей региональные черты в речи проявляются по-разному.

3.4.1. Особенности донецкого региолекта в области морфологии

Имя существительное.

1. Изменения родовой характеристики существительного:

а. переход существительных мужского рода в женский род (второе склонение) без использования словообразовательных аффиксов с полной сменой парадигмы: *бордюра* (вм. *бордюр*), *мандарина* (вм. *мандарин*), например: *Девушка, купите мандарину! Сладкая мандарина! Вкусная! Сочная!*;

б. переход существительных мужского рода в женский род (третье склонение) без использования словообразовательных аффиксов со сменой парадигмы в косвенных падежах, например *картофель*: *Какая-то мелкая у вас картофель*;

в. активное образование от существительных мужского рода диминутивных форм женского рода с суффиксом -*к*-: *спелая помидорка, вкусная мандаринка*, например: *Смотрите какая спелая помидорка, покупайте*;

г. переход существительных женского рода в средний без использования словообразовательных аффиксов с полной сменой парадигмы: *жарище* (вм. *жарища*).

2. Изменение типа склонения без изменения родовой характеристики:

а. переход существительных женского рода из третьего склонения во второе, например: *антресоля* (вм. *антресоль*), *каруселя* (вм. *карусель*), *церква* (вм. *церковь*): *По воскресеньям нужно в* ***церкву*** *ходить*, и под.;

б. унификация парадигмы склонения у разносклоняемых существительных на *–мя* (утрата наращения -*ен*): *нет время* (вм. *времени*);

в. переход разносклоняемого существительного *дитя* в первое склонение с полной сменой парадигмы: *дитё*, *нет дитя, вижу дитё; идёт с дитём* и т.д.;

г. переход существительного *курица* в косвенных формах множественного числа в мягкую разновидность склонения: *курей*, *курям* (вм. *кур, курам*) и т.д.

3. Широкое использование окончания -а/-я у некоторых существительных мужского рода в именительном падеже множественного числа, например: *выбора* (вм. *выборы*), *веса* (вм. *весы*), *договора* (вм. *договоры*), *месяца* (вм. *месяцы*): *Мы всё на* ***веса*** *положили*.

4. Образование собирательных форм от существительных мужского рода при помощи флексии -*а*: *фрукт – фрукта*, *абрикос – абрикоса*, например: *В этом году* ***абрикоса*** *рано поспела*.

5. Получение существительными pluralia tantum полной парадигмы числа, например *качеля* (вм. *качели*).

6. Вариативность при образовании форм родительного падежа множественного числа:

а. замена нулевого окончания окончанием -*ей*: *вафлей* (вм. *вафель*) *курей* (вм. *кур*), например: *Соседи* ***курей*** *держат*;

б. замена нулевого окончания окончанием -*ев*: *блюдцев* (вм. *блюдец*), *полотенцев* (вм. *полотенец*), например: *Накупили* ***полотенцев***;

в. замена нулевого окончания окончанием -*ов*: *баклажанов* (вм. *баклажан*), *делов* (вм. *дел*);

г. замена окончания -*ев* нулевой флексией: *болотец (*вм. *болотцев), оконец (*вм. *оконцев),* например*: У нас здесь столько* ***болотец***, *аж страшно*;

д. замена окончания -*ов* нулевой флексией: носок (вм. *носков*), *помидор* (вм. *помидоров*), например: *Дайте мне пять килограмм помидор; апельсин (апельсинов*), например: *полкило* ***апельсин;***

е. замена окончания -*ей* нулевой флексией, например: *грабель* (вм. *граблей*), *колен* (вм. *коленей*).

7. Замена окончания творительного падежа множественного числа *–ми* на флексию *ами*, например: *детями* (вм. *детьми*), *людями* (вм. *людьми*).

Глагол

1. Унификация парадигм – устранение морфонологических чередований:

а. в личных формах: замена звука [**ж**] звуком [**г**], например: *бегит*, *бегим*; звука [**ч**] звуком [**к**], например: *пекёшь*, *пекём* и т.д.;

б. в форме повелительного наклонения: замена звука [**г**] звуком [**ж**]: *бежи* (вм. *беги*), *ляжь* (вм. *ляг*).

2. Изменение форм инфинитива:

а. в форме инфинитива с финалью (суффиксом) *чь* данный суффикс, вероятно, под влиянием украинского языка, заменяется суффиксом -ти с сохранением конечного согласного основы прошедшего времени, например: *берегти* (ср. *берегу*, укр. *берегти*), *пекти* (ср. *пеку*, укр. *пекти*);

б. часто отмечается редукция инфинитивного суффикса *ти* в *ть*: *везть*, *покласть*, *месть*, *плесть*.

3. Изменение парадигмы спряжения, тематического суффикса и класса глагола:

а. изменение парадигмы, обусловленное изменением тематического суффикса; например, глагол *ездить* (4 класс, 2 спряжение) получает в формах настоящего времени наращение j (по образцу *гнить – гнијут*), которое переводит его в 1 класс, 1 спряжение: *ездијете*, *ездиют* (вм. *ездите*, *ездят* – 4 класс, 2 спряжение); Сюда же следует отнести *закатить рукава* (4 класс, 2 спряжение) вм. *закатать* (1 класс, 1 спряжение), *ослабнуть* (3 класс, 1 спряжение) вм. *ослабеть* (1 класс, 1 спряжение), *растануть* (3 класс, 1 спряжение) вм. *растаять* (1 класс, 1 спряжение) и т.д.;

б. глагол *брить* в донецкой речи в формах настоящего времени используется с основой *бро*-, например: *броюсь* (*бреюсь*), *броешься* (*бреешься*). Возможно, это связано с заменой в основе данного глагола в форме инфинитива звука [*и*] на [*ы*] (*брить* > *брыть*) и трансформацией в связи с этим основы настоящего времени по образцу глаголов *крыть* (*крою*) и *мыть* (*мою*);

в. глаголы несовершенного вида *вылезать*, *залезать*, *слезать* и под. получают корень -*лаз*- (*вылазить*, *залазить*, *слазить*) под влиянием глагола *лазать*, который в донецкой речи представлен в форме *лазить*; такая замена корня происходит с параллельным изменением тематического суффикса *а* на *и* и переходом указанных глаголов во 2 спряжение (4 класс);

г. у глагола *выздороветь* в форме 1-го лица единственного числа по образцу глаголов 2-го спряжения с основой на губной в конце основы появляется наращение -*л'*: *выздоровлю* (вм. *выздоровею*);

д. У глаголов 2 спряжения в 3 л. мн.ч. появляется окончание 1 спряжения -*ют* (зафиксировано в речи представителей старшего поколения): *ходют, видют* и т.п.

4. Унификация основ:

а. традиционно для просторечия происходит унификация основ в паре *класть* – (префикс) *ложить* либо по образцу первой основы (*вкласть*, *покластъ*, *прикласть*), либо по образцу второй (*ложить*);

б. глаголы несовершенного вида *выгибать*, *загибать*, *нагибать* и под. получают корень -*гин*- (*выгинать*, *загинать*, *нагинать*) под влиянием глаголов совершенного вида *гнуть*, *выгнуть*, *загнуть*, *нагнуть* и т.д., в которых первый звук тематического суффикса был осознан как последний согласный основы.

5. Изменение основы:

а. глагол *вынуть* представлен в формах настоящего времени с основой *вым*: *выму, вымешь, выми* и т.п., а в форме инфинитива с тематическим суффиксом *а*: *вынять*;

б. глагол *дарить* в формах настоящего времени получает корень -*дор*-: *доришь, дорит* и под.;

в. глагол *платить* в формах настоящего времени получает корень -*плот*-: *плотишь, плотит* и под.;

г. глагол *катить* в формах настоящего времени получает корень -*кот*-: *котишь, котит* и под.;

д. глагол *обезболивать* получает корень -*бал*-: *обезбаливать, обезбаливаю* и под.;

е. глагол *опорочивать* получает корень -*порач*-: *опорачивать, опорачиваю* и под.;

ж. корень -*ним*- часто выступает в виде -*ым*-: *подымать, сымать*.

6. У ряда глаголов форма повелительного наклонения образуется при помощи нулевой флексии, например: *дой* (вм. *дои*), (*не*) *крадь* (вм. *кради*), *положь, ложь* и т.д.

7. Некоторые глаголы получают избыточный постфикс -*ся*, например: *вступиться* (в разговор) вм. *вступить*, *играться* вм. *играть*, *убираться* вм. *убирать*.

8. Иногда отмечается переход безличных глаголов в личные: *я рву* (вм. *меня рвёт*), *он вырвал* (вм. *его вырвало*).

9. Модальный глагол *мочь* часто используется в полнознаменательном значении «уметь»: *я могу рисовать* (вм. *я умею рисовать*), *могу читать* (вм. *умею читать*) и т.д.

Причастие

1. В ряде случаев отмечается замена причастного суффикса, например: *изгрызанный*, *надгрызанный* (вм. *изгрызенный*, *надгрызенный*).

2. Иногда суффикс -*ущ*- действительных причастий настоящего времени выступает в форме -*ующ*-, например: *будующий, сведующий*.

3. У некоторых причастий утрачивается постфикс -*ся*, например: *вьющие* (*волосы*) (вм. *вьющиеся волосы*), (*первый*) *попавший* (вм. *первый попавшийся*).

Имя прилагательное

1. Употребление в форме именительного падежа единственного числа мужского рода флексии -*ый* вместо флексии –*ой*: *обувный* (вм. *обувной),* например: *В нашем городе есть хороший обувный магазин*; *ча́совый* (вм. *часово́й*).

2. Употребление в форме именительного падежа единственного числа мужского рода флексии -*ой* вместо флексии -*ый*, например: *домовой* (*комитет*) (вм. *домо́вый*).

3. Переход прилагательного из мягкой разновидности склонения в твёрдую: *карый* (вм. *карий*), например: *У неё карые глаза*.

4. Образование притяжательных прилагательных при помощи суффикса *-ын*, например: *мамын* (вм. *мамин*), *Верын* (вм. *Верин*).

5. Образование формы сравнительной степени при помощи суффикса -ж-, например: *слаже* (вм. *слаще*).

6. Образование аналитических форм сравнительной степени на основе синтетических форм сравнительной степени: *более лучше, более красивей*.

7. Образование аналитических форм превосходной степени на основе синтетических форм превосходной степени: *самый красивейший, самый умнейший*.

Местоимение

1. Местоимение *что* (и производные от него) чаще всего употребляется в форме *шо*: *шо ты говоришь*? Также: *шо-либо, нишо* (вм. *ничего*, вероятно, под влиянием укр. *ніщо*).

2. Употребление местоимения *шо* в каузативном значении «*почему*»: *Шо ты куёвдишься*? *Шо ты не брытый*? В таком же значении используется и форма родительного падежа данного местоимения – *чего*: *чего ты бесишься*?

3. Использование местоимения *где* в значении «куда»: *Где ты дел книгу*? *Где делась ручка*?

4. Появление у указательных местоимений наращения *о-*, *от-* (из *вот*): *отэта*, *отэтаот*.

5. Употребление форм дательного падежа *мене* местоимения *я*, например: *Мене все об этом говорили*.

6. Употребление формы родительного *ней* (вм. *неё, её*) местоимения *она*: *Мы для ней всё это сделали*.

7. Сохранение наращения *н-* в косвенных формах местоимений *он*, *она*, *оно*, *они* при отсутствии предлогов, после наречных предлогов, управляющих дательным и творительным падежами, после предложных сочетаний отымённого типа, например *Он был старше неё* (вм. *старше её*), *со стороны него претензий нет* (вм. *со стороны его*), *Не стоит ними портить еду*.

8. Использование местоимённого прилагательного *ихний*, например: *Я видела, как ихний сын обносил грушу на соседском огороде*.

Наречие

1. Замена конфикса *по-… -и* конфиксом *по- … -ему*, например: *по-собачьему, по-кошачьему*.

2. Наличие наращения *-ой*/*-ей* в наречиях *туда, сюда, куда*: *тудой, сюдой, кудой.*

3. Наличие наращения *-а* в наречиях *здесь, тут, там*: *здеся, тута, тама*.

4. Наращение *с-* в наречиях *отсюда, оттуда* с нередким добавлением просторечной финали *-ва: сотсюда, соттуда* (*сотс[у]дова, соттудова*).

Числительное

1. Смешение форм собирательных числительных *оба* (*обе*) в косвенных падежах во множественном числе: *в обоих руках* (вм. *в обеих руках*), *в обеих классах* (вм. *в обоих классах*).

2. Использование собирательных числительных в сочетаниях с названиями лиц женского пола, с названиями животных и неодушевленных предметов: *трое подруг, двое окон, Собак у них двое – он и она*.

3. Утрата внутренней парадигмы сложными числительными: *восьмидесятью* (вм. *восмьюдесятью*), *пятистами* (вм. *пятьюстами*).

4. Использование форм *до сколька, со сколька* (вм. *до скольки, со скольки*) неопределённо-количественного числительного *сколько*.

3.4.2. Особенности донецкого региолекта в области синтаксиса

Предложно-падежные конструкции

Предлог с

1. Употребление предлога *с* в конструкциях с глаголами движения вместо предлога *из*: *с магазина, со школы, с подъезда, с Донбасса*, например: *Вечером с подъезда выходить страшно; Я уезжал с Донбасса*.

2. Употребление конструкции «*с* + родительный падеж» вместо «*над* + творительный падеж» в конструкциях с глаголом *смеяться*, например: *Я смеялся с неё* (вм. *над ней*), *с гостей* (*над гостями*).

3. Использование предлога с в конструкции *С какого года рождения*? (вм. *Какого года рождения*?)

Предлог на

1. Использование предлога *на* в конструкциях с локативным значением вместо предлога *в*, например: *Живу на Донбассе* (вм. в Донбассе), *на Калинкино* (в *Калинкино*).

2. Использование предлога *на* в конструкциях с локативным значением вместо предлога *у*, например: *Я схожу на почте* (вм. *у почты*), *на вокзале* (вм. *у вокзала*).

3. Употребление конструкции «*на* + винительный падеж» вместо беспредложной формы творительного падежа в сочетании с глаголом *любоваться*: *Я любовался на неё* (вм. я *любовался ею*).

Предлог из

Употребление конструкции «*из* + родительный падеж» вместо беспредложной формы творительного падежа в конструкциях с глаголом *представлять*, например: *Что она представляет из себя?* (вм. *представляет собой*).

Предлог за

1. Употребление конструкции «*за* + винительный падеж» вместо «*о* + предложный падеж» в предложно-падежных конструкциях с глаголами речи и интеллектуального действия *забыть*, *помнить*, *говорить*, *рассказывать*, *читать*, *вспоминать* и под.: *забыла за обувь, забыл за договор*, *говорить за соседей (*вм. *говорить о соседях), рассказывать за поездку* (вм. *рассказывать о поездке), читала за погоду (*вм. *читала про погоду)* и т.д., например: *Надо мне за неё говорить, а то других проблем нет, поговорить больше не за кого*.

2. Употребление конструкции «*за* + родительный падеж» вместо «*при* + предложный падеж» для обозначения времени протекания события: *Это было за Брежнева* (вм. *это было при Брежневе*).

3. Употребление конструкции «*за* + творительный падеж» вместо «*по* + предложный падеж в сочетании с глаголом *скучать*: *скучаю за тобой (скучаю по тебе), соскучилась за вами (соскучилась по вас)*.

Предлог через

Использование вместо предлога *из-за* украинского предлога *через*: *Мы опоздали через дождь* (*из-за дождя*).

Предлог до

Использование вместо предлога *к* украинского предлога *до*: *Мы поехали до кумы* (*к куме*).

Беспредложные конструкции

1. Использование при обозначении времени осуществления события конструкции в форме винительного вместо творительного падежа, например: *Прошлое лето мы были в Крыму* (вм. *Прошлым летом мы были в Крыму*).

2. Использование в сочетании с глаголами *завтракать*, *обедать*, *ужинать* и под. вопросительного местоимения *что* вместо *чем*, например: *Что вы обедали*? (вм. *Чем вы обедали*?).

Особенности согласования

Согласование названия месяца, следующего за обозначением числа, с падежной формой порядкового числительного, например: *поздравить с Восьмым мартом* (вм. *с Восьмым марта*), *подготовить к первому сентябрю* (вм. *к первому сентября*).

****

Описанные в данной главе явления отмечаются нами как регулярные и общеупотребительные на всей территории распространения донецкого региолекта. Сейчас ведутся работы по сбору уникальных регионально маркированных языковых явлений в разных городских койне Донбасса.

Глава 4. Имена собственные в донецком регионолекте

4.1. Ономастика Донбасса

В.И. Мозговой

Региональная онимная культура Донбасса[2] стала складываться довольно поздно (приблизительно в XVI–XVIII вв.), однако это отнюдь не означает, что она характеризуется неразвитостью своих форм или системной незавершённостью. Напротив, её стремительный взлёт в этот период был обеспечен предшествующей тысячелетней историей Дикого поля, впитавшего в себя номинативный потенциал кочевых цивилизаций, составляющих основу дописьменного этапа развития человечества.

Уже тогда на этой территории был сформирован древнейший пласт «местной» гидронимии, которая по своему происхождению относилась преимущественно к тюркским языкам, но адаптировалась постепенно к славянской онимной традиции. Это убедительно доказывает наиболее исчерпывающее на сегодняшний день этимологическое «декодирование» древних названий бассейна реки Дон, произведённое родоначальником Донецкой ономастической школы Е.С. Отиным [Отин 2011 – 2012].

---

[2]Понятие «онимная (проприальная) культура» в определенном смысле отличается от классического определения ономастики.

Традиционно под ономастикой (от греч. *onomastikós*–«относящийся к наименованию») понимают: 1) раздел языкознания, изучающий собственные имена (СИ), историю их возникновения и преобразования в результате длительного употребления в языке-источнике или в связи с заимствованием в другие языки; 2) совокупность собственных имен различных типов.

При этом СИ относят к именам существительным, отличающимся от имен нарицательных (НИ) свойством выделения именуемых объектов из массы подобных. Между тем **собственные имена, выделяя** отдельные **предметы** (*человека, город, космос, реку, войну* и др.), далеко **не всегда являются существительными** (*такси «Всегда!»* – наречие, *кафе «Зайди»* – глагол, *магазин «Всё»* – местоимение, *Бережной* – имя прилагательное и т. п.), а сам акт их выделения еще не гарантирует отнесение номинации к СИ. Так, обращение к незнакомому человеку с помощью междометия (*«Эй!»*), жестов, мимики, смеха, плача (первично наиболее вероятных способов установления контакта) или языковых характеристик (*Мужчина!»*,«*Молодой человек!»*, «*Девушка!»*),как и ситуативное употребление номенклатурных терминов или реклам именуемых объектов, товаров или услуг в качестве наименований («*Как пройти к* ***реке****?*», *«Ты сегодня поедешь в* ***город****?»*, *Супермаркет*,*Продукты*, *Гуляй в Парке!*), не вписываются в теорию современной ономастики. Огромное количество единичных выделительных конструкций, сопровождающих человека в любые времена его жизнедеятельности, не являются предметом ономастики. Он вписан в устоявшуюся систему социально-языковых норм – региональную онимную культуру, при помощи которой происходит оценка конкретных фактов и явлений в конкретном национально-языковом контексте.

Современная ономастика в таком случае – это не столько и не совсем констатация всех имеющихся в языке номинаций или анализ отдельных единиц онимной лексики с описанием их вариантов в речи. Она всегда конкретна, исторична и регинальна. Поэтому ее основная цель – разработка общепринятых правовых механизмов управления процессами именования, но обеспечивающих сохранение собственности и адекватность вхождения личности в **онимосферу** – систему наименований, фиксирующих созданный и осмысленный конкретным языковым сообществом окружающий мир как явление человеческой культуры и истории.

На основании его этимологической реконструкции мы можем с большей или меньшей степенью достоверности утверждать, что в формировании онимной культуры Донбасса на протяжении столетий участвовали этнические коллективы разных кочевых и древнеславянских цивилизаций.

Например, следы салтовской культуры прослеживаются главным образом на севере Донецкого региона, что «…допускает существование более-менее постоянного ираноязычного этноса на берегах Кальмиуса и в бассейне Волчьей уже в раннеславянскую эпоху (VI – IX в. н. э.), а также культурно-историческую преемственность ираноязычных носителей древней приазовской топонимии и славян, которые появились здесь позднее. Среднеиранский этнический элемент – наиболее устойчивый в этом ареале. Его не вытеснили нашествия гуннов, аваров (VI ст.), черных болгар (кон. VI – нач. VII в.), и хазар (с VII в.)» [Отин 1977, с. 3].

Конечно, по данным гидронимии определить, какие народы населяли территорию донецкой степи до VI в., очень сложно, поскольку названия невозможно идентифицировать письменными источниками. Но по номенклатурным терминам «река», «вода», «колодец», «источник», «остров», «гора», «берег» можно наверняка утверждать, что гидронимы *Оскол* (от цслав. *осколъ* «скала»), *Мокрые Ялы, Сухие Ялы* (от крым.-татар., греч. *ялы* «берег»), *Тор* (от тюркск. «источник»), как и названия рек *Дон, Донец, Днепр, Днестр, Дунай* однотипной модели наименования и относятся к древнейшим. «Гипотетически процесс номинации в доисторический период практически отсутствовал, …а в качестве топонима нередко выступал номенклатурный термин» [Мозговой 1991, с. 129], который при заимствовании и вхождении в другую онимную культуру воспринимался как название.[3]

Исходя из этого, «…гидронимы *Днепр* и *Днестр* означают, по-видимому, «широкая река» и «быстрая река»… Каждое из этих названий этимологически соотносится с двумя языками: скифы не образовывали этих названий, а лишь добавили свой географический термин *Dn, Danu* – «река» к исходным компонентам, которые представлены в современных русских формах как *-епр, -естр* и исторически являются древнейшими, доскифскими названиями соответствующих рек. Эти древнейшие названия принадлежат фракийскому языку» [Карпенко 1982, с. 11].

[3] Такой вывод подтверждаетсясовременной практикой наименования с использованием заимствованных слов из других языков, перенесенных «по незнанию» в разряд онимной лексики: *паб* (англ. *Pub*– сокращение от *Public house*, буквально «публичный дом» в значении места сбора населения) –«заведение, в котором продаются алкогольные напитки») – *Пивбар «Паб»*; *секонд-хенд* (от англ. *second hand*– буквально: «вторая рука»– современный термин, обозначающий «бывшее в употреблении») – *супермаркет «Секонд-хенд»*; *бистро* (фр. *bistro*) – «небольшой ресторан-кафе, где продаются простые блюда»– *кафе «Бистро»* и т. п.

Ещё об одном свидетельстве влияния на древнюю славянскую гидронимию Донбасса тюркоязычного контекста являются названия рек *Калитва*, *Калка*, *Кальчик*, *Миус* или *Кальмиус*, в структуре которых чётко выделяются словообразовательные элементы -*кал*- и -*миус*-:

«***Калитва*** – две реки в бассейне Дона (*Чёрная Калитва* и *Белая Калитва*). Самая древняя фиксация названия относится к XVI в. Название типично славянское и состоит как бы из двух частей: славянского корня *кал*-, что означало в древнерусском языке «грязь» (река с минерализованной, грязной водой) и суффикса -*тва* (ср. «жратва», «битва», «бритва», «шитво» и т. п.).

Кальмиус (***Калка***) – река, протекающая по территории Донецкой области, в частности, через город Донецк. Название относится к древним, хотя встречается в письменных памятниках не раньше второй половины XVI в. Все дело в том, что в древнейшие времена река называлась *Калкой* (или *Калой*), потом *Миусом* (см. об этом ниже). Такая онимная неразбериха (две реки имели одинаковое название *Миус*) приводит к тому, что славяне в одной из них сливают две формы: славянскую *Калка* (из индоевр. **kal* – «чёрный, грязный») и тюркскую *Миус* – «угол, рог» (Калка + Миус = Кальмиус, т.е. «не Миус»). Первичное название *Калка* полностью соответствует географической характеристике Кальмиуса – речке с грязной и очень минерализованной водой, вязким грунтом и берегами. Таким образом, *Калка* (или *Кала*) – одна из древнейших рек на юге Восточной Европы.

Миус – река, протекающая по территории Донецкой и Луганской областей. Название в форме *Миюш* фиксируется впервые в письменных памятниках XV в. В основе названия лежит образ угла или рога (из тюркск. **mujus, *munus*– «угол, рог»). Эта топонимическая метафора определяется характером реки, которая выгнулась на восток средней частью своего течения. Сначала, наверное, так тюркоязычные племена называли урочище между Миусом и Крынкой, поскольку название *Миус* в древности носила река Кальмиус, которая также образовывала угол при впадении в неё реки Кальчик» [Мозговой 2001, с. 218].

О наличии поселений, древних культур, об их контактах в дославянскую эпоху на территории юго-восточной Степи свидетельствуют также топонимы *Порохань* (район харьковского течения Северского Донца (ср.: среднеиранское *parat*a-, осет. -*ford* «большая река») или *Домоткань* в бассейне реки Днепр (из **danu-xan* «колодезь вблизи большой реки» [Отин 1999, с. 12; Трубачёв 1968, с. 207].

Важным в этой связи представляется спор, ведущийся в научной и публицистической литературе относительно названий «Дикая степь», «Земля незнаема», «Большой луг», «Лукоморье», «Половецкое поле», «Дикое поле» и, наконец, «Донбасс».

Современное осмысление *Дикого поля* часто формируется на основании летописных источников, позволяющих делать вывод либо о варварски отсталой культуре кочевников, либо о практически безлюдной и неосвоенной территории, которая лишь с российской или иностранной экспансией приобретает черты цивилизованного края, названного впоследствии Донбассом. Однако возразим по этому поводу, что из ничего ничего и не возникает. Иными словами, Донбасс не мог бы стать устойчивым промышленным и культурным образованием, если бы вся последующая за его предысторией политика не базировалась на традиционных и необходимых для этого региона взаимопроникающих связях Леса со Степью, славян с кочевниками, Юга и Востока с Севером и Западом.

Не могла быть в XII в. (а именно к этому периоду относятся летописные сведения о южной степи) эта территория *Землёй незнаемой*, а тем более *Диким*, или *Половецким полем*. Подтверждением сказанному является тот факт, что названные выше топонимы, если считать их таковыми, русского (или древнерусского) происхождения, а описания исторических реалий и событий ведутся русским летописцем, на которых впоследствии и базируются дальнейшие рассуждения авторов о «дикости» или «освоенности» Половецкого (?) поля.

Вполне справедливыми в этой связи представляются рассуждения Л. Н. Гумилёва об указанных фактах: «В русских источниках XII – XIII вв. Половецкая степь именуется «Землёй незнаемой». Это удивительно потому, что до 1093 г., а тем более в X в. русские свободно ездили в Тмутаракань и в Крым и даже через степи Северного Кавказа до берега Каспийского моря, и вдруг в Лаврентьевской летописи под 1252 г. про Андрея Ярославича Владимирского сказано: «Побеже в неведому землю». И то же в «Слове о полку Игореве» и в «Повести временных лет». Д. С. Лихачёв поясняет, что это название употребляется не в качестве точного географического термина, а в качестве эмоционального определения Половецкой степи. Но это тем более странно, так как название утвердилось за южной степью после победоносных походов Владимира Мономаха и резкого сокращения русско-половецких столкновений. Напрашивается мысль, что знания древнерусских географов в XIII в. уменьшились и половецкие степи, ранее прекрасно знакомые, стали неизвестными землями. Такой регресс в науке иногда наблюдается. Познавание и забвение меняются местами» [Гумилёв 1994, с. 170].

Впрочем, «познаний и забвений» было бы гораздо меньше, если бы при анализе исторических событий на территории Дикого поля (под этим термином мы будем понимать этап неоконтуренных границ и вольного перемещения народов, пользуясь им вплоть до описания периода их вхождения в состав

России) мы могли бы использовать письменные источники других народов. А они позволяют предположить, что «Дикое поле» могло называться словами, которые просто не дошли до нас из-за отсутствия письменных источников (например, одним из сохранившихся древних половецких названий является форма *Дешт-и-Кыпчак*).

Так что расставить точки над «і» необходимо и возможно, тем более, если речь идёт о Донецком крае, имеющем свои исторические амбиции и своеобразную, уходящую корнями к истокам Дикого поля культуру, вписанную особой страницей в судьбу России и Украины.

Каждое государство гордится своей историей и развивает культурные традиции предков, стремясь сохранить свою самобытность и неповторимость. При этом тенденции некоторой изоляции достигают своего апогея в регионах, где их региональная культура приобретает черты уникальности. Народы, их населяющие, имеют, как правило, осознанные границы проживания и представляют предмет особой гордости или особого беспокойства того или иного государственного образования, в состав которого они входят. Названия, символизирующие характер их обладателей, у каждого на слуху и знакомы нам с детства: Гасконь, Бавария, Курдистан, Нормандия, Бургундия, Каталония, Ирландия…

К этому ряду, казалось бы, относится и Донбасс. Однако это только кажущееся сходство, поскольку он выпадает из привычной схемы специфических национальных образований в пределах одной политической нации.

Изначально Донецкий край – не определение компактно проживающей нации или народности, а название природно-географическое, связанное с высокой концентрацией полезных ископаемых (прежде всего угля и металла) в пределах Донецкого горного кряжа, имеющего выход к морю и расположенного на пересечении древнего торгового пути между Востоком и Западом (так называемого Великого Шёлкового пути). Эта обширная территория прежнего Юга России была заселена очень давно. Археологические исследования донбасского Подонцовья подтверждают, например, что в этом районе люди появились ещё в каменном веке, а земледельческое славянское и смешанное кочевое население начало здесь проживать в IV – V вв. нашей эры. Однако Донецким кряжем регион назван только в 1827 г., после чего появляется хороним *Донецкий бассейн* и, наконец, усечённая форма *Донбасс* (автор этого термина – берг-инспектор *Е. П. Ковалевский*, употребивший его в статье «Опыт геогностических исследований в Донецком горном кряже», опубликованной в № 2 «Горного журнала») – т. е. бассейн реки Северский Донец, притока Дона, протекающего на юге Восточно-Европейской равнины

России и Украины: по Птолемею, *Танаис*; по Геродоту, *Сиргис*; итал. *Тан*; др.-русск. *Великий Дон*, *Донель*, *Дон*.

Последовавший за этим мощный «пассионарный толчок» (термин Л. Н. Гумилёва), обусловивший высокую концентрацию промышленности и населения (не случайно параллельно с названием *Донбасс* в статистике долгое время употреблялся вариант *Донецкий горнопромышленный район*, плотность населения которого составлял 191 чел. на 1 кв. км.), привёл к формированию особого характера труда и быта, культуры и психологии: чувству коллективизма, способности к риску и самопожертвованию, авантюрному стремлению к обострённому восприятию жизни при нарочито пренебрежительном отношении к бытовым излишествам.

«Донбасс» все более приближается к понятию **этнопсихологической общности**, расширяясь до древних размытых границ Дикого поля, олицетворяющего степную вольницу и притягивающего к себе регионы и личности из разных народов и государств. Она образовалась исторически на основе **инварианта русского национального языка**[4] и была «зафиксирована» в сознании самое себя и мирового сообщества не указами, не границами, очерченными политической картой, а «продуцированием» уникальной онимной ноосферы – главного продукта современной ономастики.[5]

Начиная со второй половины XVII в., Дикое поле приобретает новые черты, ранее для неё нехарактерные. Её сонное пространство взрывается интенсивным и расширяющимся развитием. История постепенной и незаметной смены кочевых цивилизаций, которые возможно было оценить только по прошествии тысячелетий, сменяется мгновенно переходящими друг в

[4]**Инвариант русского национального языка** – это **не национальный вариант** русского языка [Рудяков 2010] и **не региолект** единого русского языка [Теркулов 2012]. Современный русский **национальный язык** (как потенциально и любой другой) перешагнул границы территорий и государств. Он не ограничен формой общения, но стал формировать культурно-психологическую общность у разных народов, территорий, стран и их языков. Это своеобразный тип мышления, проявление философии и психологии отдельной личности и определённого народа, которые могут реализовываться в разных языковых системах (литературном языке, диалектах, жаргонах, региолектах и т. п.) и даже любых проявлениях «русской по духу» культуры (живописи, музыке, архитектуре, танцах и т. п), имеющей свои инварианты. Они появляются там и тогда, когда регионы, его представляющие, формируют исторически связанную с русским мироощущением особую культурно-языковую общность в окружении других культур и языков. Таким регионом, кроме Донбасса, является, например, Крым.

[5]Под современной **ономастикой** мы будем понимать самостоятельную науку о теории происхождения и идентификации СИ, нормах именования, функционирования, способах сохранения собственности и передачи явлений истории и культуры при помощи своеобразных активаторов освоенного человеком мира – онимной лексики. При таком понимании ономастика уходит своими корнями скорее в философию языка, нежели в сам язык. Ведь лексическая система языка **отражает действительность**, а проприальная культура **создаёт и материализует ее**. Эту созданную представлением человека цивилизацию мы, опираясь на учение В. И. Вернадского [Вернадский 1991], определяем как «**онимную ноосферу**», или «**онимосферу**». Её многомерность предполагает деление общей ономастики на две частные: художественную (речевую), которая оперирует вымышленными именами, и правовую (языковую), связанную с реальным собственником [Мозговой 2017].

друга картинами удивительной преобразующей силы. Время и пространство концентрируются до размеров точки, а история появления на карте бывшего Дикого поля Донбасса умещается практически в столетие. Символом Степи становится **движение**, при котором калейдоскоп судьбоносных для неё исторических лиц и даже целых народов выходит далеко за пределы края, обеспечивая ему будущую стабильность и неповторимость. В ситуации поликультурного созидания и его коррекции со стороны врывающихся в структуру региона внешних сил начинает формироваться онимосфера, прошедшая в своём становлении три взаимообусловленных, но противоречивых этапа.

Предцивилизационный этап становления номинативных процессов на территории Дикого поля (50-е г. г. XVII в. – к. XVIII в.)

Доцивилизационная, преимущественно устная стихия вхождения тюркских элементов в древнеславянский гидронимикон на территории неоконтуренного Дикого поля постепенно сменялась системностью тюркогрекославянского онимного диалога с Московским государством и его вступлением в предцивилизационный этап своего развития.

«Стихийность» кочевой цивилизации, имеющей тюркоязычные корни, отразилась первично в «славянской» гидронимии, представленной русскими формами *Самара* (приток Днепра от тюрк. *самар-* «мешок») *Калка*, *Кальчик*, *Миус*, *Кальмиус*, *Северский Донец*, *Осерёд*, *Торец*, *Кривой Торец*, *Оскол*, *Крынка* или украинскими *Міюс* (*Міус*), *Кальміюс* (*Кальміюс*), *Сіверський Донець*, *Осеред*, *Торець*, *Кривий Торець* и т. п.

Московская же государственность закрепилась позже в русской и малоросской топонимии (*Святогорская обитель*, *Лиман*, *Изюмский шлях*, *крепость Тор*, *Городище* (небольшое огороженное укрепление), *Цареборисов*, *Соляной*, *Бахмутская слобода*, *Дружковка*, *Алексеевская слобода*, *Андреевский сторожевой пост*, *Гродовка*, *Никитовка*, *Железное*, *Сонцовка* (предмете «творчества» монахов и казаков, развивающих на территории «Дикого поля» соляные промыслы), а затем и в других разрядах онимной лексики, пришедших из других языков и естественным образом вписавшихся в новую онимную культуру. Она теперь связывалась с земледельческим и полупромышленным освоением края.

Во-первых, это отразилось в факте распространения русской и, шире, общеславянской традиций именования. Первично они стали складываться при появлении христианских имён, стихийно отражённых в названиях

небольших поселений и фиксирующих никому не известных основателей, типа *Александровка*, *Васильевка*, *Татьяновка*, *Семеновка*, *Пантелеймоновка*, *Максимильяновка*, *Селидовка* (совр. *г. Селидово*) и т. п. (их нельзя путать с узаконенной «коронацией» царских персон в названиях крупных городов: *Александрия, Николаев, Петербург, Екатеринослав* и др.).

Такие формы отличались от вполне понятной модели «гидронимизации» объектов (например, крепость *Бахмут* от реки *Бахмутка*), номинативной фиксации государственной (монастырской) собственности (*Государев Байрак, Святогорская обитель*, *Никольское* от *Никольский храм*) или с использованием природной характеристики (*Соляной*, *Часов Яр*), а также с более поздним названиями, официально фиксирующими в именах и фамилиях известных собственников: *Алексеевка* (с 1840 г. до 1867 г.) – *Алексеево-Леоново* (до 1964 г.) –*Чистяково* (совр. –*Торез*).

В последнем случае в качестве «собственников» на территориях, свободных от крепостничества (им отчасти было Дикое поле), могли выступать социальные коллективы, например, *Харцызск* (от «харцызы», «харцызяки», т. е. «разбойники-крестьяне, бежавшие от крепостничества), *Чернухино* (поселение «черни») и т. п., хотя их в конце концов признавали. Они так или иначе были связаны и с освоением края, и с его защитой от кочевников. Но это осуществлялось стихийно. Официально и планомерно такая роль отводилась государству:

- в 1635 г. Московская Русь начала строить на территории Дикого поля *Белгородскую оборонительную черту*, в результате чего уже к 1637 г. на карте Степи появились новые крепости *Козлов, Тамбов, Орёл*, *Осиновый Острог*;

- в 1686 г. территория нынешней Старобельщины начала заселяться казаками *Острожского слободского полка* – выходцами из Полтавщины и Черниговщины, которые основали станицы *Старобельск*, *Беловодск*, *Великоцк* и *Осиновое,* после чего сюда устремились беглые крепостные, получившие от царского правительства жалованную грамоту на поселение.

Таким образом, движение людских ресурсов из Правобережной Украины на территорию Слобожанщины и Донбасса после 50-х гг. XVII в. приобрело системность. Заинтересованная в колонизации и охране южных окраин Россия всячески поощряла переселенцев: им жаловались земли, свобода от крепостничества и право на самоуправление. Станицы постепенно преобразовывались в города и культурные центры.

Такова, например, историческая судьба у *станицы Гундоровской,* основанной в 1681 г., которая в декабре 1945 была преобразована в рабочий поселок, в 1951 г. получила статус города районного подчинения в составе

Каменского района Ростовской области, а в июне 1955 г. была переименована в *город Донецк* областного подчинения.[6]

Конечная нацеленность на культуру и созидательность привела к тому, что территорию современной Сумщины, Белгородчины и Харьковщины стали заселять казацкие полки ещё во время Хмельницких походов 1648 – 1654 гг. При этом южная граница территории *Изюмского слободского полка* достигла пределов Донбасса, где на месте острожка, заселённого в 1645 г. выходцами из Чугуева, была возведена крепость *Тор*, а потом в 1676 г. и город *Соляной* (совр. *Славянск*) для охраны солеваров на Торских озёрах. Несмотря на то, что город, находясь на пересечении *Муравского* и *Изюмского шляхов*, постоянно подвергался набегам татар, он, как и вся Южная Слобожанщина, заселялся все больше и больше.

Ещё одним показательным признаком славянского освоения края стала народная колонизации Донбасса, где зарождалась и крепла новая Слободская Украина. Русские служивые люди были при этом в тесном контакте с «аборигенами». Как первые, так и вторые находились под прямым управлением Москвы, не принимали участие в бурной и противоречивой политической истории Гетманщины, а поэтому их все больше интересовало хозяйственное освоение природных ресурсов (это была сначала рыба и соль), из-за чего первично колонизация края проходила по двум основным направлениям: Приазовье и Подонцовье.

Во-вторых, формирование онимной культуры стало связываться с казацким движением. В XVI в. на берегах Азовского моря и в устье реки *Кальмиус* появились запорожцы для занятия рыбным промыслом, а в конце XVII в. донские казаки открыли на речке *Бахмутке* новые соляные источники. Сезонная добыча соли как стратегически важного продукта постепенно сменилась постоянной, поэтому в 1701 г. по приказу Петра I здесь возвели крепость и город *Бахмут* (в 1920 г., первый административный центр Донецкой губернии, позже *Артемовск*).

Строительство Россией крепостей давало гарантию защиты территории от набегов крымских татар, но колониальная политика больно ударяла по самостоятельности и вольнолюбивым амбициям казаков. Противоречивость интересов действующих лиц, влияющих на дальнейшую судьбу Дикого поля и

---

[6]Кажущаяся омонимичность этого названия с подобным в Донецкой области обманчива. В первом случае семантика связана с информацией о городе на ***реке Донец***, а во втором речь идет об административном центре Донецкого бассейна (***Донбассе***). Таким образом, это разные ойконимы, несмотря на абсолютно одинаковые формы их звучания и написания.

Такая же мнимая омонимичность у «одинаковых» городов *Славянск* в Донбассе и в Краснодарском крае, хотя она наблюдается только в написании. Другими словами, это омографы, т.к. звучат по-разному (*Слав`янск* и *Сл`авянск*), подчеркивая разность их онимных ноосфер. В Донбассе ноосфера связана со *слав`янами*, а в России – со *сл`авой*. В украинском языке поэтому разный онимный смысл должен передаваться разными словами: *Слов’`янськ* (Донецкая обл.), но *Сл`авянськ* (Краснодарский край).

Донбасса (Московского государства, Турции с татарским Крымом и казачьей верхушки), приводила поэтому не только к внешним конфликтам, перерастающим в войны России с Турцией, но и внутренним – так называемым «донским либериям».

Одной из таких «либерий» было восстание «соляного» атамана *Кондратия Булавина* (с ним связана история села *Трехизбянка* Славяносербского района Луганской области) – первого исторического лица, олицетворяющего будущее онимосферы Донбасса, связанной с идеологией внутренней свободы, риска, размаха и ненасильственного созидания [Мозговой 2003, с. 35 – 36].

Она «ковалась» уже тогда: войны России с Турцией и конфликты Московского государства с казаками шли параллельно и продолжались вплоть до юридического установления южных границ России по Белградскому (1739), Кючук-Кайнарджийскому (1774), Ясскому миру с Турцией (1791) и упразднения Сечи манифестом императрицы Екатерины II в 1775 г. С этого момента руки у России были развязаны и Донбасс стал частью великого плана освоения края.

Для его воплощения в жизнь нужно было привлечь огромные людские ресурсы и, учитывая тысячелетиями формировавшуюся психологию свободы, проявившуюся в «феномене Булавина», даровать им привилегии для естественного взращивания собственной культуры на базе ненасильственного слияния различных культур. Россия такие привилегии предоставила, поэтому к началу 60-х г. г. XVIII в. колонизация края шагнула далеко на юг, оставив в тылу и *Белгородскую засечную черту*, и оборонительную *Украинскую линию*.

В-третьих, онимный фонд стал пополняться за счёт представителей южнославянской онимной культуры. В 1753 г. правительство России пригласило на военную службу *сербов, молдаван, волохов, словенцев, болгар, черногорцев* и *македонцев,* страдавших от притеснений католической Австрии и мусульманской Турции, передав им в «вечное пользование» земли между *Луганью*, *Бахмуткой* и *Северским Донцом*. В результате на карте Донбасса появились военные поселения *Штеровка, Петровеньки* (от фамилии *Петр Штерич*), *Сабовка* (от фамилии *Сабо*), *Депрерадовка* (от фамилии серба-офицера *Райко де-Прерадовича*). *Подгороднее, Суходол, Желтое, Вергунка, Каменный Брод, Ясиноватая, Селидовка, Землянки, Государев Байрак* и ряд других, которые создали основу *Славяносербии* с центром в городе *Бахмуте*. Позже, в 1765 г., была образована *Слободско-Украинская губерния*, на территорию которой устремились запорожцы после упразднения Сечи. Часть из них основали здесь слободы *Дружковку, Алексеевку, Андреевку, Гродовку, Никитовку, Железное*.

На юге степной зоны после присоединения Приазовья к России по условиям Кючук-Кайнарджийского мира в 1775 г. была создана также *Азовская губерния*, которая включала в себя огромные пространства Левобережного Днепра: район старой пограничной линии, земли Запорожского войска, потерявшего свою автономию, и новые территории в Восточном и Южном Приазовье. С их освоением связана история переселения православных *греков* из мусульманского Крыма.

Четвертым источником формирования онимного фонда стали христиане, переселённые из Крымского ханства в Россию. Идея их вывода принадлежала командующему русской армией на юге генерал-фельдмаршалу *П. А. Румянцеву-Задунайскому*. Его поддержала Екатерина II, которая в 9 марта 1778 г. обнародовала план переселения греков в Азовскую или Новороссийскую губернии, а губернатор *В. А. Чертков* решил построить для них уездный город *Павловск* в устье реки Кальмиус. Исполнителем этого плана был назначен генералиссимус *А. В. Суворов*, а идейным вдохновителем из среды переселенцев стал митрополит Готско-Кафайской епархии *Игнатий.*

Восемнадцатого сентября 1778 г. вывод крымских христиан состоялся, и количество переселенцев составило: *греков* – 18300,*армян* – более 12000, *грузин* – 219,*валахов* – 161. По плану они должны были поселиться «между реками *Днепром, Самарою* и *Орелью*», в обустроенном для этого городе «на привольном месте при большой реке» (*Павловске?*) и получить разрешение на свободную торговлю, ремесленничество, беспошлинное пользование «из рек рыбной ловлею и из лесов дровами», на освобождение от всяких податей на десять лет и «навсегда от военных постоев и воинской службы».

Однако 21 мая 1779 г. Екатерина II подписала новый указ о принятии переселенцев в российское подданство и поселении их «…на берегу Азовского моря, с тем, что тамошнее изобильное рыболовство в дачах селения вашего всемилостивейше жалуем вечно в пользу и выгоды всего общества без всяких в казну нашу податей». Это была одна из самых значительных привилегий, но они перечеркнули программу поселения греков «на привольном месте при большой реке» и усложнили отношения переселенцев с правительством. Митрополит Игнатий был вынужден встречаться с *Г. А. Потёмкиным* (наместником императрицы в южных губерниях России) и с самой *Екатериной II*. И только после взаимных уступок была достигнута договорённость о принятии новой территории к заселению.

Двадцать девятого сентября 1779 г. *Г. А. Потёмкин* подписал распоряжение «Об отводе вышедшим из Крыма грекам земли», совпавшей с территорией *Павловского уезда*. У жителей же *города Павловска*, которым предписывалось покинуть город, за казённый счёт было куплено 55 домов за

довольно значительную по тем временам сумму – 2519 рублей 90 копеек. Определив границы территории, передаваемой грекам для заселения, и указав, что эти земли «…имеют составить Мариупольский уезд…», распоряжение закрепило за ними право временной территориальной автономии: «До минования десяти льготных лет никому других наций никаких земель на поселение домов и прочего не отводить и рыбными ловлями против дач тех греков на Азовском море, равно как и во всех реках сего уезда кроме их никому не пользоваться…». Городу *Павловску* присваивалось название *Мариуполь*, а город *Мариенполь* на реке *Волчьей* получил название *Павлоград*. Екатерина II, судя по названию, стремилась связать территориальные присоединения на юге не только с возрождением традиций античности, но и с далеко идущими внешнеполитическими целями.

Так в 1780 г. на территории *Мариупольского уезда* появилось 20 новых основанных переселенцами сел (19 из них основали греки, а в одном поселились грузины и валахи): *Бешев* (*Старобешево*), *Богатырь*, *Большая Каракуба* (*Большая Каракуба*, *Раздольное*), *Игнатьевка* (Староигнатьевка и Новоигнатьевка; заселены потомками крымских грузин и волохами), *Камара* (*Комар*), *Карань* (*Гранитное*, но станция *Карань*), *Керменчик* (*Старый Керменчик*, *Старомлиновка*), *Константинополь*, *Ласпи* (*Ласпа*, *Старая Ласпа*), *Малая Янисала* (*Янисоль*, *Куйбышево*), *Мангуш* (*Першотравневое – Мангуш*), *Мариуполь* (*Жданов – Мариуполь*), *Салгир Янисала* (*Великая Новоселка*), *Сартана* (*Приморское – Сартана*), *Старый Крым*, *Стыла*, *Улаклы* (*Улакли*), *Урзуф*, *Чердакли* (*Кременевка*), *Чермалик* (*Заможное*), *Ялта*. Греки-переселенцы стали основателями новых династий, получивших новые формы «обрусевших» фамилий: *Агурицов*, *Алексеев*, *Анастасьев*, *Ангелин*, *Андреев*, *Антонов*, *Арбузов*, *Артемьев*, *Асланов*, *Афендиков*, *Афенкин*, *Балабанов*, *Бегимов*, *Бирюш*, *Биятов*, *Булатов*, *Бурла*, *Бурлаев*, *Буруш*, *Вангельдиев*, *Васильев*, *Голбеев*, *Данилов*, *Демиджиев*, *Джамбеков*, *Дмитриев*, *Иванов*, *Ильин*, *Кальянов*, *Караджаев*, *Качалов* (от кр.-татар. *Кочан* «кочерыжка») ,*Кирадиев*, *Кириаков*, *Кирьязиев*, *Константинов*, *Коса*, *Куинджи* (от кр.-татар. *кхую* «колодец, «мастер по рытью колодцев»), *Кусты* (*Кустым* – «младший брат, подросток»; возможно, от имени *Костя*),*Ламбринов*, *Левтеров*, *Луизов*, *Лупин*, *Мангушев*, *Манжура*, *Михайлов*, *Николаев*, *Олмезов*, *Паниотов*, *Папаков*, *Папу* (*Попов*), *Папушев*, *Параскев*, *Пефтиев*, *Разбеев*, *Саввин*, *Сандулов*, *Семенов*, *Серафимов*, *Ставринов*, *Ставрулов*, *Степанов*, *Татаров*, *Темирбеков*, *Темиркеев*, *Ткаченко*, *Тодоров*, *Тохтамиров*, *Тохтамышев*, *Тохтаров*, *Трифонов*, *Федоров*, *Ханахбеев*, *Хачинов*, *Чако*, *Чамбеков*, *Чебан*, *Черкезов*, *Чолпан*, *Чубарь*, *Юрьев*, *Яниев*, *Яшаров.*

В Мариуполь переселенцы прибыли 26 июля 1780 г., а поскольку к их прибытию все бывшие жители Павловска город покинули, греки стали считать себя его основателями. Тесное соседство народов, однако, после этого не прекратилось, а выразилось во влиянии на топонимию не только новогреческого, кыпчакско-половецкого и русского, но и других языков.

В-пятых, в освоении края и пополнении онимного фонда стали участвовать немцы-меннониты (а также **болгары, поляки, итальянцы** и др.), поселившиеся в Приазовье также по приглашению Екатерины II. Немецкие колонии возникли здесь сразу же после царского манифеста от 4 октября 1762 г., который отводил им земли в районе Каменных Могил. Центром колонистов стало село *Остхейм* (с 1935 г. – *Тельманово*). Кроме него, история сохранила топонимы немецкого происхождения *Грюнталь* – теперь *с. Мичурино* Тельмановского района; *Ней-Ямбург* – совр. *с. Новокрасновка* Володарского р-на; *Рейнталь – с. Чистополь* Великоновоселковского р-на; *Эйхвальд – с. Святотроицкое*, а затем *Урицкое* Добропольского р-на; *Клейн-Орловка* – совр. *с. Мало-Орловка*; *Нью-Йорк* (названо выходцами из немецкого города *Йорка*, в 1951 г. «переведено» как *Новгородское*), а также *Леонидовка*, *Екатериновка*, *Романовка*, *Алексеевка*, *Николаевка*, *Игнатьевка*, *Кондратьевка*, *Борисово* и *Николайполье* – немецкие села русского происхождения в районе Дружковки и Клебан-Быка (Бахмутский уезд) и т. п.

Край становился многонациональным. Это отразилось во всей онимной культуре того времени, например, на традиции нумеровать топонимы, связанные с местом поселения немецких колонистов (*Гросленгер 63*) и воинских подразделений под командованием сербских полковников: *Первая Рота* (с. *Серебрянка*), *Вторая Рота* (с. *Луганское*), *Третья Рота* (с. *Верхнее*) и т. д. Позднее традиция числового или языкового определения стала распространяться на гусарские (с. *Троицкое* Лисичанского р-на, раньше *Четырнадцатая Рота*), кирасирские (*Астраханский полк*; совр. *с. Новая Астрахань*) и другие полки, сформированные выходцами из Украины: из *с. Полтавки* (*Новая Полтавка* Константиновского р-на), *Ахтырки* (*с. Новоахтырка* Новоайдарского р-на Луганской обл.) и т. п.

Теперь картина «Дикой» степи изменилась кардинально. На карте можно было обнаружить уже не полуабстрактные контуры контролируемых тем или иным племенем территорий, а вполне конкретные, закреплённые правом административные единицы с наличием в них хуторов, селений, слобод, городов и сел. С этого времени развитие края должно было пойти по традиционному для России пути – обособлению полупатриархальных хозяйств, занимающихся хлебопашеством и, учитывая специфику территории, рыболовством и скотоводством. На это были нацелены и многочисленные

народы, прибывшие сюда в поисках лучшей жизни. Однако такое течение событий могло произойти где угодно, но уже не в Донбассе.

Во-первых, национальная замкнутость была здесь непродолжительной: история и психология Степи не терпела обособленности по отношению к целым народам, а тем более к единичным поселениям в рамках единого государства.

Во-вторых, кроме традиционных занятий сельским хозяйством, скотоводством и рыбным промыслом, здесь всегда существовала потенциальная возможность коллективного, пусть и сезонного, труда на соляных приисках и кустарных помещичьих шахтах, что постоянно «подтачивало» патриархально-обособленную психологию и обеспечивало в будущем формирование новой промышленной культуры.

В-третьих, заселение края Россией было направлено не только для защиты южных рубежей от набегов крымских татар и не только для расширения территорий. Уже в то время речь шла о внутренних богатствах края – разработке полезных ископаемых и его промышленном освоении. Об этом, в частности, свидетельствуют экспедиции, изучающие геологические возможности Донецкого кряжа ещё в начале XVIII в. Первыми «геологами» края условно можно было считать капитана *Семена Чиркова* и управляющего солепромыслами *Никиту Вепрейского*, которые в 1721 г. обнаружили в районе крепости Бахмут каменный уголь и стали использовать его в солеварении.

Но более важной для будущего Донбасса оказалась деятельность государственной экспедиция *Григория Капустина*. В 1721 г. его направили для поисков полезных ископаемых на Дону. Используя свои знания и рассказы местных жителей, Г. Капустин вскоре представил описание и образцы угольных пластов в районе рек *Грушевка*, *Атюхта* и *Кадамовка* в Берг-коллегию.[7]

Новому направлению исследований Донбасса способствовало также открытие Южного морского пути. В октябре 1792 г. командующий Черноморским флотом вице-адмирал *Н. С. Мордвинов* подал рапорт о проблеме производства артиллерийских орудий и боеприпасов для флота. В качестве выхода из создавшегося положения он предлагал построить новый оружейный завод на юге вблизи от базы Черноморского флота.

---

[7]Позже здесь появилось *Грушевское Горное поселение* (до 1867 г.), которое в 1881 г. было статуировано как *г. Александровск-Грушевский*, а в 1921 г. было переименовано в *город Шахты*. Центр Восточно-Донбасской агломерации. Второй город в Ростовской области по площади, третий по численности населения, четвёртый по объёму промышленного производства после Ростова-на-Дону, Таганрога и Новочеркасска. Население по состоянию на 2017 г. — 235 492 чел.

Вскоре соответствующее решение было принято, а место для его строительства поручено было подыскать английскому специалисту *Карлу Гаскойну*, находившемуся на службе у русского правительства. Летом 1794 г. он выезжает в *Бахмутский* и *Донецкий уезды* для осмотра месторождений руд и угля. Изучив бассейн *Северского Донца* и нижнее течение реки *Лугань* Гаскойн останавливает свой выбор на селении *Каменный Брод*. Здесь, в *балке Лисичьей* (позже она дала имя *городу Лисичанску*) предполагалось добывать и каменный уголь. Указом Екатерины II от 14 ноября 1795 г. «Об устроении литейного завода в Донецком уезде при *реке Лугано* и об учреждении ломки найденного в этой стране каменного угля» выбор Карла Гаскойна был закреплён, а дату начала его строительства стали отныне считать днём рождения Донбасса…

Цивилизационный этап формирования онимосферы Донбасса (к. XVIII в. – 1917 г.)

Главным результатом этого этапа явилось обеспечение естественности функционирования русскоязычных норм проприальной лексики в сочетании с сохранением многонациональной уникальности Донецкого региона.

В первый период (от начала индустриализации до отмены крепостного права – 1861 г.) речь шла преимущественно о небольших поселениях и появлении полноструктурной модели функционирование антропонимов. Номинативным процессом были охвачены:

- села вторичного заселения Приазовья греками: *Анадоль*, *Афины*, *Волноваха*, *Волонтеровка*, *Бугас*, *Новая Игнатьевка*, *Новая Каракуба*, *Новый Керменчик* (*Новомлиновка*), *Македоновка*, *Чембрек* (*Куйбышево*), *Новый Янисоль*, *Новый Комар*, *Малый Керменчик*;

- русские и украинские села и хутора: *Зайцево*, *Городище*, *Ёвсуг*, *Марковка*, *Софиевка*, *Чернухино*, *Марьевка*, *Данилоивановка*, *Щербиновский хутор*, *Камышеваха*);

- греческие переселенцы, появившиеся в Донбассе во время греческой национально-освободительной революции 1821 – 1829гг. и вписавшиеся в русско-украинскую антропонимную культуру: *Ананиев*, *Афанасьев*, *Афенькин*, *Бичахчи*, *Бойцов*, *Борисов*, *Влахов*, *Гаврамыш*, *Джелали*, *Жижан*, *Золотарев*, *Зондако*, *Иванов*, *Кадоглу*, *Калмыков*, *Карани*, *Кизиров*, *Клюшников*, *Косапоглу*, *Кравченко*, *Кукула*, *Курдови*, *Куртоглу*, *Ламбадит*, *Лико*, *Маврино*, *Мадин*, *Майтамал*, *Малич*, *Мангуш*, *Манет*, *Матроз*, *Моро*, *Мороз*, *Морозли*, *Номин*, *Олчоглу*, *Памбукоглу*, *Панасов*, *Папазоглу*, *Пашпадура*, *Попович*, *Попондопуло*,*Савелов*, *Самержи*, *Саркиц*, *Симичоглу*, *Ставрунов*, *Стефанопуло*, *Столика*, *Тасиц*, *Титаренко*, *Топуз*, *Трифонов*, *Трофимов*,

Тулумжиоглу, Тутунджи, Тутунжи, Узун, Фасулаки, Федосов, Феодосьев, Филатов, Филипов. Хаджинов, Хамуретов, Ханчапуло, Харабет (*Карабет*), *Чабукчиоглу, Чалкак, Черкас, Чубарь, Шаимели, Шишман, Экзархо, Яйла*.

Во второй период (от отмены крепостного права до социалистической революции; 1861 – 1917 гг.) речь шла об ойконимии, хоронимии, урбанонимах, годонимах, агоронимах, дромонимах, хрононимах, эргонимах, микротопонимах и т. п., ставших основой последующих именований и переименований.

- уездных городов и уездов: (*Бахмут* и *Бахмутский уезд,* позже *Артемовск*; *Мариуполь* и *Мариупольский уезд,* позже *Жданов*; *Славяносербск* и *Славяносербский уезд, Луганск* и *Луганский уезд,* позже *Ворошиловград*), *Соляное,* позже *Славянск* и *Славянский уезд*; *Юзовка Донецкого уезда,* позже *Сталино*, затем *Донецк Донецкой области*;

- городских поселков, промышленных и слободских поселений (*Юзовка, Горловка, Макеевка, Краматорск, Иловайск, Басэ, Алексеево-Орловка, Катык, Ольховчик, Енакиево, Ханженково, Докучаевск*;

- поветов, округов (*Старобельский повет, Купянский округ, Беловодский военно-коннозаводской округ*) и военных поселений (*Кременная, Новая Астрахань, Сватово, Нижняя Дуванка, Мостки, Шульгинка, Новопсков, Белолуцк*);

- железнодорожных станций (*Дебальцево, Попасная, Никитовка, Константиновка, Дружковка, Родаково, Карань, Еленовка, Михайло-Леонтьевская*);

- улиц и проспектов (*Итальянская, Готфейская, Греческая улицы* в Мариуполе, *Английская улица* в посёлке Луганского завода, *Первая – Четырнадцатая линии* в Юзовке по «английскому» образцу) и т.п.;

- заводов и рудников (*Луганский металлургический завод, Петровский* (совр. *Енакиевский) завод, Донецкий содовый завод, Донецкий стекольный завод фирмы «Веррери де Аманд»* в Сантуриновке, *Юзовский металлургический завод, Лисичанский рудник, Александровский рудник, Щербиновский рудник, Успенский рудник*;

- торговых и производственных обществ (*Русское общество пароходства и торговли*; *Съезд горнопромышленников Юга России*; *Горное и промышленное общество*; *Русское общество коммерческого пароходства*; *Новоросийское общество каменноугольного, железного и рельсового производства*; *Бельгийское общество по разработке угля*; *Русско-Бельгийское металлургическое общество «Любимов, Кокерилл, Сольве и К°»*; *Русский Провиданс*; *Русско-Донецкое общество*);

- фирм (*Джербулини, Галлеано, Сангвинетти, Мерелло, де Мартино, Мембели, Видович, Ковачевич, Опоренович, Твикович, Фискович, Кавалотти,*

Драго Поповичей, *Великоанадольская образцовая лесная плантация*, *Огнеупорные материалы и пластичные земли Сьель-де-Анден и Буфью*);

- малых рек (*Волноваха*, *Мокрая Волноваха*, *Кашлагач*, *Сухая Яла*, *Тарама*, *Крынка*, *Волчьи Воды*) балок (*Балхи*, *Кунжи*, *Домаха*), урочищ (*Алха Тарама*, *Амал*) и курганов (*Акташ Оба*, *Аркды-та-Убайда*, *Саур-Могила*);

- железных дорог (*Донецкая каменноугольная*, *Курско-Харьково-Азовская*, *Константиновская*);

- банков: *Азово-Донской*, *Российско-Азиатский*, *Международный*;

- лесных плантаций и парков, что связано с появлением основ экологической культуры[8].

Несмотря на разноязычность огромного количества появившихся в этот период имён и названий, все они в конце концов стали «донецкими», сгладив свою национальную принадлежность и вписавшись в русскую онимную систему. Например, крымские или древнегреческие варианты *Ласпи, Ялта, Бахчисарай, Демерджи, Гурзуф, Карань, Сартана* превратились в *Урзуф, Малый Янисоль, Староласпа* (от первичного *Ласпи* «грязь»), *Старобешево* (первичное *Бешев* – в переводе *Пятихатки* от *беш-* «пять» и *-эв* «дом»), *Раздольное* (первичное *Каракуб*), *Великоанадольский лес* (первичное название поселка *Анадоль* означает *Анатолия*, т. е. «Малая Азия»), *Бабах Тарама* (в переводе «сурчиная балка»), *Македоновка* (от греческого имени *Македон*), *Старый Керменчик* (от греч. *кермен* «крепость»; совр. *Старомлиновка*), *Большой Янисоль* (от греч. *ени сала* «новое село»; совр. *Великоновосёлка*) и т. п.

Внешним толчком для таких «интернациональных» преобразований стала, во-первых, индустриальная революция в Англии и победа России в русско-турецких войнах. Не менее существенными, во-вторых, оказались и внутренние причины: отмена крепостного права и ликвидация Запорожской Сечи.

Эти два фактора гарантировали оседлость: Донбасс стал защищённым от нападений извне, обеспечил приток людских ресурсов из Европы и близлежащих регионов России и включение в процессы освоения края

Сначала здесь стала осуществляться частная разработки угольных месторождений (по существующему с 1782 г. закону собственники земли являлись одновременно и собственниками недр). В *Области Войска Донского*

---

[8]В 1804 г. помещик *Данилевский И. Я.* засадил сосновым лесом более десяти тысяч десятин песков вдоль Северского Донца в имении *Пришиб-Змиевского уезда*, а основатель военных поселений граф *Аракчеев А. А.*, приветствуя его начинания, ввел лесную повинность, приказав поселенцам рассаживать лес на свободных землях. Далее события разворачивались на плановой основе. В 1843 г. была учреждена *Великоанадольская образцовая лесная плантация*, а к 1846 г. здесь было разведено 11014 гектаров леса. Огромную роль в этом процессе сыграли лесовод *В. Е. Графф* (немец по происхождению) и русский учёный-почвовед *В. В. Докучаев*.

«углем» поэтому занимались казаки, а на территории *Екатеринославской губернии* – помещики и государственные крестьяне из. сел и хуторов *Зайцево, Железный* и *Щербиновский Бахмутского уезда* (здесь угольные пласты выходили на поверхность).

Далее к этому процессу подключилось государство. Достаточно вспомнить *Луганский литейный завода,* предназначенный для производства артиллерийских орудий и боеприпасов для флота, и разработанные недалеко от него казённые рудники *Горного ведомства* на землях *Войска Донского* (станица *Екатеринославская* и село *Городище*).

Серьёзность намерений государства и частного бизнеса вскоре подтвердилась формированием основ межнациональной городской культуры, которая способна была решить актуальные для всех проблемы образования, медицины, отдыха, транспортного сообщения и т. п.

Донбасс создавал специфическую общность, в которой переплетались судьбы теперь уже не только тюркоязычных, греческих, восточнославянских или южнославянских, но и западноевропейских культур. Профессор русской истории Гарвардского университета Ричард Пайпс резюмирует: «Достаточно будет взглянуть на основные отрасли тяжёлой промышленности, созданные в России в конце XIX века, чтобы увидеть, какую решающую роль сыграли в их развитии иностранцы. Современную угольную и сталелитейную промышленность Донецка и Кривого Рога основали англичане, а финансировалась она совместным английским, французским и бельгийским капиталом» [Пайпс Ричард 1993, с. 288]. Добавим к этому, что Донбасс осваивали не только и не столько «далёкие иностранцы» из Западной Европы, сколько огромное количество наций и народностей, проживающих на территории России.

Постоянное вливание в пульсирующий и меняющийся организм Степи новых людских ресурсов со своим жизненным укладом, психологией и философией постепенно сформировало уникальность онимосферы Донбасса. Из территории, впитывающей в себя разные модели сосуществования, он превратился в источник взращивания новых идей и неожиданных личностей, оказывающих все большее влияние на судьбы страны и региона.

Наиболее значимой из них стала фигура *Джона Юза*, благодаря которому **период формирования промышленного Донбасса** (1861 – 1917 г. г.) **по праву можно назвать «юзовским»** – его биография стала символом постоянной деятельности, упорства в достижении цели, совершенства и развития.

Начало его жизненного пути в Донбассе положило учреждение в 1869 г. первой иностранной компании на Юге России – *Новороссийского общества каменноугольного, железного и рельсового производства*». Англичанин, не

имеющий русских корней, но используя придворный статус князя *Кочубея*, которого он сделал почётным президентом компании, быстро сориентировался в русской модели бизнеса.

Вначале было трудно. В местности, где он сумел учредить компанию, не было ни города, ни крупной промышленности, открытие завода сопровождалось аварией домны, а его производительность была крайне низкой (это объяснялось недостаточным качеством местной железной руды и ограничением производства рельсов тремястами пудами в год).

Интересы Джона Юза поэтому переплетаются с интересами другого действующего лица – *С. С. Полякова*, под руководством которого строилась *Курско-Харьковско-Азовская железная дороги* (1868 г.) и который мог придать начинаниям англичанина новый импульс. Железнодорожная индустрия требовала от С. С. Полякова обязательного сотрудничества с горной и металлургической промышленностью, которой нужен был уголь и чугун для производства рельсов.

Первую проблему «железнодорожный король» решил быстро. Используя организаторский талант предпринимателей *А. А. Ауэрбаха* («ртутный король»), *Н. С. Авдакова* (горный инженер), *Н .Ф. фон Дитмара* (Председатель совета Съезда горнопромышленников Юга России), он и его компаньоны (помещики *Иловайские* из рода донских казаков, братья *Рутченко* из рода сербских дворян, *П. А. Карпов* и *П. И. Губонин* – русские помещики) сумели создать шахтерские коллективы буквально на пустом месте (особо выделялся, например, коллектив *шахты «Кочегарка»*, построенной *П. Н. Горловым* и давшей жизнь одноименному городу).

Вторую – чугун и металл – можно было решить только путём отвода земли для строительства завода. И Поляков С. С. её решил: по указу правительства ему отвели для этих целей участок близ станции *Никитовка*. Однако, подпираемый конкурентами, он вскоре отказывается от этой затеи. И тогда в сюжет незаконченной истории вступает Джон Юз.

В 1874 г. он покупает у С. С. Полякова право на учредительство *Азовского металлургического завода*, переходит на обслуживание своих предприятий криворожской рудой и становится крупнейшим металлургическим монополистом в регионе. В комплекс предприятий Новороссийского общества входят теперь не только металлургический завод и угольные шахты, но и связавшая Юзовку с *Курско-Харьково-Азовской магистралью* 85-верстная *Константиновская железная дорога*, втянувшая *Кривбасс* в сферу промышленной индустрии Донбасса.

Именно это обстоятельство стало причиной расширения между ними сообщения. В 1875 г. состоялось открытие *Донецкой каменноугольной железной*

дороги общей протяжённостью 476 вёрст: в её строительстве принимает участие и русский промышленник *С. И. Мамонтов*, который к 1879 г. ввёл в строй железнодорожные участки *Дебальцево – Попасная*, *Попасная – Краматорск*, *Дебальцево – Луганск* и *Попасная – Лисичанск*).

Весной 1881 г. началось строительство *Екатерининской железной дороги*, которая к началу 1902 г. стала одной из крупнейших в Российской империи (её протяжённость составила 2166 вёрст).

В Донбасс потянулись инвестиции французского, бельгийского, немецкого и британского капиталов, с помощью которых было в этот период построено 17 металлургических и несколько машиностроительных предприятий: *Луганский завод Русского общества машиностроительных заводов Гартмана*, *Петровский* (назван в честь Петра I, совр. *Енакиевский*) *металлургический завод Русско-Бельгийского металлургического общества*, *Мариупольский металлургический завод Русско-Бельгийской компани «Русский Провиданс»* (1899 г.); *Котельно-механический завод в городе Харцызске* (1897 г.) и *Сталелитейный завод в городе Дружковке* (1898 г.), построенные *Бельгийским анонимным обществом механического завода* и *Торецким сталелитейным и механическим анонимным обществом*.

Успешному продвижению бельгийского капитала способствовали отечественные предприниматели *Ф. Е. Енакиев*, *Б. Л. Яловецкий А. К. Алчевский* и *И. И. Любимов* (*Русско-Бельгийское общество «Любимов, Сольве и К°»*). Они ввели в строй *Донецкий содовый завод* в селе *Верхнем* (1890 г.), шахту *«К. Скальковский»* (1897 г.), *Донецкий стекольный завод* в *Сантуриновке* (Константиновке; *фирма «Веррери дэ Аманд»*) и ряд предприятий огнеупорной промышленности.

Для координации деятельности многочисленных фирм в Донбассе предприниматели учредили первую в Российской империи представительскую организацию – *Съезд горнопромышленников Юга России* (1874 г.).

Ярким и неожиданным светом на донецком промышленном Олимпе засверкали заводские и шахтерские посёлки, молниеносно меняющие традиционный быт и психологию целого края и развивающиеся столь быстрыми темпами, что за ними уже не могли угнаться более старые города: *Юзовка* (*Донецк*), *Дмитриевка* (*Макеевка*), *Енакиево*, *Горловка*, *Дружковка*, *Константиновка*, *Харцызск*, *пос. Донецко-Юрьевского завода* (*Алчевск*), *Гришино* по численности населения и экономическому потенциалу начали превосходить уездные центры. В этих посёлках формировались условия для появления новой, межнациональной по форме и социальной по сути, культуры. Наиболее дальновидные инженеры *А. А. Ауэрбах*, *А. А. Свицин*, *В. И. Данчич* прививали рабочим культуру отдыха и спорта, отстаивали их право на

образование, отдельное жилье и участие в коллективном управлении предприятием.

Юзовские мотивы созданной и закреплённой в сознании донбассовцев онимосферы зазвучали не только при анализе донецкого стиля управления промышленностью, но и в «гуманитарных» областях:

- спорте (футбольная команда Юзовского спортивного общества, родоначальница будущего «Шахтёра», на равных участвовала уже со Второго первенстве Российской империи по футболу (1913 г.) [Мозговой 2000, с. 56-65]);

- фольклоре, синтезирующем элементы традиционных для России «сельских» мотивов с «промышленными» картинами труда и быта (сказах, песнях, присловьях, частушках, заговорах [Тимофеев 2008];

- архитектуре и «английской» традиции названий улиц в Донецке: *Первая линия*, *Вторая линия* и т. д. (они сегодня перенесены на название газеты и магазина *«Первая линия»*);

- русской (А. Блок, В. Вересаев, А. Куприн, А. Серафимович, К. Паустовский), украинской (С. Черкасенко) и греческой (И. Джуха) художественной культурах [Мозговой 2000; 2001];

- торговых марках вплоть до сегодняшнего дня *(«Юзбир», «Старый Юз», «Добрый Шубин», «Юзовская пивоварня», «Юзовские семячки»*);

- в последующих переименованиях: *Юзовка*, например, не случайно получила свои «синонимические» варианты в форме *Троцкий* (легенда или правда? того времени), *Сталино* (первое лицо в государстве), *Донецк* (центр Донбасса), а *Первая линия* превратилась в *улицу Артёма* в честь первого руководителя Донецкой области и т. п.

На весь мир прозвучали имена «донбассовцев»: металлурга *М. К. Курако*, русского учёного-геолога *Л. И. Лутугина*, профессора *А. Ф. Мевиуса*, русского мореплавателя *Г. Я. Седова*, деятелей образования, культуры, литературы и искусства *К. Д. Алчевской*, *В. М. Гаршина*, *В. И. Даля*, *Н. А. Корфа*, *А. И. Куинджи*, *А. И. Мерцалова*, *А. А. Ханженкова*, *В. И. Немировича-Данченко* и др.

Собственные имена приобрели языковые [Отин 1977; 1999; 2000; 2012; Першина 1993; 1994], речевые [Мозговой 2017; Отин 2010; 2014], художественные коннотации [Калинкин 1999] и стали явлением донецкой проприальной культуры.

Не случайно именно ей посвящены самые яркие страницы исследований Донецкой ономастической школы: В. М. Калинкина [Калинкин 1999], Е. С. Отина [Отин 1999; 2000; 2010; 2013; 2014], К. П. Першиной [Першина 1993, 1994, 2015], А. Ф. Михиной [Михина 2009], В. А. Кравченко [Кравченко 2009], В. И. Мозгового [Мозговой 2000; 2001; 2010], Тимофеева [2008] и др.

Постцивилизационный этап истории онимосферы Донбасса (с 1917 г.)

1. Период идеологического строительства новой проприальной культуры (1917 – 1991 гг.), который был связан с ломкой устоявшейся онимной системы и рождением «социалистических» моделей именования.

В роли своеобразного номинатора, заменившего первичного ономатета, стали выступать теперь государственные институты, которые, пересмотрев качественный состав и структуру именослова, не отменили «внешние» рычаги его регулирования. Оно отныне осуществлялось партийной номенклатурой:

1. Православная модель имянаречения была перенесена в светскую плоскость и «доверена» семье, но под контролем государства. Оно всячески поощряло появление имён-символов, соответствующих «духу» новой эпохи (*Сталина*, *Вилен*, *Октябрина*, *Нинель*, *Даздраперма*, *Владлен*, *Ким*, *Рой*, *Гертруда*; *Авангардов*, *Дамиров*, *Маевский*, *Комиссаров*, *Правдин*, *Ренатов*) и единую для всех трёхчленную формулу именования с использованием русских словообразовательных элементов или эквивалентов: азер. *Гусейн Исрафил оглы Алиев – Гусейн Израил****ович*** *Алиев*; армян. *Саркисьянц – Саркис****ов***; греч. *Папу Василиос – Поп****ов*** *Василий*, *Янакис – Иван****ович*** (хотя отчества у греков употребляются редко), *Николас – Николай*, *Костандинос – Константин* и т.п.

2. Модель фиксации государственной собственности, не нуждающейся в особой рекламе, стала опираться на коллективные начала жизнедеятельности и воспринималась как условность:

– названия в большинстве случаев акцентировали лексическое значение, различаясь лишь нумерацией объектов или нейтральной характеристикой: *Магазин № 27*, *Промтовары*, *Центральный универмаг*, *Универсам*, *Химчистка*, *Дом быта*, *Гастроном № 13*, *Ресторан*, *Фотоателье*;

– судьба СИ стала зависеть от внешне инициируемых переименований, периодически изменяющих топонимический ландшафт в зависимости от идеологических пристрастий лидеров руководящей партии: *Луганск – Ворошиловград – Луганск*, *Мариуполь – Жданов – Мариуполь*, *Бахмут – Артемовск*, *Юзовка – Сталино – Донецк*;

3. СИ расширили социальную сферу своего употребления до масштабов разговорно-бытового, публицистического и художественного стилей. Ономастика Донбасса стала самостоятельным разделом науки об именах, вступившей в собственно ономастический период своего развития. Он был связан с осознанием онимной лексики исключительно как явления языка, что стимулировало деление СИ на разряды в зависимости от денотата и их языковой структуры (*гидронимы*, *эргонимы*, *хоронимы*, *хрононимы*, *ойконимы*,

урбанонимы и т.п.) или жанрово-стилистического своеобразия (*коннотонимы*, *поэтонимы*).

Несмотря на коммунистическую заангажированность, большая их часть вписалась в культурно-языковой стереотип донбассовца, формирующегося на началах интернационализма. Так или иначе ему были понятны названия нового типа, связанные с идеализацией лидеров или образов новой эпохи (*Карло-Либкхнетовск, Счастье, Новый Свет, Золотое, Ленинское*), и переименования, отвечающие реальностям заселения территории новыми собственниками: *Остгейм – Тельманово, Юзовка – Сталино – Донецк, Катык – Шахтерск, Алексеевка – Алексеево-Леоново – Чистяково – Торез, Соляное – Славянск, Святогорск – Славяногорск, Лиман – Красный Лиман, Грюнталь – Мичурино, Гришино – Красноармейск, Чермалык – Заможное, Софиевка – Карло-Марксово, Сорокино – Краснодон, Хацапетовка – Углегорск, Тор – Красный Оскол, Петро-Марьевка – Первомайск, Мариуполь – Жданов, Новониколаевка – Буденновка – Новоазовск, Луганск – Ворошиловград, Кривая Коса – Седово, Большой Янисоль – Великая Новоселка, Бахмут – Артемовск, Алчевск – Ворошиловск – Коммунарск, Кадиевка – Серго – Стаханов, Михайло-Леонтьевская – Новошахтинск, Старый Керменчик – Старомлиновка* и др.

Старая антропо- и топонимосфера, утратила свою значимость (*Булавин, Юз, Екатерина II, Корф, Гартман, Луганск, Екатеринослав, Сорокино, Юзовка, Катык, Святогорск, Гришино* и др.) и была дополнена новыми героями (*Олег Кошевой, Алексей Стаханов, Паша Ангелина, Артем, Павел Беспощадный, Алексей Стаханов, Петр Кривонос, Макар Мазай*) или заменена символами новой эпохи (*Жданов, Сталино, Ворошилов, Ленинский район, Коммунарск, Шахтерск, Краснодон, Днепропетровск, Красноармейск, Славяногорск* и т. п.).

Впрочем, этот факт имел и негативные последствия.

Отстраненная добросовестность ученых при описании онимного поля и их молчаливое одобрение внешнего воздействия на проприальную культуру активизировало первую волну кризиса в ономастике.

Б. Период разрушения онимной ноосферы Донбасса путем «перевода» и массового переименования (с 1991 г.). Начавшийся ранее кризис обострился до размеров катастрофы и ознаменовался наибольшей противоречивостью во всей истории отечественной ономастики. В условиях ничем не ограниченной стихии рынка и неисчислимо возникающих при этом объектов номинации, большую часть которых составляли эргонимы, онимная «мода» стала диктоваться чиновниками, не считающимися с мнением владельцев или собственников имен. Стремясь любыми способами удержать приоритет

государства в условиях «свободы» отдельной личности и частного предпринимательства, они узурпировали право на официальную фиксацию СИ, превратив его в ложную лексему, покрывшую «вуалью» реальные объекты, но выпятившую полномочия власти [Мозговой 2017 б]. Административной элитой пошагово был инициирован ряд неправомочных действий по деноминации постсоветского онимного пространства, разного по способам его языкового «строительства» в новых государствах, но одинакового по степени негативных последствий для общества.

Первый шаг был связан с нивелированием национально «звучащих» антропонимов и их подгонкой под нормы «титульной» нации: русск. *Анна*, *Пономарев*, *Филипп*, *Афанасий*, *Дарья*, *Горлов* – укр. *Ганна*, *Пономарів*, *Пилип*, *Панас*, *Дарина*, *Горлів*; укр. *Білоусенко*, *Осипенко*, *Микола*, *Олена* – русск. *Белоусенко*, *Осипенков*, *Николай*, *Елена* и т.п.

Второй шаг сопрягался с процессом брейдинга, актуального для маркетинга «свободного» общества при рекламе товаров и услуг (*фирма «Адидас»*, *кафе «Свой»*, *супермаркет «Я любимый»*), но неприемлемого для реальных объектов государственной, муниципальной или коммунальной собственности: *Шахта им. А. Ф. Засядько – Арендное предприятие «Шахта им. А. Ф. Засядько»*, *Школа № 39 – Муниципальное образовательное учреждение «Основная школа № 39 г. Макеевки»*, *в кафе «Донецк» – в городе Донецк* (правильно: *в Донецке*), ГОСУДАРСТВЕННОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ДОПОЛНИТЕЛЬНОГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ «ДОНЕЦКИЙ РЕСПУБЛИКАНСКИЙ ИНСТИТУТ ДОПОЛНИТЕЛЬНОГО ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ»; ГОСУДАРСТВЕННОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ **«АКАДЕМИЯ ГРАЖДАНСКОЙ ЗАЩИТЫ»** МИНИСТЕРСТВА ПО ДЕЛАМ ГРАЖДАНСКОЙ ОБОРОНЫ, ЧРЕЗВЫЧАЙНЫМ СИТУАЦИЯМ И ЛИКВИДАЦИИ ПОСЛЕДСТВИЙ СТИХИЙНЫХ БЕДСТВИЙ ДОНЕЦКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ.[9]

Политический нейминг оказался настолько притягательным, что захватил даже обычные номинации, разрушив в них лексическое значение и придав им функции несуществующих СИ: *факультет экономики и менеджмента – факультет «Экономика и менеджмент»*, *кафедра гуманитарных дисциплин – кафедра «Гуманитарные дисциплины»*.

Синтаксис подобных «именований» (не «университет – учреждение», а «учреждение – университет») и их графические символы (кавычки, заглавные буквы) разрушили СИ, но стали подчёркивать диктат чиновника, узурпировавшего власть на не принадлежащие ему имена. Заводы, шахты,

[9] В написании сохранена современная графика их оформления в документах.

университеты, больницы, школы превратились в никому не известные организации (*Государственная образовательная организация «Донецкий национальный университет экономики и торговли»*), предприятия (*ЧП «Сергеев» – Служба спасения оргтехники, г. Мариуполь»*), общества (*ООО «АЗОВГАЗ»*), управляемые людьми непонятной национальности (*Platinum Мебель, Bon Appetit Продукты*, *Столовая «Їжа-чок»*), проживающими в иллюзорном населённом пункте (*г. Никитовка // м. Микитівка*) [Мозговой 2017а, б; 2018].

Парадоксальная ситуация не может продолжаться сколь угодно долго. Апелляция к тому, что все происходит в рамках «системы», не имеет смысла, потому что система стала другой. Субъективное отторжение Донбасса долгое время знаменовалось навязыванием несвойственной для него моделью унитарности, национальной ограниченности, культурной и языковой примитивности, психологии сельского собственника, истеричного русофобства и идеологической нетерпимости. Поэтому нужно либо изменять систему, либо подстраивать под неё онимосферу. Первое предпочтительнее, поскольку сохраняет второе.

4.2. Эргонимия Донбасса: названия угледобывающих предприятий

К.В. Першина

В современной восточнославянской ономастике чётко определился региональный подход к анализу эргонимов; они изучаются на разных территориях и в разных аспектах [Бузинова 1999; Бузинова 2007; Ворошилова 2007; Горяев 2017; Грибанова 2002; Емельянова 2007; Крюкова 2012; Курбанова 2012; Кутуза 2003; Отин 1999; Сидоренко 2013; Трапезникова 2010; Турута 2012; Шимкевич 2002; Яловец-Коновалова 1997]. Географическая привязка сближает эргонимы с топонимами, встречаются даже утверждения о том, что любой промышленно-хозяйственный объект можно считать не только эргонимическим, но и топонимическим объектом [Шимкевич 2002, с. 7]. Такое утверждение нуждается в корректировке: объект промышленного назначения может выполнять и добавочную функцию топографического объекта. Исследование эргонимии того или иного региона предполагает изучение конкретных историко-экономических и культурных условий его формирования и развития и на основе этого изучения выявление характерных особенностей регионального номинативного дискурса. Вторым условием проведения региональных исследований является опора на общеономастические свойства эргонимов как разряда онимных единиц.

Одно из отличительных свойств эргонимов – высокая степень изменчивости их состава, структурных типов, производящей лексики, что

является следствием изменения государственной политики и идеологии, экономических преобразований, изменений в психологических установках носителей языка, изменениях модного языкового стандарта [Крюкова 2012, с. 298–299]. Все сказанное справедливо и по отношению к эргонимии Донбасса. Исходя из этого эргонимную номинацию в донецком крае целесообразно рассматривать в рамках определённых периодов исторической и экономической жизни региона.

Ещё одной особенностью эргонимов является наличие нормативно-правовых требований к именованиям деловых объединений людей (действуют в сфере официального наименования): наименование должно быть зафиксировано в полной письменной форме с обязательной юридической регистрацией; должно иметь трёхкомпонентную структуру, отражающую юридический статус именуемого объекта, вид делового объединения и собственно онимное обозначение объединения. В связи с этим представляется целесообразным разграничивать эргонимные наименования и собственно эргонимы.

Донбасс формировался и развивался как индустриальный регион. Промышленная эргонимия в ХХ в. составляла центр эргонимного сектора ономастикона края. Однако системному исследованию она до настоящего времени ещё не подвергалась, несмотря на то, что в работах Е.С. Отина и З.И. Бузиновой [Отин 1999; Бузинова 1999] была заложена серьёзная методологическая база для изучения этой разновидности проприальных именований, позволяющая выявлять региональную специфику отдельных групп производственных эргонимов.

В данной статье анализируется номинация предприятий угледобывающей сферы Донбасса на протяжении 2-й половины Х1Х в. и всего ХХ в., т.е. досоветского и советского периодов; основное внимание сосредоточено на принципах и признаках номинации, используемых при создании собственно эргонимного компонента наименований предприятий. Фактологическую базу составляют названия угольных предприятий Малого (Старого) Донбасса. Анализу подвергаются официальные письменные формы именований угольных предприятий.

Основные классы референтов эргонимов в угледобывающей отрасли Донбасса, выделяемые в анализируемое время, – копи, рудники, шахты, обогатительные фабрики, брикетные фабрики, угольные объединения. Они формируют центр референтного поля. К этому центру примыкают те производственные единицы, которые связаны с научно-исследовательским, техническим, геологоразведочным, горноспасательным обеспечением деятельности угольных предприятий.

По мере развития угледобывающей промышленности Донбасса данное референтное поле претерпевало качественные и количественные изменения, связанные с выведением объектов угледобычи из эксплуатации или их объединением.

Первым по времени возникновения классом референтов на данной территории в анализируемой производственной сфере являются копи. Копь – это предприятие крайне низкого уровня технической оснащённости, предназначенное для добычи полезных ископаемых, в том числе каменного угля, открытым способом. Создание копей не требовало больших финансовых затрат и инженерно-технического обеспечения: снимался пласт почвы и при помощи кайл и топоров производилась вырубка каменного угля. Вариант нарицательного названия этого объекта – копанка.

Следующий класс референтов – рудники. Рудник – это горнопромышленное предприятие по добыче рудных полезных ископаемых подземным и открытым способами. До начала XX века к рудникам относили и предприятия, предназначенные для добычи нерудных полезных ископаемых. В Донбассе рудники стали возникать на рубеже Х1Х – XX вв. в процессе развития технологии и организации угледобычи; рудник в это время обычно представлял собой несколько шахт, принадлежавших одному владельцу и разрабатывавших один и тот же угольный пласт (Донецк 1969, с.28). Ср. некоторые примеры. Александровский рудник (располагался при слободе Александровка, территория современного г. Донецка от телецентра до улицы Ленина) включал три шахты – Гурьевская (заложена первой в 1842 г.), Михайловская и Елизаветинская (заложены позже) (Донецк 1969, с.27). Шахты «Мария», «Иван», «София», «Сергей», принадлежавшие помещикам Иловайским, были объединены в 1859 г. в Макеевский каменноугольный рудник (История городов и сел 1976, с.488). В 1910 г. на территории Макеевского горного района было 18 рудников, объединявших 37 шахт (История городов и сел 1976, с. 490).

Основной класс референтов в угледобывающей сфере Донбасса начиная с 20-х годов XX в. – шахты. Основным компонентом рассматриваемого референтного поля шахта становится в 20-е-30-е годы XX ст. Содержание понятия «рудник» начинает меняться в сторону сближения с содержанием понятия «шахта». К середине XX в. шахта стала представлять собой крупное комплексно-механизированное и автоматизированное горнодобывающее предприятие, оснащённое разнообразными электрофицируемыми и гидрофицируемыми машинами, автоматизированными системами управления и связи, водоотлива, транспортировки угля на поверхность, вентиляции, которые

облегчают труд шахтёров и создают необходимые условия для безопасного ведения работ в подземных выработках.

Следующие два класса референтов – обогатительные и брикетные фабрики. Обогатительная фабрика – это горное предприятие для первичной обработки твёрдых полезных ископаемых с целью получения технически ценных продуктов, пригодных для промышленного использования. В период индустриализации обогатительный фабрики в Донбассе создаются для обслуживания всех угледобывающих предприятий отдельных городов, их наименовывают аббревиатурой ЦОФ / цоф (<центральная обогатительная фабрика). В разговорной речи жителей Донбасса эта аббревиатура склоняется как существительное мужского рода.

Предприятия по брикетированию угля (брикетные фабрики) позволяют утилизировать невостребованные мелкие фракции угля, улучшить в результате брикетирования качественные и теплотехнические характеристики топлива при значительном увеличении полноты сгорания, уменьшить загрязнённость окружающей среды. Брикетирование угля является экологически чистым, высокоэкономичным, компактным и бесшумным производством.

Предприятия угольной промышленности различны по сферам деятельности: копи, шахты, рудники ведут добычу угля, обогатительные фабрики обогащают, маркируют, перерабатывают уголь, предприятия по брикетированию – производят угольные брикеты.

Все названные виды предприятий в советское время входили в состав угольных объединений, которые также являются разновидностью референтов эргонимной номинации.

Угледобывающие предприятия на территории Донбасса с самого начала промышленного развития края и на протяжении всего XX в. играли очень важную роль в жизни населения региона. Это прежде всего относится к шахтам, которые, кроме производственно-экономических функций, выполняли градообразующую функцию и функцию социальной организации жизни населения шахтёрских поселков. Эта их роль хорошо описана, например, в романе А. Фадеева «Молодая гвардия», на страницах, где речь идёт о шахте № 1-бис, её значении для возникновения и жизни города Краснодона. В онимно-номинативной сфере это обусловило теснейшую связь эргонимов (названий рудников и шахт), ойконимов и урбанонимов [Першина 1994; Бузинова 2007]. Ср. обычные для жителей Донбасса речевые конструкции *живу/жил на Восемь-Восемь, на Первой шахте, на Заперевальной*, в которых функцию урбанонима выполняют названия шахт; описательные конструкции ойконимного характера в официальных справочниках административно-территориального деления: *посёлок шахты № 7–7 бис,*

посёлок шахты № 25, посёлок шахты № 16 «Основная» (Донецька область, с. 159, 164).

Проведённый анализ показал, что названия угледобывающих предприятий Донбасса начали возникать в режиме естественной (стихийной) номинации, в процессе которой определялись принципы и модели номинации объектов путём отбора из уже имеющихся в языке онимно-номинативных моделей именования предприятий хозяйственной деятельности. Начало появления указанных названий совпадает с началом создания копей, рудников и шахт. В досоветское время номинаторами чаще всего выступали владельцы крестьянских или помещичьих копей, кроме них эту роль могли выполнять акционерные общества, арендаторы, государственные институции (если предприятие возникало на казённых землях). Этот вид номинации не опирается на предписания нормативно-правового характера. В советское время, когда все угольные предприятия были национализированы, номинаторами стали государственно-производственные структуры и (реже) трудовые коллективы. Например, по инициативе последних в годы индустриализации возникли названия шахт *«Кочегарка»* в г. Горловка (предыдущие названия *шахта № 1*, *Корсунская копь № 1*), *имени «Правды*» (полное название *№12–18 имени «Правды*») в г. Донецке. Номинирование шахт в этот период вводится в рамки искусственной номинации, содержащей определённые требования к структуре наименования, но не отменяющей уже сложившейся номинативной практики.

В последние десятилетия Х1Х – первые десятилетия ХХ вв. сформировался определённый круг принципов и признаков номинации угледобывающих предприятий Донбасса, в соответствии с которыми выделяются определённые ономасиологические типы их названий. Принцип номинации – это целевая установка номинатора на определение концептуального поля, в рамках которого осуществляется выбор признаков номинации для именуемых объектов. Признак номинации – это тот компонент концептуального поля, который становится опорой номинации того или иного объекта и направляет поиски языковых средств его воплощения. Принцип и признак номинации – это обязательные составляющие ономасиологической структуры, которая «должна выявлять мотив, цель номинаторов, акцентные, грамматические показатели, определённые связи семантики с формой знака, когнитивной моделью объекта с указанием пропозитивных мест мотиваторов или их ассоциативных сближений с другими концептами, а также коннотативные элементы, нередко ономасиологически фиксируемые и концептуально обеспеченные» [Селиванова 2000, с. 29–30].

Основными принципами номинации при создании анализируемых эргонимов выступали следующие: номинирование по отношению объекта к

собственнику/собственникам; по местоположению объекта; по порядку закладки объекта, по производственным характеристикам объекта. Каждый из этих принципов характеризуется набором признаков номинации и лексических средств их номинативного воплощения.

1. Отношение к собственнику или собственникам. При реализации этого принципа ориентировались на владельцев, их семейное окружение, их количество и социальный статус и пр. В качестве производящих единиц использовались различные проприальные именования:

а) фамилия владельца рудника / шахты: *Фурсовский* (< *Фурсов), Пастуховский* (< *Пастухов), Марковский (< Марков), Рутченковский (< Рутченко), № 3 Кольберга (< Кольберг), Ломбардо (<Ломбардо);*

б) личные имена членов семей владельца шахты / рудника: *«Мария», «Иван», «Сергей», «София», «Анна», «Людмила», «Вера», № 1 «Карл», № 5 «Альберт», №8 «Альфред», «Лидиевка»;*

в) фамилия или личное имя владельца земельного участка, на территории которого закладывалась шахта: «*Смолянка» (< Смолянинов), «Кондратьевка» (< Кондратьев), «Софиевка»,* вариант *Софиевский рудник* (< *Софья Раевская*);

г) фамилия арендатора помещичьих земель: шахта *«Давыдовка-1»,* шахта «*Давыдовка-8*», шахта «*Давыдовка-9»* (<*Давыдов*, носитель фамилии арендовал земли у помещика Орлова);

д) фамилия инженера, обеспечивавшего проектирование, строительство и эксплуатацию объекта: шахта *Гурьевская* (< Гурьев, горный инженер);

е) именование акционерного общества: шахта *акционерного общества «Снежнянский антрацит»*, рудник *«Ремовский антрацит»*, рудник *Прохоровской Трехгорной мануфактуры*, угольный рудник *«Бельгийского анонимного общества государевобайракских каменноугольных копей»,* шахта *«ДонЮРГО», рудник Франко-Русский,* шахта *«Рудник Боковский антрацит»* и др.;

ж) руководителя делового объединения, к которому относилась шахта: *шахта Бунге* (< фамилия *Бунге*, принадлежала главе правления Русско-бельгийского металлургического общества);

В официальных письменных формах названий предприятий антропонимы используются как одиночные слова, примеров эргонимизации антропонимных формул не наблюдается. Названия акционерных обществ используются в полной форме.

2. Местоположение предприятия. При реализации этого принципа номинации признаками номинации избирались смежные селения, части селений, природные географические объекты, объекты хозяйственного назначения, пространственное расположение по отношению к другим

объектам, природным или хозяйственным. Лексическую базу реализации указанных признаков номинации составляют:

а) местные топонимы, номинирующие смежные географические объекты: названия селений, рек, балок, урочищ и других географических объектов, например: *Корсунская копь* < б. *Корсунская*< р. *Корсунь*, *Григорьевский рудник*< с. *Григорьевка*, *Гродовский рудник*< с. *Гродовка*, *Берестовский рудник*< б. *Берестовая* , «*Веровка*» < с. *Веровка, Щербиновский < с. Щербиновка, Голубовская копь < с. Голубовка, рудник Екатерининский < с. Екатериновка, «Холодная балка»* <б. *Холодная,* рудник *«Государев Байрак»,* вариант *Государево-Байракский* <уроч. *Государев Боерак;*

б) прилагательные пространственно-ориентировочной семантики: «*Центральная*», *«Южная», «Восточная», «Северная» (< р-к «Северный»)*

в) апеллятивных названий смежных объектов хозяйственного назначения, например, шахта «*Ветка*» <*железнодорожная ветка*, шахта «*Заводская*» <*завод*.

3. Порядок закладки и особенности развития предприятия (укрупнение, присоединение к уже существующему). Этот принцип номинации обычно использовался при назывании небольших шахт, входящих в рудник на правах его составных частей. Реализовался он посредством использования имён числительных: шахта *№11,* шахта *№18,* шахта *№19* (в составе Рутченковских копей), *шахта №1* (Софиевский рудник). Часто такой признак номинации объединяли с одним из рассмотренных выше: *«Корсунская копь № 1», № 8 «Альфред», №5 «Альберт», «Щегловка № 1»,* шахта *№30 «Рутченковка».* Объединение в одном угледобывающем предприятии двух ранее обособленных, но находящихся на общем шахтном поле шахт часто обозначалось путём соединения их названий в одной номинативной единице. Обычно так объединяли номерные названия шахт: шахта *№ 12-13,* шахта *№ 5-6,* шахта *№ 4-21*, шахта *№ 1-18,* шахта *№ 11-21,* шахта *№ 19-20* и др. Подобные шахтные имена могли появляться в результате объединения нового и предыдущего номерного обозначения одной и той же шахты. Так, например, возникло название шахты *№ 3-18* в Петровском р-не г. Донецка. Специально отражали в названии шахты её появление как шахты-«близнеца», заложенной в непосредственной близости от первичного предприятия. В таких случаях использовалась номинативная формула «№ исходной шахты + наречие *бис* ‘дважды'»: шахта *№ 11-бис,* шахта *№ 13-бис,* шахта *№ 3-бис*, шахта *№ 15-бис* и др. Ещё одна разновидность номерного обозначения шахты – объединение номерного обозначения первичной шахты и номерного обозначения шахты-близнеца: шахта *№ 1-1 бис*, шахта № *4-4 бис*, шахта № *17-17 бис*, шахта № 2-2 бис, шахта 14-14 бис. Сдвоенные номерные наименования шахт могли

появляться в результате объединения номерных обозначений двух планируемых стволов или шурфов, находящихся на одном шахтном поле. Использование числительных при наименовании шахт – это, с одной стороны, отличительная черта этого отдела промышленной эргонимии Донбасса в сравнении с другими её отделами, а с другой стороны, объединяющая её с эргонимиями других угледобывающих регионов. Ср. сведения из истории шахты «№ 12 в г. Киселевске Кемеровской обл. РФ: «<…> в 1935 г. было произведено объединение шахт №1 и № 2 в единый комплекс, а предприятие получило наименование шахта № 1-2» (Горная энциклопедия). Рассмотренные номерные названия шахт – это эргонимы-профессионализмы, их возникновение осуществляется в рамках производственного процесса и определённого производственного пространства. Активно этот принцип номинации применялся в 20-е – 30-е гг. ХХ в., когда стране требовалось много угля и в строй вводилось большое количество новых шахт. После Великой Отечественной войны этот способ наименования шахт утрачивает продуктивность.

4. Производственно-технические характеристики шахты. Признаками номинации при реализации этого принципа номинации избираются технологические особенности шахтных стволов, геологические особенности залегания угольных пластов или свиты пластов, марки добываемого угля: «*Капитальная*», *№ 6 «Капитальная»*, *№ 9«Капитальная», «Вентиляционная», «Наклонная София», «Наклонная Елена», «Ветка-Наклонная», «Крутая», «Вертикальная», № 32 «Подъёмная», «Ветка-Глубокая», «Алмазная», «Антрацит».*

В 20-е – 30-е гг. ХХ в. в русской эргонимии, как и в других группах онимной лексики, «происходит качественная перестройка семантических отношений, предполагающая социальную переориентацию принципов называния и отбора эргонимической лексики» [Бузинова 1999 с.60]. В послеоктябрьский период «система промышленных названий, с одной стороны, опирается на уже сложившийся в дореволюционный период набор определённых семантических моделей, <…> с другой стороны, в ходе массовой номинации новых производственных единиц и переименования старых складываются принципиально иные, в отличие от дореволюционного периода, типы эргонимов» [Бузинова 1999, с.60]. Такая смена «номинационных вех» осуществляется и в промышленной эргонимии Донбасса, в том числе и при официальном назывании угледобывающих предприятий. В их названиях перестали отражать отношения собственности, поскольку угольные предприятия были национализированы и перешли в государственную собственность. Связанную с реализацией этого принципа антропонимию как

источник производящих лексических единиц переориентировали на выражение номинативного принципа меморативности, который базируется не на идее собственности, а на идее общественного признания вклада того или иного человека в жизнь социума. Вследствие этого из круга эргонимопроизводящих антропонимов были исключены личные имена, поскольку в капиталистическую эпоху они эксплицировали в эргониме идею частной собственности, что было идеологически неприемлемо в рамках социалистической модели общественного устройства. Основным разрядом производящих антропонимов становятся фамилии (или эквивалентные им псевдонимы): *имени Поченкова, имени Засядько, имени Гаевого, имени Батова, имени Горького, имени Чапаева, имени Ткачука, имени Абакумова, имени Скочинского, имени Калинина, имени Румянцева, имени Свердлова, имени Артёма* и др. Многие из таких названий возникали в результате переименования.

Принцип меморативности реализуется в названиях угледобывающих предприятий также путём использования хрононимов и геортонимов, связанных с советским календарём и значимыми событиями новой социалистической действительности: *имени 1 Мая, «Красный Октябрь»*, *«Октябрьская», имени 50-летия СССР*, *имени Х1Х партсъезда.*

Необходимо отметить, что принцип меморативности онимной номинации тесно связан с идеолого-аксиологическим принципом номинации (под последним понимаем установку на создание названий, в содержательной структуре которых получают отражение актуальные для определённого периода развития общества идеологические и нравственные ценности). По большому счету эти принципы составляют единое концептуальное поле, содержательные компоненты которого манифестируют идеологемы и нравственные ценности социума. В эпоху социализма идеолого-аксиологический принцип номинации значительно активизируется, особенно в эргонимии, ойконимии, урбанонимия. Его реализация повлекла за собой активное использование апеллятивных лексики соответствующих семантических групп. Коснулось это и процесса наименований угледобывающих предприятий Донбасса. Стали использовать апеллятивы и онимы, связанные с общественно значимыми концептами советского времени: *«Красный Профинтерн», «Юнком» <«Юный Коммунар», «Коммунист», «Новый Донбасс», «Прогресс», «Ударник», «Возрождение», имени Челюскинцев, «Гигант», «Молодогвардейская», «Партизанская»*, «*Красный Партизан», «Майская»* и др.

В отличие от принципа отношения к собственнику, принцип отражения в названии местоположения шахты продолжает активно использоваться и во 2-й пол. XX в. В качестве производящих слов используются местные ойконимы:

«*Добропольская*», «*Моспинская*», «*Белицкая*», «*Родинская*», «*Красноармейская-Капитальная*», хороним *Донбасс*: «*Новый Донбасс», «Южнодонбасская №1*», гидронимы: «*Миусская*», «*Торецкая*», прилагательные *северный, восточный, западный: «Северная», «Южная», «Красноармейская-Западная № 1», «Самсоновская-Западная», «Суходольская-Восточная», «Новопавловская-Восточная».*

В ряде названий шахт отражаются топонимы (хоронимы), географически не связанные с территорией Донбасса: *«Полтавская». «Запорожская», «Винницкая», «Житомирская», «Киевская».* Такие названия (их сравнительно немного) не связаны с принципом номинации по местоположению, их следует рассматривать как одно из проявлений идеолого-аксиологического принципа, поскольку образованы эти названия от названий территорий, посланцы которых участвовали в возведении данных шахт в 50-е – 60-е гг. XX в.

В середине XX в. реже стали отражать в названиях шахт их характеристики как особого вида производственного объекта. Актуальными признаками номинации остались глубина залегания разрабатываемых пластов, технические показатели оборудования шахты: *«Бутовская-Глубокая», «Шахтерская-Глубокая» «Красноармейская-Капитальная»*, «*Должанская-Капитальная*» др.

В данной группе промышленных эргонимов Донбасса в анализируемый период наблюдается стремление постепенной замены старого названия новым, часто путём их объединения, что диктуется необходимостью точной производственной идентификации объекта. Неактуально для этого времени введение рекламной составляющей в содержательную структуру данных эргонимов.

Глава 5. Лингвокультурное пространство Донбасса

5.1. Концептосфера города: категориальный аппарат

М.Г. Евсеева

Данный раздел представляет собой отправную точку цикла публикаций, объединённых сквозной идеей концептосферы города и вытекающей из неё идеей города как метатекста применительно к лингвокультурному и семиотическому пространству Донецка. Здесь мы постараемся очертить историю вопроса и категориальный аппарат исследуемой проблемы.

Идея филологического осмысления гностического понятия концепт принадлежит, как известно, С.А. Аскольдову (Алексееву), работа которого «Концепт и слово» [Аскольдов, 1997] долгое время оставалась малоизвестной после первой публикации. Обращение к названной работе Д.С. Лихачёва в статье 1993 г. и повторное опубликование обеих работ в 1997 г. породили новую волну научного интереса к проблемам дифференциации и функционирования концептов в языке, культуре, художественном тексте. С.А. Аскольдов, с одной стороны, трактует концепт семиотически и «статически» – как «общее понятие» [Аскольдов, 1997, с. 267], «мысленное образование, которое замещает нам в процессе мысли неопределённое множество предметов одного и того же рода» [там же, с. 269], с другой стороны, «динамически» – как «зачаточный акт к возможным операциям над конкретностями» [там же, с. 263]. Художественный концепт мыслится исследователем как «потенциал» образа, «ключ» к нему, «задача найти по части целое» [там же, с. 275]. Среди художественных концептов С.А. Аскольдов выделил концепты художественно-эмотивные, «заключающие не только потенцию к раскрытию образов, но и разнообразно волнующих чувств и настроений» [там же, с. 276]. Как видим, тесная сопряжённость концепта с предметными сферами коннотации и художественной образности была определена «с первых дней» его существования в филологии.

Д.С. Лихачёв, развивая в упомянутой работе [Лихачёв, 1997] идеи С.А. Аскольдова, предлагает считать концепт своего рода «алгебраическим выражением значения», которым мы оперируем в своей письменной или устной речи, ибо охватить значение во всей его сложности человек не может» [Лихачёв, 1997, с. 281]. Кроме того, содержание концепта, по Лихачёву, существенно обусловлено языковыми опытом и компетенцией говорящего (а «качество» восприятия концепта – теми же характеристиками слушающего). Поэтому «концепт не только подменяет собой значение слова, и тем самыми

снимает разногласия, различия в понимании значения слова (…), он в известной мере и расширяет значение, оставляя возможности для сотворчества» [там же, с. 282]. Как видим, частичное пересечение сфер обозначаемого концепта и коннотации прослеживается и в данном рассуждении. В адекватном восприятии концепта важную роль играет его контекстуальное окружение. Таким образом, «концепт находится между богатыми возможностями, возникающими на основе его «заместительной функции», и ограничениями, определяемыми контекстом» [там же, с. 282]. Важным для нас является также замечание Д.С. Лихачёва о том, что «своими концептами обладают не только отдельные слова, но и целые фразеологизмы» [там же, с. 283]. Собственно, это утверждение справедливо в той мере, в какой фразеологизм (идиома) приближается к слову в плане нечленимости своего значения. Иными словами, идиома представляет собой «единицу смысла» – так же, как и концепт. Совокупность концептов и «открываемых (ими. – М.Е.) потенций» Д.С. Лихачёв предложил называть концептосферой [там же, с. 282] «по типу терминов В.И. Вернадского ноосфера, биосфера и пр.» [там же, с. 287]. Исследователь выделяет концептосферу языка и концептосферу конкретного человека.

Лингвисты и культурологи, использовавшие и развившие идеи Д.С. Лихачёва, обосновали приложимость термина концептосфера к языковому обозначению всякой реалии материального либо абстрактного характера, представляющей собой систему реалий-компонентов – и, соответственно, систему смыслов, концептов. Т.А. Тарасенко говорит о концептосфере с исходным словом «лето» [Тарасенко, 1989]. Мы, опираясь на приведённые исследовательские прецеденты, будем говорить о концептосфере города – языковом явлении, имеющем общую (не зависящую от конкретной материальной репрезентации) смысловую базу и ряд более или менее частных аспектов семантики (детерминированных конкретной реалией).

Ю.С. Степанов определяет концепт как ««пучок» представлений, понятий, значений, ассоциаций, переживаний, который сопровождает слово» [Степанов, 2001, с. 43]. Для нас существенно проводимое исследователем разграничение сфер, обозначаемых терминами концепт и понятие. «В понятии, – отмечает Ю.С. Степанов, – различают объем – класс предметов, который подходит под данное понятие, и содержание – совокупность общих и существенных признаков понятия, соответствующих этому классу» [там же, с. 44]. В гуманитарной гностике «термином концепт называют лишь содержание понятия; таким образом, термин концепт становится синонимичным термину смысл. В то время как термин значение становится синонимичным термину объем понятия» [там же, с. 44]. Комментируя данную понятийную

дифференциацию, Ю.С. Степанов приводит известные слова Готтлоба Фреге («Смысл – это путь, которым люди приходят к значению») и констатирует далее: «Такое понимание смысла включает в него и историю концепта, как бы подвергшуюся «компрессии», сжатую и синтезированную» [там же, с. 45]. Соответственно, в концепт (в данной его трактовке), наряду с синхроническим значением соответствующей языковой единицы, латентно входят её диахронические (глоттогонические) семантические реляции и весь спектр возможных для неё коннотаций – референтных и эмоционально-экспрессивных (как в приводимом Ю.С. Степановым примере «‘петух’ – ‘вещая птица, с которой связано много поверий и обрядов’» [там же, с. 45]).

Следует отметить, что вопрос о дифференциации «концепт» – «понятие» – «значение» считается не решённым до настоящего времени и представляет собой одну из актуальных проблем современной лингвистики. В частности, Л.А. Шестак определяет концепт синкретично – в русле лингвистической и культурологической трактовок одновременно, – как «смысловое поле, ценностно осмысленное традиционное знание» [Шестак, 2003, с. 16], где «ценностность» – категория культуры; «смысл (знание)» – когнитивной лингвистики. Исследовательницей принимается и понятие концептосферы. «Концептосфера и тезаурус национального сознания, – отмечает Л.А. Шестак, – различаются отражением объективно-субъективного плана (тезаурус) и ценностно-осмысленных (концептосфера) точек бытия» [там же, с. 16]. Существенной для нас является предложенная Л.А. Шестак трактовка мифологического концепта. По мнению исследовательницы, «мифологический концепт как ментальное образование имеет ядро – свёрнутый текст теологического ценностного характера, представленный на вербально-ассоциативном уровне языковой личности именем концепта, иногда в виде формальных синтаксических (обыденное и терминологическое наименование) рядов: поэт – певец» [так же, с. 216].

Завершая обзор трактовок понятия концепт, считаем необходимым отметить, что само это понятие и обозначаемое им явление активно применяются в настоящем исследовании, но не являются ключевыми для его категориального аппарата. Кроме того, определение концепта, как видим, до сих пор является проблематичным для ведущих представителей отечественного языкознания. Поэтому мы считаем правомерным не выдвигать собственной формулировки этого понятия, а воспользоваться вышеприведённым определением, предложенным В.И. Карасиком: Концепт – «многомерное смысловое образование, в котором выделяются ценностная, образная и понятийная стороны» [Карасик, 2002, с. 129].

Как видим, одной из существенных характеристик концепта и концептосферы во всех приведённых выше трактовках этих понятий является включенность в их смысловой объем переносных, образных значений (смыслов) языковых единиц. Поэтому представляется целесообразным рассмотреть также сложившееся в гуманитарной сфере науки понимание терминов образ, образность.

Понятие образности в её лингвистическом приложении изучается в гуманитарной гностике достаточно давно. Представление об образе как средстве формирования метафоры и её отличительных свойствах возникло ещё в античности. Хотя в целом античная риторика рассматривает метафору поверхностно, вне связи с образностью (на что указывает С. Меликова-Толстая [Меликова-Толстая, 1936, с. 158]), тем не менее, в отдельных высказываниях античных учёных намечено понимание метафоры как семантического образования. Таковое, вычленяя сходство между разными предметами, передаёт целостный образ предмета и тем самым непосредственно воздействует на органы чувств. В частности, эта идея отчётливо сформулирована Цицероном [там же, с. 217]. Цицерон упоминает также о том, что метафора «обращается непосредственно к внешним чувствам, а в особенности к зрению, чувству наиболее обострённому» [там же, с. 217].

А.А. Потебня, глубоко исследовавший прагматическую сущность образности, выделил опосредующее звено между двумя предметами и назвал его средством апперцепции. Таким посредником Потебня считает как общие черты, которые могут быть обнаружены между двумя группами восприятий, так и само слово [Потебня, 2000, с. 136]. Идеи Потебни предвосхитили современные идеи, касающиеся семантического устройства образной номинации. С ними же связаны поиски и определение той части семантического компонента, который непосредственно осуществляет «перенесение» признака от одной группы восприятий к другой.

Для конкретизации категориального аппарата настоящей диссертации представляются существенными некоторые положения работы Е. Куриловича «Заметки о значении слова». Интересующий нас тип значения языковой единицы именуется автором «вторичным» [Курилович, 1962, с. 238] – этот термин, как известно, используется многими исследователями и по сей день. Примечательно указание Е. Куриловича на то, что «некоторые – именно вторичные – употребления слова определяются именно посредством семантической обстановки» [там же, с. 239]. Относительно образных (вторично-номинативных) свойств идиом Е. Курилович отмечает, что «контекст влияет на фразеологический оборот как на семантическую единицу» [там же, с. 343]. Это значит, что идиома в художественном тексте представляет

собой не только единый концепт, но и единый образ. Ключевым фактором образного изображения исследователь называет «общий семантический элемент» буквального и образного значений [там же, с. 245]. Позже, в исследовании Н.Г. Скляревской, то же явление было названо «символом метафоры» [Скляревская, 1993, с. 47]. Положения рассматриваемой работы Е. Куриловича, отметившего, что «полисемия и синонимика, влияние контекста на значение и чередование форм, неразрывно между собою связанные, создают единство как грамматического, так и лексического исследования» [Курилович, 1962, с. 250], нашли отражение и продолжение во многих более поздних исследованиях различных авторов.

Следует отметить также широкую заинтересованность проблематикой образного в человеческом сознании и языке выдающегося учёного, автора многих трудов по эстетике, философии и лингвистике, А.Ф. Лосева. Интересующий нас вопрос затрагивается в ряде лингвистических работ учёного [Лосев, 1982, Лосев, 1997]. В этих работах привлекает внимание прежде всего авторская трактовка понятий символ и образ, и поныне нередко смешиваемых и опытными, и начинающими филологами. В указанном смысле показательно определение символа, принадлежащее С.С. Аверинцеву. «Символ, – пишет исследователь, – есть образ, взятый в аспекте своей знаковости, и знак, наделённый всей органичной и неисчерпаемой многозначностью образа» (цит. по [Шама, 1993, с. 4]). Подобные формулировки, являющиеся, по существу, беспредметной игрой понятий, представляются нам одним из очевидных показателей отсутствия чёткого разграничения определений символа и образа в современной лингвистике. «То, чего нет в символе, и что выступает на первый план в художественном образе, – отмечает в данном отношении А.Ф. Лосев, – это автономно-созерцательная ценность» [Лосев, 1982, с. 142]. «Символ вовсе не обязан быть художественным образом, и наоборот» [там же, с. 142]. «Художественному образу свойственна лишь «первая степень символики» – соотнесённость с определённой идеей» [там же, с. 145].

В рассуждениях А.Ф. Лосева о художественном образе для нас значима также трактовка понятия «живописного образа» в поэзии, предложенная исследователем в работе «Проблема вариативного функционирования поэтического языка» [Лосев, 1997]. Такой образ, по Лосеву, всегда является: 1) плоскостным, 2) поверхностным, 3) воспринимаемым преимущественно зрительно [Лосев, 1997, с. 409].

Очевидно, что в данном случае речь идёт о прямой терминологической аналогии, предполагающей буквальное понимание определения «живописный» – аналогичный по основным изобразительно-выразительным характеристикам образу живописи, но вербальный, созданный языковыми средствами.

В отечественной и зарубежной лингвистике, начиная с 70-х гг. XX в. и до настоящего времени, сформировалось определённое понимание языковой образности как лингвистической категории и представление о месте образной номинации в системе языка. Исследователями предпринят ряд попыток классификации образов. Рассмотрим основные положения перечисленных исследований.

«Образы (icons – по Ч. Пирсу) – знаки, относящиеся к объекту на основе схожести характеристик», – констатирует С.В. Гринёв [Гринёв, 1997, с. 67]. Далее исследователь предлагает следующую классификацию образов: «образы-отражения (основаны на прямом подобии), образы-метафоры (характеристики объекта представлены аналогиями характеристик знака), образы-диаграммы (отношения характеристик объекта представлены отношениями характеристик знака)» [там же, с. 71–74]. В данной трактовке наглядно прослеживается детерминированная англоязычной терминологией нивелировка понятий образ/знак – понятно, что для русской и украинской лингвистики положение о том, что образ существенно шире своего «гностического ядра», знака, по существу, аксиоматично. Что же касается предлагаемой С.В. Гринёвым классификации, то она может быть полезна для определения объёма семантики, непосредственно актуализируемой образной дескрипцией. У образов-отражений этот объем минимален (ледяная кора на реке – ‘твёрдый покров’); у образов-метафор – шире и собственно «образнее» – в процессе сопоставления задействованы не только функциональные соответствия, но и данные различных перцептивных анализаторов (река-змея – ‘влажная’, ‘прохладная’, ‘блестящая’, ‘движущаяся’, ‘извивающаяся’). Осознаваемая семантика образов-диаграмм наиболее широка (гранит набережных – ‘сторож, охраняющий красавицу-реку’) – в подобных случаях художественная образность дескрипции порождается не только сопоставлением характеристик реалий, но и метафорически интерпретируемой ситуацией. Однако языковой механизм формирования образной номинации в целом и её коннотации во всех рассмотренных случаях идентичен: семантические реляции ‘река’ – ‘женщина’ и ‘река’ – ‘змея’ (в первом примере – способная «сбросить кожу» при ледоходе) детерминируют образный и коннотативный спектр всех приведённых именований. В принципе рассмотренная схема определения (образность – «дву- (и более) значность», в силу своей лаконичности, является весьма распространённой в лингвистике. К ней близка, в частности, формулировка Н.Д. Бессарабовой: «образность – семантическая двуплановость, соотношение прямого и переносного значения, которое ещё продолжает ощущаться говорящим» [Бессарабова, 1987, с. 161]. Для нас в данном определении существенна также констатация ключевого для настоящего

исследования терминологического соотношения: образность – семантическая релятивность.

С. Кьёруп отмечает, что языки образов лишены стабильного набора знаков, их знаки многозначны, компоненты их знаков не имеют строгих границ: неопределённому набору знаков соответствует неопределённый набор референтов [Кьёруп, 1980]. По-видимому, на осознаваемом уровне восприятия, без учёта архаичных семантических реляций, «язык образов» действительно представляется размытым и неопределёнными (многозначным).

Р. Том констатирует в одной из своих работ то обстоятельство, что пространственно-временной вектор иконического знака (по Ч. Пирсу) направлен в прошлое, знака-символа – в будущее [Том, 1980].

Значимое для нас замечание делает в своей работе М. Шапиро. Исследователь отмечает, что история лингвистического знака может быть воскрешена поэтами, или теми, кто пользуется поэтическими приёмами в эстетических целях. Жизненные цели тропов – лексикализация метонимии или метафоры. Сила символа не утрачивается с исчезновением тропа [Шапиро, 1980].

«Образ – возникающее в нашем сознании на основе чувственных ощущений гносеологическое сходство с отражаемым предметом» [Пищальникова, 1984, с. 23]. «Образ предмета может передавать и вызывать одинаковые (или сходные) эмоциональные состояния у ряда людей, и тогда несомая им эмоциональная константа становится содержанием данного образа» [там же, с. 23]. В данной формулировке для нас существенно признание реальности адекватной передачи образного содержания художественной дескрипции от автора к читателю. Впрочем, утверждение о возможности одинаковых эмоциональных реакций у двух разных людей, по-видимому, все же является преувеличением. Говоря об эмоциональных константах художественного текста, правильнее, на наш взгляд, говорить лишь о сходности таковых при их порождении и восприятии. Более того, в материале нами обнаружены случаи, когда автор предоставляет читателю выбор оценки и эмоциональной окрашенности образной дескрипции из числа предполагаемых вариантов, порой – диаметрально противоположных. Ещё более любопытны случаи, когда эмоциональная и оценочная дуальность образной дескрипции не осознается автором текста, но отчётливо прослеживается в семантических реляциях ключевых слов поэтического высказывания.

А.А. Уфимцева [Уфимцева, 2002] отмечает в числе главных сфер познавательной деятельности человека, выступающих предметом обозначения посредством знаков, «чувственно-образное восприятие и квалификацию внеязыковых объектов на основе интеллектуального и чувственного сравнения»

[там же, с. 95]. Исследовательница называет интересующее нас языковое явление «стилистической номинацией» и отмечает, что такая номинация «в отличие от нейтральной опосредована шкалой эмоциональных и оценочных критериев, принятых в данном коллективе» [там же, с. 95]. В принципе основные положения данной публикации содержат подтверждение важной для нашего исследования реляции «образность языковой единицы – её коннотированность» (маркированность эмоциональными, оценочными и стилистическими оттенками значения).

«Образ – модель объекта», – пишет Н.Д. Арутюнова [Арутюнова, 1988, с. 5]. В другой своей работе исследовательница предлагает следующую классификацию образов: «образ-кадр, образ-обобщение (может быть неадекватным). Образ может подниматься до символа и опускаться до знака» [Арутюнова, 1990, с. 85]. В той же публикации [Арутюнова, 1990] Н.Д. Арутюнова перечисляет основные характеристики образа: «синкретичность; фиксация факта отделённости формы от содержания и её воспроизводимости; локализация в сознании, где образы предстают субъективно окрашенными и погруженными в ассоциативные связи; большую соотнесённость с объектом действительности, чем с категориями абстрактного смысла; сосуществование в режиме альтернирования с соответствующим реальным объектом – образ присутствует в сознании только в условиях отсутствия объекта в поле прямого восприятия; несформированность в структуре образа потенциальных сторон знака – означающего и означаемого – они существуют в образе в единстве, но смысловая сторона недоопределена и семиотические связи не выделились; отход образа от оригинала имеет предел, соответствующий границам класса» [там же, с. 71–74]. Представленный в данной работе анализ сущности понятия образ можно, на наш взгляд, резюмировать посредством отсылки к образу как «внутренней картинке», возникающей в сознании говорящего либо слушающего одновременно с упоминанием имени соответствующей реалии. Эта «картинка» наглядна, а не абстрактна (а потому – субъективна в деталях, но детерминирована «границами класса») и неразрывно связана с языковой единицей – «включается» ею.

До Н.Д. Арутюновой подобную точку зрения на образ высказала Н.А. Лукьянова. Образность трактуется ею как полноправный компонент семантики слова, «актуализирующий образные представления, связанные с определённым словом» [Лукьянова, 1986, с. 31]. «По-видимому, – отмечает далее исследовательница, – каждое лексическое значение – с большим или меньшим трудом, психическим усилием – может быть развёрнуто, «развито» в наглядное представление, в ту или иную «картину» [там же, с. 65].

Детальное содержательное обоснование понятийной реляции имя – образ – наглядное представление (картинка) изложено в главе 10 «Языковой образ» монографии Б.М. Гаспарова «Язык, память, образ» [Гаспаров, 1996]. Языковой образ мыслится исследователем именно как «картинка» в сознании, «представляющая собой перцептивную реакцию не на предметы или понятия как таковые, но на их языковое воплощение – на те выражения, которые наличествуют в языковом опыте говорящего субъекта» [Гаспаров, 1996, с. 255]. «Каждый образный отклик, – отмечает далее Б.М. Гаспаров, – мгновенно возникнув в представлении, так же мгновенно улетучивается в качестве отдельного перцептивного целого; он сливается с другими откликами в составе целого выражения, целого высказывания, целого повествования, развёртывается во все более широкие образные ландшафты, перетекающие друг в друга, изменяющие свои ракурсы и оснащённость деталями» [там же, с. 263]. Иными словами, «языковой образ» Б.М. Гаспарова – своего рода образная единица ландшафта-текста, но единица предельно пластичная. Исследователь чётко определяет соотношение предлагаемого им понятия с трактовкой образа в гумбольдтианской филологии, лежащей в основе лингвистической интерпретации представления о поэтическом образе. «Характерной (…) чертой образного отклика, вызываемого тропом, является эффект палимпсестного наложения одних образных представлений на другие (…) Чем неожиданнее столкновение накладываемых образных отпечатков, тем ярче эффект, пробуждаемый таким наложением, тем более «ярко», «свежо» ощущается нами его метафоричность (…) Палимпсестная образность, – по мнению исследователя, – вызывает эффект смыслового переноса, который возникает в качестве игры с первичными образными откликами, предлагаемыми языком» [там же, с. 263–264]. Считаем необходимым отметить, что случаи семантического «дубляжа» смыслов в палимпсестных тропах обнаружены нами в материале в значительном количестве, что позволяет сделать следующее предположение. По-видимому, именно в художественном (поэтическом) тексте языковые образы (в терминологии Б.М. Гаспарова), «встречаясь» в тропах со своими «семантическими двойниками», перестают быть «иероглифичными», «едва различимыми» в общем «ландшафте» и переходят в разряд тех «особых случаев, когда именно данное выражение почему-либо специально привлекает к себе внимание говорящего» [там же, с. 263], – становятся яркими, выразительными, запоминающимися.

Итак, образной можно назвать номинацию, сконструированную путём «палимпсестного наложения» двух и более языковых образов (элементарных картинок, сменяющих друг друга в сознании в процессе языковой деятельности); именно за счёт синхронически неожиданного, но, как правило,

диахронически обоснованного сопоставления таких картинок образная номинация выделяется из языкового ландшафта, обращает на себя внимание, запоминается.

Следует отметить, что подобный подход к определению «многозначного» имени (номинации) в литературе уже представлен. Мы имеем в виду работу российской исследовательницы Л.А. Шестак [Шестак, 2003], где генезис и сущность рассматриваемого языкового явления трактуются вполне определённо: «Образная номинация – это предикация образом: эталоном или предостережением, произнесение сакральной формулы слова – бытия или экзорсизм сил Зла, Хаоса» [Шестак, 2003, с. 270]. Цитированное положение вполне соответствует, на наш взгляд, ключевой для настоящего исследования идее первично-номинативной общности (и, следовательно, упорядоченности) элементов образной номинации. Уместно вспомнить бытующее в ряде древнейших мировых религий представление о том, что достаточно назвать явление внешнего мира «своим» именем («ты – это я»), и оно перестанет быть враждебным. В исследовании Л.А. Шестак упоминается и идея наложения элементарных образов: «языковой образ есть сближенный, наложенный, амальгированный (при наложении семем в инкорпорирующих метафорах человолки) или поэлементно выраженный фракционированным знаком смысл видения одной картины через абрис-гештальт другой» [там же, с. 269]. При этом, «механизм «совмещённой картинки» образа не сталкивает в броуновском движении мозаику названий фрагментов мира. В нем есть факторы и векторы, частотное и индивидуальное, обыденное и художественное» [там же, с. 41]. Существенно для нас также предложенное Л.А. Шестак определение того «общего элемента семантики» двух реалий, на основе которого осуществляется перенос значения (и который был, на наш взгляд, не вполне удачно назван Г.Н. Скляревской «символом метафоры»): «коннотатор образности – ‹имплицитно сопоставляемая (противопоставляемая) сема›» [там же, с. 177]. Мы разделяем точку зрения Л.А. Шестак и в том отношении, что образность и коннотация на определённом уровне обобщения представляют собой одно и то же явление языка – совмещение в одной номинации двух и более значений (оттенков значения), детерминированное наличием в этих значениях общего элемента – семы-коннотатора.

В качестве ключевой особенности «свежего», «неожиданного» поэтического образа – «смелой метафоры» (У. Вайнрайх) – Л.А. Шестак выделяет «моделирование его с помощью лингвокреативного мышления в отличие от образа коллективного, основанного лишь на актуализации фоновых знаний и частотных (коллективных) ассоциаций» [там же, с. 43]. Последнее вполне соответствует нашему утверждению о том, что именно творческое,

поэтическое мышление способно вскрыть образную яркость той или иной дескрипции путём интуитивного выявления её первичной семантики. Примечательно, что идея первичной номинации также присутствует в рассматриваемой работе: «первичный мифологический образ – это форма мотивированного представления, семантическая реакция первобытной мысли на ощущение предмета именно в его чувственном наличии, первичная познавательная категория» [там же, с. 72–73]. Завершая обзор работы Л.А. Шестак, хотелось бы отметить констатируемую ею возможность соединения в одном художественном образе более чем двух смысловых элементов. Такое языковое явление названо исследовательницей «деривацией образных признаков разных смысловых полей (синтаксического «разложения» нескольких номинативных кодов)» [там же, с. 111]. Данное замечание существенно для нас, поскольку подобные полиморфные образные номинации весьма часто встречаются в материале настоящего исследования.

Обобщив изложенные теоретические данные, считаем возможным предложить в качестве рабочего для нашего исследования следующее определение:

Образная номинация – обратимая, семантически двух- и более компонентная структура, основанная на актуализации осознаваемых либо латентных реляций знакового порядка между объектом обозначения и объектом сопоставления и усиливающая эмоционально-экспрессивную окрашенность высказывания.

Переходя к рассмотрению понятия метатекста в целом, а также конкретно метатекста города, хотелось бы отметить, что в последнее десятилетние, и особенно в настоящее время одним из ключевых направлений лингвистики и лингвосемиотики становится изучение метатекстов, в русле которого факты языка трактуются как один из аспектов культуры носителей этого языка, и таким образом, лингвистический исследовательский дискурс выступает механизмом осознания семиотической идиоспецифики той или иной нации. В текстах, \ представляющих собой синкретичный метатекст, в котором, по мнению В.Н. Топорова, присутствует «ядро, которое представляет собой некую совокупность вариантов, сводящихся в принципе к единому источнику» [Топоров, 1995, с. 279]. В лингвосемиотике прослеживаются различные подходы к изучению метатекстов. Исключает разночтения лишь тот факт, что метатексты, в частности городские, составляют смысловую квинтэссенцию любой культуры. До сих пор не существует консенсуса в отношении ключевых характеристик, а также и окончательного и исчерпывающего определения этого культурно-лингвистического явления. В целом, существующие в науке определения метатекста делятся на две основные группы.

А.В. Бобраков-Тимошкин, Н.Е. Меднис, В.И. Тюпа считают, что метатекст развивается главным образом за счёт своей внутренней логики, воля же авторов в данном случае вторична. Для работ Н.В. Данилевской, Н.А. Купиной, Г.В. Битенской, А.Г. Лошакова о метатексте характерно расширенная трактовка ключевого понятия, учитывающая его культуроцентричность.

Как нам представляется, метатекстом следует считать политекстовое единство с различным авторством, но единым культурным кодом, имеющим в основе своей систему мифов, бытующих в картине мира. В парадигме метатекста всегда присутствует некая глобальная модель, единый мифогенез всех составляющих, непроизвольно или намеренно преломляющаяся во всех частных случаях авторских или устных текстов.

В целом же городской метатекст выступает как синкретичная семиотическая система, концептосфера которой характеризуется полисемантичностью и полиморфностью. То есть, в означенной концептосфере присутствуют, как минимум, подмножества ядерных, субъядерных концептов и концептов периферийной зоны, и все эти подмножества обладают собственными специфическими параметрами. Для понимания специфики картины мира типичного городского текста необходим анализ концептов, входящих в следующие тематические группы: время, явления природы, а также связанные со сферой природы концепты свет и тьма, внешнее пространство, внутреннее пространство, эмоциональная сфера, звук, запах; вкус, человек. Различные городские метатексты, как монолингвальные и монокультурные, так и полилингвальные (поликультурные), безусловно, могут демонстрировать различные комплексы ключевых характеристик, однако, в целом, вполне возможна единая методология исследования городских метатекстов.

5.2. Региональная языковая личность Донбасса: лингвистический парадокс или онтологическая реальность

Н.П. Курмакаева

1.1. Введение в проблему. РЯЛ как субъект и объект лингворегионоведения

На исходе второго десятилетия XXI века уже стал очевидным и не требует доказательств тот факт, что в современной лингвистике при разработке любого инновационного направления не обойтись без обращения к «человеческому фактору» в языке, без «человека говорящего» как субъекта коммуникации, автора, творца коммуникативных единиц – высказываний и текстов. Этой проблеме посвящено немалое количество научных работ последних 30 лет

(часть из наиболее значительных – в нашем списке литературы, например: [Богин 1984; Воркачев 2001; Голев 2006; Золотова 2004; Карасик 1994, 2002; Караулов 2010; Красных 1998, 2003, 2010; Роль человеческого фактора… 1988] и др.), хотя внимание к языковой личности (далее ЯЛ) было привлечено намного раньше в трудах В. фон Гумбольдта, Ф.И. Буслаева, А.А. Потебни, И.А. Бодуэна де Куртенэ, Р.О. Якобсона, Ф. де Соссюра, Ш. Балли, Л. Витгенштейна, В.В. Виноградова, Н.И. Жинкина, Э. Косериу и других лингвистов-классиков.

В отечественном языкознании изучение ЯЛ прежде всего связывали с анализом языка художественной литературы (В.В. Виноградов), а также рассматривали в отношении к учебной деятельности (традиция, заложенная ещё Ф.И. Буслаевым) и к воспринимаемому и создаваемому индивидом тексту (Г.И. Богин и др.). Так, В.В. Виноградова ЯЛ интересовала «как фокус скрещения разных социально-языковых категорий» [Виноградов 1930, с. 18], а в концепции Г.И. Богина ЯЛ – это «субъект речевой деятельности как носитель готовности создавать и принимать произведения речи (тексты)» [Богин 1984, с. 8]. Как отмечает С.Г. Воркачёв, «уже с конца прошлого века в рамках изменения научной парадигмы гуманитарного знания <…> на место господствующей сциентистской, системно-структурной и статической парадигмы приходит парадигма антропоцентрическая, функциональная, когнитивная и динамическая, возвратившая человеку статус “меры всех вещей” и вернувшая его в центр мироздания» [Воркачёв 2001, с. 64].

Ставшая особенно модной в XXI веке, теория языковой личности в лингвистике получила развитие в самых различных направлениях: когнитивном (Ю.Н. Караулов и др.), психолингвистическом (В.В. Красных и др.), лингвокультурологическом (С.Г. Воркачёв, В.И. Карасик и др.), поэтонимическом (В.М. Калинкин), функционально-коммуникативном (Г.А. Золотова и др.), в аспекте речевой культуры (О.Б. Сиротинина и др.), коммуникативных компетенций (К.Ф. Седов, А.П. Сковородников и др.), лингвоперсонологическом (Н.Д. Голев и др.) и т.п., в связи с чем создана разветвленная типология языковых личностей.

Опираясь на систему «языковых» феноменов А.А. Леонтьева (язык как предмет – язык как процесс – язык как способность), В.В. Красных обосновала систему «личностных» феноменов (языковая личность – речевая личность – коммуникативная личность) [Красных 2003, с. 49–52; Красных 2012, с. 194-198]. Однако следует понимать, что такая систематизация нужна для теоретического осмысления феномена, на практике же человек говорящий выступает одновременно во всех своих ипостасях, поэтому для удобства выбирается термин *языковая личность.* Под ним подразумевается «личность,

проявляющая себя в речевой деятельности, обладающая определённой совокупность знаний и представлений» [Красных 2012, с. 197].

Анализу подвергнуты как коллективные (обобщённые), так и индивидуальные (частные) ЯЛ, среди которых ЯЛ персонажей художественных произведений и их авторов, людей разного возраста, пола, социального положения, профессиональной принадлежности, культурно-речевой компетенции и др. (см., например, диссертационные исследования [Ашева 2013; Власкова 2012; Ганова 2013; Касимханова 2015; Прокофьева 2012; Прокудина 2009 и др.]). В этом довольно полноводном потоке исследований самых различных ЯЛ наметилось направление по изучению не просто «глубоко национального феномена» ЯЛ, а индивида (коллективной ЯЛ), социализированного и инкультурированного в условиях регионально отмеченной среды, наделённого «региональным языковым сознанием» [Просвиркина 2005], «региональной компонентой» [Харченко 2017], «как аспект языковой личности в её региональной самоидентификации» [Ганова 2013, п. 2.2.], т.е. изучение нового для науки феномена – региональной языковой личности (далее – РЯЛ). О предпочтительности терминов *регион* и *региональный* достаточно убедительно изложено в [Опыт … 2011, с. 53–57] не только с точки зрения географического и территориального членения пространства проживания этноса, но прежде всего с культурологической и языковой, с позиций «личностной идентификации» представителя данного сообщества [там же, с. 56].

Иными словами, в поле интересов учёных прочно входит проблема социальной, культурной, функциональной дифференциации не только самого современного русского языка (в частности, активизируется изучение одной из его разновидностей – региолекта), но и его носителя, продуцента, хранителя. А это значит, что как собственно ЯЛ, так и её составляющая – РЯЛ – выступают одновременно и как субъекты, и как объекты лингвистических наблюдений и анализа.

Проблема региональной языковой личности неотделима от вопросов изучения исторических, социокультурных, ментальных, учебно-образовательных и прочих аспектов коммуникации и способов познания мира представителями «национально-лингво-культурного сообщества» и носителями «русского ментально-лингвального комплекса» (в терминологии В.В. Красных [Красных 2003, с. 69 и след.]). Более того, фактор изучения РЯЛ получил дополнительную динамику по ряду экстралингвистических причин. Так, отмечается, что в последнее время в жизни нашего общества после долгих лет нигилистического отношения к понятиям *патриотизм, национальная гордость, национальное самосознание,*

национальная ментальность, духовность наметилась положительная тенденция возвращения человека к своим историческим и культурным истокам [Макарова 2006, с.102–103; Новикова 2015, с. 134; Трофимов 2010, с. 10–11; Яцкина 2017, с. 88–89 и др.]. Это определяется по всё возрастающему интересу русских людей к их малой родине, её культуре, истории, языку, а главное – к творцу, носителю и хранителю всего этого накопленного богатства, на базе чего стало возрождаться и развиваться краеведение.

Вновь как никогда актуальным сделалось высказывание Н.М. Карамзина: «Россия сильна провинцией». Во многих регионах России активному возрождению краеведения (регионоведения) способствует научно обоснованное направление в гуманитарном секторе – лингворегионоведение, «которое рассматривается современными филологами и лингвометодистами в качестве реального пути изучения и преподавания родного языка через призму культуры» [Язык и культура… 2017, с. 8], культуры малой родины, родного края. Лингворегионоведение определяется как раздел науки о языке, целью которого является изучение языковой ситуации конкретного региона, «отмеченного лингвокультурной спецификой» [Новикова 2010, с. 3]. Здесь важно дополнить: изучение в русле антропоцентрической парадигмы, поскольку в центре современной науки о языке прочно стоит языковая личность – индивид, прошедший через процесс «врастания … в цивилизацию» (по А.Н. Леонтьеву), т. е. через процесс социализации (вхождения в общество, приобретения социального опыта) и инкультурации (вхождения в культуру сообщества, присвоение его мировидения и поведения) в условиях региональных культурно-языковых особенностей. В результате этого он сумел усвоить (присвоить) «достижения развития предшествующих поколений» <…> «национально-лингво-культурного сообщества» [Красных 2012, с. 191–192] в целом и того регионального социума, в котором прошло его становление как личности, в частности.

Языковую личность, наделённую регионоведческой компонентой, предложено называть «региональной языковой личностью» [Просвиркина 2005, с. 106–107; Харченко 2017, с. 82]. Региональная личность в её современном понимании – это не серый, безликий провинциал с узким кругозором и скудным запасом не вполне литературных слов (хотя и таких значительное количество). В истории цивилизованного мира её представители неоднократно поднимались на большие высоты, не забывая о своём происхождении. Вспомним из отечественной истории имена М.В. Ломоносова, сына черносошных крестьян-поморов; В.И. Даля, уроженца Луганска, создавшего замечательные произведения под псевдонимом Казак Луганский; К.Э. Циолковского, выходца из Рязанской губернии, а прославившего

Калужскую землю; В. Г. Распутина, великого «деревенщика» из Сибири, и многих других. Среди них немало, а точнее великое множество и наших земляков из Донбасса: организатор киноиндустрии, продюсер, режиссёр, сценарист А.А. Ханжонков, знаменитый художник А.И. Куинджи; гидрограф и полярный исследователь Г.Я. Седов, композитор с мировым именем С.С. Прокофьев, оперный певец А.Б. Соловьяненко, мировой чемпион по тяжёлой атлетике и писатель-публицист Ю.П. Власов – всех не перечислить. А если помнить, что величие родины «определяется величием поступков её представителей и могуществом духа всего народа» [Макарова 2006, с. 107] в самые ответственные моменты её истории, то региональная личность наполняется особым содержанием, приобретает отнюдь не периферийную значимость. И тут на память приходят имена знаменитых шахтёров Н.А. Изотова, А.Г. Стаханова, И.И. Стрельченко, сталевара М. Мазая, машиниста П.Ф. Кривоноса, трактористки П.Н. Ангелиной, педагога-новатора В.Ф. Шаталова, почётного гражданина Донецка, писателя и поэта Виктора Шутова, высказавшего когда-то: «*Мой шар земной – планета малая, / Отцовский край – родной Донбасс / С его делами небывалыми, / С его житьём – не на показ. / В ладу с вселенскими законами, / Не нарушая ход планет, / Мой край, вздымаясь терриконами, / Берет из недр тепло и свет*». Этот список бесконечен, как бесконечна самоотверженность носителей этих фамилий. Неоценим их вклад в развитие того дела, которому он посвятили и отдали свою жизнь, прославляя своим героическим трудом и талантом как большую страну, так и свою малую родину – донецкую землю.

Такие персоналии в разное время доказали, что, как правило, из регионов поступают важные инициативы: трудовые, общественные, культурные, научно-методические и прочие, которые подхватываются всем социумом или соответствующей его частью. Так, в своё время на всю страну прозвучало из Донбасса из уст Паши Ангелиной: «Сто тысяч подруг – на трактор!» – и страна услышала призыв. А совсем недавно (2012 г.) из далёкого сибирского Томска пришла акция «Бессмертный полк», распространившаяся за короткое время не только по просторам России, но по всему миру. Новосибирск дал старт тотальному диктанту, с каждым годом расширяющему свою географию. Белгород предложил проведение научно-практических конференций по обмену мнениями и результатами изучения самых различных гуманитарных фактов и явлений в «региональном преломлении», т.е. по регионоведению [Язык и культура… 2017, с. 8]. В Кемерово успешно функционирует Лаборатория развития личности, где разрабатываются и апробируются теоретические и прикладные аспекты лингвоперсонологии.

Теперь уже соссюровское «язык в самом себе и для себя» совершенно не отвечает требованиям времени и общества. Гумбольдтовская energeia как творческая, деятельностная сторона языка вынесла на поверхность исследовательского поля самого продуцента. А тезис Ю.Н. Караулова (в ответ на так называемое «кольцо Соссюра») о том, что «нельзя познать сам по себе язык, не выйдя за его пределы, не обратившись к его творцу, носителю, пользователю – к человеку, к конкретной языковой личности» [Караулов 2010, с. 7], сделался определяющим в современном языкознании. Причём учёный заостряет внимание на национально ориентированной языковой личности, а не на человеке говорящем вообще. В настоящее время можно смело утверждать, что внимание с центра (с общенационального) заметно продвигается на периферию (на региональное), для чего появились объективные причины, в первую очередь – в сфере образования.

Выявлено, что активно проходивший в своё время процесс «гиперцентрализации» страны (в терминологии проф. Р.Р. Чайковского из Магадана [Чайковский 2002, с. 156]) как в аспекте эталонизации культурных феноменов, так и в аспекте утверждения единых образовательных стандартов привёл к тому, что и в школах, и в вузах русский язык и русская литература стали изучаться почти исключительно на текстах, имеющих отношение к общему национальному достоянию, но не отражающих культурно-языковую специфику региона проживания учащегося. Более того, как справедливо пишет профессор Белгородского университета В.К. Харченко, «при планировании и осуществлении научно-исследовательской деятельности мы также ориентируемся “на Москву” и заграницу, не подозревая подчас (или забывая), что и региональный вуз в своём исследовательском порыве может выйти на весьма достойный уровень» [Харченко 2017, с. 81–82]. И главную задачу она видит в изучении и поддержке региональной личности, предлагая развивать различные направления прикладной филологии, где бы региональная языковая личность достойно предстала и как субъект, и как предмет исследования в языке.

Таким образом, актуальность изучения РЯЛ не может быть подвергнута сомнению. Многие периферийные российские вузы доказали продуктивность и важность этого направления (Барнаул, Белгород, Кемерово, Киров, Оренбург, Улан-Удэ и др.).

Цель и задачи нашего исследования – в рамках изучения проблематики донецкого региолекта обосновать реальность лингвокультурного феномена региональной языковой личности Донбасса, создав её социолингвистический и лингвокультурологический портрет на основе текстов и языковых средств,

отмеченных региональной спецификой; описать структуру РЯЛ и принципы её формирования; выявить ценностные категории.

1.2. «Другой среди своих»: к проблеме соотношения понятий *региональная языковая личность* и *национальная языковая личность*

Сложившаяся ситуация в общественном сознании и реализуемая в современной лингвистической науке стратегия развития в русле новой парадигмы предопределили пересмотр многих позиций в философии языка в сторону учёта человеческого фактора в нём [Роль… 1988], а также и самого этого человеческого фактора.

Если в 30-х годах XX в. В.В. Виноградов использовал понятие *языковая личность,* подразумевая под ним «вместилище социально-языковых форм и норм коллектива», «фокус скрещения разных социально-языковых категорий» [Виноградов 1930, с. 18], то в начале XXI века Е.Я. Шмелева сформулировала определение в полном соответствии с антропоцентрическим подходом к нему: «Языковая личность – носитель того или иного языка, охарактеризованный на основе анализа произведённых им текстов: а) как индивидуум и автор этих текстов со своим характером, интересами, социальными и психологическими предпочтениями и установками; б) как типовой представитель данной языковой общности и более узкого входящего в неё речевого коллектива, совокупный или усреднённый носитель данного языка; в) как представитель вида homo sapiens (человек разумный), неотъемлемым свойством которого является использование знаковых систем и прежде всего естественного языка» [Культура русской… 2003, с. 804].

Введённое в лингвистический обиход Ю.Н. Карауловым (1987) понятие «языковая личность» с ориентацией на национальную специфику феномена в XXI веке получило новый импульс развития. Для этого возникли объективные предпосылки: наступило время переосмысления взаимоотношений между «метрополией и регионами» [Чайковский 2002], переоценки роли региональной науки, культуры, личности в поликультурном пространстве страны [Опыт… 2011; Язык и культура… 2017]; в учебные программы введены курсы по изучению культуры регионов, в их числе лингворегионоведение, которое имеет целью реализацию лингвокультуроведческой компетенции, заложенной в новых образовательных стандартах РФ; получает развитие «регионимика» как одно из частных направлений лингворегионоведения [Буров 2006]; в научном сообществе ведётся активный поиск соответствующего термина для наименования феномена языка региона. О важности последнего свидетельствует название Всероссийской научной конференции, проведённой в

2013 г. в Улан-Удэ, «Региональные варианты национального языка», где обсуждались по сути проблемы существования регионекта и такие понятия, как «провинциальная речь» с подразделением на варианты от диалекта до «локально окрашенного варианта литературного языка» провинциального интеллигента [Букринская… с. 12–16]; «региональное варьирование» и «локальное варьирование» как неоднозначная вариативность национального языка [Крысин, с. 66] и др.

В научном сообществе Украины в своё время широко обсуждалась проблема особенностей русского языка в условиях нематерикового функционирования и развития. Был предложен термин «украинский национальный вариант русского языка» [Рудяков 2009], с чем не согласились учёные из Донецка (см., в частности, [Теркулов 2012]). Их видение языковых процессов из Донбасса позволяет говорить о разных вариантах одного языка не только в пределах метрополии. Потому они намерены отстаивать уже заявивший о себе термин «регионект» по аналогии с диалектом и социолектом (см., например, [Оглезнева 2013, 2014; Опыт… 2011, с. 36–42 и далее; Степанова 2014, с. 558–559; Теркулов 2017, 2018] и др.).

За всеми этими явлениями и процессами стоит региональная личность со своим менталитетом, ассоциативным пространством, цивилизационным опытом, накопленным её предками и хранящимся в её сознании в виде социально-исторической памяти об образе мира, – словом, со своей самобытной языковой картиной мира.

Если под языковой картиной мира (ЯКМ) подразумевать «мир в зеркале языка» [Красных 2012, с. 119], то под региональной ЯКМ – тот же мир в зеркале того же языка, но с региональным культурно-историческим фоном, носителем которого является житель соответствующего региона.

Потому появилась необходимость дополнить структуру национальной русской языковой личности «регионоведческой компонентой» и активизировать работу по её поддержке [Харченко 2017, с. 81–82]. Выдвинутые В.К. Харченко аргументы в пользу объективации и наполнения содержанием понятия «региональная языковая личность» (далее – РЯЛ) представляются убедительными и актуальными в современном сообществе, давно и упорно ищущем национальную идею. Эта мысль находит отклик и поддержку на всем русскоязычном пространстве. Так, учёные с Северного Кавказа справедливо отмечают: «В каждом региональном социуме исторически складывается определённая мировоззренческая традиция, формирующая местный ракурс картины мира» [Буров 2006, с. 12]. Исследователь из Оренбурга И.И. Просвиркина основой модели РЯЛ видит в первую очередь региональное языковое сознание [Просвиркина 2005]. Термин *РЯЛ* предельно точно отражает

суть носителя, творца, хранителя и собирателя региолекта. Региональная ЯЛ может быть рассмотрена как лингвокультурологический феномен (в терминологии Л.П. Крысина), социолингвистический портрет которой, составленный на основе её текстов, обнаружит заметные расхождения в сравнении с собственно национальной языковой личностью.

Языковая способность и речевая деятельность РЯЛ, как правило, демонстрирует специфический способ отражения действительности, который проявляется в избирательной вербализации ценных для социального опыта данного языкового коллектива значений и смыслов на фоне тотальной вербализации общенационального ментально-лингвального опыта. «Язык входит особым компонентом, в образ “малой родины”, с которой идентифицирует себя индивид – он входит наряду с прямым указанием на этнос и конкретную местность с её топонимиконом, особенностями и деталями пейзажа, бытового, культурного и религиозного уклада; наряду с историей края, своеобразием художественного творчества (песен, танцев, обрядов, стихов и прозы), интерьера, особой региональной одежды и т.п.» [Опыт… 2011: 57].

В этом отношении Донбасс – уникальное региональное пространство, а его житель – образец неподражаемой региональной личности: это сплав русской культуры с восточно- и центральноукраинской, а также с греческой и татарской, русского языка с украинским, русских диалектов с украинскими, городского просторечия с общим жаргоном, шахтёрских профессионализмов с современным молодёжным сленгом. В своё время Г.И. Рихтер, первый заведующий кафедрой русского языка тогда ещё Сталинского пединститута, а ныне Донецкого национального университета, в Предисловии к [Рихтер 1958] отмечал: «В Донбассе, заселённом и продолжающем заселяться уроженцами разных местностей Украины и России, русская разговорная речь, как и украинская, представляет собою пёстрый, разнородный сплав. А. Фадеев писал в «Молодой гвардии», что донбассовцы говорят на том смешанном наречии, “которое образовалось от скрещения языка центральных русских губерний с украинским народным говором, донским казачьим диалектом и разговорной манерой азовских портовых городов”».

Собиратель фольклора Донбасса П.Т. Тимофеев высказался об этом как истинный литератор: «…сам промышленный регион сформировал в этом позднем явлении особый духовный потенциал, со всеми сложностями, с влиянием литературы и искусства, со всем спектром возможностей привнесённых культурных традиций, – интернационализм и мультикультура стали той благодатной почвой со свойствами открытой системы, в которой

созрел и самовыразился такой неповторимый регион, как Донбасс» [Тимофеев 2008].

Особенно специфично и неповторимо это отражается в мировосприятии языковой личности Донбасса, которое запечатлено в её картине мира. Вот как во время Великой Отечественной войны наш земляк, известный русский писатель Борис Горбатов в своих знаменитых «Письмах к товарищу» доверительно и страстно признавался в любви к Донбассу, своей малой родине: «Родина! Большое слово... Но для каждого человека Родина начинается в том селении и в той *хате,* где он родился. Для нас с тобой — за Днепром, на *руднике,* в Донбассе. Там наши *хаты,* под седым *очеретом* — и твоя, и моя. Там прошумела наша весёлая юность — и моя, и твоя. Там степь бескрайна, и небо сурово, и нет на земле парней лучше, чем донбасские парни, и заката красивей, чем закат над *копром,* и запаха роднее, чем горький, до сладости горький запах угля и дыма. Там мы родились под дымным небом, под *глеевой* горой; там до сих пор звенит серебряной листвой тополь, под которым ты целовал свою первую девушку; там мы плескались с тобой, товарищ, в мелком *рудничном ставке,* и никто меня не уверит, что в море купаться лучше. Но и спорить об этом не буду ни с одесситом, ни с севастопольцем. Каждому — своё». [Литература… 2016, с. 96].

Надо признаться, что даже в речи современного достаточно образованного человека проскальзывают слова типа *метушня* (суета, хлопоты)*, (нарезать) скибочками* (дольками)*, шклявый хлопец* (худой мальчик)*, (цвет) бурячный* (свекольный)*, (суп) щ**а**влевый* (щав**е**левый) или выражения наподобие *скорбеть **за** талантливым актёром* (из речи диктора местного радио); *живу **на** Донбассе; вернулся **с** Крыма / **с** России* (из речи студентов ДонНУ). Вот пример оформления сложного предложения, привычного для донбасского речевого дискурса: «*Она не помнит, **где** дела свою сковородку, где её вещи лежат, но она помнит, что она делала в двадцатилетнем возрасте*» [из приватного общения П.Т. Тимофеева, запись студента].

Некоторое количество наиболее часто встречавшихся в речи дончан отступлений от современных норм собрано и проанализировано в брошюре Г.И. Рихтера [Рихтер 1958]. Например, он пишет: «В Донбассе на городском транспорте то и дело слышишь: *вы встаёте, я встаю* [с. 6]; *Где ты дел книгу, где делись ключи* [с.7]; *Не стоит с ними заводиться.* Так говорят многие в Донбассе, имея в виду “не стоит вступать в пререкания, не стоит связываться” [с.7]; Если вы в Донбассе спросите в магазине у покупателей: *“Кто последний?”* — вам ответят подчёркнуто, с чувством превосходства и явно поправляя вас: *“Я крайний”* [с. 9]; В Донбассе номера трамвайных маршрутов принято называть *марками.* Такое употребление слова *марка* — узкий

провинциализм» [с. 9] и др. Следует сказать, что речевая ситуация за прошедшие 60 лет не слишком изменилась: срабатывают стереотипы речевого поведения, от старшего поколения речевые штампы передаются младшему.

Вполне своеобразная картина мира оказалась сформированной в процессе отличной от других регионов социализации и инкультурации РЯЛ Донбасса. Она не просто несёт на себе национально-культурный отпечаток «в виде наиболее общих представлений о мире» [Утробина 1997, с. 72], она – отражение особой модели регионального мышления, особого языкового сознания; отображение в зеркале языка жизни определённого русскоговорящего региона со специфической промышленной доминантой – угледобыча и металлургия. А ещё она манифестируется колоритной речевой тропеичностью на уровне поэтических произведений:

Антрацитный, коксовый, чугунный
Край ты мой, звенящий на заре!
Золотое колесо фортуны
Крутится на стареньком копре… (В. Калиниченко)

РЯЛ отличается от собственно национальной языковой личности тем, что в её сознании и в её лексиконе присутствуют знаки (слова, словосочетания, фразеологизмы, крылатизмы, фразы, паремии, онимы разных групп), которые существуют как некое «ядро», объединяющее всех или большинство членов данного социума и специфичное для него. Можно говорить о дискурсоцентричности таких знаков, а также их дискурсной вариативности (в духе С.Г. Воркачёва; см. рассуждения о лингвокультурном концепте [Воркачёв 2014, с. 14]).

Так, одним из активных слов РЯЛ Донбасса является слово *террикон.* Находясь в этом регионе, вы услышите: *жить под терриконом / у террикона / между терриконами; подняться на террикон / спуститься с террикона / проезжать мимо террикона / свалиться с террикона; несёт (пыль) с террикона / наносит (в огород) ливнями породу с террикона и* т. п. На какую-нибудь нелепость русский из метрополии скажет: *«Ты что, с луны / с дуба упал?»*, а житель глубинки Донбасса наверняка произнесёт: «*Ты что, с террикона свалился?*». Выражение «*с террикона не увидеть*» обозначает почти то же, что «*слона-то я и не приметил*»; а в некоторых шахтёрских посёлках глагол *похоронить* заменяется на выражение *отнести за террикон* (когда террикон разделяет посёлок и кладбище, вырос на пути к кладбищу).

Не обходят ставший маркёром пейзажного своеобразия нашего региона *террикон* и местные поэты (выше мы уже приводили строки В. Шутова: «*Мой край, вздымаясь терриконами…*»):

Племён степных здесь раздавался глас,

Коней в аллюр пускавших по приволью.
Спустя века обрёл ты новый вид:
Повсюду домны, трубы, ***терриконы.***

(В. Герланец. Признание)

Различия в образах мира и в концептуализации реалий действительности у людей, живущих в России и в Донбассе, бывают значительными из-за несовпадающих в некоторых случаях (принципиальных для РЯЛ) моделей мышления. Промышленной основой Донбасса всегда были угольная и металлургическая отрасли, большая часть населения трудилась именно там. Соответственно, и сознание, и языковое мышление, и речевой дискурс, и языковая картина мира РЯЛ «заточены» на специфическое восприятие слов и выражений таких, как *балда, брошенная выработка, закоперщик, клеть, ламповая, подземный (рабочий), порода, прорубать ствол, прокат, работать на горизонте, разрабатывать пласт, тормозной, шахтёрка, рубать (уголёк)* и многие другие, которые демонстрируют дискурсную вариативность в общеупотребительном и региональном донбасском языках. Приведём пример из шахтёрского фольклора:

Шахтёр гнёт дугою спину
И клянёт свою судьбину.
Шахтёр рубит ***обушком,***
Бьёт ***балдой*** *и молотком.*

[Песни и сказы … 1960, с. 120, До свиданья, белый свет!]

Все эти слова и выражения подтверждают определение: «Региолект – это речь, которую её носители осознают и принимают как норму в узусе того региона, где региолект функционирует» [Степанова 2014, с. 559].

Поэтический идиостиль современной РЯЛ Донбасса, где вербализуется концептуальная картина шахтёрского мира через поэтическую метафору, тоже необычен и уникален:

Сдаётся нам земная твердь.
Мы рубим в недрах уголь пламенный.
Нас каждый день уносит клеть
Из века атомного в каменный.
Пути шахтёра не просты.
Мы пробиваем лавы длинные
И поднимаем не пласты,
а солнца залежи целинные.
И поминутно у копра
По рельсам гулким и обкатанным
Оно выходит на-гора

Из века каменного в атомный.
(В. Демидов. Шахтёры)

РЯЛ Донбасса – хранитель и носитель языковой памяти поколений, создававших экономическую мощь и уникальную культуру региона. Одна из деталей языкового воплощения особого отношения жителя Донбасса к плоду его и его предков непосильного, тяжелейшего труда – это слово *уголёк.* В устах угледобытчика это не то же самое, что в лексиконе человека иного региона. В слове наблюдается некоторый семантический сдвиг: за диминутивной формой кроется не обычное в таких случаях уменьшительно-ласкательное значение, а сема положительной оценки. На прагматическом уровне эксплицируются уважение, благодарность, выражение высшей похвалы и значимости, на культурологическом проступают народно-фольклорные мотивы (безусловно, напрашивается вполне уместный ассоциативный ряд: *хлебушек, силушка, водица*). Примеры из художественной литературы: – *Этот знает, где берут уголёк*! (П. Байдебура. Шахтёрская честь); *Здесь уголёк замешан на крови* (В. Руденко). Устное народное творчество, сохранившееся в песенно-частушечном творчестве рабочего края, тоже запечатлило этот образ ключевого слова региона:

Паровоз пары пускает
И сигналы подаёт.
Милый уголёк рубает,
По три нормы выдаёт.
(Тимофеев 2008, с. 140)

Чтобы рельефнее нарисовать ЯКМ жителя Донецкого края и представителя шахтёрской профессии (а таких было ещё недавно значительное количество в общем составе рабочих специальностей Донбасса), приведём отрывок из рассказа Василия Гроссмана «Жизнь» (1943). В нем предстают сразу три РЯЛ – автора и персонажей-шахтёров с их индивидуальной «коммуникативной компетенцией» (по А.П. Сковородникову), за которой угадывается предельно реалистично и одновременно с невероятной художественной пронзительностью переданная трудовая повседневность, бытие центральной для Донбасса региональной личности с её немногословностью, но основательностью и надёжностью: «*Старик Козлов шёл впереди, припадая на левую ногу, - её смяло во время обрушения кровли при проходе западного бремсберга. Он шёл, мерно размахивая зажжённой шахтёрской лампой, спешил уйти вперёд от кричащих и плачущих баб, - они нарушали торжественное настроение, которое всегда приходило к нему при спуске в шахту. И сейчас, обманывая себя, он представлял, как клеть опустит его в шахту, как сырость коснётся лица его, как придёт он в забой по тихой*

продольной, освещая лампочкой тёмный ручеёк, бегущий по уклону, и покрытые жирной пухлой угольной пылью балки крепления. Он снимет в забое шахтёрки, сложит их, засечёт куток и пойдёт рубать мягкий коксующийся уголёк. Через час зайдёт к нему в забой кум, газовый десятник, и спросит: «Ну что, рубаешь?» И он утрёт пот, улыбнётся и скажет: «А что с ним делать, рубаю, пока жив. Посидим, что ли, отдохнём». Они сядут у воздушника, поставят лампочки, вентиляционная труба будет мягко обдувать его чёрное, блестящее от пота тело, и они поговорят не торопясь о газовом угольке, о новой продольной, о кумполе, выпавшем на коренной штрек, посмеются над заведующим вентиляцией. Потом кум скажет: «Ну, Козел, с тобой тут всю упряжку просидишь», посветит лампочкой и пойдёт. А он скажет: «Иди, иди, старый», а сам возьмёт обушок и давай по струям рубать в мягкой чёрной пыли. Шутка ли, сорок лет при таком деле!» (Гроссман 1962, с. 444–445].

На материале таких текстов осознается и осмысливается социумно значимая информация РЯЛ Донбасса, постигается языковое сознание и основы загадочного менталитета этого «непокорного» гордого народа, социальная память которого хранит несколько иной образ мира, чем он сложился на общенациональном уровне. И этот неоднозначный, подчас суровый образ реального мира, заполненного тяжелейшим и опасным трудом, регулировал поведение индивидов в объективной действительности на протяжении жизни нескольких поколений носителей.

1.3. Факторы, влияющие на формирование РЯЛ. Дискурсные маркёры современной региональной личности

Как показывают материалы исследования, региональная языковая личность – это не лингвистическая метафора, а вполне сложившийся феномен со своим ментально-лингвальным комплексом, языковым поведением, ассоциативным пространством, со своим мировидением (языковой картиной мира), орудием мышления которой является живая разговорная речь – региолект.

Особенности современного речевого дискурса региона имеют в первую очередь исторические корни и в определённой мере обусловлены культурой, в которой социализируется и живёт индивид. Если культуру понимать как некую цивилизацию, «человеческую среду, всё то, что <…> придаёт человеческой жизни форму и содержание <…>, сложный комплекс представлений, организованных в кодекс отношений и ценностей» [Бенвенист 1975, с. 171], то матрицы этой цивилизации (в виде языковых элементов в том числе) оказываются заложенными в поколения и передаются от одного к другому.

Общественный характер культуры, присущий нашей славянской цивилизации, и матричное сознание (в духе Э. Сепира [Сепир 1993, с. 466–467]) – это то, что вполне убедительно выявляется на уровне региональных культурных слоёв, т.е. той части общего культурного пространства нации, которая непосредственно окружает человека. Индивид, как социальная личность, инкультурируется путём присвоения системы ценностей того социума, в котором существует, и входит в «свою» культуру. Одновременно он может и влиять на изменения, трансформацию этой системы через внедрение (навязывание) образов индивидуального осмысления мира в общественное сознание. Такой индивид приобретает надличностные черты, становится лидером, вождём, миссией. Но это крайность, редкий тип ЯЛ. В науке обычно рассматривается усреднённая, типическая, узнаваемая личность, в достаточной мере наделённая теми признаками, которые являются ключевыми для её характеризации. Э. Сепир, определяя личность, обозначил четыре основных её признака: 1) инвариант опыта; 2) бесконечно изменяющаяся реактивная система; 3) постепенно пополняющаяся сущность; 4) сущностно неизменная реактивная система [Сепир 1993, с. 582–586]. Соглашаясь в целом с первыми тремя характеристиками, должно уточнить четвертую: при видимой сущностной неизменности в процессе своего развития (особенно заметно это в наше время) она претерпевает определённые изменения, обусловленные стремительно меняющимся миром (ведь даже внешность современного человека в сравнении с людьми столетней и даже пятидесятилетней давности заметно изменилась).

Меняются и культурные стереотипы, трансформируется миропонимание, меняется как структура, так и содержание языка, не резко, но вполне осязаемо. По крайней мере, региональной компоненты в содержательной части языка современной РЯЛ стало заметно меньше, причём резкая граница проходит между индивидами и группами индивидов, разными по уровню образования, по воспитанию и проч.

На формирование РЯЛ влияют различные факторы. В их числе называют окружающую «наглядную действительность», невербальные проявления социокультуры в языковой среде», «непосредственное речевое воздействие», «социокультурные стереотипы общения», «стихию живого языка» [Опыт… 2011, с. 29] и ряд других факторов. Эти наблюдения приложимы и к нашему региону.

Что касается окружающей «наглядной действительности», то о её влиянии на формирование РЯЛ красноречиво свидетельствуют письменные источники прошлого. Вспомним картинку убогой жизни шахтёрского края конца XIX – первой половины XX века: «*Теперь от прошлой Юзовке не осталось и следа… Тогда же это был беспорядочный и грязный посёлок, окружённый лачугами и*

землянками. Скопления этих землянок назывались по-разному: Нахаловка, Собачевка, Кабыздоховка. Мрачный юмор этих названий лучше всего определял их безрадостный вид». (К. Паустовский [Литература… 2016, с. 147]).

Языковая память РЯЛ до наших дней сохранила подобные урбанонимы как напоминание о тех временах. Почти в каждом шахтёрском городе есть свой Шанхай, свои Соловки, свои «говорящие» жилые объекты. Однако в сопоставлении со старыми новые названия микрорайонов Донецка: Широкий, Солнечный, Голубой, Мирный, Раздольный, а также объектов современной городской инфраструктуры: Донбасс Арена, Донецк Сити, Шахтар Плаза, Арт-Донбасс – это не только «визитная карточка» другой социокультурной эпохи, это, среди прочих, и интеллектуальное мерило современной РЯЛ, которая при этом является носителем и хранителем уникального регионального ономастикона. А он впитал в себя культуру и историю не одного этноса (вспомним некоторые известные местные онимы разных групп: *кафе* «*Кальмиус*», *коктейль* «*Кальмиусский*», *пиво* «*Сармат*», *комбинат* «*Старобешевский*», *завод* «*Харцызский*», музей «*Юзово*», *семечки* «*Юзовские*» и др.).

Такие факторы, как «непосредственное речевое воздействие», «социокультурные стереотипы общения», «стихия живого языка», в языковой картине мира РЯЛ Донбасса имеют самое стойкое отражение. Имеется в виду систематическое и последовательное «впитывание» индивидом всей вербальной информации из окружающего мира, весь аудиоряд, в котором дискурсным маркёром необщенационального становятся специфические лексемы (*гарбуз* – тыква, *жужалка* – остатки сгоревшего угля, *насыпать (борща)* – налить; *сёрбать* – шумно хлебать, *хершик* – бутылка (1,5 л.), и др.); некоторые морфолого-синтаксические формы (*играться* вместо *играть, скучился за юшкой* вместо *соскучился по бульону; дивлюсь с вас* вместо *удивляюсь вам*); ненормативное словообразование (*бабский* – бабий, *вырубливать* – вырубать, *гуска* – гусыня, *досточка* – дощечка, *кутенята* – кутята, *лодарька* – ленивица, *морква* – морковь, *поманул* – поманил, *свекруха* – свекровь, *свинячий* – свинский, *щавлевый* – щавелевый и др.); местная фразеология: *байдыки бить* – бездельничать, *губы копылить* – сердиться или обижаться, *паморки / баки забивать* – морочить голову, *с террикона свалиться* = с луны свалиться, а также ряд других признаков, которые глубоко и подробно изучаются на уровне лингворегионоведения и донбасского региолекта.

Разговор о факторах формирования РЯЛ следует начинать с процесса социализации индивида, поскольку *человеческие* способности формируются в самом этом процессе [Леонтьев 1972, с. 538–539]; «в процессе социализации осуществляется трансляция культуры, и именно трансляция культуры представляет собой “содержание” процесса социализации» [Красных 2003, с.

44]. Человек рождается и воспитывается в семье, которая уже имеет сложившиеся традиции – культурные, поведенческие, языковые, переданные ей предшествующими поколениями, и ребёнок их впитывает. В детстве складываются основные представления об окружающем мире и вербализуются на уровне примитивной наивной языковой картины мира, которая может содержать своеобразные маркёры регионального дискурса. Приведём пример из подслушанного разговора взрослого с 7-летним ребёнком (Донецк): – *Вырастешь – шахтёром станешь? – Нет, у меня дедусь шахтёр, а баба Галя говорит: хватит нам одного слуги Шубина. – Не понял, какого Шубина? – Ну что ты, не знаешь, кто хозяин шахты?*

Диалог очень показательный в плане дискурсивной реализации стойкого народного (шахтёрского) поверья о том, что в шахте живёт горный дух, хозяин шахты, незримо присутствующий во время работ и якобы нередко помогающий шахтёрам избежать трагедий либо, наоборот, жестоко наказывающий за пренебрежение к нему. В шахтёрских семьях легенды о добром или не очень Шубине усваиваются с детства и, соответственно, включаются в коммуникативный дискурс.

Затем наступает период образовательный – школьного обучения, тоже очень важный, процесс усвоения и овладения научными знаниями, накопления в том числе и языкового опыта объективирования действительности. Происходит выработка навыков практического использования накопленных знаний, системы значений, концептов, кодовых маркеров. «Язык – мощный фактор социализации, может быть, самый мощный из существующих», – писал Э. Сепир [Сепир 1993, с. 231].

Необходимо согласиться с Т.А. Голиковой в том, что «региональный язык ни в коем случае не сводим к совокупности регионализмов, под которыми обычно понимаются слова различных сфер функционирования, зафиксированных только в памятниках отдельных территорий», а также слова, демонстрирующие «нерегулярные отклонения, противопоставляющие обиходно-разговорную речь разных регионов государства». Его даже нельзя, по мнению учёного, сводить «к совокупности этнотекстов данного этноса». «Региональный язык – это система всех языковых механизмов, обеспечивающих порождение и понимание речи в данном регионе» [Голикова 1998, с. 81].

В период школьного обучения языку индивид должен усвоить не только нормативную базу современного русского литературного языка в его письменном и устном вариантах, но и его региональную компоненту, разработка и реализация которой предусмотрены при изучении предмета «русский язык» в государственном стандарте образования на уровне

национально-региональной составляющей. Методисты отмечают, что «обучение русскому языку в школе рассматривается не просто как процесс овладения определённой суммой знаний о русском языке и суммой соответствующих умений и навыков, а как процесс речевого, речемыслительного, духовного развития школьника в результате его активной речевой деятельности» [Александрова 2016, с. 6]. Соответственно, антропоцентрическая научная парадигма обусловила внедрение в школьную практику обращения к живому народному слову, к богатству и выразительности народных изречений, к веками создававшейся культуре региона проживания ученика с целью формирования у школьников адекватной национальной языковой картины мира, которая складывается из многих частных, в числе которых важное место занимает её региональный сегмент. Большие перспективы на этом пути видятся во внедряемом в систему образования направлении – регионоведении (краеведении). Школа, писал А.И. Солженицын, «должна расти из русской культуры, из русской истории, из краеведения», именно в этом видел писатель «корневую основу» современного образования.

Поэтому важным фактором формирования современной РЯЛ следует считать уровень и качество получаемых (полученных) в результате обучения объективных знаний, совокупность которых «представляет собой некоторую определённым образом структурированную и иерархизированную систему» [Красных 2003, с. 52], например: географические названия (*Дикое поле, Великоанадолье, Хомутовская степь*), социокультурные объекты (*монумент Саур-Могила, музей Арт-Донбасс, Пальма Мерцалова*), исторические факты (*Донецко-Криворожская республика*), региональная персоносфера (*Артем, Макар Мазай, Паша Ангелина, Сергей Прокофьев*), художественные тексты («*Живет Донбасс*!», «*Всем смертям назло*»), их авторы и герои (*Павел Беспощадный, Владислав Титов; Сергей Петров, молодогвардейцы*), крылатизмы (*Донбасс никто не ставил на колени и никому поставить не дано*), народные наименования мест и объектов (*Ветка, Ларинка, Смолянка*) и мн. др.; об этом более подробно в нашей статье [Курмакаева 2018]).

Отметим также важность формирования (сформированности) социальных (коллективных и индивидуальных) представлений о жизни и культуре региона, понимаемых как «чувственные впечатления» (В.В. Красных), как «система действий, идей и ценностей», направленных на осмысление социального, материального и идеального окружения (М.Л. Макаров со ссылкой на Flick и Jodlet [Макаров 1998, с. 46–47]), как система оценок, коннотаций, отношений к тем или иным явлениям действительности. Так, показательными могут быть сложившиеся в народной речи донбассовцев паремии: *Горняцкая дружба*

крепка не лестью, а правдой и честью; Клевета что уголь: не обожжёт, так замарает; Слову – вера, углю – мера и др.

Представления в отличие от знаний характеризуются такими показателями, как субъективность, неаксиоматичность (нуждаются в доказательствах, аргументации), нерациональность (интуитивность), коннотативность, оценочность (аксиологичность) и эмоциональная окрашенность [Красных 2003, с. 57].

Следует отметить, что для РЯЛ сформированная система представлений имеет не меньшее значение, а порой и б***о***льшее, чем знания. Любопытно, что В.В. Красных, рассуждая об этих факторах в отношении ЯЛ вообще, приводит в доказательство пример с личностью Стаханова: «…опросы показывают, что Стаханов воспринимается как герой, как фанатик и как “дутая фигура”» [Красных 2003, с. 59]. Это значит, что представления о ценностях реальных и мнимых формируются социумом и могут в разное время или даже в разных регионах по-разному восприниматься. Донбасс не исключение. Однако очевидно и то, что в народной памяти жителей Донбасса Алексей Стаханов продолжает оставаться положительным образом, олицетворением трудовой отваги, хотя по прошествии времени его имя, ставшее прецедентным, включается в речевой дискурс не без доброй доли шутки, например: *А работать за тебя Стаханов будет?* или (одобрительное): *Ну ты Стаханов!* Возможно, только на народных гуляниях в глубинке Донбасса ещё поют частушки о шахтёрах-стахановцах: *Ты стахановец на шахте, / все берут с тебя пример. / Институт закончишь скоро, / станешь в шахте инженер.*

В этой связи наглядным примером резких перемен в коллективном сознании пока на уровне представлений (своеобразным фактором формирования нынешнего молодого поколения РЯЛ Донбасса) является предпринимаемая попытка возврата в региональную картину мира забытых образов молодогвардейцев, о чьём подвиге практически не знает молодёжь региона. И здесь очень важно сбалансировать знания и представления, чтобы избежать повторной коммуникативной неудачи, а по сути социального конфликта; создать условия, чтобы превалировал рациональный анализ над эмоциями и субъективными оценками.

Таким образом, важнейшим фактором формирования современной РЯЛ вообще и РЯЛ Донбасса в частности является уровень и направленность школьного образования. Вероятно, по примеру российских регионов, включивших в своё время в программы такие модульные курсы, как Москвоведение, Белгородоведение и др. краеведческие дисциплины, стоит подумать о Донбассоведении с целью получения нашими учащимися

комплексных знаний и сведений о культурно-языковой уникальности своей малой родины, а главное – об уникальности её персоносферы.

1.4.Структура региональной языковой личности и принципы её формирования

Как только в поле зрения лингвистов попала региональная ЯЛ, сразу было обращено внимание на сложное устройство данного феномена. Исследователи Г.И. Богин, В.И. Карасик, Ю.Н. Караулов, В.В. Красных в своё время обосновали и ввели в лингвистический обиход многоуровневые модели ЯЛ, наибольшее признание среди которых получила трехуровневая структура ЯЛ, созданная Ю.Н. Карауловым (вербально-семантический уровень, или лексикон; лингво-когнитивный, или тезаурус; мотивационный, или прагматикон) [Караулов 2010, с. 9], представляющая собой наиболее универсальный вариант интерпретации языковой личности и лёгшая в основу многих последующих разработок проблемы. В центре исследовательской мысли оказывается триада <язык – культура – личность>.

В.К. Харченко, рассуждая о структуре региональной языковой личности, предлагает для повышения её статуса обогатить это понятие через развитие таких прикладных аспектов филологии, как изучение «семейного родословия, фелицитарной лингвистики, пассионарной личности». В первом случае регионоведческая компонента подкрепляется «интересом к роду, семье и соответственно составлением семейного родословия»; второе направление – «это поддержка дефицитного сейчас в социуме оптимизма», то есть управление «коллективным бессознательным» через работу с соответствующими языковыми фактами; третье направление связано с пополнением личной персоносферы «региональными и всенепременно пассионарными образами великих земляков, рассказами о них и личным интересом к их судьбе» [Харченко 2017, с. 82–83].

Безусловно, предложения В.К. Харченко следует изучить и принять, поскольку они направлены на воспитание патриотической региональной языковой личности, бережно относящейся к своим корням. В развитие поднятой проблемы образ региональной языковой личности необходимо дополнить ещё некоторыми важными, на наш взгляд, компонентами.

Предварительно отметим, что в связи со сменой акцентов по линии «изучение языка – изучение речи, текста, дискурса» заметны перемены в современном языковом образовании: от изучения отдельных языковых явлений и фактов, описания их свойств в системе, которой они принадлежат, к изучению их функциональных особенностей и потенциальных возможностей в речи, в тексте. Иначе говоря, текстоцентрический подход, наблюдаемый в процессе

лингвистического обучения, даёт учащемуся возможность осмыслить текст не только как единицу языка и речи, но и как единицу культуры, в которой отражается определённая картина мира как самого автора, так и того социума, к которому он принадлежит. А это значит, что в текстах заложен значительный потенциал лингвокультурологический возможностей, в том числе для воспитания региональной языковой личности при условии правильного, грамотного подбора текстов для изучения. Потому важнейшей регионоведческой компонентой нам представляется знание текстов о родном крае известных художников слова и местных авторов, изучение и постижение созданной ими картины мира, узнаваемой, близкой или даже родной читателю, а возможно только открывающейся перед ним и потому особенно захватывающей. В этом смысле считаем удачным и полезным опыт проведения в начале учебного года входного контроля на всех первых курсах в виде диктанта на регионально-историческую тематику (отрывок из рассказа А.И. Куприна «В огне»), содержание которого ярко, образно и предельно точно передаёт картину будней Юзовского металлургического завода конца 19-го века. Текст диктанта включает специфическую тематическую лексику, отражающую колорит Донбасса как промышленного региона и ставшую неотъемлемой частью его лингвокультуры. Этот опыт стоит продолжить, знакомя студентов с произведениями, воссоздающими славную историю городов и поселков Донбасса, с жизнью и подвигами известных жителей региона, с освящённой суровостью труда и быта лингвистической незамысловатостью речевого тканья. А поскольку текст является основным источником, а его анализ – основным способом формирования лингворегионоведческой компетенции, то на занятиях по русскому языку и культуре речи регионально ориентированный текст должен занять своё заметное место. Задача наших филологов на ближайшую перспективу – собрать максимально полную картотеку текстового материала.

Одновременно происходит обогащение персоносферы обучающихся малоизвестными именами тех, кто когда-либо прославил своим трудом или подвигом не только себя, но и свою малую родину. Здесь культуроведческий аспект пересекается с регионоведческим, высвечивая гуманистическую направленность учебного процесса, всецело способствуя реализации воспитательного потенциала языка.

Думается, следует приветствовать такой подход, когда на факультетах не только по случаю каких-то дат, но и в повседневном учебном процессе вспоминают, активно цитируют, приводят как пример, отсылают к трудам тех учёных и преподавателей, которых уже нет, которых не знает поколение нынешних студентов, но которые продолжают оставаться гордостью университета, а потому не должны быть забыты. В этой связи на

филологическом факультете Донецкого национального университета сложилась хорошая традиция – увековечивать память об ушедших в мир иной учёных и преподавателях проведением в честь них научных семинаров и конференций разного уровня. Так, уже несколько лет проходят ежегодные международные научные чтения студентов и молодых учёных памяти Г.И. Рихтера «Новые горизонты русистики» (в честь первого заведующего кафедрой русского языка тогда ещё Сталинского педагогического института доцента Григория Исааковича Рихтера), которые неофициально называются «Рихтеровские чтения».

По нескольку мероприятий в год проходит в память о профессоре Евгении Степановиче Отине, самом ярком представителе плеяды учёных не только нашего университета, но нашего времени, значимость которого и как учёного, и как Личности ещё предстоит осмыслить и оценить.

Важной составляющей РЯЛ следует признать осведомлённость в исторических фактах и событиях, имевших место на данной территории в разные периоды её развития. Как показывает проведённый недавно опрос студентов младших курсов исторического факультета, эти знания скромны (далеко не всем удалось вспомнить три исторических события, связанных с нашим краем), нередко общи (часто без дат, ещё чаще региональные события подменяются общегосударственными: революция, индустриализация, коллективизация и под.), а подчас и неточны (путаница в названиях, датах, ошибки в написании). Конечно, основная нагрузка по выравниванию ситуации приходится на историков, но и филологам есть с чем работать. Опять выручить могут тексты исторической, мемуарной, публицистической, научно-популярной направленности.

Региональная личность, как правило, владеет основной топонимией родного края. Географические объекты и их официальные и народные названия усваиваются жителями с детства. Данные проведённого опроса студентов показали в целом неплохие результаты, однако высветили и проблемы: «хромающая» орфография, слабые ориентиры на местности, «убывание народной памяти». К сожалению, пласт народных названий из области микротопонимии представлен в анкетах слабее всего. То, что не зафиксировано в официальных источниках, грозит исчезнуть в следующем поколении живущих. А ведь это история места, история жителей края, порой целая эпоха. Сама собой напрашивается задача регистрации, сбора, описания и систематизации в виде словарно-методических материалов всех возможных фактов «народной» топонимии, гидронимии, урбанонимии, эргонимии и прочих лексических «визиток» региона.

В деле воспитания грамотной региональной языковой личности незаменимыми, более того – бесценными, могут оказаться труды Е.С. Отина, отдавшего полжизни на изучение наименований самых различных географических объектов Восточной Украины (и не только). Знакомство с этюдами о Юзовке (Юзово) – Сталино – Донецке, о Кальмиусе, Калке и Каяле, о Саур-могиле, об ильменях и лиманах, а также многом другом в географии Донетчины не только поможет восполнить и уточнить топонимическую лексическую систему индивида, но и даст глубокое научное представление об исследуемом ониме, его истории, развитии, трансформациях. Например, поможет разобраться в соотношении *Саур-могила* и *Саур-Могила,* чтобы быть точным в употреблении такого рода вариантных наименований, связанных метонимически: первое – название возвышенности, второе – поселение невдалеке от неё [Отин 1997, с. 426]. Разъяснение подобных фактов – прямая задача преподавателя-лингвиста.

Самая главная региональная компонента, безусловно, заключается в языке его носителя, в его лексико-семантической, фонетико-орфоэпической, грамматической, стилистической составляющих. Следует признать, что речь коренного пожилого жителя Донбасса, звучащую по радио или телевидению, трудно спутать с русской речью киевлянина или москвича. «Образцом» такой колоритной донецкой речи всегда были выступления мэров Донецка В.В. Рыбака и А.А. Лукьянченко. Эти особенности ещё только предстоит зафиксировать, систематизировать и изучить. Секретами подобной работы могут поделиться коллеги из Белгорода [Опыт… 2011; Язык и культура… 2017]; в частности Т.Ф. Новикова, много сделавшая в этом направлении.

Опрос студентов и школьников показал, что знаний в области местного лексикона и фразеологии у молодёжи немного. Как правило, они ограничиваются несколькими дежурными словами типа *тормозок, тремпель, ставок* и выражениями, ставшими классикой: *Донбасс никто не ставил на колени и никому поставить не дано; Донбасс порожняк не гонит; Вышел в степь донецкую парень молодой,* а также реечками наподобие: *За вас, за нас и за Донбасс; Всё будет Донбасс!* Однако в общей сложности создаётся определённое поле региональных слов, приведём некоторые: *дитё, коногонка, лузга, лушпайки, маячня, муляка, скибочка, стулка, часни́к, шантрапа́, шаха́, штакета; буцнуть, вошкаться, замахаться, куёвдиться (куёвдаться), метушиться, сёрбать, шокать; брехливый, копытные, пор[э]паный, щáвлевый (суп).* Некоторые похвастались неплохим запасом фразеологии, крылатизмов и паремий: *с террикона свалился; Поколение молодое прославится в забое; Шахтёрский забой – фронт передовой; Что ты знаешь о солнце, если в шахте ты не был; Закон шахтёрский не забудь: стыдись работать как-нибудь; Будь*

в лаве как в бою, прославь родину свою и др. Работу в этом направлении следует интенсифицировать. Совершенно определённые задачи должны быть сформулированы для предстоящих социолингвистических практик, во время которых хорошо бы записывать «живую» речь, особенно тщательно фиксируя «бытовые изюминки», «семейные» слова и выражения.

Успех в реализации регионоведческого подхода в обучении языку и культуре речи, а следовательно, и в воспитании региональной языковой личности может быть достигнут при соблюдении ряда принципов. Один из них уже был назван – текстоцентризм. Дело остаётся за главным: отобрать регионоцентрические по содержанию и/или форме тексты, снабдить их заданиями и упражнениями; определить круг фоновых регионоведческих или культурологических знаний, необходимых для лучшего восприятия и понимания этих текстов.

Второй принцип – систематичность и комплексность в работе над подобным материалом. Систематичность – значит, использование регионального материала по возможности при изучении каждого раздела языка, поощрение студентов, использующих такой материал, иллюстрирующих теоретические выкладки примерами из региональных текстов. Комплексность предполагает выход на цельную, замкнутую на науку систему работы вплоть до написания рефератов, курсовых, бакалаврских и магистерских работ по лингворегионоведению. От преподавателя-лингвиста потребуется сформулировать тематику соответствующих научных сочинений.

Третий принцип – междисциплинарность в подходе к изучаемому материалу. Регионоведческая компонента в структуре языковой личности предполагает, как было отмечено выше, знание географии, истории, культуры родного края, а не только особенностей языка его жителей. Следовательно, и тексты, привлекаемые для языкового разбора, должны быть не только художественными, а и принадлежащими к другим стилям и жанрам.

Четвёртый, на наш взгляд, очень важный в такой работе принцип сформулировала В.К. Харченко в [7], но по отношению к иной учебной ситуации – принцип уникальности личности (уточним – региональной языковой личности), заключающийся во внимательном «отношении к речи окружающих», в уважении «к языковым особенностям того, с кем ведёшь беседу», в избавлении «от поверхностного восприятия чужих слов». Включение в работу данного принципа даёт стимул исследователю к правильной самоидентификации, в первую очередь, и к правильному выстраиванию своего поведения в момент работы по сбору языковых фактов – во вторую. Это одновременная «разведка» как собственной индивидуальности, так и сильных сторон собеседника, это ориентир на бережное собирательство языковых

сокровищ, настрой на серьёзное и ответственное отношение к делу. Только так возможно воспитать близкую к идеальной региональную языковую личность.

1.5.Ценностные категории РЯЛ Донбасса

Важная категория РЯЛ – её ценностные ориентации, которые обнаруживаются как в идеалах и убеждениях (*Донбасс никто не ставил на колени и никому поставить не дано.* П. Беспощадный), так и в поведенческих нормах, в поступках (*Донбасс порожняк не гонит; В шахте, ребятки, не играют в прятки*). В Донбассе важнейшей ценностью с самого начала его формирования как промышленного региона был манифестирован труд, в первую очередь – шахтёрский, самый тяжёлый, но и самый уважаемый. В культурной памяти социума это «запрограммировалось» в виде суждений (или убеждений), а в речевом дискурсе воплотилось во множестве паремий: *Шахтёрский забой – фронт передовой; Что ты знаешь о солнце, если в шахте ты не был? Закон шахтёрский не забудь: стыдись работать как-нибудь; Будь в лаве как в бою, прославь родину свою* и др.

На определённом этапе развития РЯЛ эти ценностные ориентиры становятся стереотипами её поведения и мировосприятия: трудолюбие, упорство, смелость, отвага, патриотизм, коллективизм и др. Им придаётся важная интегративная функция, они объединяют общество, определяют общественный порядок. Через такие посылы-стереотипы, идущие от старшего поколения, молодёжи передаётся сигнал, сообщается информация о правильных, желаемых в данном социуме, требуемых общей культурой региона формах поведения. Этим объясняется, пожалуй, феномен самого большого количества передовиков производства, зачинщиков всевозможных движений, прославивших себя на земле Донбасса и распространивших свои великие начинания на всю страну.

К манифестированным формам ценностных категорий РЯЛ относятся так называемые тексты культуры – прецедентные тексты (а также имена, ситуации, высказывания). Например, в народной памяти символом героического труда продолжают оставаться Алексей Стаханов и Паша Ангелина, потому можно услышать донбасский вариант известных выражений: *А работать за тебя Стаханов будет? Пашет, как Паша Ангелина.* Пример, услышанный автором осенью с соседского огорода: *Ну ты Стаханов! Обогнал деда!* (после совместной копки огорода дед внуку с удовлетворением). Фамилия *Стаханов* попала и в Словарь коннотативных собственных имён Е.С. Отина как «узуальный коннотативный антропоним с интралингвальной коннотацией, употребление которого ограничено жаргоном (УКА$_4$)», сопровождённый иллюстрацией из Словаря московского арго (автор Елистратов В.С. 1994: 450):

Что я тебе, горбатый стахановец, что ли, в магазин переть? Вот и работай, если Стаханов [Отин 2004, с. 323]. А жители Донбасса старшего поколения хорошо помнят, как на каждом празднике звучали весёлые частушки с упоминанием этой героической фамилии земляка, как то:

Уголь на-гора даём,
Жизнь мы строим заново.
И по старым нормам бьём
Методом Стаханова.

(Тимофеев 2008, с. 140)

Вокальные данные абитуриента в консерватории охарактеризовали так: *Конечно, не Соловьяненко, но что-то такое есть.* О положительном исходе событий у нас обязательно скажут: *Всё будет Донбасс!* А во время застолья не забудут поднять тост: *За вас, за нас и за Донбасс!*

Безусловными ценностями признаны историко-географические артефакты и объекты донецкого края, несущие мощную культурную компоненту в формирование РЯЛ, о чем не забывают донбасские поэты:

В краю отцов, в пространствах Дикополья
Я хлеб и слово отыщу, как долю.
Саур-могила, Бахмут и Азовье
Откликнутся во мне былинным зовом.

(Виктор Руденко)

В структуре РЯЛ всегда конкурируют прагматические ценности (их результат – извлечение пользы) и идеологические (результат – нормы поведения). Судя по сложившейся ситуации в Донбассе, да и по приведённым примерам, последние явно оказались преобладающими. Наверное, неспроста о людях этого края когда-то было сказано: «*это люди какой-то безумной, бешеной отваги, ставящие на карту жизнь из-за самого ничтожного пустяка, из-за ничего. Из удали они спускаются в шахту без бадьи, просто по разделам ствола, ежеминутно рискуя сорваться и полететь вниз; динамит они носят в карманах, как табак*» (В. Вереса́ев. Запальщик [Литература… 2016, с. 119]).

Условия, в которые поставлены русский язык и русская культура на территориях бывших советских окраин, с некоторых пор у их жителей – носителей русского языка – детерминируют просто критическое обострение национального самосознания. Нужно признать, что это пока ярко выражается только в отстаивании своего права говорить на родном языке и оставаться в русском культурном пространстве. Однако ещё недостаточно распространяется на такие составляющие данного феномена, как знание истории малой родины, её топонимии, персоносферы, идиоматики и проч. Сохраняется ситуация, когда не до конца разбужен у живущего на этой земле подлинный интерес к прошлому и

настоящему своего края, не чувствуется острого желания понять, кто мы. Срабатывает десятилетиями формировавшийся стереотип о монолитной русской культуре с центром в Москве.

Все эти ценностные категории РЯЛ Донбасса, безусловно, будут востребованы и культивированы социумом. Для этого имеются серьёзные предпосылки: постепенно возрождающийся интерес молодёжи к данным явлениям, рост общих знаний, желание приобщаться к культурным традициям.

По объёму знаний в этих областях обычно говорят об уровне интеллектуального состояния региональной личности. Эти данные ещё только предстоит выяснить. Зато хорошо известно, что «метров речи», «демиургов языка» (по Ю.Н. Караулову), у которых есть чему учиться, донецкой земле не занимать: выдающихся представителей региона в области науки, культуры, литературы знают далеко за пределами Донбасса.

Вывод: региональная языковая личность Донбасса – вовсе не лингвистический парадокс, а онтологическая реальность, имеющая своё измерение. Более того, она обнаруживает себя как величина далеко не периферийная, из чего следует, что её изучение и постижение как целостной категории представляется важной лингвистической задачей в современном лингворегионоведение.

5.3. Отражение донбасского регионального сознания в слоганах социальной рекламы

Е.В. Юрьева

В данном разделе рассматривается донбасский региональный компонент слоганов социальной рекламы. Цель нашего исследования – показать национальные особенности языка через отражение донбасского регионального сознания.

Действенным инструментом привлечения внимания к социальным проблемам во всём мире признаётся социальная реклама. Она выступает своеобразной формой общественной рефлексии, распространяющей культурные, духовные и нравственные ценности [Шовина 2013, с. 95].

Обратимся к слоганам социальной рекламы Донбасса.

Социальная реклама в Донбассе сегодня – это отображение приоритетных направлений работы существующих социальных институтов: ***государство*** (*«Народ – вот истинный хозяин ДНР»* (https://yaroslav-gunin.livejournal.com/470069.html)), ***семья*** (*«Дети – наше будущее»* (https://yaroslav-gunin.livejournal.com/470069.html)), ***образование и наука*** (*«Образование и наука будущего должны превратиться в систему, подотчётную обществу – это исключит возможность коррупции»*

(https://yaroslav-gunin.livejournal.com/470069.html)), ***медицина и здоровье*** (*«Помогаем и дарим надежду. Республиканский протезно-ортопедический центр»* (http://antifashist.com/item/doneck-v-billbordah-fotoreportazh.html)), ***право*** (*«Судебная система – на страже завоеваний республики»* (https://yaroslav-gunin.livejournal.com/470069.html)) и др. Такая реклама имеет большое идеологическое и патриотическое значение. Основной лейтмотив вышеперечисленных слоганов – достижение стабильности в новом государстве и удовлетворение потребностей общества.

За мужество, стойкость и массовый героизм 26 августа 2017 г. Донецку было присвоено почётное звание «Город-герой». На улицах города появилась социальная реклама, призывающая чтить и помнить заслуги не только солдат Великой Отечественной войны (рис. 1), но и героев нового времени, например, слоган *«Наши павшие – как часовые. Бессмертный полк»*. Бессмертный полк в Донбассе отличается от других регионов тем, что он объединяет в себе три колонны: героев Великой Отечественной войны, воинов-интернационалистов и героев новой войны, которая длится уже четыре года. В этом слогане адресант использует такой действенный, на наш взгляд, приём как апелляция к прецедентному феномену: формирование эмоциональной реакции дестинатора достигается за счёт отсылки к строкам из известной песни Владимира Высоцкого о Великой Отечественной войне. Это популярное и в наши дни произведение было написано в 1969 г. для кинофильма «Сыновья уходят в бой». В социальной рекламе широко распространён приём создания нового слогана на основе уже знакомого дестинатору (прецедентного) текста. Прямая и косвенная цитация отличают язык современного слогана социальной рекламы Донбасса. Прецедентные феномены в слоганах социальной рекламы служат аттракторами, актуализируют желаемые эмоции и являются наиболее эффективным средством усиления воздействия на адресата. Апелляция к патриотическим чувствам дестинатора усиливается также за счёт метафорического сравнения павших в бою героев с часовыми, которые даже после смерти обороняют свой пост, защищают Родину.

Рис. 1. *«Победа! 9 мая. Я помню! Я горжусь!»* (https://restoring-donbass.com/blog/edyard_voskresenskiy/40511-donetsk-prazdnuet-9-maya/).

Слоганы, в которых адресант акцентирует внимание дестинатора на последствиях деструктивного саморазрушающего поведения (курения, алкоголизма, наркомании) в настоящее время не актуальны в нашем регионе. Крайне редко на билбордах встречается слоган Республиканского Наркологического Центра *«Трезвость – русская традиция»* (http://novosti.dn.ua/news/267744-foto-dnya-doneck-segodnya). Использование таких слов, как «традиция», «русская», «трезвость» в данном слогане несёт положительную семантику, поскольку адресант ассоциирует данные лексические единицы с домашним уютом, традиционным укладом, домовитостью и т.д. Эти понятия близки восприятию донбасского регионального сознания. На протяжении многих десятилетий у жителей Донбасса формировалось чёткое представление, что наш родной край – это индустриальный регион, а город Донецк – это шахтёрская столица. Люди в Донбассе видят свою реализацию в получении образования и работе в производственной отрасли или в энергетическом секторе. В школе и в семье у молодых людей активно формируется осознание недопустимости употребления алкоголя в большом количестве и разных видов наркотиков.

В настоящее время в СМИ культивируется не только образ промышленного Донбасса, но и образ Донбасса культурного, чистого и озеленённого, что наглядно демонстрируют следующие примеры.

Общеизвестно, что в 70-е годы по решению ЮНЕСКО Донецк был признан наиболее зелёным из всех промышленных городов мира, после чего его стали называть «городом миллиона роз». Донецк получил это звание не случайно: под покровительством Владимира Ивановича Дегтярёва – советского политического деятеля – на улицах города более 50 лет назад было высажено около миллиона роз. В настоящее время Донецк продолжает бороться за чистоту. В мае 2017 г. на клумбах города коммунальные службы высадили два миллиона роз, поэтому в Донецке нет места для мусора. Кроме того, с 2014 года серия слоганов *«У мусора есть дом»* формирует эстетическое мировоззрение дончан.

В следующих примерах (рис. 2, 3) внимание адресата привлекает не только вербальный, но и визуальный компонент. Текст слоганов *«Семья из 2-х банок снимет мусорный бак. Чистоту гарантируем»* и *«Подсади, браток!»* (http://vse-ravno.net/feedback/poster-u-musora-est-dom) сведён к минимуму для того, чтобы воздействие главным образом было визуальным. Комическое в этих креолизованных текстах проявляется в способности увидеть в обыденной жизни курьёзность, отказаться от механического мировосприятия, посмотреть на обычные вещи по-новому [Юрьева 2017, с. 166].

Рис. 2. *«Семья из 2-х банок снимет мусорный бак. Чистоту гарантируем»*.

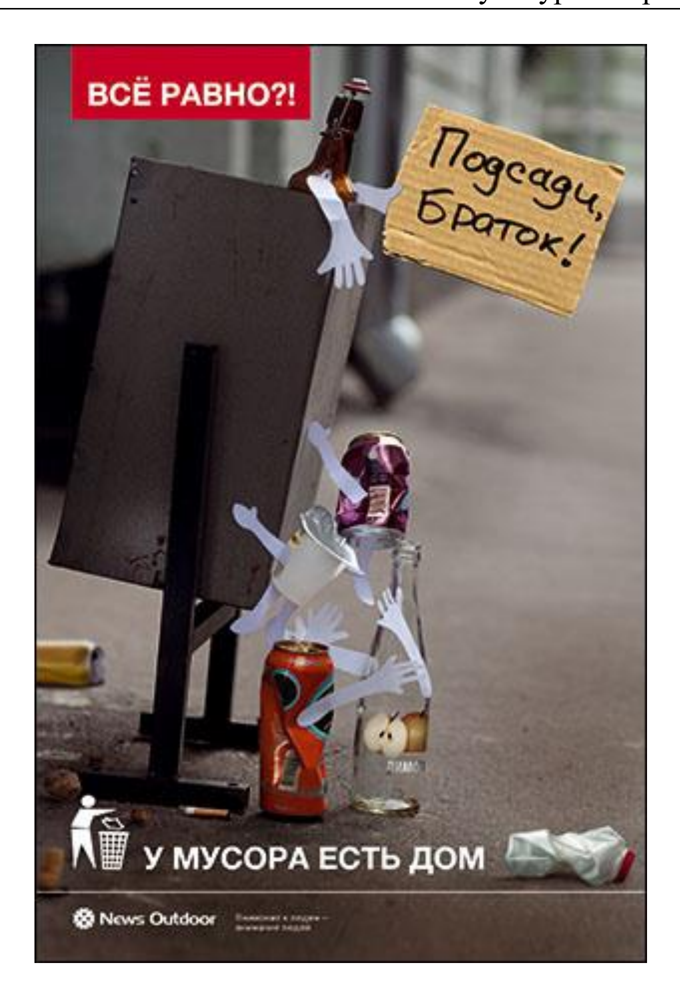


Рис. 3. *«Подсади, браток!».*

Адресант вышеприведённых креолизованных текстов с целью усиления прагматического потенциала использует визуальную метафору, а точнее олицетворение. Метафора заключается в том, что мусору присваиваются человеческие свойства, а мусорный бак или урна являются его домом. В данном случае невербальный компонент привлекает внимание, способствует запоминанию и вызывает желание адресата помочь этим «живым» неодушевлённым предметам и, как следствие – меньше разбрасывать мусор на улицах города [Юрьева 2017, с. 167].

Социальная реклама – коммуникационный канал, позволяющий формировать и распространять определённое когнитивное и поведенческое отношение к миру. В то же время это – средство выражения мнения определённых общественных групп, предлагающих и конструирующих своё видение социальных проблем и способов их решения. Поэтому социальная реклама, безусловно, это – инструмент создания образа социальной реальности [Шовина 2013, с. 96]. В настоящее время потенциальные возможности социальной рекламы, в частности слогана социальной рекламы Донбасса, до конца не изучены, поэтому не используются в полной мере.

Слоган социальной рекламы всегда направлен на достижение перлокутивного эффекта. Перлокутивный эффект зависит от тактик и стратегий, выбранных адресантом, а также от того какие речевые акты (прямые / косвенные) выберет адресант для выражения своих намерений. По нашему мнению, в рамках данного исследования необходимо рассмотреть слоганы социальной рекламы Донбасса с точки зрения теории речевых актов и определить их лингвопрагматические особенности. Для анализа материала нашего исследования наиболее приемлемой представляется классификация Н. И. Формановской, согласно которой можно выделить 7 видов речевых актов:

- репрезентативы – утверждения, главная функция которых – передача информации («*Оплата за электроэнергию производится в отделениях Центрального Республиканского Банка»* (https://yaroslav-gunin.livejournal.com/470069.html) – косвенный речевой акт (завуалированная просьба «*Оплатите счёт за электроэнергию*»));

- комиссивы – речевые акты принятия обязательств (*«Воспитаем достойное поколение»*);

- директивы – советы, приказы, просьбы и т.д. («*Минздрав ДНР – против коррупции! Если с Вас требуют деньги в больнице – требуйте чек!»* (https://yaroslav-gunin.livejournal.com/470069.html));

- экспрессивы – речевые акты, выражающие эмоции адресанта. Это могут быть поздравления, пожелания, сочувствия, извинения, сожаления («*С днём защитника Отечества! С праздником мужества, доблести и отваги!»* (http://antifashist.com/item/doneck-v-billbordah-fotoreportazh.html));

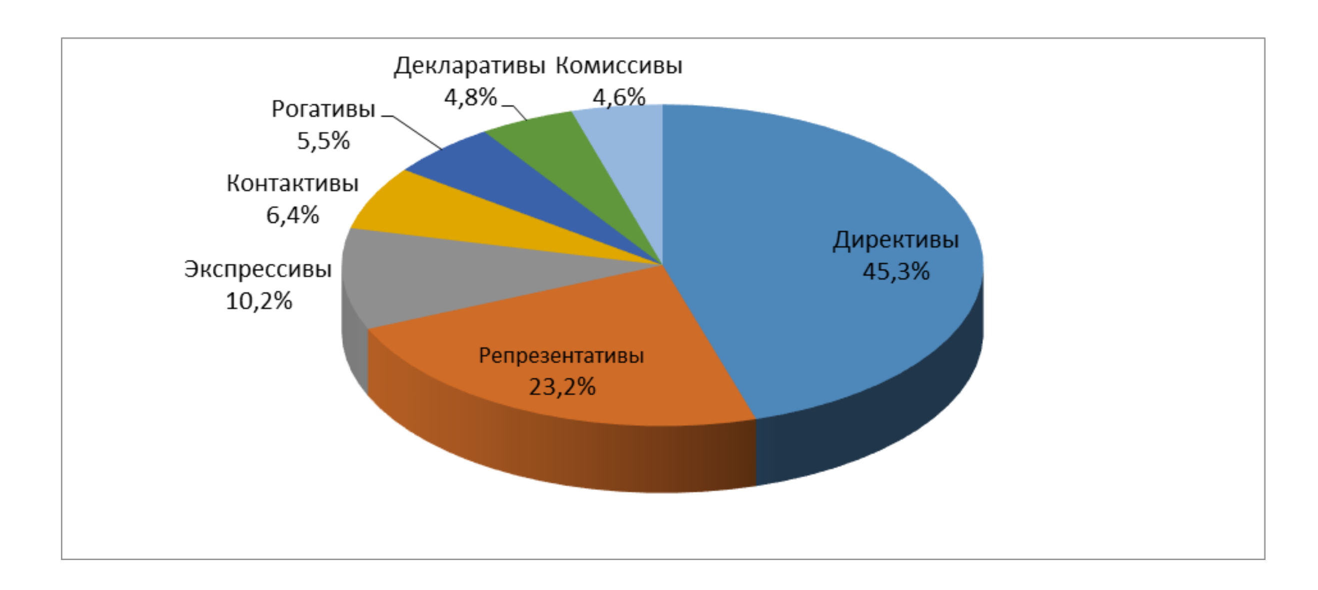
- декларативы – официальные заявления, высказывания, объявления, назначения, присвоения званий и т.д. (*МЧС ДНР предупреждает: «Не оставляйте детей без присмотра»* (http://antifashist.com/item/doneck-v-billbordah-fotoreportazh.html);

- рогативы – вопросы (*«Мы платим за услуги ЖКХ – уют нашего дома. Ты с нами?»* (https://yaroslav-gunin.livejournal.com/470069.html). В данном слогане функция вопроса – не выяснение информации, а просьба выполнить определённое действие (завуалированный директив) «*Оплати услуги ЖКХ*»);

- контактивы – извинения и благодарности (*«Спасибо, Россия!»* (https://yaroslav-gunin.livejournal.com/470069.html)).

В ходе исследования мы проанализировали 200 слоганов. Анализ фактического материала показал, что адресант слогана социальной рекламы Донбасса наиболее часто прибегает к двум видам речевых актов из семи возможных: директивам и репрезентативам. Классификация, используемая в нашем исследовании, выглядит следующим образом (диаграмма 1).

Диаграмма 1. Виды речевых актов в слоганах социальной рекламы Донбасса.



Итак, в слоганах социальной рекламы Донбасса преобладают репрезентативные и директивные речевые акты, цель которых не только сообщить информацию, но и спровоцировать определённые действия адресата. Таким образом, уместно будет вспомнить об использовании в рекламном дискурсе прямых и косвенных речевых актов. Дж. Серль в статье «Косвенные речевые акты» говорит о том, что адресант по той или иной причине (например, из вежливости или для более глубокого воздействия на адресата) прибегает к косвенному способу выражения своей иллокутивной цели [Searle 1975, с. 59–82]. Например, с целью избежания актов, которые «угрожают лицу» адресата в слогане социальной рекламы, речевой акт директива может быть представлен формой репрезентатива или другого речевого акта (с иллокуцией директива), благодаря чему слоган приобретает рекомендательный характер, не «отталкивая» при этом своего дестинатора излишней категоричностью. Следует отметить, что в слоганах социальной рекламы Донбасса face threatening acts используются довольно часто. Это можно объяснить не только коммуникативными особенностями слогана (за короткое время текст сообщения должен быть предельно ярким и максимально эффективным), но и психолингвистическими особенностями жителей Донбасса, которые отличаются высоким уровнем эмоциональности и экспрессивности коммуникативного поведения.

Так как основной задачей социальной рекламы является преобразование поведенческой модели современного общества, рассмотрение проблемы использования языковых средств, посредством которых адресантом создаётся убедительный запоминающийся образ объекта рекламирования, приобретает в

наше время большое практическое и теоретическое значение [Юрьева 2017, с. 200–201]. По мнению Г. П. Грайса, общение подчиняется определённым законам. Успешность коммуникации зависит от соблюдения либо нарушения этих законов, а точнее, максим принципа кооперации. Возникает вопрос: в какой мере эффект коммуникации в дискурсе социальной рекламы Донбасса зависит от соблюдения максим Г. П. Грайса?

Удачное общение представлено постулатами качества, количества, релевантности и способа [Grice 1975, 41–58].

Основные кооперативные максимы Г. П. Грайса в совокупности регулируют обмен информацией между индивидуумами, вовлечёнными в интеракцию. Теория основана на предположении, что пользователи языка молчаливо согласились кооперировать, внося тот вклад в разговор, которого требует определённая ситуация [Кравченко 2012, с. 91]. Одним из главных понятий концепции Г. П. Грайса является *импликатура*, которая представляет собой имплицитный (завуалированный) смысл, образованный в результате нарушения определённых максим. Ниже нами проанализированы случаи соблюдения / нарушения авторами слоганов социальной рекламы Донбасса максим принципа кооперации.

Максима количества (постулат информативности): адресант должен быть настолько информативным, насколько того требует ситуация общения, то есть количество информации не должно быть ни слишком маленьким, ни слишком большим. Говорящий всегда обладает определёнными знаниями о своём адресате – в частности, знает, в каком количестве информации дестинатор нуждается, что именно он должен знать. В свою очередь, редукцию количества информации (нарушение максимы количества) можно рассматривать как сигнал контекстуализации, которая показывает, что говорящие являются членами одной социальной группы и разделяют часть невысказанных контекстуальных знаний. Нарушение максимы является значимым в сообщении определённых импликатур [Кравченко 2012, с. 92]. Например, в слогане *«Осторожно! Тонкий лёд»* (https://yaroslav-gunin.livejournal.com/470069.html) адресант нарушил максиму количества информации, но адресат способен вывести импликатуру: *«Не стоит пренебрегать мерами предосторожности, выходя на тонкий лёд: тонкий лёд может стать причиной трагедии».* Адресантом данного слогана является МЧС ДНР. Подобную рекламу мы видим каждый год в зимние месяцы вдоль побережья реки Кальмиус. Адресант не считает нужным применять длинную фразу, приведённую выше. Используя междометие «осторожно» (призыв к соблюдению осторожности), он игнорирует максиму количества. По его мнению, каждый сознательный человек сам знает, какими могут быть последствия прогулок по непрочному льду.

Нарушенный постулат количества информации восстанавливается за счёт общего фонда знаний коммуникантов. Несмотря на то, что они дистанцированы друг от друга, дестинатор сможет правильно интерпретировать высказывание.

Таким образом, нарушая принцип количества информации, адресант предполагает, что адресат разделяет вместе с ним часть контекстуальных знаний и способен вычленить конверсационную импликатуру [Кравченко 2012, с. 92].

Максима качества. Высказывание адресанта должно быть истинным и правдивым. Обычно в слоганах социальной рекламы Донбасса эта максима соблюдается адресантом (в отличие от коммерческой рекламы), но всё же встречаются случаи её нарушения с целью привлечения внимания интерактанта. Например, адресант слогана «*Наркотики – не модно*» (https://maxi-good.livejournal.com/148751.html) игнорирует максиму качества: современная молодёжь отказывается от наркотиков, но этот вид деструктивного поведения никогда не считался модным в нашем регионе. Рассмотрим ещё один пример нарушения вышеупомянутой максимы. Нарушение максимы качества в тексте слогана социальной рекламы должно быть стратегически обоснованным [Юрьева 2017, с. 94]. Адресату слогана *«Анечка, 4 года. Она уже выкурила 70 пачек ... хотя не прикасалась к сигаретам. Перестань курить в общественных местах»* (http://mf.mediasapiens.ua/material/22693) понятно, что Анечка за свою жизнь ещё ни одной сигареты не выкурила. Откуда же тогда такая внушительная цифра (70 пачек)? Предоставляя такие среднестатистические и ничем не подтверждённые данные, адресант игнорирует максиму качества с целью привлечь внимание адресата к проблеме пассивного курения. Большинство людей, членов современного общества, даже не задумывались над тем, что курение в общественных местах вредит здоровью окружающих.

Максима релевантности. Ради успешной коммуникации адресант не должен отклоняться от темы. Новая информация должна быть связана с тем, что было сказано ранее.

В ходе исследования нами было выявлено, что авторы слоганов социальной рекламы Донбасса всегда соблюдают вышеупомянутую максиму. Даже создавая ряд слоганов, относящихся к определённой социальной проблеме, адресант освещает её с разных сторон и в любом случае не отклоняется от темы, каждый раз дополняя уже сказанное новым содержанием. Например: *«Спасибо за чистый воздух!», – Алёна, официантка* или другой слоган, который продолжает эту мысль в рамках проекта «Донбасс без табачного дыма»: *«Еда и напитки вкуснее без табачного дыма»* (https://vk.com/club24663444). Принцип релевантности применяется во всех без исключения проанализированных слоганах, так как они содержат

высказывания, которые релевантны друг другу и представляют собой единое целое [Юрьева 2017, с. 96].

Максима способа выражения (манеры). Эта категория формулируется постулатом «высказывайся понятно» [Grice 1975, с. 41–58].

Несоблюдение максимы манеры (способа действия) выражается в разного рода языковых аномалиях, от лексических неологизмов и грамматически ошибочных конструкций до прагматически неожиданных высказываний – неожиданных с точки зрения прагматических правил построения связного текста [Иссерс 2006, с. 66].

Вместе с тем, умышленное нарушение этой максимы придаёт слогану особую стилистическую окраску, оттенок оригинальности, привлекает внимание адресата, стимулирует интерес, способствует запоминанию, вызывает перлокутивный эффект. С этой целью адресант может использовать различные средства, например, метонимию: *«Донецк дышит розами, а ты?»* (http://mf.mediasapiens.ua/material/22693). Метонимия основана на замене слова по «смежности» (часть вместо целого или наоборот; представитель вместо класса или наоборот; вместилище вместо содержимого или наоборот и т. п.) [Савельева 2011]. Адресант данного слогана под словом «Донецк» подразумевает людей, проживающих в городе. Адресант апеллирует к эмоциям адресата (нежеланию быть не таким как все), которые актуализируются благодаря использованию неожиданного противопоставления действий адресата и большинства жителей города, что настраивает дестинатора на правильное (с точки зрения адресанта) восприятие информации. И, как следствие, адресат может отказаться от очередной сигареты.

Соблюдение / нарушение максим Г.П. Грайса в слоганах социальной рекламы Донбасса зависит от уровня фоновых знаний интерактантов, социального статуса адресата, его эмоционального состояния и т. д.

В определённых контекстах говорящий сознательно может игнорировать тот или иной коммуникативный постулат для придания информации завуалированной формы, не выражая своих намерений эксплицитно, тем самым он заставляет слушателя изъять соответствующий компонент содержания высказывания в качестве коммуникативной импликатуры [Вахтин 2004, с. 237].

Соблюдение / нарушение максим принципа кооперации позволяет адресанту добиться максимального воздействия на адресата слогана.

Итак, рекламный текст в его региональном преломлении – явление яркое, уникальное, так как он создаёт неповторимую национальную особенность языка, которая в значительной мере влияет на восприятие, мышление и понимание человеком картины мира [Неговорова 2009].

Специфика региональной ментальности позволяет воспринимать информацию, изложенную в слогане социальной рекламы, как объективную и вызывающую доверие, так как она «своя». В некоторых случаях адресант косвенно навязывает дестинатору мнения, установки, определённые цели. Для эффективного воздействия на адресата адресант слогана может использовать акты с завуалированной иллокуцией, употреблять изобразительно-выразительные средства, основанные на переносном значении слов, нарушать максимы принципа кооперации, апеллировать к прецедентным феноменам и т.д.

Глава 6. Донецкий текст

6.1. Донецкий текст русской литературы: художественные произведения из Донбасса и о Донбассе

А.Ю. Коробов-Латынцев, В.С. Коробова-Латынцева

В последние годы в гуманитарных науках становятся популярными исследования, посвящённые изучению семиотических систем, которые обладают своим языком и отражают особенности определённого региона, проявляют региолектные черты. К таким семиотическим системам относят, например, «петербургский текст», описанный В.Н. Топоровым, «воронежский текст», о котором пишут воронежские исследователи, московский текст, сибирский, ташкентский, уральский, крымский и т.д.

Среди существующих трактовок понятия *текст* особое место занимает культурологическая интерпретация, разработанная в трудах М.М. Бахтина, Р. Барта, Д.С. Лихачёва, В.Н. Топорова, Ю.М. Лотмана. Текст понимается учёными как данность культурологического порядка с присущими ей эстетическими, этнокультурными, поведенческими и особыми лингвистическими характеристиками.

Ю.М. Лотман утверждал, что любое человеческое проявление текстуально: «Культура есть совокупность текстов или сложно построенный текст» [Лотман 1997, с. 384].

Культурологический анализ представляет собой не плоскостное рассмотрение текста как суммы некоторых приёмов, а анализ «по вертикали», как писал М.М. Бахтин, когда текст рассматривается в контексте всего культурного пространства как его неотъемлемая часть, обладающая всеми его признаками и меняющаяся по мере изменения культурного пространства, «как своеобразная монада, отражающая в себе все тексты (в пределе) данной смысловой сферы» [Бахтин 1976, с. 125]. Одновременно М.М. Бахтин отмечал, что текст является непосредственной действительностью, действительностью мысли и переживаний, открытым пространством смыслов.

Изучение региональных литератур – весьма перспективное направление, поскольку его методы и подходы ещё не до конца выработаны, а материальная база практически безгранична. Проект «Донецкий текст русской литературы» на данном этапе носит эвристический характер, ожидает широкого открытого обсуждения. Концептуализация термина «донецкий текст русской литературы» подразумевает как приобретение знаний в области истории литературы родного края, так и поиск ценностных, эстетических оснований, на которые может

опираться филолог-исследователь, изучая разнообразный литературный материал и вырабатывая критерии его оценки. В проблематику исследования входит также поиск основ региональной идентичности в литературном пространстве Донбасса, связь региональной идентичности с общерусской, что предусматривает также и философскую разработку темы. Заранее предполагается, что основой для появления литературных произведений в Донбассе являлись образцы и наследие общерусской литературной традиции.

Региональный текст представляет собой гуманитарное и социальное единство, которое самым тесным образом связано с людьми, их жизненным укладом и мировоззрением. Поэтому изучение региональной литературы и культуры родного края не может быть ограничено собиранием и сохранением отдельных текстов. Системный подход в этом деле есть часть большой работы по постижению национальной истории и культуры, результатом которой становится обретение национальной идентичности.

Под «донецким текстом русской литературы» следует понимать не только те тексты, которые создавались в Донбассе или выходцами из Донбасса, но также и весь корпус текстов, посвящённых Донбассу или тем или иным образом связанных с регионом.

Так, в к. XIX – нач. XX вв. увидели свет произведения «Молох», «Юзовский завод», очерки «В главной шахте», «В огне», «В недрах земли» А.И. Куприна, «Подземное царство» и «Без дороги» В.В. Вересаева, «Книга о жизни. «Беспокойная юность», «Приазовье», автобиографическая повесть «Книга о жизни. Беспокойная юность», рассказ «Гостиница “Великобритания”» К.Г. Паустовского, очерки «На заводе», «Мариупольские картинки», «Под землёй», «Маленький шахтёр» А.С. Серафимовича, «Молодая гвардия» А.А. Фадеева, «Пальмы в Донбассе» И.А. Ильфа, «Степь», «Счастье», «В родном углу», «Русский уголь» и «Перекати поле» А.П. Чехова. Святым горам (Святогорью; Свято-Успенской Святогорской лавре), духовной жемчужине Донбасса, посвятили свои произведения А.П. Чехов, И.А. Бунин, В.И. Немирович-Данченко, Ф.И. Тютчев, А.Н. Муравьев, М.И. Цветаева. С Донецком связана судьба творческого наследия братьев А. и Б. Стругацких.

О месте Донбасса в русской культуре существует определённое представление, которое во многом сформировано именно русской литературой. Александр Блок, например, назвал Донбасс «Новой Америкой», «землёй героев» считал Донбасс Алексей Ионов, Владимир Маяковский призывал[10]:

[10] Стихотворение «Сказка о красной шапочке» и «Сказка для шахтёра-друга», пьеса «Мистерия-Буфф», тексты лозунгов: «Товарищ-шахтёр раздет», «Нападали белогвардейцы на Донецкий бассейн», «Донецкий шахтёр голодает», «Нас шахтёр углём поздравит», «По 17 декабря в донецкий бассейн отправлено», «Слушай, шахтёр!..», «Смотри, шахтёр!», «Делайте предложения!», «Эй, шахтёр, в опасности трудовая республика твоя!»,

«*Все на помощь Донбассу!*». В большинстве художественных текстов Донбасс представлен шахтёрским краем, родиной горняков.

Живущие в культуре представления о Донбассе (образы Донбасса) в широком смысле можно обозначить термином «донбасский миф» подобно тому, как некоторые исследователи предлагают термин «петербургский миф» для обозначения представлений о Санкт-Петербурге [Полещук 2006, С. 98 – 101]. Миф здесь следует понимать в широком смысле, как «сознательно-личностно-словесную форму, развёртывающуюся к тому же исторически» [Лосев 2001, с. 172–173], которая присутствует в культурной системе координат. А текст, относящийся к мифу, допустим, «петербургский текст» – это воплощение мифа на текстовом уровне. Так, «донецкий текст русской литературы» – текстовое воплощение донбасского мифа, который существует в русской культуре и который, хотя и не имманентен самому донецкому тексту, воплощается в нем, и в то же время, продолжая влиять на систему в целом, конституируется внутри него как некая созидающая, генерирующая сила, семантическое ядро.

Остаётся открытым вопрос, что же позволяет обозначить всю совокупность текстов о Донбассе, которые конституируют т.н. «донбасский миф» в русской культуре, термином «донецкий текст русской литературы». Применительно в петербургскому тексту и петербургскому мифу этим же вопросом задавался В.Н. Топоров, и отвечал он на этот вопрос так: все произведения о Петербурге обладают некоей семантической связностью, которая приводит к снятию жанровых, авторских и хронологических рамок и позволяет увидеть петербургский текст как единый и внутренне связанный феномен [Топоров 2003].

В этом же русле рассуждает современный исследователь Т.А. Никонова, которая в статье «Воронежский текст: образы и легенды центрального Черноземья» пишет, что формирование локального текста (петербургского, сибирского, крымского и т.д.) это «путь от географии к мифологии, от собирания конкретных фактов к их систематизации, к осмыслению собственной «легенды местности» [Никонова 2006, с. 214]. После прохождения пути от местности к мифу начинается путь от мифа к тексту.

Применительно к пространству Донбасса Донецку принадлежит ключевая роль: «До середины XX в. в Донбассе главными литературными центрами были Бахмут (Артёмовск), Луганск, Мариуполь. Однако с 30-х гг. XX в. постепенно усиливается и становится главенствующей роль Сталино (Донецка)» [Юбилейные даты литературы Донбасса 2016, с. 3]. Донецк – центральный

«Горняк! Всей России нужны: уголь, руда…», «Горняк, ты для других примером был в революционной борьбе».

город крупнейшего промышленного региона, его культурная столица, и поэтому он является мощнейшей площадкой для проявления самобытности творческой составляющей населения. Именно поэтому считаем уместным термин «донецкий текст», а не «донбасский текст».

В.Н. Топоров констатировал, что Петербург познавал самого себя «из русской художественной литературы», и «Россия пыталась осмыслить суть своей природы, понять последнее слово о себе самой в свете феномена Петербурга, столицы Российской империи» [Топоров 2003, с. 5]. То же самое по полному праву можно применить сегодня к Донецку и Донбассу в целом. В новых геополитических реалиях перед жителями Донбасса стоит задача понять себя, и сделать это возможно, исходя из литературного наследия, созданного в Донбассе и о Донбассе, исходя из «донецкого текста» русской литературы.

В том числе эту задачу поставила война в Донбассе. «Кризисные эпохи имеют тенденцию к расширению привычных пределов в разных областях, едва ли не в первую очередь – в культуре. И «локальные тексты» становятся, если использовать определение В.Н. Топорова, тем «устройством», с помощью которого и осваиваются новые открывающиеся источники» [Никонова 2016, с. 214]. Сейчас как раз такая эпоха – отсюда и актуальность обращения к донецкому тексту.

Только в прошлом столетии начинается литературная жизнь региона, но уже в 1923 году издаётся литературный журнал «Забой», первоначально бывший приложением к газете «Всероссийская кочегарка». В 1922 году дебютирует с рассказом «Сытые и голодные» первый крупный писатель Донбасса Борис Горбатов. С 1924 года активно печатает свои стихотворения первый крупный поэт Донбасса Павел Беспощадный. Появляются печатные издания Донбасса: горловская «Кочегарка», журналы «Забой» и «Донбасс», «Литературный Донбасс», есть колонки лирики донецких поэтов в газетах «Донецкий пролетарий», «Бахмутская правда», «Донецкая коммуна», «Донецко-Криворожский коммунист», при заводах и шахтах организовываются литературные кружки и съезды. На конец 20-х – нач. 30-х гг. XX века приходится расцвет литературной жизни региона.

Литература рождается в особом классе – классе рабочей интеллигенции – это литературное творчество пролетариев. Донбасские поэты и писатели имеют специальность, работают, а то и совершают трудовые подвиги на предприятиях: шахтах, заводах, кочегарках и т.д., создают художественные произведения, наряду с общественной работой и волонтёрством в типографиях, многие из них имеют опыт корреспондентской работы. И это крепкий фундамент для дальнейшего развития литературного творчества в регионе.

Затем наступает так называемый «золотой век» советской литературы Донбасса – литературным творчеством занимаются учёные, кандидаты и доктора наук. Учёные и своими изобретениями, и творческими произведениями создают культуру Донецка. Это С. Потолов, З. Лихолобова, Е. Курдюмова, Н. Хорошайлова, Г. Ляшенко и многие другие. Они, прежде всего, представляли миру Донецк и Донбасс как угледобывающий регион.

Начиная с 30-х годов в литературу Донбасса проникает украинская литература (в частности – поэзия) с темой труженика полей, сельского жителя. Здесь получаем целый спектр тем: от воспевания природы в пейзажной лирике до любви к земле и труду на ней человека. Поэзия «сельского пленера» на украинском языке рождается в Донбассе в период с 60-х по 80-е годы XX века. Авторы, приехавшие в Донбасс с Украины и пишущие на украинском языке (В. Стус, В. Голобородько, В. Сосюра, И. Светличный, И. Дзюба, А. Лупинос, А. Тихий и др.), часто следовали под влиянием атмосферы индустриальной столицы общим тенденциям её коллективного творчества. Так, по мнению О. Забужко, возвратившийся из Донбасса В. Стус, хотя и выбирал темы и предмет описания киевской топики и истории, тем не менее оставался верен «тембрально» и даже на фонетическом уровне тем стихотворческим принципам и привычкам, которые приобрёл в Донбассе («Лиса гора»).

Творчество писателей Донбасса советского периода тематически было обращено описанию участи Донбасса в Великую Отечественную войну, их интересовали подвиги героев Отечества, причём не только фронтовые, но и тыловые, трудовые – Б. Горбатов, В. Шутов, Н. Рыбалко, Л. Жариков, В. Титов и др.

Кроме того, имеются и философские основания для культурологических и литературоведческих построений. В кризисные эпохи увеличивается запрос на философию и философов, повышается потребность в постановке и разрешении философских проблем. Русская философия рождалась в лоне литературы и всегда отличалась таким свойством, которое современные исследователи обозначили как «литературоцентризм» [Семенова 2014]. Именно поэтому в России краеведческий и литературоведческий дискурсы в конце XX – начале XXI века получают отчётливый философский уклон: исследованием литературы занимаются не только специалисты-филологи, но и профессиональные философы, такие как В.С. Соловьёв, В.В. Розанов, К.Н. Леонтьев, Н.А. Бердяев, Л.И. Шестов, С.Н. Дурылин и многие другие. В этом смысле современная отечественная философия также неизбежно проявит свой интерес к исследованию «донецкого текста» и «донецкого мифа».

У Донбасса богатая литературная биография. О Донбассе писали многие русские и зарубежные литераторы и учёные, многих он поражал и вдохновлял на открытия.

Среди писателей-выходцев из Донбасса множество учёных, докторов наук, причём не только гуманитарных, например, В.К. Губарев – кандидат исторических наук; Е.М. Волошко – кандидат филологических наук; Ю.П. Фесенко, А.Ф. Бережной и Е.С. Отин – профессора, доктора филологических наук; Ю.Д. Нечипоренко – доктор физико-математических наук; В.Л. Кузьменко – кандидат медицинских наук; К.В. Деревянко – кандидат философских наук; М.Ф. Максимов – кандидат педагогических наук; А.Ф. Бритиков – доктор филологических наук; Л.В. Тодоров – доктор педагогических наук и многие другие (см. [Юбилейные даты литературы Донбасса 2016; Донбасс: писатель и время 1979]. Многие из донецких писателей занимались журналистикой, многие работали шахтёрами (С.Ю. Рыбас, А.Ф. Бережной и др.), многие воевали в Великую Отечественную войну, например, П.Ф. Иванов, А.И. Никанорkин, А.Ф. Бережной, А.Д. Косматенко, Д.З. Семенов, С.В. Посниченко, Г.А. Марягин, С.З. Божко, В.В. Шутов, М.Д. Сергеев, Ф.Т. Илюхин, Вл. Торин, В.И. Андриянов, Л. Лиходеев и др.

Но не только литература формировала культурное пространство Донбасса: С историей региона связаны судьбы многих деятелей науки, культуры, искусства и спорта. Это и композиторы Сергей Прокофьев и Н. Леонтович, художник Архип Куинджи, писатель, собиратель и лексикограф Владимир Даль, певец А. Соловьяненко, полярный исследователь Георгий Седов, тяжелоатлет четырёхкратный чемпион мира и писатель Юрий Власов. Известными земляками-современниками стали танцовщик Вадим Писарев, спортсмены Сергей Бубка и Лилия Подкопаева, профессор, знаменитый ожоговый хирург и поэт Э.Я. Фисталь. писатель, историк и социолог Н. Сриблянский (Н. Шаповал). Актёр Леонид Быков родом из села Знаменка Славянского района. Советский кинорежиссёр, народный артист РСФСР Леонид Давыдович Луков создал ряд картин, посвящённых Донбассу, имеющих местом действия донецкую землю: «Большая жизнь», «Два бойца», «Александр Пархоменко», «Это было в Донбассе». Российский предприниматель, продюсер, режиссёр, сценарист, один из пионеров русского кинематографа Александр Алексеевич Ханжонков родился в Макеевке. Театральный режиссёр Владимир Иванович Немирович-Данченко любил проводить лето и работать в Донбассе в селе Нескучное.

Уроженец Донбасса – известный русский религиозный философ Павел Иванович Новгородцев (он родился в Бахмуте, ныне Артёмовск), основатель русской философии права, учитель И.А. Ильина и Г. Флоровского, автор работ «Философия права», «Существо русского православия» и др. Фигура Новгородцева широко известна не только историкам русской философии, но и в

целом мировой философской публике, имя Новгородцева присутствует во всех учебниках по истории русской философии, о его правовой концепции пишут статьи и монографии. В Донецке родился также другой отечественный философ, известный танатолог, автор многих трудов по философии смерти Сергей Валерьевич Роганов (1960 – 2015).

В Донецке проживал известный отечественный философ Николай Васильевич Смирнов, участник Великой Отечественной Войны, автор фундаментального труда «Ложное сознание» и зачинатель философской традиции в Донбассе (именно Николай Васильевич создавал первые философские кафедры в Донецке), сокурсник и собеседник А.А. Зиновьева и Э.В. Ильенкова.

Уроженец Донбасса (с. Адамовка) – епископ Шанхайский и Сан-Францисский Иоанн, который причислен Православной Церковью к лику святых.

Донбасс вдохновлял русских писателей своими образами. Весь XX век – это устойчивый образ шахтёра из Донбасса. Донецкие шахтёры – это и особый (по месту жительства и работы) профессиональный класс, маркированное сообщество, узнаваемый при различных обстоятельствах психотип:

«*И кто знаком с постановкой дела в наших донецких шахтах, тому дуйский рудник не покажется страшным*» – А.П. Чехов «Остров Сахалин» (1893–1895);

«*А двое его товарищей оставались здесь, в Краснодоне: природные донецкие шахтёры, оба они участвовали в гражданской войне во времена ещё той немецкой оккупации и деникинщины*» – А.А. Фадеев «Молодая гвардия» (1943–1951).

Кодекс чести донбассовца рождается из текстов не в последнюю очередь героизировавшей его художественной литературы. Однако как мифы о Донбассе и шахтерские предания и легенды опираются на реалии действительности, так и литературные образы произрастают из фактов и происшествий. В то же время, как замечал В.Н. Топоров, локальный текст (городской или региональный) – это «устройство, с помощью которого совершается переход a realibus ad realiora, пресуществление материальной реальности в духовные ценности» [Топоров 1995, с. 259], поэтому уместно говорить о диалектическом отношении между «донбасским мифом» (или «донецким текстом» как его материальным воплощением) и донецкой действительностью: с одной стороны, первый опирается на вторую, но в то же время и конституирует её.

К «донецкому тексту» нельзя в полном мере подходить как к городскому тексту, в отличие от петербургского или московского. Создание теории

городского текста осуществляли многие отечественные учение: Ю.М. Лотман, В.Н. Топоров, Н.Е. Меднис и др. Под городским текстом они понимали концептуально выстроенное пространство текстов, которые объединены принципами строения поэтического языка, символики и концептуальных смыслов, а также именем города, Петербурга или Москвы, то есть столицы. В случае с «донецким текстом» мы имеем дело не с одним лишь городом Донецком, а со всем пространством Донбасса. Поэтому применительно к «донецкому тексту» следует говорить не о городском тексте. В отношении Донбасса терминологически более удачным является употребление понятия «региональный текст», потому как «локальный (городской) текст» должен иметь центр и периферию, должен конструироваться на обозначении особенностей культурного ландшафта, а не выявлять объединяющие константы и общие характеристики лоскутной по сути территории индустриального конгломерата.

Локальный текст рождается на рубеже XX – XXI веков в антропологической парадигме изучения культурного наследия малых городов в постсоветском пространстве. Согласно М. Алексеевскому, А. Жердевой, М. Лурье, С. Неклюдова «локальный текст» это корпус «текстов о месте» или даже просто «место памяти» (Пьер Нор, В. Коркунов). Мифологизация пространства приводит к тому, что стало возможным реконструировать и описать локальный текст современного города, локальный текст русской столицы или локальный текст русской провинции. Локальный текст генетически восходит к городскому тексту как детище тартуско-московской школы, региональный же текст даёт возможность рассмотреть творческое пространство жизни людей как подвижное и постоянно изменяющееся, как уникальное образование по типу структурного образования фрактала, а не во взаимоотношении центра и периферии.

Донецкий текст можно классифицировать по нескольким критериям.

По географическому. Тексты донецких авторов (В. Шутов, В. Гроссман, Л. Талалай, Н. Чернявский, Д. Демидов, О. Роздобудько), тексты луганчан (М. Матусовский, Б. Горбатов, Г. Бобров), тексты авторов из каждого города Донбасса.

По критерию рождения, и тогда донецкий текст будет делиться на тех авторов, которые родились и жили в Донецке, и создавали «донецкий текст русской литературы», и на тех, кто родился не в Донбассе, но также участвовал в создании корпуса «донецкий текст». В конце концов, можно делить «донецкий текст» на 1) тексты, которые писались в Донбассе и о Донбассе, 2) тексты, которые создавались за пределами Донбасса, но посвящённые Донбассу, и 3) тексты, которые создавались в Донбассе и которые несут в себе

характерные признаки «донецкого текста», но не посвящены Донбассу (например, сказки «Жаба и роза» и «Attaleaprinceps» В.М. Гаршина). Также сюда можно добавить и четвертую группу (которую, впрочем, уже будет проблематично отнести к собственно «донецкому тексту») – это тексты, которые писались уроженцами Донбасса и которые посвящены не Донбассу (например, тексты П.И. Новгородцева).

Есть ряд авторов, которые стали известны далеко за пределами Донбасса, но сохранили в своём творчестве «генетическую память» Донбасса – М. Матусовский (Луганск), М. Пляцковский (Енакиево), Н. Анциферов (Макеевка), Н. Хаткина и С. Куралех (Донецк).

В связи с начавшейся на территории Донбасса войной в литературе актуализировался с небывалой силой донбасский миф, который воплощается в невероятном количестве текстов о Донбассе. В Донбассе XXI века, как утверждают сами писатели и из Луганска, и из Донецка, на первый план вышла гражданская тематика, которую условно называют «документальной военной прозой», главная цель которой не просто сохранить свидетельства о войне, но рассказать о роли Донбасса для культуры России, Украины и всего мира. Литература стремится противопоставить рухнувшей или исказившейся реальности предельную честность и достоверность, поэтому на первый план выходит жанр очерка и путевой (фронтовой) записки, письма с позиций: «воевавшая проза» Глеба Боброва (очерк «Напрасная жертва Дебали», «Луганское направление», в сборник «Солдатская сага» вошли 14 документальных очерков), Р. Борисов, Д. Филиппов, А. Кокоулин, М. Надеждин, Ал. Алустон, Ю. Евич, Е. Сергеев, Н. Иванов, С. Константинов, очерковые заметки Дмитрия Стешина, «Не чужая смута» Захара Прилепина, «Путешествие на войну» журналиста Евгения Бабушкина, «Записки террориста (в хорошем смысле слова)» Виталия «Африка». Отдельного рассмотрения заслуживает связь этих текстов с произведениями т.н. «окопной прозы», лейтенантской прозы 60-х годов.

О донбасском характере пишут стихи – Дмитрий Трибушный, Алиса Фёдорова, Мария Панчехина, Елена Заславская, Анна Ревякина, Александр Александров, Сергей Гусев, Александр Кабанов, Игорь Караулов, Юнна Мориц, Вячеслав Теркулов, Владимир Журавль и др.), песни разных жанров (начиная с авторской песни и русского рока, заканчивая рэпом), беллетристику (Дмитрий Факовский, Фёдор Березин и др.), публицистику (Эдуард Лимонов, Александр Проханов, Захар Прилепин и др.), пьесы («Свидетель» Юрия Юрченко, «Коктейль для москаля» Влады Суворовой (Ярославль), «Конвой» Константина Ковригина (Симферополь), Глеба Боброва «Миронова проба»

(Луганск), автобиографическую прозу (Ната Потёмкина «Fucking Ukraine» (Израиль).

Современный интеллектуальный патриотический дискурс, несомненно, сосредоточен на Донбассе и, надо полагать, что донецкий текст русской литературы в ближайшие годы будет не только активно исследоваться специалистами, но не прекратит своего стремительного расцвета, даст ещё больше образцов по-настоящему талантливых и глубоких произведений.

Можно выделить следующие основные черты литературного процесса в Донбассе: 1) литература «профессионализируется» медленно, как для молодого региона, постепенно, вырастая из коллективно-массового профессионального сообщества; 2) местная творческая интеллигенция во времени меняла свой состав, однако наивысшего пика развития получила лишь при советской власти; 3) этническая представленность региона давала возможность реализоваться творчеству на разных языках, тем самым открытая система мощного творческого порыва влияла на литературный процесс, выходя далеко за пределы Донбасса; 4) подавляющее большинство населения Донбасса русскоязычное, что естественным образом отразило потребность опираться на традиции высоких образцов русской культуры, русского реализма и соцреализма; 5) несколько раз в истории Донбасса созревал, но так и не был реализован, план создания «большого текста» романа-эпопеи (например, Б. Горбатов «Донбасс»).

6.2. «Слово о полку Игореве» в переложении Н.В. Кобзева: индивидуальный переводческий стиль и донецкие приметы текста

О.В. Матвиенко

Новым переводом знаменитого памятника древнерусской литературы XII в. «Слова о полку Игореве» трудно удивить. С момента, когда рукопись поэмы в конце 1780-х гг. была обнаружена графом А. Мусиным-Пушкиным, прошло без малого 230 лет, и все это время поэма оставалась притягательной, но трудноразрешимой загадкой для многих поколений лингвистов и литературоведов, историков и текстологов, писателей и поэтов, просто любителей словесности. Среди различных прочтений «Слова…» есть и примечательный перевод Н.В. Кобзева – уроженца Донбасса, того самого Дикого Поля, где происходят судьбоносные события древнерусского эпоса.

У **Николая Васильевича Кобзева (1939–2009),** родившегося в г. Енакиево Донецкой области, типично советская трудовая биография. Вот этапы его жизненного пути: семилетка, техникум, городское литобъединение, работа в заводской многотиражке, отъезд на Крайний Север в поисках романтики,

работа грузчиком и редактором телевидения в Норильске, строителем и гидрографом на острове Диксон и в Карском море, участие в геофизической экспедиции в Каракумах, учёба в Литинституте им. А.М. Горького (Москва), сценарный факультет ВГИКа и диплом кинодраматурга, съёмки учебных и научно-популярных фильмов на военной киностудии. По сути, история донбасского self-made man.

Н.В. Кобзев печатался с 1960 г., сперва в местной периодике, затем в советской республиканской и общесоюзной прессе. Принимал участие в альманахах и коллективных сборниках, издававшихся в Москве и Донбассе, выпустил несколько собственных поэтических книг: «Годовщина весны» (1969), «Птичьи напевы» (1990), «Плакун-трава» (1994).

Кобзев-переводчик сначала обратился к «малым» литературам наций и народностей СССР: он переводил с чувашского, башкирского, грузинского, азербайджанского, латышского. Но подлинным увлечением стали переводы с украинского – по собственному выражению, «второго родного»: с конца 1980-х годов Кобзев переводил на русский Т. Шевченко, И. Франко, М. Петренко, Д. Павлычко, И. Драча, поэтов-донбассовцев В. Сосюру, И. Свитлычного и мн. др. [Книгогид]. По его собственным словам, он всегда трепетно относился к личности Т.Г. Шевченко, с которым ощущал внутреннее сродство, что символически запечатлелось в сходстве их имён: Кобзарь – Кобзев [Крикуненко 1995].

Поселившись в Подмосковье, писатель до конца жизни не терял внутренней связи с малой родиной. Её притяжение сказывалось и в участии в альманахе «Донбасс», и в выборе для перевода стихотворений поэтов-земляков – В. Сосюры, И. Светличного[11].

Но, бесспорно, нагляднее всего эта глубинная, «почвенная» связь с малой родиной проявилась в русском прочтении «Слова о полку Игореве», которое Н.В. Кобзев опубликовал в альманахах «Донбасс» и «Болшево» (т. 2 за 1996 г. и № 5 за 2007 г.) (здесь и везде далее по тексту: Кобзев 1990–2002).

В интервью Н.В. Кобзев признался в том, что на него оказали значительное влияние и поэтическое переложение Н.А. Заболоцкого (1946, 1958), и исследование академика Б.А. Рыбакова о первоначальной композиции «Слова…». Не последнюю роль сыграло и желание разгадать «сплошные загадки» «темных мест» в тексте. Перевод был послан академику Д.С. Лихачёву, и тот «благословил» его к печати (об обстоятельствах появления на свет перевода см. подробнее: [Крикуненко 1995].

[11]Этот поэт-шестидесятник, уроженец Старобельщины, тоже создал свой поэтический перевод «Слово про Ігореву січ» (Світличний 2012, 164–184).

Судя по датировке, работа над «Словом…» оказалась длительной (1990–2002 гг.), но дело того стоило: перед читателем перевод, по художественным достоинствам почти не уступающий лучшим поэтическим прочтениям «Слова…», включая канонический текст самого Н.А. Заболоцкого.

Донбасский переводчик уточняет жанр созданного им текста как «переложение с древнерусского», «по типу Заболоцкого». Последнему Кобзев обязан идеей совместить академизм и художественность в переводе. Известно, что «Слово…» в родо-жанровом отношении стоит на грани фольклора и книжной литературы [Лихачёв 1990, с. 32], в нем совмещены приметы самых разнообразных устных и письменных жанров: героической поэмы /повести о военных деяниях, исторической хроники /летописи, былины, пророчества, проповеди, поучения, похвалы, славы /прославления, плача /ламентации и мн. др. Синкретическая жанрово-стилевая природа текста не только позволяет, но и «подталкивает» переводчика к использованию разнообразной строфики, стихотворных размеров, интонационному варьированию и пр.

Свободной, переменной формой и метрикой перевода Кобзев обязан учителю. В целом кобзевский стих более традиционен; рифма носит системный, сквозной характер, диапазон метрических вариаций ŷже, чем у Заболоцкого. Хотя преобладающие размеры различны (у Н.А. Заболоцкого – пятистопный хорей, а у Н.В. Кобзева – трёхстопный амфибрахий), но в переводе ученика попадаются фрагменты, ритмически и текстуально (а порой и дословно) близкие переводу учителя.

Характерный пример такого творческого заимствования – описание курского воинства. Переняв интерес Заболоцкого к живописи, умение видеть мир глазами художника, Кобзев развивает, дополняет «восхвалительными» подробностями батальную картину, усиливает её выразительность и живописность:

Н.А. Заболоцкий

А куряне славные –
Витязи исправные:
Родились под трубами,
Росли под шеломами,
Выросли, как воины,
С конца копья вскормлены.
Все пути им ведомы,
Все яруги знаемы,
Луки их натянуты,
Колчаны отворены,

Н.В. Кобзев

Со младых ногтей они
К сечам изготовлены,
За щитом взлелеяны,
С острых копий вскормлены.

Под набатный колокол
Стягами повитые,
Знают они сполохи
Вперемежку с битвами.

Сабли их наточены,
Шеломы позолочены.

Шлемы – любо глянути,
Сабли – изострённые.
Луки их натянуты,
Стрелы – оперённые.

Обручась с победою,
Мчат они под знаменем.
Все пути им ведомы,
Все заторы знаемы.

Далее, в поучении Святослава русским князьям:

И тогда великий Святослав
Изронил своё *златое слово.*
Со слезами смешано, сказав:
"О сыны, не ждал я зла такого!

И тогда великий Святослав,
Думу о судьбе гнезда родного
Со слезой горючею *смешав,*
Изронил из уст *златое Слово*.

И в легендарном плаче Ярославны:

Возлелей же князя, *господине,*
Сохрани на дальней стороне,
Чтоб забыла слезы я отныне,
Чтобы жив вернулся он *ко мне*!

Вороти же, Днепре-*господине,*
Ладу князя Игоря *ко мне,*
Чтоб ему в печальную годину
Слёзы я не слала по волне.

Структурно кобзевский перевод отличается и от древнерусского оригинала – сплошного текста, без разделения на главы/эпизоды, и от перевода Заболоцкого, разделённого на вступление и три части, с нумерацией эпизодов. Очевидно, в организации переводного текста сказался ***кинематографический опыт*** Кобзева, который «Слово…» воспринимает как потенциальный киносценарий: драматизирует текст, снабжает его звукорядом, вводит ремарки, продумывает детали как выразительные средства в сценах и диалогах и пр. Например, вот так выглядит подробная «раскадровка» первой части «Слова…» по сценам и эпизодам: «Сборы. Выступление в поход. Затмение. Первый ночлег в степи. Второй ночлег в степи. Утро перед сраженьем. Битва на Каяле, которая длилась три дня».

Как известно, главные события «Слова…» происходят в ***Половецкой Степи***. Этот исторический регион, иначе называемый Дешт-и-Кыпчак (Кумания), простирался от устья Дуная до низовий Сыр-Дарьи и озера Балхаш и был населён тюркоязычными кочевниками (хазарами, печенегами, половцами, татарами). Западная окраина огромной Половецкой Степи представляет собой нынешний Донбасс, часть легендарного Дикого Поля.

Советский учёный-биолог Н.В. Шарлемань отмечает: «Термин „степь” в „Слове” отсутствует. Его заменяет поле: чистое поле, широкое поле, безводное поле, дикое поле, просто поле. Из 12 упоминаний поля большинство относится к степи, некоторые – к народу, населявшему поле, – половцам». [Шарлемань 1951, с.66].

Однако у Кобзева поле перестаёт быть понятием нарицательным. В уста князя Игоря переводчик вкладывает призыв: *«Край Поля копье преломить».* Слово «Поле» пишется здесь с прописной буквы и воспринимается как топоним. Это именно Дикое Поле, приазовские степи, с востока примыкающие к Дону, где хозяйничали степняки-кочевники, слабозаселенная территория без чётких границ, «ничейная земля». Словосочетание это до сих пор в ходу там, где речь заходит о прошлом Донбасского края. Окончательно убеждает в этом толковании плач Ярославны: *«Игорю запёкшиеся раны / В Диком поле нежно оботру».*

Исследовательница Т.М. Николаева справедливо отмечает, что «пространство разделено в *Слове* на Город – позитивное начало и Открытое пространство – источник беды и поражения» [Николаева 2012, с. 303]. *«Землёй половецкой»* именует это пространство и донбасский переводчик-современник, вслед за древнерусским сказителем. Для древних русичей это непредсказуемый и опасный топос, чужая территория, языческая окраина, место кровавых битв, *«земли незнаемые»*: *«Трещат харалужные копья / Среди Половецкой земли», «В степи половецкой останки / Сыпучим песком замело…».* Некогда Святослав, *«как буря, …/ Прошёл половецкой землёй»,* а его честолюбивые сыновья *«Рано славы начали искать, / Землю половецкую тревожить».*

Но одновременно и равноправно с «*землёй половецкой»,* следуя примеру Н.А. Заболоцкого (к слову сказать, уроженца татарской Казани, входившей в состав Половецкой Степи), у которого это слово встречается 8 раз, Н.В. Кобзев использует слово *«степь»* и его производные (*степной, степняки*) рекордные 20 (!) раз. И это при том, что «степь» в оригинале отсутствует – такого слова в древнерусском языке не существовало.

Степной топос связан в сознании донбасского переводчика прежде всего с ***открытым пространством***, отсутствием границ. Так, у Кобзева слово *«простор»* упоминается 10 раз – против трёхкратного употребления у Заболоцкого. Не менее значима вертикальная разомкнутость: слово *«небо»* и его производные *(«небосвод», «поднебесье», «небесный»)* у Кобзева упомянуты 15 раз (против 5 раз у Заболоцкого). Святослав, желая русичам победы над противником *(«Пусть вороги в полоцкой дали / Навек обретут угомон»),* обозначает чужую землю через понятие протяжённости.

Со Степью у переводчика ассоциируется и ***воля***. В изображении трёхдневной битвы на реке Каяле ветры тревожат *«морскую привольную гладь»*. А в напутствии князю Игорю перед бегством из плена Овлур велит ему забыть об имени и роде, *«Покуда донская свобода / Не даст нам привольно вздохнуть»*. Таким образом, степь и море ассоциативно связаны с мотивом свободы, вольницы, что придаёт этим изначально чужим топосам положительную коннотацию. Конечно, обороты *«донская свобода»* и *«привольно»* немыслимы для древнерусского эпоса, но вполне органичны в переложении поэта с донбасскими корнями.

В топике кобзевского перевода появляются высокие ***курганы*** (***могилы***), возвышающиеся посреди бескрайней степи, – отличительная примета донбасского ландшафта. С лёгкой руки Заболоцкого Кобзев органично вводит эту знаковую подробность в степной пейзаж: *«Обида и Гнев на кургане / В поход снаряжают коней»*. Это же слово звучит в горестном восклицании автора о русских воинах, постоянно гибнущих в стычках с половцами: *«Всё чаще набеги треклятых, / Всё выше курган у Донца…»*. Окказионально курган обозначается синонимическим словом «могила» (в украинском языке оно бытует именно в этом значении): в начале сражения князь Игорь *«помчался по чистому полю /Среди богатырских могил»*.

Конечно, негативные коннотации за степным топосом как враждебным миром у Кобзева сохраняются. После сражения *«в степи половецкой останки / Сыпучим песком замело…»*, и степь предстаёт мрачным царством мёртвых, которое оглашают зловещие дикие звуки – галичий грай, вой лисиц. В Золотом слове Святослав упрекает своевольных сыновей Игоря и Всеволода: *«Понапрасну вы среди степей / Алой сканью травы оросили…»,* где картина степных трав, окроплённых кровью павших русичей, обретает благодаря увеличительной оптике ювелирной метафоры особую художественно-эмоциональную выразительность.

В степи даже гром *«рокочет по-полоцки»,* там *«иные и рощи, и травы…»*. Зато та же степь преображается до неузнаваемости, расцвеченная золотом и светом при вести о чудесном спасении Игоря:

Но вспыхнула степь златоцветом –
Довольно ветрам голосить!
Всё сущее полнится светом:
Князь Игорь уже на Руси!

И если в древнерусском эпосе природа и христианский мир радуются возвращению и величают князя Игоря, то переводчик включает в это всеобщее

ликование и половецкую природу – языческий мир, который принял героя как своего и способствовал его спасению. Этого нет ни в оригинале «Слова о полку Игореве», ни у Заболоцкого.

Подобное можно сказать и о реке Каяле. В древнерусском эпосе она упомянута 6 раз, у Кобзева – 9. На этой реке суждено произойти решающей битве с половцами: *«В неистовом ратном запале / Ударят полки о полки / На той на реке на Каяле…»,* здесь князья проиграют решающий бой: *«У братьев хоругви упали / Печального третьего дни. / На быстрой реке на Каяле, / Обнявшись, расстались они». «Быстрая река»* Каяла станет символом поражения и гибели русичей: князь Игорь *«сгубил у Каялы полки, / Насыпав червонного русского злата / На дно половецкой реки…». «А там, у Каялы, погибшей дружины / Теперь уже не воскресить», «Павших у Каялы не разбудишь»*, – звучит трагическим рефреном в «Слове…». Княжеская дружина *«уже больше из дрёмы / Не встанет на воинский труд. /Чредой золотые шеломы / По волнам Каялы плывут…».* Так от предвестий к событиям проводится мысль о роковой реке, принёсшей смерть доблестному русскому войску, а князю Игорю – плен и бесчестие: *«На той на реке на Каяле / Затмился для русичей свет…».*

Но вот в одном пассаже встречаем неожиданно: *«Поёт колыбельную песню / Пришельцам Каяла-река».* Ничего подобного нет ни в первоисточнике, ни у Заболоцкого. Но у донбасского автора образ реки, по-матерински заботливо и ласково убаюкивающей русских воинов, давая им возможность во сне набраться сил перед битвой, художественно убедителен. Ведь легендарная Каяла, согласно различным гипотезам, могла быть и Кальмиусом, протекающим в городской черте Донецка[12], и рекой Быстрой (на татарском Каяла означает «быстрая»), или Волчьей (обе – притоки Северского Донца), или Мокрыми Ялами. Все это реки Донбасса. И хотя сделать точную «привязку» к местности не позволяют данные исторической географии, все же таинственная «память места», интуитивное чувство сопричастности событиям седой старины порождают в сознании переводчика-земляка фразы, подобные процитированной.

Две другие действительно существующие реки, «великий Дон» и «малый Донец», упомянуты в переводе Кобзева с математической точностью 19 раз, как и в первоисточнике. В сцене взаимного величания спасённый князь Игорь обращается к Донцу с большей сердечностью, чем в оригинале и в переводе Заболоцкого. Знание украинского языка позволяет Кобзеву сохранить в переводе звательный падеж, который давно исчез из русского языка, но

[12] Версия, поддержанная учеными Н.Я. Аристовым, П. Бутковым, Д.И. Багалеем [Дмитриев 1953, с. 30] и в настоящее время продвигаемая донецким лингвистом А. Черных [Воинов 2014].

сохранился в украинском и словно наносит на текст патину старины: *«О Игорь-княже!» – «О Донче!»*. Если в древнерусском эпосе и у Заболоцкого князь Игорь церемониально и отстранённо говорит о себе в третьем лице, то у Кобзева герой обращается к реке напрямую, прочувствованно: *«Величавей нет тебя и звонче, / Холодней и ласковее нет. / Напевая светлою струёю, / Ты меня баюкал на волнах…»*. Половецкая река Донец проявляет свой гостеприимный, добрый нрав: его *«ласковее нет»*, он *«баюкал на волнах»* Игоря, у него *«приютные берега»*. Наконец, финальная сцена освобождения князя из плена заслуживает того, чтобы процитировать её целиком:

А Донец – немыслимое диво –
Помигал питомцу своему.
Игорь-князь с высокого обрыва
Кинулся в объятия к нему!

(в рукописном варианте перевода вместо процитированного катрена приведён следующий:

Славки и малиновки звенели,
Прославляя пламенный восход.
Игорь-князь, как будто в колыбели,
Из полона к радости плывёт.)

По веленью птичьего хорала
Пред Господним солнечным дворцом,
Как врата, торжественно восстала
Радуга в левадах за Донцом.

Над волнами капли стали прыгать
Звонкого жемчужного дождя.
Да и сам от счастья плачет Игорь,
Из воды кипучей выходя!...

Все в этой картине дышит торжественной радостью: вдохновенное птичье пение, благодатные объятия-волны Донца, осеняющая природу радуга в качестве почти библейского образа, знака природной гармонии и Божьего обетования мира на земле, возвышенная (*немыслимое диво, прославляя, по веленью, пред, восстала*) и религиозно окрашенная лексика (*хорал, Господний дворец, [царские] врата).* Присутствует здесь и скрытая аналогия с библейской

сценой крещения Христа в водах священной реки (при том, что весь сакральный эпизод является licentia poetica переводчика).

Виды природы выписаны Кобзевым со множеством подробностей. Перевод изобилует образами ***водной стихии,*** мир рек, озёр, морей представлен во всем протеистичном разнообразии *(росная Русь, озера и реки, всплески реки, волны и струи, капли дождя, плёсы, Великий Дон/синий Дон, Донец, быстрая Каяла, прибой, синее море, Сурожское (Азовское) море, морская привольная гладь, ненастное море, Лукоморье*). Столь же пристально всматривается переводчик в мир ***лесной*** (*сень безмолвного бора, дубравы, рощи, леса и травы, сумрачная чаща, дебри, суходолы, левады, луга – в двух значениях: земли, поросшие многолетними травами, и (устар.) низины, поросшие лесом*). Острый наблюдательный взгляд, подобно чувствительной фотоплёнке, фиксирует изгибы и неровности ***рельефа*** местности (*горы, косогоры, яруги и овраги, степные холмы, курганы/могилы*), устремляется к горизонту, вдаль и ввысь, словно раздвигая границы зримого мира (*вершина подоблачная, широкий простор, поднебесье, небосвод, окоём, степи и горы, чистое поле, полоцкие дали*). В изображениях чередуются камерность и панорамность, движение и неподвижность, изменчивость и вековечность. Это видение кинематографиста, который умеет создать запоминающийся кадр, восприятие путешественника – географа и натуралиста, – и взгляд ***степняка***, чьё зрение, утомлённое монотонным степным ландшафтом, подмечает и жадно вбирает в себя природное многообразие и краски рек, лугов, лесов.

Отдельного внимания заслуживают ***метеорологический*** и ***фенологический*** аспекты кобзевского перевода. Погодно-климатические подробности оригинала обстоятельно проанализированы в «Заметках натуралиста к “Слову о полку Игореве”» Н.В. Шарлеманя [Шарлемань 1951]. Мы же остановимся на тех, что не соотнесены с первоисточником.

Из погодных явлений переводчик особо выделяет ***дождь и туман***. В Донбассе с его континентальным климатом выпадает незначительное количество осадков, так что дожди здесь сравнительно редки и именно поэтому бывают долгожданным и памятным событием. Дождь, который один-единственный раз (и то в качестве батальной метафоры) фигурирует в эпосе, у Кобзева, напротив, превращается в погодную примету и метафору настроения. Это и символический *«дождь из колчанов», «смертоносный дождь»* из *«калёных стрел поганых»*, и бесконечные дожди, оплакивающие погибших у Каялы *(«Дождям без конца моросить»),* и капли *«звонкого жемчужного дождя»*, благословляющие князя Игоря на путь домой. В переводе говорится и о ***росах***, частых в засушливом краю: *«росная Русь», «росные травы»* в Степи, кровавая роса – *«алая скань»*, окропившая траву,

князь Игорь совершает побег, *«Стряхая студёные росы, / Пугаясь небесных теней…»* (в оригинале росы упоминаются лишь однократно).

Туман – частое атмосферное явление в прибрежных районах южной Руси, что в полной мере отразилось в переводе: *«млечный туман», «туманная долина», «туманом клубились в степи ковыли», «густые туманы»* скрыли побег Игоря из неволи. Видимо, туманы возникли в переводе с лёгкой руки Заболоцкого, в чьём тексте о них говорится 8 раз (в древнерусском эпосе – единожды), и в подражание украинскому фольклору[13].

Н.В. Кобзев, чуть ли не единственный из интерпретаторов «Слова…», обращает внимание на почти мгновенный переход от дня к ночи, короткие южные ***сумерки***: *«Пронёсся туманной долиной / Меж тьмою и сумраком миг».* Он воссоздаёт яркие и красочные, с богатейшей гаммой цветов и оттенков, с игрой светотени картины ***заката*** в степи, какие часто можно наблюдать в Донбассе: *«Поречье закатом прекрасным / Багряное солнце дарит. / Как долго на западе гаснут / Последние искры зари!»*. А вот ***ночи*** в кобзевском переводе парадоксально ***синие***, а не черные – причём повсюду, в Путивле, Белгороде, Полоцке, в Диком Поле. Например, в батальной сцене читаем: *«Рассветною зорькою белой, / Полуднем и в синей ночи…».* Князь Всеслав *«из Бела-града зверем лютым / Поскакал, объятый синей мглой…»*. Ночная синева настолько густая, что окрашивает и силуэты деревьев: *«Полночной прохладой дохнуло / От синих задумчивых верб»*. Эти картины степных ночей, возможно, навеяны переводчику строками поэта-земляка В.Н. Сосюры: *«Ой ви, ночі Донеччини сині…»*.

Южные сумерки, закат и восход, дождь, туман и роса, ветер и буря, гром и молния, радуга – всему этому природному великолепию находится место в переводе Кобзева. Но среди множества пейзажных зарисовок есть две особо примечательные. Одна из них изображает непроглядно-тёмную ночь в степи:

Сухая былинка не треснет,
Ни звёздочки, ни ***уголька****...*

И хотя в отрывке речь идёт об углях из костра, в восприятии современного читателя обязательно возникнет ассоциация с углем, добываемым в Донбассе и ставшим символом шахтёрского края.

Во втором случае солярный образ создаётся посредством неожиданного сравнения:

Солнце, словно огненная ***крица****,*

---

[13]Ср. с украинскими народными песнями «Туман яром, туман долиною», «Ой, полечко-поле туманом повито».

Краешком касается дубрав…

Толковые словари интерпретируют значение этого слова по-разному. Согласно В.И. Далю, крица – «свежая глыба вываренного из чугуна железа, идущая под огромный водяной (кричный) молот, для отжимки, проковки и обработки в полосовое и другое железо». Д.Н. Ушаков называет крицей «бесформенный кусок железа, получаемый при различных способах обработки руды и чугуна в горне на древесном или каменном угле, под ударами молота очищаемый от шлака и превращаемый в болванку». У Т.Ф. Ефремовой это «твёрдое губчатое железо, не очищенное от шлаковых включений, получаемое непосредственно из руды или чугуна». В украинском языке, который донбасский переводчик-билингв прекрасно знал, криця – «шматок неочищеного від різних домішок заліза пористої будови, який утворюється під час виплавляння сталі з руди або чавуну» или даже просто «сталь». При расхождениях в смысловых нюансах происхождение этого образа явно техническое и, весьма вероятно, заимствовано из жизненных впечатлений переводчика. Как известно, он начинал свою карьеру в многотиражке «За металл» Енакиевского металлургического завода, ему наверняка не раз доводилось бывать в цехе и наблюдать за процессами выплавки и разливки чугуна и стали.

По-видимому, тем же объясняется и повышенный интерес переводчика к металлу и его обозначениям. Древнерусский эпос знает только *«харалуг»* – узорчатую дамасскую сталь. А в переложении Кобзева есть и собственно *«харалужные»* мечи и копья (3 раза), и *«булат»* (6 раз) наряду со *«сталью»* (2 раза) как метонимические обозначения оружия. Даже о сердцах героев сказано: *«Из булата скованы они, / Как булат, закалены в походах»*. Напоминаем, что все эти переводческие решения Кобзева не имеют прямых соответствий в первоисточнике и аналогов у прочих переводчиков, в первую очередь, у Заболоцкого.

Важным региональным маркёром перевода является его ***растительно-древесный*** ряд. В ботанический перечень степных растений Кобзев, наряду с привычными собирательными травами-деревьями и ковылём, смело добавляет *«зелёный ковёр из курая» («курай»* – украинизм, по-русски *«солянка»*), *златоцвет, «татарника рдяные хлопья», сыть (осока),* «*прибережный очерет», бурьян*. А в дендрологическом ряду у него значатся ***ивы (вербы), тополя, сосны.***

Ивы (народное и украинское название – вербы, а в переводе Кобзева ещё краснотал) в южной Руси встречаются повсеместно. У Кобзева это прибрежные плакучие ивы, словно скорбящие по умершим: *«Склонившись над речкою,*

плакали ивы», «Жалобно под ветром стонут ивы, / К омуту ветвями наклонясь…». У Кобзева они образуют неотъемлемую часть меланхолического и таинственного ночного пейзажа.

В древесном перечне появляется пирамидальный тополь, известный в Украине под названием *«раина» («Тоскливо скрипеть прибережным раинам»).* Тополь, подобно иве, любит влажность и растёт в поймах рек, вдоль каналов, в парках и садах, его обычно высаживают вдоль обочин дорог, на улицах сел и городов. В XII веке тополя (правда, к раинам это не относится) уже произрастали на территории Дикого Поля. Кроме того, один из видов тополя – тополь советский пирамидальный, охотно использовавшийся для озеленения в СССР, – несомненно, был хорошо знаком переводчику. Да и тополиный пух, носящийся по городским улицам в мае (ср. в переводе: *«Тополиный пух кружится плавно, / Застилая снегом небосвод»*), до сих пор является одной из сезонных примет донбасской весны.

А вот уместившийся в одну строку чудесный пейзаж *«Свод небес ветвями сосен вышит».* Эта картина в сцене разговора князя Игоря с Донцом на обрывистом берегу вполне могла быть навеяна святогорскими впечатлениями переводчика, поездкой в «Донецкую Швейцарию».

Фауна древнерусского эпоса – и, соответственно, перевода – разнообразием не уступает флоре. Переводчик тщательно, без потерь воспроизводит весь «бестиарный» ряд, в котором явно преобладают пернатые: хищники (*сокол, орёл, кречет*), врановые (*галка (галич), грач, «воронья крикливая клика», сорока*), дичь (*гоголь белый, гусь, лебедь, утка, «селезня кряк», чернеть*), совы (*филин, сыч*), чайка, дятел и т. д. Переводческие дополнения не всегда попадают в тему: скажем, птицы щуры и свиязи обитают преимущественно в тайге, зато в Донбассе до сих пор водятся певучие зарянки (малиновки) и славки, а также попадаются изредка орланы-белохвосты. Добавлены в описание разорённой Руси, в иносказательном смысле, насекомые-вредители, немало досаждающие и в наше время жителям региона: *«Расплодилась всюду тля и гнусь…».*

И напоследок о ***стиле и языке*** переложения. На общем фоне выдержанных в архаике, поэтизмах и высоком стиле текстов кобзевский перевод поражает неожиданными меткими контрастными вкраплениями разговорной, просторечной, а иногда и жаргонной лексики. Такая пёстрая словесная смесь в целом характерна для демократического в своих стилевых предпочтениях Донбасского края и региолекта его жителей. Причём у Кобзева это не производит впечатления вульгарности или пошлости. В его древнерусском мире сладкоголосый придворный певец Боян *«щебечет»* свои напевы, охрана спит *«мертвецки»*, буря в полях «*топорщит соколий наряд»*, в

степи и дичь, и охотник устраивают «*нехитрый* <…> ночлег». В роковой сече «кровь княжья сольётся с *холопьей*», а дружина *«уже больше из дрёмы /Не встанет на воинский труд»*. Кобзев не жалеет хлёстких «низких» слов для язычников-половчан: Кончак должен «найти *угомон*» *«от сверкающей стали»,* Гза становится на воз «*враскоряку*». Грубовато для слуха, привыкшего к высокому слогу, озвучена сцена с захватом в плен половчанок – но и гораздо убедительней психологически: *«Вовсю половецкие девки, /От них убегая, орут!..».* Особенно если сравнить эти строки с аналогичным изысканным пассажем Н.А. Заболоцкого: *«Смяло войско половцев поганых / И умчало половецких дев»*). Переводчик не делает исключений даже для божеств: вослед Игореву войску *«глаза изумлённо таращит /С вершины подоблачной Див»*.

Как «пересекаются» в переводе слова высокого и низкого стилей, так смешивается в нем собственно русская лексика с ***украинизмами*** и ***тюркизмами***. Это естественно, поскольку на русский язык жителей Донбасса больше прочих влияют украинский (в силу регионального билингвизма), а также татарский (в Донбассе живёт большая татарская община). Язык перевода отмечен колоритными ***украинизмами*** (курай (рус. солянка), соловейко, половцы – «бесовы дети» (ср. укр. «бісові діти»), любый (рус. любимый), осторонь (рус. в стороне), край Поля («край» в роли предлога «у», «возле»), верба (народ. и укр. ива). Кроме того, в тексте Кобзева есть и ряд слов и грамматических форм, которые современник-билингв воспринимает как украинизмы, однако зачастую они уходят корнями в древнерусский пласт и поэтому в современных русском и украинском языках различаются смысловыми и стилевыми оттенками: *печальная година* (высок., укр. година), *суходол* (рус. – безводная долина, балка; укр. – суша), *левада* (укр. приусадебный участок земли, сенокос, пастбище; рус. обл. – (дополн. знач.) пойменный лес), *туга́* (устар. скорбь, печаль, укр. соврем. тŷга – тоска), звательный падеж (княже, Донче, Днепре-господине). Органично вписываются в лексикон перевода тюркизмы: половецкие *вежи* (кибитки), *аймак* (община, род и его владения), *ясак* (подать), *сагайдак* (лук и колчан со стрелами), *очкур* (пояс). Любопытно, что в современном украинском два последних слова давно не воспринимаются как заимствования из тюркских языков (они утратили исторический и экзотический колорит), не ассоциируются с татаро-монгольским игом и прочно вошли в общеупотребительный словарь.

Когда-то в преддверии 800-летнего юбилея «Слова…» Л. Дмитриев предрёк великое будущее именно «вольным художественным трактовкам», «переводам-интерпретациям» древнерусского эпоса. Для этого, уточнял учёный, необходим автор – настоящий поэт, «с богатым воображением, с «чувством истории» и «личным, сегодняшним восприятием» событий далёкого

XII столетия. Думается, талантливое переложение «Слова о полку Игореве», сделанное донбасским поэтом Н.В. Кобзевым, проникнутое вольным духом Дикого поля, вольный перевод, в котором воочию видны природа и ландшафт, растительный и животный мир, история и география, языковое своеобразие жителей степного края, представляет собой как раз такой счастливый случай.

Глава 7. Методика изучения русского литературного языка в условиях донецкого региолекта

Л.В. Мельникова

Для современного этапа развития общества характерно становление принципиально новых приоритетов в образовательной сфере, важнейшим из которых является повышение качества образования. Современная общеобразовательная школа многообразна и сложна, она непрерывно изменяется. В условиях модернизации образования, которая ведёт к росту конкуренции среди общеобразовательных учреждений, перед любой школой встаёт проблема обеспечения своих учащихся качественным образованием. Школа должна формировать новую систему универсальных знаний, умений и навыков, а также опыт самостоятельной деятельности и личной ответственности учащихся, то есть ключевые компетенции, которые являются основой содержания современного образования.

За последние четыре года изменились состояние, статус и употребление русского языка, накопились исследования, посвящённые разным вариантам русского языка. В новой классификации основное внимание уделяется целому ряду факторов, в частности, глубине владения языком (носитель – неноситель, носитель диалекта и т. д.), степени отличия конкретного варианта от стандартного языка, распространённости этого варианта в обществе, а также тому, какие характеристики имеет конкретная речевая ситуация.

Согласно теории Ю.Н. Караулова, язык репрезентируется тремя способами: текстовым, системным и сетевым (ассоциативно-вербальным) [Караулов 1991, с. 8–9]. А. Мустайоки в работе «Разновидности русского языка: анализ и классификация», опубликованной в журнале Вопросы языкознания» указывает на то, что «…устная форма языка изучалась более систематически, начиная с классических работ Е.А. Земской, О.А. Лаптевой и О.Б. Сиротининой. Если рассмотреть русистику в целом, то создаётся впечатление, что устная диалогическая речь до сих пор маргинальна, служит дополнением к научному мейнстриму. Так, грамматики и словари по определению отражают главным образом письменный язык. В этом отношении ситуация с русским языком не отличается от описания многих других «больших» языков. Исключение составляют языки, не имеющие письменности и своих исследователей – носителей языка.

Для русистики в течение последних двадцати лет характерно накопление исследований, предметом которых является какая-либо нестандартная разновидность русского языка. В частности, рассматривался язык диаспоры

([Протасова 1998; 2004; Земская 2000; 2001; Гловинская 2001; Голубева-Монаткина 2004а; 2004б; Ždanova 2007] и др.), разные формы языка Интернета [Асмус 2005; Горошко 2007; Какорина 2010], редуцированный язык в общении с иностранцами [Фёдорова 2002] и с детьми [Димитрова 2000; Гаврилова 2002], язык детей [Цейтлин 2000], язык староверов [Касаткин и др. 2000; Кюльмоя 2000; Синочкина 2004], русские пиджины [Перехвальская 2008] и т.п.

В центре внимания ряда работ [Китайгородская, Розанова 1999; 2010] стоит язык города. Кафедра русского языка Хельсинкского университета активно участвует в изучении нестандартных форм русского языка. Издано два сборника, посвящённых данной тематике: «Русскоязычный человек в иноязычном окружении» [Мустайоки, Протасова 2004] и «Instrumentarium of linguistics: Sociolinguistic approaches to non-standard Russian» [Mustajoki et al. 2010]. В сборнике [Языки соседей 2011] опубликована часть результатов совместного финляндско-русского проекта «Русский и финский языки как лингва франка». Ожидаются дальнейшие публикации.

Вторая быстро развивающаяся область русистики – это корпусная лингвистика (обзоры корпусов и исследования, основывающиеся на них, см. в [Корпусные исследования 2009; Mustajoki et al. 2010]). И здесь преобладающая масса данных основана на письменной речи, но есть и материалы устной речи, количество которых постепенно растёт. Расшифровки устной речи входят в Национальный корпус русского языка, есть отдельные корпусы, посвящённые устной речи, например [Кибрик, Подлесская 2009]. Появляются новые материалы устной речи в письменной форме; например, серия публикаций [Живая речь уральского города 1988; 1995; 2011; Языковой облик уральского города 1990] и др. Составляя корпусы устной речи современных горожан, петербургские лингвисты видят возможность реализовать идею Б.А. Ларина [Ларин С.Е. Никитина рассматривает в своей работе [Никитина 2001] не только язык староверов, но и язык других русских конфессиональных групп США. 1928а; 1928б] об изучении «многодиалектности» и вообще о многообразии речи людей [Богданова и др. 2009]. Особенно интересным кажется проект «Один речевой день», охватывающий на нынешнем этапе записи реальной речи 50 человек в течение одного дня; см., например, [Sherstinova 2010]. Наличие корпусов нестандартных устных форм русского языка непременно будет оказывать положительное влияние на исследование устной русской речи» [Мустайоки, с. 10–11]. И.А Кудрейко называет региолект особой формой функционирования национального языка [Кудрейко 2016]. В.И. Теркулов утверждает, что «языковые разновидности, функционирующие на данный момент, могут быть определены сейчас только как региолекты единого

русского национального языка» [Теркулов 2012]. Региолект – это регионально окрашенное просторечие, вернее, совокупность идиом, имеющих некоторые региональные черты в фонетике, грамматике, лексике и т.д. Региолекты пришли на смену диалектам. Они возникли в результате сильного унифицирующего влияния литературного языка. При этом именно из-за этого унифицирующего влияния региолекты уже в значительной мере меньше отличаются друг от друга, чем диалекты. Речь города имеет целый ряд региональных черт, о чем пишут многие лингвисты.

Мы будем говорить о предметной области «Филология», целью которой является развитие личности учащегося, формирование у него речевой и читательской культуры, коммуникативной и литературной компетентностей, гуманистического мировоззрения, высокой морали, активной гражданской позиции, эстетических вкусов и ценностных ориентаций. Изучение предметной области «Филология» — языка как знаковой системы, лежащей в основе человеческого общения, формирования гражданской, этнической и социальной идентичности, позволяющей понимать, быть понятым, выражать внутренний мир человека, — позволит обеспечить: получение доступа к литературному наследию и через него к сокровищам отечественной и мировой культуры и достижениям цивилизации; формирование основы для понимания особенностей разных культур и воспитания уважения к ним; осознание взаимосвязи между своим интеллектуальным и социальным ростом, способствующим духовному, нравственному, эмоциональному, творческому, этическому и познавательному развитию; формирование базовых умений, предоставляющих возможность дальнейшего изучения русского языка; обогащение активного и потенциального словарного запаса для достижения более высоких результатов при изучении других учебных предметов; сформированность представлений о роли языка в жизни человека, общества, государства; способность свободно общаться в различных формах и на разные темы; свободное использование словарного запаса; сформированность умений написания текстов по различным темам на русском языке, в том числе демонстрирующих творческие способности обучающихся; сформированность устойчивого интереса к чтению как средству познания других культур, уважительного отношения к ним; сформированность навыков различных видов анализа литературных произведений.

В требованиях к результатам освоения основной образовательной программы Государственных образовательных стандартов основного общего образования, утверждённых приказом Министерства образования и науки Донецкой Народной Республики (приказ № 678 от 30 августа 2018 года), среди личностных первыми названы следующие: «воспитание гражданской

идентичности: патриотизма, уважения к Отечеству, прошлому и настоящему народа Донецкой Народной Республики; осознание своей этнической принадлежности, знание истории, языка, культуры своего народа, своего края, основ культурного наследия человечества; усвоение гуманистических, демократических и традиционных ценностей Республики; воспитание чувства ответственности и долга перед Родиной» [Приказ МОН ДНР от 17.07.2015 №327, с. 8]. В предметной области «Филология»: «Русский язык» указывается, что «изучение русского языка на уровне основного общего образования направлено на достижение следующих целей: воспитание гражданственности и патриотизма, сознательного отношения к языку как явлению культуры, основному средству общения и получения знаний в разных сферах человеческой деятельности; воспитание интереса и любви к русскому языку; совершенствование речемыслительной деятельности, коммуникативных умений и навыков, обеспечивающих свободное владение русским литературным языком в разных сферах и ситуациях его использования; обогащение словарного запаса и грамматического строя речи учащихся; развитие готовности и способности к речевому взаимодействию и взаимопониманию, потребности к речевому самосовершенствованию; освоение знаний о русском языке, его устройстве; об особенностях функционирования русского языка в различных сферах и ситуациях общения; о стилистических ресурсах русского языка; об основных нормах русского литературного языка; об особенностях русского речевого этикета; формирование умений опознавать, анализировать, сопоставлять, классифицировать языковые факты, оценивать их с точки зрения нормативности, соответствия ситуации, сфере общения; умений работать с текстом, осуществлять информационный поиск, извлекать и преобразовывать необходимую информацию» [Приказ МОН ДНР от 17.07.2015 №327, с. 12–13].

Содержание курса русского языка на уровне основного общего образования обусловлено общей нацеленностью образовательного процесса на достижение личностных, метапредметных и предметных целей обучения, что возможно на основе компетентностного и системно-деятельностного подходов, которые обеспечивают формирование и развитие коммуникативной, языковой, лингвистической (языковедческой) и культуроведческой компетенций. Так, коммуникативная компетенция «предполагает овладение видами речевой деятельности и основами культуры устной и письменной речи, базовыми умениями и навыками использования языка в жизненно важных для данного возраста сферах и ситуациях общения. Коммуникативная компетентность проявляется в умении определять цели коммуникации, оценивать речевую ситуацию, учитывать намерения и способы коммуникации партнёра, выбирать

адекватные стратегии коммуникации, быть готовым к осмысленному изменению собственного речевого поведения» [Приказ МОН ДНР от 17.07.2015 №327, с. 13]. В ГОС определены и коммуникативные универсальные учебные действия, которыми должны овладеть учащиеся, осваивающие программы основного общего образования. Ученик должен «владеть всеми видами речевой деятельности, строить продуктивное речевое взаимодействие со сверстниками и взрослыми; адекватно воспринимать устную и письменную речь; точно, правильно, логично и выразительно излагать свою точку зрения по поставленной проблеме; соблюдать в процессе коммуникации основные нормы устной и письменной речи и правила русского речевого этикета» [Приказ МОН ДНР от 17.07.2015 №327, с. 14]. Выпускники должны иметь достаточный объём словарного запаса и усвоенных грамматических средств для свободного выражения мыслей и чувств в процессе речевого общения; способность к самооценке на основе наблюдения за собственной речью. Среди требований к говорению и письму – способность определять цели предстоящей учебной деятельности (индивидуальной и коллективной), последовательность действий, оценивать достигнутые результаты и адекватно формулировать их в устной и письменной форме; умение воспроизводить прослушанный или прочитанный текст с заданной степенью свёрнутости (план, пересказ, конспект, аннотация); умение создавать устные и письменные тексты разных типов, стилей речи и жанров с учётом замысла, адресата и ситуации общения; способность свободно, правильно излагать свои мысли в устной и письменной форме, соблюдать нормы построения текста (логичность, последовательность, связность, соответствие теме и др.); адекватно выражать своё отношение к фактам и явлениям окружающей действительности, к прочитанному, услышанному, увиденному; владение различными видами монолога (повествование, описание, рассуждение; сочетание разных видов монолога) и диалога (этикетный, диалог-расспрос, диалог-побуждение, диалог – обмен мнениями и др.; сочетание разных видов диалога); соблюдение в практике речевого общения основных орфоэпических, лексических, грамматических, стилистических норм современного русского литературного языка; соблюдение основных правил орфографии и пунктуации в процессе письменного общения; способность участвовать в речевом общении, соблюдая нормы речевого этикета; адекватно использовать жесты, мимику в процессе речевого общения; способность осуществлять речевой самоконтроль в процессе учебной деятельности и в повседневной практике речевого общения; способность оценивать свою речь с точки зрения её содержания, языкового оформления; умение находить грамматические и речевые ошибки, недочёты, исправлять их; совершенствовать и редактировать собственные тексты; умение выступать перед аудиторией

сверстников с небольшими сообщениями, докладом, рефератом; участие в спорах, обсуждениях актуальных тем с использованием различных средств аргументации; применение приобретённых знаний, умений и навыков в повседневной жизни; способность использовать родной язык как средство получения знаний по другим учебным предметам; применение полученных знаний, умений и навыков анализа языковых явлений на межпредметном уровне; коммуникативно целесообразное взаимодействие с окружающими людьми в процессе речевого общения, совместного выполнения какого-либо задания, участия в спорах, обсуждениях актуальных тем; овладение национально-культурными нормами речевого поведения в различных ситуациях формального и неформального межличностного и межкультурного общения» [Приказ МОН ДНР от 17.07.2015 №327, с. 16–17].

Предметная область «Филология» среднего общего образования направлена на сформированность представлений о роли языка в жизни человека, общества, государства; приобщение через изучение русского языка и литературы к ценностям национальной и мировой культур. Предметные результаты освоения учебного предмета «Русский язык» должны быть ориентированы на применение знаний, умений и навыков учащимися в учебных ситуациях и реальных жизненных условиях и отражать формирование языковой компетенции. Предметные результаты должны обеспечивать: овладение функциональной грамотностью; сформированность понятий о нормах русского языка и применение знаний о них в речевой практике; соблюдение культуры научного и делового общения в письменной и в устной формах; систематизацию уже имеющихся знаний о языковой системе и языковых нормах; совершенствование коммуникативных навыков; осмысление языковых фактов и явлений, умение самостоятельно получать знания в области лингвистики, организовывать исследовательскую деятельность по предмету; проведение различных видов анализа слова (фонетического, морфемного, словообразовательного, лексического, морфологического), синтаксического анализа словосочетания и предложения, многоаспектного анализа текста с точки зрения его основных признаков и структуры, принадлежности к определённым функциональным разновидностям языка, особенностей языкового оформления, использования выразительных средств языка; овладение техникой комплексного, лингвистического анализа текстов различных функциональных разновидностей языка, проведения стилистического анализа текстов разных стилей и функциональных разновидностей языка; понимание коммуникативно-эстетических возможностей лексической и грамматической синонимии и использование их в собственной речевой практике; осознанное использование различных видов

чтения и аудирования в зависимости от коммуникативной задачи и характера текста; овладение навыками самоанализа и самооценки на основе наблюдений за собственной речью; осуществление речевого самоконтроля, анализа речи с точки зрения её эффективности в достижении поставленных коммуникативных задач; овладение умением представлять тексты в виде тезисов, конспектов, аннотаций, рефератов, сочинений различных жанров; редактирование текстов различных стилей и жанров на основе знаний о нормах русского литературного языка; овладение умениями информационной переработки прочитанных и прослушанных текстов и представление их в виде тезисов, конспектов, аннотаций, рефератов; сформированность представлений об изобразительно-выразительных возможностях русского языка; создание устных и письменных монологических и диалогических высказываний различных типов и жанров в научной, социально-культурной и деловой сферах общения с учётом норм современного русского литературного языка; овладение умением в развёрнутых аргументированных устных и письменных высказываниях различных стилей и жанров выражать личную позицию и своё отношение к прочитанным текстам; осознание эстетической функции русского языка, способность оценивать эстетическую сторону речевого высказывания при анализе текстов художественной литературы; восприятие и понимание художественной литературы, сформированность представлений о системе стилей языка художественной литературы; сформированность умений и навыков, базирующихся на видах речевой деятельности и предполагающих развитие речемыслительных способностей: коммуникативных (овладение всеми видами речевой деятельности и основами культуры устной и письменной речи, базовыми умениями и навыками использования языка в жизненно важных для обучающихся сферах и ситуациях общения), интеллектуальных (сравнение и сопоставление, соотнесение, синтез, обобщение, абстрагирование, оценивание и классификация), информационных (умение осуществлять библиографический поиск, извлекать информацию из различных источников, умение работать с текстом), организационных (умение формулировать цель деятельности, планировать её, осуществлять самоконтроль, самооценку, самокоррекцию); использование нормативных словарей и лингвистических справочников разных типов для подготовки сообщений и докладов, проведения исследований и лингвистического эксперимента; мотивированность и готовность к самостоятельной учебной работе; овладение речевыми стратегиями и тактиками, обеспечивающими успешность общения в различных жизненных ситуациях; формирование умения добиваться успеха в процессе коммуникации; культура публичного выступления с текстами различной жанровой принадлежности; сформированность общекультурного уровня

старшеклассника, способного к успешной социализации в обществе, самообразованию и продолжению обучения в образовательных организациях высшей школы негуманитарного профиля [Приказ МОН ДНР от 17.07.2015 № 325, с. 10–12].

Понятие региолекта является новым в современном языкознании, поэтому наличие проблем, которые связаны с региолектом, требуют рассмотрения, исследования, решения, подготовки рекомендаций.

Региолект – понятие, несомненно, лингвистическое, так как региональные особенности, по словам Н.В. Хорошевой, «проявляются на всех языковых уровнях, но наиболее явно на лексическом и фонетическом, при этом синтаксическая специфика выявляется сложнее, поскольку зачастую с трудом дифференцируется от общеразговорных структур» [Хорошева 2011, с. 33]. Более всего изучаются сейчас лексические регионализмы. Т.И. Ерофеева выделяет пять источников их появления: диалектизмы, единицы городского просторечия, слова разговорной литературной речи горожан, литературные слова, «получившие подчёркнуто широкое функционирование в определённом регионе», и устаревшие слова [Ерофеева 2005, с. 103].

Термин *региолект* введён в современную российскую социолингвистику А.С. Гердтом. По Гердту, региолект – это «особая форма устной речи, в которой уже утрачены многие архаические черты диалекта, развились новые особенности. Эта форма, с одной стороны, не достигшая ещё статуса литературного языка, а с другой, в силу наличия многих ареально варьирующихся черт, не совпадающая полностью и с городским просторечием. Региолекты охватывают ареал ряда смежных диалектов, включая сюда города и посёлки городского типа и тем самым весьма значительные группы того или иного этноса» [Герд 2001, с. 23].

Исследование Е.В. Ерофеевой позволяет с абсолютной уверенностью утверждать, что в современном русском языке региолект и является основной формой местной речи. Исследователь считает, что «точкой» (или, скорее, областью) на оси перехода литературного языка в региолект является региональный вариант литературного языка, по своим характеристикам близкий и литературному языку, и региолекту. <…> Таким образом, по признаку территориальной ограниченности, т.е. наличия местных особенностей речи, получаем некий континуум, на котором (весьма условно) выделяются переходные ступени, характеризующиеся качеством и количеством наблюдаемых местных элементов» [Ерофеева 2005, с. 100].

Одним из путей познания особенностей жизни региона является литературоведческое краеведение, которое проявляется в языке писателя. Филологическая регионалистика как наука мотивирует исследователей слова

рассматривать художественный текст с краеведческим материалом в контексте творчества самого автора и в общем историко-литературном контексте. Такой подход предполагает исследование духовно-нравственных и общественных ценностей эпохи, которые отражаются в художественной местнографии.

Выдвинутые ГОС требования к устной и письменной речи выпускников основной школы определяют стратегию и тактику учителя-словесника по формированию предметных компетенций учащихся. Возникает ряд вопросов: как говорят и как пишут современные школьники-выпускники 2017 и 2018 годов? Влияет ли региолект на формирование речевой культуры учащихся? Допускается ли в процессе коммуникации использование региолекта наряду с основными нормами устной и письменной речи и правилами русского речевого этикета? Насколько активно используют (и использую ли вообще?) учащиеся основной школы региолект не только в устной, но и в письменной речи, например, при написании изложений и сочинений? Какова частность использования региолекта в устной и письменной речи школьников? Влияет ли факт использования региолекта на оценивание устной и письменной речи школьников на уроках русского языка и литературы? Как часто учащиеся употребляют в речи региолекты, если «доминантой, определяющей особенности современной разговорной речи, является обусловленное мощным развитием коммуникационных систем стремление к унификации, стиранию диалектных различий в лексике, фонетике, морфологии, синтаксисе, жанровой организации дискурса и т.д.» [Теркулов 2012, с. 118]. В какой степени донецкий региолект вступает в противоречие со сложившимся литературным эталоном? Возможно ли и так необходимо ли приближение речи всех жителей донецкого края к литературному стандарту? Находит ли донецкий региолект, являющийся своего рода знаком донецкого характера, донецкой культуры, донецкого менталитета, отражение в устной и письменной речи учащихся общеобразовательных организаций. И т. д. Л.А. Грузберг, например, считает, что в настоящее время можно «с абсолютной уверенностью утверждать, что в современном русском языке региолект и является основной формой местной речи» [Грузберг 2010].

Почему региолект? Термин ввёл ещё В.И. Трубинский в 1991 году. Продолжили разработку проблемы региолекта Е.А. Оглезнева, Л. Грузберг, Н.В. Хорошева, А.С. Герд, А.А. Сидоров, Е.В. Ерофеева и другие исследователи. В публикациях группы по изучению донецкого региолекта, созданной на кафедре русского языка ДонНУ, освещаются многие пока ещё не описанные факты донецкой речи, например, парадигматические связи слов в региолекте, региональные фразеология, текстовый семантический анализ регионализмов, образцы описания «донецкого текста» и др. Мы остановимся на особенностях устной и письменной речи учащихся, осваивающих программы основного общего и среднего общего образования.

Учителям, методистам районных (городских) методических кабинетов (центров), руководителям районных (городских) методических объединений была предложна дорожная карта исследований в сфере русского языка; с целью качественного организационно-методического сопровождения мониторинга была подготовлена программа, где указаны цели, задачи, направления, темы, объекты, методы, формы, участники, предложен график, информационные таблицы, образцы и т.д.; предложна карта наблюдений в ходе посещения учебного занятия. Акцент был сделан на тезисе о том, что мониторинг качества языкового образования – это не только система сбора, анализа, отслеживания, коррекции, сопоставления результатов наблюдения для обоснования стратегии и прогноза развития, но и способ интеллектуальной поддержки инновационных процессов в педагогической практике, а также подготовка информации в рамках международного грантового научного проекта «Донецкий региолект», исполнителем которого является научный коллектив кафедры русского языка Донецкого национального университета (руководитель проекта – доктор филологических наук, профессор, академик Международной славянской академии наук, искусств, образования и культуры, заслуженный учитель ДНР В.И. Теркулов; в состав научного коллектива входят преподаватели, аспиранты и студенты кафедры). Цель проекта – определение и описание актуального состояния донецкого региолекта для формирования системы рекомендаций по коррекции речи жителей Донбасса. Для достижения этой цели предполагается решение следующих задач: создание методики описания современного региолекта Донбасса; описание актуального состояния фонетической, лексической и грамматической систем донецкого региолекта; установление системы базовых лингвокультурем Донбасса; составление словарей и грамматики донецкого региолекта; разработка регионально ориентированного методического обеспечения мероприятий по корректировке речи. В связи с эти цель мониторинга качества языкового образования учащихся была расширена:

- на основе данных, полученных в ходе мониторинга, создать реестр орфографических и орфоэпических ошибок юных жителей донецкого края,
- разработать рекомендации по устранению речевых ошибок учащихся;
- подготовить специальный раздел для методического пособия «Донецкая речь: в помощь учителю-словеснику»;
- в перспективе разработать регионально ориентированное методическое обеспечение мероприятий по корректировке речи учащихся и взрослого населения донецкого края.

В связи со сформулированными выше вопросами и обозначенными проблемами были проведены соответствующие исследования, социологические опросы, наблюдения, на основании которых сделаны выводы и подготовлены рекомендации.

На выполнение решения ПК-3/3 коллегии Министерства образования и науки Донецкой Народной Республики от 23 июня 2016 года по вопросу: «Изучение состояния преподавания, методического обеспечения учебно-воспитательного процесса, уровня учебных достижений по русскому языку (в соответствии с требованиями государственных образовательных стандартов)», коллегии Министерства образования и науки Донецкой Народной Республики от 27.09.2016 г. № ПК-4/3, п.5.1. «О внедрении мониторингового подхода к изучению состояния обучения и воспитания по новым образовательным стандартам» и в соответствии с планом работы Донецкого республиканского института дополнительного педагогического образования в 2017 году проводилось мониторинговое исследование уровня учебных достижений учащихся по русскому языку.

В 2018 году в общеобразовательных организациях Республики проводился мониторинг качества языкового образования учащихся 5–11 классов. Основание – письмо Министерства образования и науки Донецкой Народной Республики от 07.09.2017 № 4323/21-57 «О проведении мониторинга качества образования в образовательных организациях Донецкой Народной Республики в I полугодии 2017–2018 учебного года».

Внешний выборочный мониторинг качества учебных достижений учащихся в рамках изучения состояния преподавания базовой учебной дисциплины «Русский язык» проводился во всех общеобразовательных организациях Донецкой Народной Республики.

Так, исследования по направлениям «Внешний выборочный мониторинг качества учебных достижений обучающихся в рамках изучения состояния преподавания базовых учебных дисциплин» (русский язык; 5,6, 7, 8, 9,10, 11 классы), «Уровень сформированности коммуникативных универсальных учебных действий обучающихся», «Уровень метапредметных результатов обучения по русскому языку» были организованы в таких формах, как собеседования, анкетирование, диктант, грамматическое задание, изложение, сочинение, тестирование. Для проведения мониторинговых исследований качества преподавания русского языка в общеобразовательных организациях Республики, уровня учебных достижений учащихся по русскому языку был разработан специальный инструментарий (задания, критерии оценивания и др.), спецификой которого стала его краеведческая направленность, т.е. для разработки заданий использовались тексты писателей донецкого края (или художников слова, писавших о Донбассе), вошедших в хрестоматию «Литература родного края. 5–11 классы» и учебно-методическое пособие по литературному краеведению «Литература родного края» [Литература 2018]. Данное пособия являются частью УМК (учебно-методического комплекса) по

курсу «Литературное краеведение донецкого края»: программа, хрестоматия, сборник, пособие и др. [Литература 2015, Литература 2015-2, Литература 2017].

Апробированные в ходе данной работы тексты отдельным разделом вошли в сборник диктантов и сборник текстов изложений по русскому языку, а также стали основой для подготовки динамичных таблиц «С любовью к родному краю» [Сборник 2018-1, Сборник 2018-2, С любовью 2018]. Например, в оглавлении сборника диктантов, адресованного учащимся 9-х классов, встречаем разделы «Донецкая земля: время выбрало нас…» и «У Донбасса есть свои приметы», тексты о человеческом характере и поступке настоящего героя, о мужественных профессиях и любви к родному краю, о красоте природе и вере человека в добро, о событиях войны и мирной жизни дончан. Здесь встречаются слова *терриконы, тягальщик, копёр, каптёрка, дОбыча, Донецкий кряж, ДоМбасс, ковыли, жужалка, коногонка, порожняк, посадка* и др. [выделено нами – Л.М.].

Региолект – понятие, несомненно, лингвистическое, так как региональные особенности, проявляясь на всех языковых уровнях, наиболее явно видны на лексическом и фонетическом. Лингвистами больше внимания на данный момент уделяется лексическим регионализмам.

Задача учителя, использующего в учебно-воспитательном процессе материалы данных пособий, – учить школьников выражать себя в слове, помочь им стать духовно сильными, обучить приёмам интерпретации текста-миниатюры в творческих работах.

Планируется изменить и вектор электронного пособия по текстоведению и развитию речи для учащихся 5, 6 и 7 классов для дистанционного обучения и самообразования школьников [Русский язык 2017-1, Русский язык 2017-2, Русский язык 2018-1, Русский язык 2018-2]. Основой для работы на уроках станут тексты региональной направленности. Данное электронное пособие представляет собой методически обоснованную систему обучения пяти-, шести- и семиклассников в дистанционном режиме, а также может быть использовано в качестве дидактического материала для самообразовательной деятельности опережающего характера по действующим образовательным программам. Видеоуроки рассчитаны на самостоятельную деятельность учащегося с интерактивным текстом и голосовым сопровождением процесса обучения. Это виртуальный разговор с заинтересованным в изучении программного материала учащимся. Электронный методический продукт ставит целью обеспечить возможность школьникам самостоятельно осуществлять подготовку к урокам русского языка по конкретному разделу программы, в частности «Текстоведение». В этом же направлении будут переработаны сборник дидактических материалов по подготовке к сочинению

по прочитанному тексту для учащихся 10–11 классов и сборники ценностно-деятельностных задач по русскому языку и литературе для учащихся 5–11 классы; планируется подготовить методическое пособие краеведческой направленности и к программе «Учимся писать сочинение на основе прочитанного текста»**.** В основе программы – методика поэтапной подготовки учащихся к написанию сочинения-рассуждения по материалам исходного текста (художественного произведения в полном объёме или отрывка из произведения писателя донецкого края). Особое внимание уделено логическому выстраиванию аргументированного собственного мнения по сформулированной проблеме исходного текста. В качестве приложения программа содержит учебно-тренировочные тексты и задания к ним, активизирующие аналитическую, интерпретационную и оценочную деятельность учащихся.

Часть учебно-методического комплекса является хрестоматия по литературе родного края**.**

Так, для учащихся 5 класса был предложен текст «Горючие слезы» (А.В. Ионов, 104 слова).

Рассказ

Моей матери Антонине Трифоновне

В истории каждой шахты есть что-то сходное с жизнью человека. Как и человек, шахта подвластна неумолимому закону времени, как и человек, она рождается, живёт и умирает.

Где-нибудь в раздольной донецкой степи шахтостроители ставят чистый, пахнущий вином дубовый копёр, проникают в недра земли, и, глядишь, рядом с копром возникает пирамида породы, называемая на языке шахтёров терриконом.

Проходят годы... Одно поколение шахтёров сменяется другим; в степи звучат то бесшабашные, то тоскливые песни, и радуется, и печалится гармоника, рождается и умирает любовь, а террикон, словно могучий богатырь, возносит свою главу всё выше и выше, и она курится молочно-жёлтым дымом.

Учащиеся 6 класса писали текст «Беспокойная юность» (Г.К. Паустовский, 117 слов).

По ночам я ходил смотреть на каждый выпуск чугуна из доменных печей. Зрелище было зловещее. Чугун лился по канавам в земле, дымясь багровым паром. Всё вокруг было густо окрашено только в два цвета – чёрный и красный. Рабочие в зареве жидкого чугуна были похожи на выходцев из ада.

Иногда я ходил в рельсопрокатный цех. Огромные вальцы, вздрагивая и скрежеща, заглатывали раскалённые добела стальные болванки и мяли их в

своей металлической холодной пасти, чтобы выбросить вместо толстой болванки длинный брус. Он быстро шёл из одних вальцов в другие, всё время вытягиваясь, пока не превращался в тёмно-багровый рельс.

Готовые рельсы катились около самых ног по железным каткам, мерцая сотнями искр.

Учащимся 7 и 8 классов предложили написать текст «Под землёй» (В.В. Вересаев, 149 слов и 159 слов соответственно).

7 класс.

В полдень на руднике опять раздаётся гудок. Рабочие вылезают обедать. Через час они уже снова под землёй. В шесть часов вечера происходит смена. По подъездному пути приходит со станции поезд, оставляет пустые вагоны и увозит нагруженные. К девяти часам на руднике все смолкает. В тихой, душной ночи раздаётся только стук подъёмной машины и бесчисленные сверчки без умолку трещат в щелях стен. На горизонте стоит зарево от громадных коксовых печей соседнего рудника.

В больших сапогах и непромокаемых куртках мы с штейгером стояли на «приёмном полку» шахты.

В чёрном отверстии ствола гудел канат. Рабочий принёс нам лампочки. Шахтёрская лампочка представляет небольшой чугунный резервуар, прикреплённый к цепочке с крючком; на цепочке укреплён щиток с надписью: «Бог в помочь!» Лампочка без стекла; горит в ней конопляное масло.

8 класс.

Скучные тут места! Безобразные здания шахт, ряды рабочих землянок, удушливый запах каменноугольного дыма: от зданий шахт под высокими деревянными эстакадами тянутся громадные отвалы угля и «пустой породы». Чёрная земля, чёрные дороги... На всем руднике — ни одного деревца, ни одного кустика; нет ни пруда, ни ручейка. Кругом, докуда глаз хватает, — однообразная, выжженная солнцем степь.

В шесть часов утра далеко где-то раздаётся гудок, соседние рудники подхватывают его, и гудок проходит по всей бесконечной линии шахт. Рудник оживляется: подъёмные машины вытаскивают из-под земли ночную смену; от зданий шахт расходятся во все стороны чёрные мокрые фигуры шахтёров с чадящими лампочками. Собирается денная смена. Раздаётся второй гудок, рабочие зажигают лампочки, по три, по четыре человека садятся в клеть и исчезают в шахте. Рабочие ночной смены завтракают и укладываются спать. На руднике снова становится безлюдно. Только стучат топоры плотников, строящих новую контору, да на эстакадах мелькают фигуры откатчиков; согнувшись и вытянув перед собой руки, они катят нагруженные углём вагончики и с грохотом опрокидывают их под отвалами.

«Легенды о Шубине» – так назывался текст диктанта для учащихся 9 класса (148 слов).

Шубин – персонаж донецкого фольклора шахтёров. Но родились эти сказы не просто так. Прототипом Шубина вероятнее всего была профессия давняя одна шахтёрская. Человек умел выжигать газ метан. Он спускался в шахту в перевёрнутом кожухе и работал там. Сейчас этой должности нет, но, по всей вероятности, она и стала прототипом противоречивого образа Шубина. Он может напугать, может и помочь, вывести из завала и наоборот заставить плутать в шахте. И памятник персонажу поставлен в Донецке, там, где фольклор и сделал Шубина героем сказаний. Писатель Б. Горбатов отметил, что поверья о Шубине известны на шахтах Макеевки, Горловки, Кадиевки, Краснодона, то есть практически на всей территории Донбасса.

Живёт в глубине донбасских шахт дух, шахтёры зовут его Шубин.

Часто выручает он шахтёров, предупреждая об обвалах. Реже пугает нерадивых. И уж совсем редко может указать место угольного пласта.

Это знает каждый шахтёр. И чтобы не обидеть Шубина случайно, делятся с ним тормозком, говорят уважительно.

В предлагаемых в ходе мониторинга текстах встречались следующие регионалектные слова: *террикон, копёр, тормозок, вальцы, штейгер, отвалы, откатчики, клеть* и т.д. Анализ ошибок, проведённый на основании данных мониторинга, позволил сделать вывод о том, что 14 % респондентов (учащихся 5–6 классов) сделали орфографические ошибки в регионалектных словах, хотя в ходе устного собеседования по результатам письменной проверочной работы выяснилось, что 91 % респондентов знает лексическое значение перечисленных выше слов и использует их в речи.

Учащимся 11 классов в рамках мониторинга качества преподавания и уровня знаний по предмету (направление «Уровень метапредметных результатов обучения по русскому язык») было предложено написать сочинение-рассуждение по прочитанному тексту на тему «Чем жив и крепок человек» (автор текста – В.М. Шукшин). Задание было сформулировано следующим образом: «*Сформулируйте и прокомментируйте одну из проблем, поставленных автором текста (избегайте чрезмерного цитирования). Сформулируйте позицию автора. Напишите, согласны или не согласны вы с его точкой зрения. Объясните почему. Свой ответ аргументируйте, опираясь на знания, жизненный или читательский опыт (учитываются первые два аргумента). Объём сочинения — не менее 150 слов. Работа, написанная без опоры на прочитанный текст (не по данному тексту), не оценивается*».

Участники мониторинга, отвечая на вопросы и выполняя задания, опирались на жизненный опыт в ходе работы над составлением текста

сочинения «Чем жив и крепок человек». Одиннадцатиклассники (21 % респондентов), приводя примеры, вспоминали уклад жизни семей шахтёров, произведения писателей-краеведов, в которых речь шла силе духа человека, шахтёрском характере. В сочинении встречались региолекты с частотностью 2–3 слова на каждую творческую работу.

В технологическую карту для анализа ошибок и затруднений учащихся при написании сочинения наряду с традиционными критериями (неточность и бедность лексики, неумение пользоваться изобразительно-выразительными средствами языка; неправильное понимание темы и неумение её раскрыть; искажение факта(ов); неточность цитирования и неумение или неуместность использования в тексте цитат; отсутствие материала, существенного для раскрытия темы; неумение делать выводы и обобщения; недостатки в обосновании авторской позиции по проблеме; неумение высказывать собственное мнение (согласие или несогласие с авторской позицией); неумение аргументировать свою точку зрения примерами из прочитанных книг, или из личного опыта и т. д.) включены такие: ошибки в использовании региолектных слов и их классификация (кодификатор). Аналитические материалы позволили сделать вывод о том, что в 4% работ сделана ошибка «Неточное лексическое употребление слова в контексте», 1,7 % – «Неоправданная замена слова синонимом» (*террикон – возвышенность*), 2,8 % респондентов сделали орфографическую ошибку в написание слов-региолектов (в слове *террикон*).

Ученикам 10 класса, которые в качестве проверочной работы выполняли разноуровневые тестовые задания, предложили 4 теста (из 30, что составляет примерно 13% от общего количества заданий), имеющие краеведческую направленность (небольшие отрывки или предложения, взятые из художественных произведений краеведческой направленности). 82 % респондентов правильно установили соответствие между словом и его лексическим значением (третий уровень сложности заданий тест-пакета). Например, «Установите соответствие слова и его лексического значения:

1)	террикон;	а)	конструкция, установленная на поверхности над шахтой, предназначенная для размещения подъёмной установки;
2)	саночник;	б)	(фр. *terril* — отвал породы, фр. *conique* — конический) — отвал, искусственная насыпь из пустых пород, извлечённых при подземной разработке месторождений угля и других полезных ископаемых, насыпь из отходов от различных производств и

сжигания твёрдого топлива;

3) копёр; в) (англ. *face*, нем. *sohle*) — поверхность отбитой горной массы (полезных ископаемых или горной породы), которая перемещается в процессе горных работ;

4) забой. г) (тягальщик) — в XIX – начале XX века рабочий, осуществляющий доставку угля из очистного забоя.»

Правильное соответствие букв и цифр следующее: 1) – б), 2) –г), 3) – а), 4) –г).

Учащимся 5–7 классов на уроках русского языка (в том числе развития речи, текстоведения) предлагаются для работы в парах задания краеведческой направленности: «Найдите среди слов, предложенных в справочном аппарате после упражнения, то, которое необходимо вставить в нужном падеже на месте пропуска. Запишите получившийся вариант. Прочитайте предложение вслух. Расскажите напарнику, что вы знаете об этом явлении, факте, предмете, человеке и т.д.».

Где-нибудь в раздольной донецкой степи ... ставят чистый, пахнущий вином дубовый ..., проникают в ... земли, и, глядишь, рядом с копром возникает пирамида ..., называемая на языке шахтёров... (А.В. Ионов)

Слова для справок: *террикон, копёр, порода, недра, шахтостроители.*

Сравни: *Где-нибудь в раздольной донецкой степи шахтостроители ставят чистый, пахнущий вином дубовый копёр, проникают в недра земли, и, глядишь, рядом с копром возникает пирамида породы, называемая на языке шахтёров терриконом. (А.В. Ионов)*

Школьники активно используют данный пласт языка, включая данные слова в устную диалогическую речь.

Ещё один вариант заданий: составление синонимических рядов со словами-региолектами или подбор слов-синонимов, например, *шахтёр – горняк; забой – выработка; коногонка – лампа, фонарь, светильник, осветительный прибор* и т.д.

Задания могут быть следующими: лексический, морфемный, словообразовательный, морфологический разборы слова, например, коногон (горн., устар. погонщик лошади, возящей вагонетку в шахте при конной откатке угля. Существительное, одушевлённое, мужской род, 2-е склонение (тип склонения 1а по классификации А. Зализняка).

Для работы над ошибками, с целью повышения орфографической и пунктуационной грамотности, коррекции устной речи учащиеся могут

воспользоваться электронным образовательным ресурсом, подготовленным творческой группой словесников под руководством Даниловой И.Н., учителя русского языка и литературы МОУ «Лицей «Спектр» города Тореза». Это интерактивные таблицы «С любовью к родному краю…», предназначенное для демонстрации конкретных примеров из языка и речи. Отличительная черта таблиц – примеры взяты из произведений писателей, творчество которых связано с донецким краем. Учителям и учащимся предлагается пять видов таблиц: *иллюстративные, таблицы-парадигмы, теоретико-понятийные, сравнительно-сопоставительные, таблицы-орфограммы/пунктограммы*. Таблицы содержат не более двух уровней подачи информации, причём информация теоретического характера сведена к минимуму и ограничивается, как правило, заглавием таблицы; часто содержат графические эквиваленты изучаемых явлений в виде иллюстраций или анимаций. Работа с иллюстративными таблицами может быть организована особенно эффективно при использовании другого вида электронного образовательного ресурса – учебных словарей. Используются как на уроках с применением проекционного оборудования на этапе изучения или закрепления темы, так и в качестве опорного материала, который можно дополнить своими примерами при выполнении домашнего задания. Таблицы-парадигмы предназначены для более лёгкого запоминания речевого материала, но содержат теоретическую информацию как в структуре таблицы, так и в виде автономных текстовых фрагментов, доступных при активизации отдельных элементов. К этой группе объектов относятся всевозможные таблицы окончаний, склонений, спряжений, которые используются на этапах объяснения и повторения нового материала в качестве зрительной иллюстрации слов учителя, при наблюдении и самоконтроле в условиях самостоятельной работы. Основными формами самостоятельной работы с данной таблицей являются наблюдение и самоконтроль. Теоретико-понятийные таблицы – объекты сложной структуры, их цель – раскрытие сути какого-либо языкового явления, представление теоретического материала в компактной форме. Часто содержат текстовые фрагменты, близкие по содержанию теоретическим параграфам учебника, используются в качестве опорного материала при подготовке индивидуальных сообщений по теме, в качестве основного опорного материала при обобщении; часто содержат теоретический материал в виде текста, который должен быть усвоен обучающимися, или же располагают к созданию такого текста-сообщения с опорой на их структуру. Сравнительно-сопоставительные таблицы служат цели формирования определённых теоретических понятий, имеют чёткую композицию, позволяющую сразу понять суть той или иной

оппозиции. Главная цель таблиц-орфограмм и таблиц-пунктограмм – раскрыть суть того или иного орфографического или пунктуационного правила.

Таблицы можно использовать учителями русского языка и литературы для организации классно-урочных занятий, учащимися 5–11 классов – для самостоятельной и самообразовательной деятельности, а также для дистанционного обучения.

Проверить орфографическую и пунктуационную грамотность можно, приняв участие в Республиканской образовательной акции «Донецкий диктант». Тексты для спецпроекта написали молодые авторы: Алиса Фёдорова (2016 год), Мария Панчёхина (2017 год) и Елена Скрипченко (2018 год). Отличие текстов для Донецкого диктанта – их содержание. В них идёт разговор о Донецке и жителях города, о специфике региона, об особенностях характера людей, которые любят свой край, любят работать, отдыхать, созидать и заниматься творчеством.

Исследователь Черемисина Е.В. утверждает, что «в условиях глобализации, стирания национальных и региональных отличий всё более значительными становятся регионалистические исследования языка, то есть определение в нём и в художественном тексте как его репрезентации региональных особенностей на всех языковых уровнях: фонетическом, лексико-фразеологическом, грамматическом и других. Филологическая регионалистика имеет большой потенциал в области изучения языка писателя, творчество которого развивается в условиях определённого региона. Языковые и литературные компоненты региональной художественной литературы репрезентируют образ территории. Поэтому «задача филологической регионалистики как отрасли, с одной стороны, филологии, с другой – исторического знания, состоит в системном исследовании литературно-художественных явлений или языковых процессов, генезиса, эволюции региональной субкультуры с использованием филологического инструментария, через постижение особенностей творческой индивидуальности художника» [Полякова 2015, с. 195–196]. Познание художника слова возможно только через «текст», который содержит в себе местнографический материал» [Черемисина 2015].

Ещё одним вектором по изучению региолектных особенностей выпускников средней школы стала подготовка к написанию государственной итоговой аттестации в форме изложения с творческим заданием. В контрольный комплекс заданий (ККЗ) был включён следующий текст:

В недрах земли

Раннее весеннее утро – прохладное и росистое. В небе ни облачка. Только на востоке ещё толпятся, бледнея и тая с каждой минутой, сизые

предрассветные тучки. В густой буйной траве там и сям дрожат, переливаясь и вспыхивая разноцветными огнями, брильянты крупной росы. Степь весело пестреет цветами: ярко желтеет дрок, скромно синеют колокольчики, белеет целыми зарослями пахучая ромашка, дикая гвоздика горит пунцовыми пятнами. В утренней прохладе разлит горький, здоровый запах полыни, смешанный с нежным, похожим на миндаль, ароматом повилики. Высоко в воздухе трепещут и звенят жаворонки. Неугомонные кузнечики давно подняли свою торопливую, сухую трескотню. Степь проснулась и ожила, и кажется, будто она дышит глубокими, ровными и могучими вздохами.

Резко нарушая прелесть этого степного утра, гудит на шахте обычный шестичасовой свисток, гудит бесконечно долго, хрипло, точно жалуясь и сердясь. Звук этот слышится то громче, то слабее; иногда он почти замирает, как будто обрываясь, захлёбываясь, уходя под землю, и вдруг опять вырывается с новой, неожиданной силой. На огромном зеленеющем горизонте степи только одна эта шахта со своими чёрными заборами и торчащей над ними безобразной вышкой напоминает о человеке и человеческом труде. Длинные красные закопчённые сверху трубы выпускают, не останавливаясь ни на секунду, клубы чёрного, грязного дыма. Ещё издали слышен частый звон молотов, бьющих по железу, и протяжный грохот цепей, и эти тревожные металлические звуки принимают какой-то суровый, неумолимый характер среди тишины ясного, улыбающегося утра.

Сотни две человек толпятся на шахтенном дворе. Совершенно чёрные, пропитанные углём лица, лохмотья всевозможных цветов и видов, лапти, сапоги, старые резиновые калоши и просто босые ноги∨ – всё это перемешалось в пёстрой, суетливой, галдящей массе.

Но понемногу толпа уменьшается, вливаясь в узкую деревянную дверь, которая ведёт в ламповую. Десять человек, сидя за длинным столом, беспрерывно наполняют маслом стеклянные лампочки, одетые сверху в предохранительные проволочные футляры.

Получив лампочку, шахтёр проходит в другую комнату, где старший табельщик отмечает его фамилию в дневной ведомости, а двое подручных тщательно осматривают его карманы, одежду и обувь, чтобы узнать, не несёт ли он с собою папирос, спичек или огнива.

Убедившись, что запрещённых вещей нет, или просто не найдя их, табельщик коротко кивает головой и бросает отрывисто: «Проходи».

В галерее идёт кипучая суета смены. В квадратном отверстии, ведущем в глубь шахты, ходят на цепи две железных платформы. Точно чудом одна из них выскакивает из-под земли, нагруженная вагонетками с влажным, только

что вырванным из недр земли углём. В один миг рабочие стаскивают вагонетки с платформы. Пустая платформа тотчас же наполняется людьми, содрогается и внезапно со страшным грохотом исчезает из глаз, проваливается под землю. Проходит минута, другая, и другая платформа, битком набитая мокрыми, чёрными и дрожащими от холода людьми, вылетает из-под земли, точно выброшенная наверх какой-то таинственной, невидимой и страшной силой. И эта смена людей и угля продолжается быстро, точно, однообразно, как ход огромной машины.

444 слова По А. Куприну

В качестве образца предлагаем работу учащегося 11 класса МОУ «Многопрофильный лицей №1 города Донецка».

Раннее весеннее утро – прохладное и росистое. В небе ни облачка, только где-то вдалеке бледнеют предрассветные тучки. Степь залита пёстрыми красками цветов: синеют колокольчики, белеют ромашки, краснеет дикая гвоздика. В прохладном воздухе стоит аромат утренних цветов, смешанный с резким запахом полыни. Начинают свою звонкую песню жаворонки, стрекочут кузнечики. Природа постепенно пробуждается и оживает, и кажется, будто она дышит глубокими, ровными и могучими вздохами.

Вдруг слышится громкий шестичасовый шахтный гудок. Он резко нарушает утреннюю тишину. Гудит он долго, протяжно, то громче, то слабее. Кажется, что он хрипло стонет, жалуясь и сердясь.

Только этот звук нарушает гармонию тишины пробуждающегося утра. Только это создание рук человеческих выделяется на фоне нетронутой природы своей безобразной вышкой и черными клубами дыма из грязных серых труб. Прислушавшись, можно услышать звон молотов, грохот цепей и даже человеческий гомон.

Несколько сотен человек в грязной, пропитанной углём одежде, с черными лицами, толпятся на шахтенном дворе. Понемногу толпа начинает рассеиваться, продвигаясь сквозь узкую деревянную дверь в ламповую. Здесь сидят дежурные, которые наполняют маслом стеклянные лампочки. Эта лампочка выдаётся каждому шахтёру. Дальше он проходит в следующую комнату, где его отмечают в ведомости и проверяют карманы. Это делается на случай, если кто-то захочет пронести папиросы или спички. Убедившись, что правила безопасности не нарушены, дежурный строго произносит: «Проходи». После проверки шахтёра пропускают в галерею шахты.

Галерея шахты представляет собой узкий коридор, ведущий в недра земли. Там кипит тяжёлая шахтёрская работа. Вдруг из-под земли выскакивает платформа, нагруженная вагонетками с черными глыбами угля, которую в один миг рабочие разгружают. Пустая платформа быстро

наполняется людьми и со страшным грохотом спускается под землю. Проходит несколько минут, и другая платформа, набитая черными и дрожащими от холода людьми, выскакивает наверх. Это действие завораживает своей быстрой сменой и точностью и кажется движением какой-то огромной подземной машины.

(284 слова)

Данная работа свидетельствует о том, что учащийся хорошо знаком с лексическими особенностями текста, скорее всего, использует региолектную лексику в разговорной речи, что не влияет на качество литературного языка, а только расширяет лексическое пространство пишущего, мотивирует подбирать (где это необходимо) синонимы.

В устной речи участников Республиканской олимпиады учащихся общеобразовательных организаций Республики в ходе презентации самостоятельно составленного в рамках конкурса ораторского мастерства высказывания на предложенную тему также встречались региолектные слова, например, *буханка* (хлеб прямоугольной или круглой формы), *кирпичик* (хлеб прямоугольной формы). Участники соревнований заранее знали критерии оценивания ораторской речи, среди которых были точность, богатство и выразительность речи, соблюдение норм современного русского языка, правильность, чистота. Темы, предложенные для выступлений, были разнообразными, в том числе и краеведческой направленности: «Счастлив тот, кто счастлив у себя дома», «За что я люблю свой край (город, посёлок)», «С чего начинается Родина…», «В который раз я повторяю слова любви к родному краю» (Е. Легостаев), «Почему я хочу получить рабочую профессию», «Что я знаю о своей улице (селе, посёлке), «Мой сосед: кто он и какой он?», «Наша речь – наша визитная карточка» и т.д. Большинство выступлений отличались точностью выражения мысли, уместным использованием средств художественной выразительности, элементами художественного мастерства, разнообразием грамматического строя речи; выступающие ярко афишировали свои духовные ценности; демонстрировали адресность своего высказывания.

Методическим инструментарием для собеседования с учащимися с целью определения уровня использования в устной речи донецкого региолекта стал приём использования топиков, предложенный ещё древними греками (например, Аристотель написал 30 таких топиков) для описания тех или иных аспектов реальности (предметной области), т.е. это стандартные типы ситуаций, попав в которые слушающий, говорящий или/и думающий (в нашем случае респондентами стали учащиеся как среднего, так и старшего звена) используют специфические речевые обороты. Существуют различные топики для описания различных объектов. В качестве таковых могут выступать

литературные направления и течения, художественные произведения, герои произведений, завершённые события, незавершённые события (или их группы), абстрактные понятия или физические процессы, свойства объектов и отношения между ними, последовательности действий и др. В каждой предметной области — свои. Образовательный смысл топиков состоит в том, что они образуют фреймы (рамки), в границах не только и не столько учебных речевых ситуаций (что важно, кстати, с позиций формирования коммуникативной компетенции, личностных и метапредметных достижений, УУД), а в контексте изучаемой дисциплины. Топики позволяют выделять, получать и передавать (во время ответа учителю, например) релевантные сведения о соответствующем фрагменте реальности; располагают конкретный фрагмент действительности по отношению к другим фрагментам; обеспечивают структурирование материала как в ходе его изложения (учителем, автором контента, учеником), так и его воспроизведение и применение наилучшим образом учащимися; помогают отделять существенное и несущественное, важное и второстепенное; минимизируют риски пропуска важных фрагментов изучаемой предметной области и многое другое. Топики при этом не клише, матрицы или шаблоны, по которым создаётся учебный контент, а инвариантные модели его организации. Топик — это не контент, он не подменяет собой содержания учебной дисциплины, а инструмент, с помощью которого создаются, “дешифруются” и используются обучающимися сведения и факты, касающиеся той или иной предметной области. По сути, любая отрасль знания, любая специальность имеет свой набор топиков, которыми руководствуется тот или иной специалист в своей профессиональной деятельности. Одно дело — топики в сфере устоявшегося знания, другое — когда речь идёт о решении творческих задач: проблемных вопросов, доказательстве или опровержении гипотез и т.п. Здесь существуют своя топика, которая ориентируется на порождение новых знаний. Использование эвристических топиков, на наш взгляд, может найти широкое применение в академическом и корпоративном образовании, ДПО, в том числе и для организации самостоятельной работы обучающихся. Таким образом, топические подходы могут использоваться для организации как репродуктивной, так и продуктивной деятельности всех субъектов процесса обучения. Кроме того, высокий уровень формализации топиков позволяет упорядочить процесс создания учебного контента [Уоррен Бергер]. Примеры использования топиков: размещение вопросов топиков в рабочих тетрадях, в конце тем учебников с целью письменных или устных ответов на них, а также написания эссе; в качестве домашнего задания (составление топиков к изучаемым разделам учебников или темам с последующим задаванием их

одноклассникам (дополняя или исправляя неточности) – так называемое реципрокное обучение [Верч 1996].

Для исследования были выбраны два образца топиков: античный и из нашего времени. Оба разработаны для изучения и описания отдельных событий или частей развивающихся процессов (для нас – донецкий региолект). Античный топик: 1. Что это за событие? 2. Где произошло событие? 3. Когда произошло событие? 4. Как произошло событие? 5. Почему произошло событие? Топик Р.Л. Ларсона (был использован для мониторинга в сокращении): Что именно произошло: Кто (что) конкретно сделал? Когда конкретно сделал? Где сделал? Как конкретно сделал? Зачем конкретно сделал? Кому (чему?) конкретно сделал? Каковы обстоятельства (контекст) совершённого? С чем сходно событие? Каковы причины события? Каковы последствия события? Как можно квалифицировать данное событие? Из какого источника стало известно о событии? Надёжен ли этот источник? На каких принципах устанавливается его надёжность? Можно ли (было бы) изменить течение события? Можно ли было избежать события? С какими другими событиями связано данное событие? Как? К какому роду событий может быть отнесено данное и на каком основании? Как можно оценить событие? По каким основаниям получена данная оценка?

Из написанного выше можно сделать вывод о том, что учащиеся общеобразовательных организаций Республики используют в устной речи слова-региолекты, понимая их лексическое значение и руководствуясь принципом уместности. Данный факт подтверждает то, что школьники читают художественные произведения краеведческой направленности, слышат региолекты в устной речи своего окружения (члены семьи, соседи, друзья и т. д.), избирательно подходят к употреблению донецкого региолекта в своей речи. Г. В. Степанов утверждал: «Наша речь — это наша визитная карточка. Словарь языка свидетельствует, о чём думают люди, а грамматика — как они думают».

Задача учителя русского языка – формировать литературную речь учащихся. Есть ещё одно направление его педагогической деятельности – участвовать в процессе сохранения донецкого региолекта, который отражает ментальность жителей донецкого края.

Сочинение — самый сложный вид письменной работы в школе. Оно активизирует умственную работу, развивает творческие способности учащихся и их самостоятельность. Опыт возвращения к сочинению не только позволил зафиксировать определённый уровень развития культуры письменной речи современных выпускников, но и обнажил ряд противоречий социокультурного характера. Так, являясь безусловным достижением педагогической школы, сочинение переживает кризис как дидактический жанр, воспринимающийся

зачастую как формальный (итоговый, тематический, семестровый) контроль. Неоднократно высказывалось мнение о необходимости более чёткого определения статуса итогового сочинения, о необходимости сохранения жанровой полифонии сочинения: наряду с сочинением-рассуждением, необходимо также предлагать учащимся сочинение в жанрах *рассказа, очерка, эссе, письма, рецензии*. В качестве приоритетных задач, стоящих перед педагогическим сообществом сегодня, можно назвать определение механизмов, которые позволят ученику и учителю ориентироваться не столько на формальные требования, сколько на необходимость письменно формулировать законченные, ясные и самостоятельные мысли с опорой на законы классической логики, авторитет русской литературы, личный и общественный опыт. В настоящее время учителям-филологам самой профессией даны право и ответственность нести Слово и достигать понимания в эпоху созидания, разумного и плодотворного сочетания традиции и инновации, науки и практики.

Сочинения по русскому языку, сочинения по литературе (сочинения по тексту художественного произведения), сочинения на лингвистическую тему, сочинения-описания, сочинения-повествования, сочинения-рассуждения, сочинения-миниатюры – это далеко не весь перечень. Ещё в школьной практике можно увидеть такие творческие работы, как сочинение-эссе, сочинение-изложение (или изложение с творческим заданием), сочинение-этюд, сочинение-зарисовка, сочинение-притча, сочинение-проект, сочинение-дневник, сочинение-портрет, сочинение-рецензия, сочинение-письмо, сочинение-исповедь и т. д. *Д*ля каждого вида творческих работ существуют определённые, выработанные целыми поколениями, требования. Разные по типу написания работы не могут иметь единых требований. Они отличаются по среднему объёму (количеству слов в работе), направленности рассуждений или описаний, присутствию или отсутствию авторской точки зрения и т. п.

По жанру различаются повествование, описание, рассуждение, портретная характеристика, письмо, деловая речь, опыты самостоятельного литературного творчества учащихся. Задача словесника не в разработке методики написания сочинений, а в поисках условий организации литературного творчества, в том числе связанных с литературой родного края, региолектной лексикой. Развитию школьников, становлению их личности и, следовательно, усвоению знаний в большей степени способствует организация самостоятельной деятельности, связанной с эмоциями, переживаниями, свободой творчества. Необходимо дать возможность учащимся проявить инициативу, показать свою индивидуальность, например, при выборе темы и жанра творческой работы. Учитель может предложить список рекомендованных для прочтения

художественных произведений, в том числе и писателей, творчество которых связано с донецким краем. Творческие работы инновационных жанров интересны школьникам, потому что дают возможность стать «соавтором» писателя, а для этого необходимо сохранить стиль и авторскую манеру писателя, особенности произведения. Учащиеся развивают фантазию, литературные способности, связную речь.

Мой край родной

У каждого человека есть место, которое он считает своим домом. Здесь все дорого и знакомо с раннего детства, здесь легко дышится. Не имеет значения, живём ли мы здесь или давно переехали в другой город, образ этих мест – всегда в нашем сердце. Это место – наша малая родина.

Мой родной край Донбасс. Я люблю его строгую красоту: силуэты терриконов на фоне закатного неба, цветущие ветви абрикос пронзительно-синим весенним днём, загадочные тени акаций тихой летней ночью, степной, горячий августовский ветер, что гонит белые барашки по Азовскому морю и лохматит макушки прибрежных красавцев-тополей, шорох осенних кленовых листьев на бульваре Пушкина, весёлую предновогоднюю суету ёлочных базаров на центральных площадях. Я люблю наших простых жителей, тружеников с широкой душой, которые не носят камень за пазухой, умеют работать и отдыхать.

В донецкий край – индустриальный регион, который славится людьми многих промышленных специальностей. Особо уважаем и востребован труд шахтёров, металлургов, энергетиков, строителей, поэтому основными профессиями нашего края стали шахтёрские – проходчики, забойщики, крепильщики, лесогоны, горнорабочие.

Огненной профессией называют труд металлургов. К основным профессиям относят чугунолитейщиков, сталеваров, прокатчиков. В разных отраслях хозяйства большим спросом пользуются профессии токарей, слесарей, фрезеровщиков, электриков, газоэлектросварщиков, водителей и др.

Словесники Республики активно апробировали и внедряют в школьную практику инновационные жанры, формы и виды сочинений и творческих письменных работ разных форматов, мотивируют учащихся к написанию добротных творческих работ нетрадиционные характера, т.н. «неформатного» сочинения. В последние четыре года учителя-словесники всё чаще предлагают учащимся такие нестандартные жанры сочинений, как сочинение-монофон, сочинение-кеннинг, сочинение-сага, сочинение-метаморфоза/идентификация, сочинение-нарратив, сочинение-фанфик (сиквел/приквел/мидквел), сочинение-римейк/ремейк/ремикс, сочинение-экфрасис, сочинение-скетч, сочинение-различение (стилизация), сочинение-лингвистическая миниатюра,

подражания и др. Уже опубликованные идеи и формулировки демонстрируют, сколь сложна поставленная задача, дают интересный материал для осмысления и провоцируют новые вопросы, мотивируют апробировать на уроках русского языка и литературы разножанровые сочинения. Школьникам всегда интересны те формы и виды деятельности, которые им мало знакомы или неизвестны вовсе, а учителя-словесники заинтересованы сделать процесс написания учащимися сочинения увлекательным, интересным и самостоятельным. Творческие работы инновационного формата требуют наивысшей самостоятельности школьника, активности, увлечённости, креативности, внесения чего-то своего, личного в текст.

Начинать работы следует с обучения написанию небольших по объёму творческих работ, например, «одиннадцатисловий», сочинений по метафоре, акростихов, стихотворений «Я…» и т. д., так называемых «свободных текстов», которые могут быть рифмованными и «белыми», могут быть написаны как одним человеком, так и несколькими (например, в паре или группе). Учащимся предлагается аннотированный каталог «свободных текстов».

Стихотворение «Я …» пишется от лица предметов окружающей среды или героя литературного произведения, художественного фильма, спектакля и т. п. Словами «Я …» начинается каждая нечётная строка

Я – Шахтёр!

Я – Шахтёр!
Гордый и смелый.
Я – Шахтёр!
Стойкий, умелый.
Я – Шахтёр!
В угле закоренелый.

«Одиннадцатисловие» состоит из одиннадцати слов (как знаменательных, так и служебных), расположено на 5 строках (1, 2, 3, 4, 1): первая строка – цвет, качество (прилагательное), вторая – о чём пишу (прилагательное и существительное), третья – тема расширяется (три слова), четвёртая – о себе (четыре слова), пятая строка – результат, вывод (одно слово)

Донбасс

Угольно-чёрный
Шахтёрский край,
Ты славишься тружениками.
Я уважаю твою непокорность.
Горжусь!

«Стихотворение по метафоре» состоит из шести характеристик, расположенных в определённой последовательности: цвет, вкус, запах, внешность, звук, качество переживаний; первое слово каждой строки – название стихотворения.

Донецк

Донецк – это розовых бутонов страсть.
Донецк – это вкус свободы всласть.
Донецк – это дым заводов, гарь машин.
Донецк – это город-херувим.
Донецк – это голос многотысячной толпы.
Донецк – это я и ты!

(Из поэтического альбома «Творчество волонтёров-экскурсоводов»)

Школьникам можно предложить написать, например, акростих по предложенному слову:

Террикон

*Т*ерриториальный
*Е*стественный
*Р*егиональный
*Р*одной
*И*нженерный
*К*раеугольный
*О*диозный
*Н*аш!

Учащиеся могут завершить свою творческую работу стихотворной строкой или предварить сочинение о любимом городе эпиграфом собственного сочинения.

Шахтёрский край

Я с угольной пылью и запахом роз
Сроднился ещё с малолетства.
Родился, учился, взрослел я и рос
С шахтёрской средой по соседству.
Ставки, терриконы, луга и поля.
И степь, окрылённая детством.
Донбасс мой родной! Моих предков земля.
Ты – слава! Шахтёров наследство!

(В. Романенко)

В бутонах нежных влага серебрится,
Фонтан вздымает брызжущий венец.
Как хороша шахтёрская столица,
Как ты прекрасен, город мой, Донецк!

Предлагаем небольшой аннотированный мини-словарь нетрадиционных творческих работ и сочинений, а также образцы сочинений, написанных школьниками, студентами и учителями-словесниками.

Сочинение-кеннинг – творческая работа, состоящая из нескольких кеннингов или включающая определённое количество кеннингов (кеннинг (*kenning*) – разновидность метафоры, характерная для скальдической поэзии, а также англосаксонской и кельтской, описательное поэтическое выражение, состоящее как минимум из двух существительных и применяемое для замены обычного названия какого-либо предмета или персоны). Принципы построения кеннингов и многочисленные примеры можно найти в Младшей Эдде. Пример: «вепрь волн» – корабль, «волк пчёл» – медведь. Кеннинги могут быть составными, например «ясень бури мечей» (буря мечей – битва, ясень битвы – воин). Встречаются также очень сложные многосоставные кеннинги, такие как «липа пламени земли оленей заливов» («олень заливов» – корабль, «земля кораблей» – море, «пламя моря» – золото, «липа золота» – женщина). В скальдической поэзии главным было не столько содержание, сколько поэтический язык, основой которого была система особых образных выражений – кеннингов; ими обозначали любые предметы и явления. Кеннинги подчёркивали поэтическую форму, они казались тем красивее, чем более изобретательно и замысловато они были разработаны. Например, начало сочинения на занятии по литературе родного края (это может быть урок, факультативный, элективный или спецкурс) может быть таким: «Донецкий край – страна терриконов, где…».

Сочинение хайку – сочинение-миниатюра по ключевому слову в форме трёхстишия, где первая строка формулируется так: «Я был кем-то или чем-то» или «Я видел кого-то или что-то»; вторая – называет место и действие (где и что делал); третья – даёт определение (как?). Написание хайку развивает способность учащихся к лаконичному изложению мыслей.

Сочинение-даймонд – мини-сочинение в форме творческой работы, состоящей из семи строк, где первая и последняя строчки представляют собой существительные-антонимы; вторая – 2 прилагательных или причастия, относящиеся к первому существительному; третья – 3 глагола, которые относятся также к первому существительному; четвёртая – два противоположных по смыслу нераспространённых предложения, где в качестве подлежащих выступают

существительные из первой и последней строк; 5-я и 6-я строчки зеркально повторяют 2-ю и 3-ю, только относятся уже к последнему существительному.

Язык!
Великий, могучий!
Звучит, зовёт, вдохновляет.
Язык – мысль.
Литература – душа!
Наполняет, волнует, трогает
Классическая, родная
Литература!

Мир!
Желанный, долгожданный.
Ждут, верят, приближают.
Мир ожидаем. Войны – не желаем
Разрушает, гремит, убивает
Жестокая, кровавая
Война.

Сочинение-монофон – это творческая работа, состоящая из не менее чем 50 слов, все слова которой должны начинаться с одной и той же буквы или одного и того же звука (с какой/какого именно, вы выбираете сами). Предлоги, союзы, наречия могут начинаться с любой буквы или любого звука, но должны быть однослоговыми (например*, у, за, но, под*) или двуслоговыми (например, *около, напротив*). Слова, использованные в монофоне несколько раз, учитываются в количественном отношении только один раз. В составлении монофона обучающемуся может помочь любой словарь. Монофоны рекомендуется читать выразительно вслух с целью улучшения произношения проблемных звуков, например, «р» или «ш». Это продуктивная артикуляционная гимнастика. Написание монофонов способствует расширению словарного запаса, учит организовывать ритм прозаического текста, развивает воображение. *Монофон – уникальное средство развития речевой креативности.*

Русская речь

Роскошна русская речь! Разливается реченькой, рычит разухабисто, рокочет раскатисто, рассыпается радужно.

Ровно, равномерно разносится разговор: разглагольствуют, разбираются, рассказывают. Ротозеи рты разинули, руки раскинули, рубашки расправили. Резонёр разошёлся. Рекламист решился резюмировать: рискнуть русистику

реформировать. Ругательства рушить, риторику реставрировать, ресурсы ретиво рационализировать.

Реформаторы радуются, ревизию расхваливают. Реакционеры реванш разрабатывают, реформы расхаивают. Разногласие развивается.

Распускается, распространяется, расширяется реальная речистость. Реанимируются речевые реликвии, разрушаются рутинные ригоризмы, рождаются рекомендации.

Разбирайся, рассуждай, радуйся разноголосице, размышляй, разносторонне развивайся, радостно разговаривай!

Степь

Сколько сказано светлых слов о славянских степях ?!... Сколько существует славных сказаний седой старины о самых – самых … Смелых и стихийных, солнечных и семимильных, самобытных и свободолюбивых скифских степях! ...

Синеглазое счастье судьбы и солёные следы, свежесть спорыша и суровость снежная, суровый свист и серебряный серп … Сколько степь славянская собрала сама в себя святого и скорбного?! …

Солнце, словно сказочный самородок светит свысока сладостным спокойствием в самое сердце строптивой степи … Сколько солдатских сапог столетьями стоптано, сколько сыновей и сестёр самозабвенно и спокойно связали судьбу свою со священными степями! …

Салютуем степям славянским! Салютуем свободным степям! Салютуем и … ставим свечи!

Сочинение-сага или мини-сага – это творческая работа, состоящая всего из 50 слов, включающая обязательные компоненты: начало, середину и конец в форме неожиданного финала; чтобы мысль не растекалась, фокусировалась на чём-то одном, чтобы имелся простор для лирических отступлений и проработки деталей (приветствуется включение кеннингов).

Сочинение-идентификация/метаморфоза – творческая работа в жанре превращения.

Однажды, проснувшись ранним утром от протяжного звука заводского гудка, я поняла, что превратилась в розу. Мне было хорошо! Я увидела знакомое место. Да, это бульвар Пушкина – любимое место отдыха жителей города Донецка. Но сейчас утро. Все спешат по своим делам! Вот молодой человек поглядывает на часы: наверное, опаздывает на работу. Вот девушка с улыбкой посмотрела на меня, возможно, вспомнила свою первую розу, подаренную любимым. Напротив, на лавочке, разместились любители шахмат, неподалёку – бабушка с непоседливым внуком, а дальше – спортсмен совершает свою ежедневную пробежку, стайка студентов спешит на занятия, молодая мама ведёт сына в детский сад, а папа с дочкой бегут в

школу… И я спешу! Хочу порадовать всех и каждого, потому что я – роза, символ города-героя Донецка!

Светлана Н.

Сочинение-нарратив – творческая работа, отличительной чертой которой является имманентность (*нарратив* (англ. и фр. narrative – рассказ, повествование) – понятие философии постмодерна, фиксирующее процессуальность самоосуществления как способ бытия текста. Термин заимствован из историографии, где возникает в рамках концепции «нарративной истории», трактующей смысл исторического события не как фундированный объективной закономерностью исторического процесса, но как возникающий в контексте рассказа о событии и имманентно связанный с интерпретацией. Творческая работа в виде сообщения о любом жизненном событии, истории, рассказанного в соответствии с определёнными шаблонами по универсальной нарративной схеме, которую можно применить к большинству текстов, где фигурируют шесть ролей, то есть функций, выполняемых персонажами: отправитель, получатель, субъект, объект, помощник и оппонент. В сочинении-нарративе указаны время и место действия, присутствует прямая речь действующих лиц.

Сочинение-приквел (предыстория) – небольшая по объёму творческая работа, рассказывающая о событиях, предваряющих события художественного произведения. Приквел является как бы продолжением наоборот, где рассказывается предыстория героев или мира, описанных в художественном произведении.

Сочинение-мидквел (дополнение)– небольшая по объёму творческая работа, дополняющая сюжет художественного произведения, где событие идёт не линейно, а как бы в сторону, одновременно с тем, которое описывается в художественном произведении.

Сочинение-сиквел (продолжение) – небольшая по объёму творческая работа, продолжающая сюжет известного художественного произведения.

Сочинение-интерквел – небольшая по объёму творческая работа, рассказывающая о событиях, происходящих в промежутке между первой и второй частями, например, эпопеи. Интерквел является одновременно сиквелом для одного произведения и приквелом для другого.

Сочинение-триквел – небольшая по объёму творческая работа, по форме являющаяся сиквелом сиквела, то есть третьей из серии последовательных произведений.

Сочинение-квадриквкел – небольшая по объёму творческая работа, по форме являющаяся четвертым продолжением художественного произведения.

Сочинение-ремейк (англ. remake – переработка) – небольшая по объёму творческая работа, представляющая собой новую версию или интерпретацию художественного произведения. Наиболее близкие формы – ремейк и интертекстуальность. Автор в данном сочинении проявляет себя как ремейкер, автор-мистификатор.

Сочинение-ремикс (англ. re-mix) – небольшая по объёму творческая работа, версия художественного произведения, скомпонованная путём «перемешивания» нескольких частей исходного сюжета, наложения на неё различных литературных эффектов и т. д., в результате чего получается творческий продукт небольшого объёма, отличный от художественного произведения.

Сочинение-экфрáсис (др.-греч. ἔκφρασις от ἐκφράζω – высказываю, выражаю) – сочинение, включающее описание произведения искусства или архитектуры. Прямой экфрасис представляет собой непосредственное описание либо простое обозначение визуального артефакта в сочинении. Автор творческой работы открыто указывает, что описывает картину, скульптуру, архитектурное сооружение, фотографию и тому подобные визуальные объекты. Косвенный экфрасис служит созданию словесной реальности. Описание пейзажа или персонажа сочинения создаётся с привлечением мотивов визуального произведения (артефакта). Автор творческой работы делает это завуалированно, лишь намекая на цитирование какого-либо визуального источника, или открыто, проводя сравнение с визуальным образом. Полный экфрасис содержит развёрнутую репрезентацию визуального артефакта, Описание свёрнутого экфрасиса укладывается в одно-два предложения. Свёрнутые экфрасисы используются чаще всего для того, чтобы незаметно открыть другие перспективы, косвенно мотивировать ознакомление с произведением искусства.

«Кинолента видений» – сочинение, в котором текст «разворачивается» по ключевым словам (5–7 ключевых слов или словосочетаний, одно-два из которых относятся к другой тематической группе; не менее 30 слов в тексте).

Донецкий край, террикон, шахтёр, степь, ковыль, поступок, сердце.

Донецкий край… Край голубых терриконов, высоких шахтных копров, протяжных заводских гудков и бесконечных степей, покрытых седым ковылём и пышным разнотравьем. Это земля, которая богата углем и людьми отважных профессий. Это самоотверженный труд шахтёров и сила духа человека, который способен на отважный поступок, имеет щедрое сердце и тонко чувствующую душу… Это край красивых, смелых и добрых людей-тружеников, свободных людей-творцов!

Никита Р.

В дальнейшем планируется издание пособия для учителей русского языка и литературы с рекомендациями по написанию сочинений разных жанров на уроках русского языка и уроках по литературе родного края, куда будут включены лучшие работы учащихся общеобразовательных организаций Республики. Подробнее с типологией сочинений можно ознакомиться на страницах научно-методического журнала «Педагогическая сокровищница Донетчины» [Мельникова 2016, с. 32–39].

Убеждены, что на современном этапе развития образования особое значение приобретает краеведческая работа. «Понять литературу, не зная мест, где она родилась, не менее трудно, чем понять чужую мысль, не зная языка, на котором она выражена», – справедливо утверждал Д.С. Лихачёв [Лихачёв 1991, с. 52–59]. Краеведение способствует не только повышению качества обучения, но и укреплению связи с жизнью. Решающую роль для организации литературно-краеведческой работы играет личность педагога, который выступает не только в роли учителя-предметника, но в первую очередь в качестве пропагандиста знаний о родном крае. Если базовый компонент образования решает задачи подготовки выпускника с учётом требований, предъявляемых на общегосударственном уровне, то целью компонента общеобразовательной организации следует считать социальную адаптацию учащихся к условиям жизни на территории конкретного субъекта Донецкой Народной Республики. Особо следует отметить, что одной из социальных групп, наиболее остро осознающих значимость краеведческой грамотности, являются педагоги. Учитель-предметник, классный руководитель должны знать смысловое содержание краеведческого компонента на теоретическом уровне; определять место, значение, необходимость изучения истории, культуры, литературы своего края в контексте нового образовательного стандарта; владеть методикой систематизации краеведческих знаний; определять образовательные, воспитательные и развивающие задачи при формировании знаний, деятельностную и содержательную цели; уметь соотносить общее и особенное в развитии, осознавать уникальность своего родного края, особенности современного литературного процесса в Республике.

Литературное краеведение – специфическое культурологическое знание, устанавливающее связь между литературной историей края и культурным творчеством в нем. В нашем регионе широкое распространение получило историческое краеведение, что обусловлено, в первую очередь, легендарным военным прошлым донецкого края. Культурные страницы донецкого региона богаты плеядой блестящих литературных имён, что позволяет организовать плодотворную работу по литературному краеведению. Литературное произведение, как и человек, имеет место своего рождения. Многие поэты и

писатели любили путешествовать по родному краю, они оставили интересные воспоминания, путевые заметки, поэтические строки, посвящённые своей «малой родине». Поэтому литературное краеведение как часть учебно-воспитательного процесса может плодотворно развиваться в каждом крае. Занятия литературным краеведением позволяют учащимся осознать связь литературы с жизнью, увидеть ту среду, которая послужила материалом для творчества писателя, проникнуть в его творческую лабораторию, изучать его творческий метод, вкусы и пристрастия.

В последнее время значительно обновилось содержание структуры литературного образования, созданы программы, учебники, пособия для общеобразовательных организаций. На первый план выдвигается освоение художественных ценностей и формирование на этой основе эстетического вкуса и нравственности учащихся. Во многих учебных организациях создаются курсы, связанные с литературным краеведением, в учебный план вводится факультативный курс «Литература родного края».

Следующим этапом в системе работы по наполнению и осмыслению знания краеведческого компонента являются все виды практик: внеклассная, практика библиотечных уроков, классных часов, кружковой работы, а также анализ учебно-воспитательной деятельности. В поисках путей решения стоящих перед школой задач учителя обращаются к литературному краеведению. Многое связывает человека с местом, где он родился и вырос, где познал «первых лет уроки». Родной край и населяющие его люди, неповторимый облик родной природы – все это, прошедшее через сознание, становится частью человеческой судьбы. Занятия краеведением являются важным источником патриотического и гражданского воспитания учащихся, расширения их жизненного кругозора. Краеведение вводит учащихся в мир природы и человеческих отношений. Это не только углубляет представления школьников об истоках литературы, но и расширяет их кругозор. В этом случае ярче предстаёт сам процесс литературного произведения, зримее выступает так называемый «первоэлемент» литературы – слово. Книги писателей-земляков раскрывают красоту окружающей природы, жизнь которой юные краеведы познают непосредственно во время экскурсий и походов по родному краю. Близость к природе убеждает учащихся беречь её богатства, сохранять и приумножать созданное усилиями поколений. Школьники становятся её добрыми друзьями и защитниками. Любовь к природе у людей, способных понимать её живую красоту, постепенно сливается с чувством Родины, переходит в глубокие патриотические убеждения. Краеведческие занятия воспитывают жажду познания, формируют устойчивый интерес к поискам нового и тем самым способствуют развитию творческой мысли. Картины

родной природы становятся ярче, если впечатления подкрепляются поэтической палитрой мастеров слова.

Обогащению представлений школьников о литературе и расширению их понятий о творческой деятельности писателей помогает краеведческая работа. Краеведческий материал становится предметом внимания учащихся не только на уроках литературы, но и на уроках русского языка, внеклассных занятиях.

Переход школы на новый учебный план и программы значительно расширил возможности творческих проявлений учителей. Внимание словесников все более привлекают такие пути, методы и приёмы изучения литературы, которые способствуют развитию мыслительной активности учащихся, вызывают устойчивый интерес к художественному слову: виртуальные экскурсии, уроки музейной педагогики, творческие мастерские, лаборатории юных краеведов, тренинги по разработке краеведческих маршрутов, уроки экскурс-бюро, деловые игры по успешной социализации в туристический бизнес, уроки по созданию буктрейлеров краеведческой направленности, краеведческие буккроссинги, флэш-мобы и веб-квесты, и т.д.

Решающее значение для организации литературно-краеведческой работы в школе имеет предварительная самоподготовка учителя, его знакомство с историей и памятниками культуры и литературы, с примечательными местами родного края. Не меньшую роль играет знакомство учителя с литературными традициями своего края, его активный интерес к современной культурной жизни своего города (села, посёлка городского типа, района). Учитель должен иметь представление об основных центрах собирательской и научно-исследовательской работы по литературоведению и фольклору (соответствующие кафедры высших учебных заведений, секции при местных отделениях Союза писателей, секции МАН и др.), быть знакомым с литературой по методике и обмену опытом литературно-краеведческой деятельности, уметь работать с архивными источниками.

Начинать работу по литературному краеведению педагогу следует со сбора следующих сведений: какие деятели культуры являются уроженцами донецкого края, какие бывали в данном регионе; в каких произведениях литературы и искусства отображены люди, исторические события, быт и природа родного края; какие явления, факты, события, аналогичные тем, которые отражены в изучаемых произведениях, имели место в общественной жизни края; какую роль сыграли писатели-земляки в создании местной и общенациональной культуры и т. д.

Источниками таких сведений могут быть художественные произведения, очерки, беллетристика, воспоминания, письма писателей и их современников, литературно-критические статьи в энциклопедиях и периодической печати,

монографии и семинарии о писателях, летописи жизни и творчества писателей, справочники и путеводители по родному краю, учёные записки местных вузов, районные и областные газеты и журналы, интернет-издания, сайты Союза писателей, блоги краеведов и др. Большую помощь педагогу могут оказать краеведы, родственники (потомки) писателя и другие люди, близкие писателю.

С целью создания системы работы по краеведению необходима интеграция деятельности учителя-словесника, учителей изобразительного искусства, музыки, мировой художественной культуры (знаменитые земляки), биологии (флора и фауна Республики), географии (топонимика края), истории (история края) и др. Систематизация собираемых материалов может выразиться в составлении библиографии на тему «Наш край в художественной/мемуарной/ научно-популярной литературе», хрестоматий, сборников с произведениями современных авторов и творческими работами учащихся о родном крае, а также в подготовке картотек, в том числе электронных: «Писатели и другие деятели культуры и наш край», «Краеведческая мультимедиамозаика», «Видеокалейдоскоп: голос писателя родного края». Начав с эпизодического привлечения отдельных учащихся к выполнению тех или иных несложных заданий, учитель постепенно сплотит около себя актив увлечённых живым и интересным делом школьников. Итогом работы юных краеведов становится победа на конкурсе ученических мультимедийных проектов «Творческая юность Донбасса».

В педагогический лексикон возвращаются понятия «нравственность», «духовность», «гражданственность», «патриотизм», «национальное самосознание», «ментальность». Задача современного учителя – готовить выпускников с богатым внутренним миром, с активной жизненной позицией, патриотов родного края, способных гибко адаптироваться в изменяющихся условиях, выстраивать коммуникацию, самостоятельно работать над повышением культурологической компетенции.

Словесники Донетчины стали участниками конкурса «Лучший работник года в сфере образования», где представили творческие проекты краеведческой направленности. Учитель МОУ «Школа №5 города Донецка» Коваль В.А. представила проект школьного экскурсионно-волонтёрского центра «Жемчужины Донбасса». Ожидаемые результаты: из учащихся, вовлечённых в проект, сформируются социально активные личности; возрастёт патриотический дух жителей донецкого края, особенно молодёжи, которая на практике будет видеть престиж и значимость своей «малой родины»; будет создана новая система волонтёрских экскурсий (очных, заочных, видео-), в которой будет задействована большая часть школьников; создаётся учебный центр для экскурсоводов-волонтёров, где в качестве экспертов и консультантов

задействованы специалисты Донецкого краеведческого и художественного музеев, домов-музеев выдающихся деятелей Донбасса, Донецкой филармонии, артисты театров, члены Союза писателей и журналистов ДНР, работники библиотек, преподаватели вузов, методисты; учащиеся получат возможность активно общаться с представителями культуры и искусства слова; образовательные организации получат банк виртуальных экскурсий, фото- и видеоинформацию, маршрутные карты «Литературными тропами Донбасса»; расширится круг услуг, которые смогут оказывать учебные организации; откроется сеть школьных волонтёрско-экскурсионных бюро «Жемчужины Донбасса»; раскроется творческий потенциал учащихся.

Краеведческий маршрут по литературным местам Донетчины помогут составить книги известных писателей-краеведов, в которых ярко и образно рассказывается о далёком прошлом Донбасса, его заповедной природе и подземных сокровищах, о первопоселенцах и первооткрывателях, кто обживал дикие степи и осваивал полезные ископаемые. Это множество легенд, преданий, шахтёрских сказов, невероятных бывальщин и подлинных исторических событий, объединённых личным авторским восприятием донецкой земли. Вот только некоторые названия экскурсионных маршрутов: «Донетчина: многоликая и вечная», «Разгадка тайны реки Каялы», «Мастера русского слова в Донецке» и др.

Перспективным, с нашей точки зрения, является создание межпоселкового гуманитарного комплекса истории ремёсел Донбасса. Модель такого проекта представила учитель-словесник из Донецка Шумакова И.В. Цель проекта – создание единого гуманитарно-технологического пространства посредством экспонирования и вербальной презентации предметов материальной культуры и памятников духовной культуры, отражающих историю развития ремёсел в донецкого края и отражение этого процесса в литературе и в творчестве современных учащихся. Частью такого музея стали спецпроекты: «Соль – добрая вещь» (мастерская развития речи и творческого письма), «Шахтёрский фольклор Донбасса» (система уроков внеклассного и семейного чтения), «Я истинную вижу красоту» (вербальный альманах с презентациями изделий художественной ковки), «Литературная летопись края» (исследовательские работы с последующей защитой-презентацией), «У литературной карты Донбасса» (афиширование топонимических объектов, связанных с литературой и культурой родного края) и др.

Символ успеха, надежд процветания,
Всечеловеческой сферы познания –
Мудрость металла – великая магия!
Чудо творения – Пальма Мерцалова!

Из альманаха

Литературное краеведение – это продуктивный вектор развития устной речи учащихся.

Ещё один вектор работы с региолектом – анализ текста на уроках русского языка и литературы. Учащиеся предлагается выполнить один из видов анализа текста (многоаспектный, комплексный, лингвистический, стилистический и др.). В качестве текста выступают произведения писателей-краеведов, например,

Край донецкий

Край донецкий смуглолицый,
У тебя лучистый взгляд.
Незакатные зарницы
Полыхают,
Как закат.
Край донецкий смуглолицый —
Звезды вышли на наряд,
И, как солнце, золотится
Твой земной,
Твой жаркий клад.
Край донецкий смуглолицый —
Разрумяненная даль.
Из печей твоих струится,
По горячим жилам сталь.
Край донецкий смуглолицый —
В белой кипени сады.
Мне и спится, и не спится
У речной твоей воды.
Край донецкий смуглолицый —
С золотинкою глаза.
Не легко в тебя влюбиться,
Разлюбить тебя нельзя.

Николай Рыбалко

После обсуждения стихотворения учащимся предлагается выполнить коммуникативное дополнение к заданиям: объяснить слова-региолекты.

Город мой

Город мой. Тот, где с детства отсутствует море,
и повсюду степь – невозможно рыжая с янтарём,
словно вечный рассвет, как картинка на мониторе,

словно юность отца, упакованная в альбом.

Не сдержаться, когда прикасаешься к камню,
когда трогаешь тёмную землю, что на крови.
Если ты здесь родился, то родился ты неслучайно
в чёрнокаменном городе, что стоит на краю земли.

И до взморья отсюда добраться две сотни гривен
по наезженной трассе, не так ли, – знакомая блажь?
Но ведь ты здесь родился, а, значит, не будь наивен,
эта степь – твоё личное море, твой дикий пляж.

Под обветренной кожей, под веками, в подреберье
море плещется, как живое, – искрит янтарь.
Это море – твоя свобода, твой дом, твой берег,
оберег твой, твоя история и печаль.

Знаешь, господи, это счастье, что так привычно
из окна наблюдать, как морем вскипает степь,
и плывут облака – вон одно, словно ключ скрипичный,
и так хочется каждое облако рассмотреть…

каждый камень под ярким солнцем играет светом,
преломляет луч, так хлеб преломляешь ты
с самым близким, твоим, проверенным человеком,
с тем, кто знает тебя до точек и запятых…

с тем, кто тоже почувствовал море однажды кожей,
на безморье иные смыслы, иные ветры, иное дно.
Город мой. Будь. Пожалуйста. Осторожен.
Мой степной чёрнокаменный город до.

Анна Ревякина

ссылка: https://www.youtube.com/watch?v=uqno2b1pyds

Признание

Люблю тебя, мой край родной, Донбасс –
Край патриотов, угля и металла.
Скучал вдали я по тебе не раз,
Дыханья твоего мне не хватало.

Красив, хоть седовлас, мой край Донбасс –
Тысячелетья был ты Диким Полем.
Племён степных здесь раздавался глас,
Коней в аллюр пускавших по приволью.

Спустя века обрёл ты новый вид:
Повсюду домны, трубы, терриконы.
И всё это гремит, пыхтит, дымит,
По магистралям мчатся эшелоны…

Пророс корнями я в Донецкий кряж,
Окрестности Донца давно знакомы,
Когда не вижу я родной пейзаж,
Мне хочется вновь оказаться дома.

И пусть чужая тёплая волна
На солнце, как алмазами, искрится,
Донецкая родная сторона
Ночами всё равно мне будет сниться.

Донбасс не раз пытались покорить,
Чтоб край лишить и чести, и богатства,
Но всех врагов сумело победить
Донбассовцев незыблемое братство.

Я горд, что братства этого – росток,
Что с ним делю все радости и боли,
Осмысливая жизненный итог,
Признаюсь: не искал иной я доли.

И к Господу с молитвой обратясь,
Скажу, глубоким чувством окрылённый:
Бескрайне я люблю мой край Донбасс,
Как любит его каждый, здесь рождённый.

Валерий Герланец

Учащимся предлагается понаблюдать за языковыми явлениями в тексте во время лабораторной работы по русскому языку, провести лексический/синтаксический эксперимент (например, замена слова синонимом или замена одной синтаксической конструкции на другую), пунктуационный

анализ текста, составить и презентовать орфографическую карту стихотворения/пунктуационный путеводитель, «свернуть» текст до «словесной пирамиды» (составить синквейн), составить аннотированный словарь региолектов, выписать 5–6 ключевых слов и сконструировать «киноленту видений», определить идею текста и аргументировать свою т.з., на основе текста составить устное высказывание, озаглавив его, составить лексический/морфологический портрет слова и т. д.

Система работы с текстами современных авторов представлена в сборнике «Е-навигатор: учебно-методическое обеспечение преподавания современной литературы в школе» [Е-навигатор 2018]. В качестве текстов для анализа на уроках русского языка могут быть использованы, например, произведения участников открытого конкурса поэтического творчества «Донецкий край, в стихах воспетый» [Донецкий край 2017].

Приведённые нами факты могут служить доказательством регионально обусловленной специфики русской речи в донецком регионе и позволяют говорить о существовании донецкого региолекта как одной из форм языкового бытия. При описании донецкого региолекта следует принимать во внимание и качественные характеристики региолекта, и свойственные для региона сферы деятельности, определяющие разветвлённость тех или иных терминологических систем, и т. п.

МАТЕРИАЛЫ К СЛОВАРЮ ДОНЕЦКОЙ РЕЧИ

Предлагаемые вашему вниманию «Материалы» ещё очень сложно назвать словарём – это только первый опыт лексикографической систематизации слов, употребляющихся в донецкой речи. Мы внесли в словник слова из разных идиомов донецкого региолекта. Здесь есть явные регионализмы, то есть слова, имеющие территориальные ограничения в употреблении, независимо от того, в каком количестве регионов они употребляются, в одном-пяти, как, например, *балдичка*, *жаковать*, или более чем пяти, как, например, *тремпель*, *глудочка* и под. Мы включили в словник также некоторые востребованные у нас просторечные лексемы из общенародного фонда, например *бестолковка, болтунья* и под. Есть здесь и термины *террикон, копёр*, которые входят в литературный словарь, но из-за своей узкой территориальной специализации, связанности с шахтным делом мало известны вне Донбасса и других горняцких земель. Следует сказать, что здесь явно представлены далеко не все донецкие речения. Работы ещё ведутся, и мы надеемся в скором времени представить полный словарь донецкой речи, в который помимо нарицательных имён войдут донецкие онимы. Мы также работаем над словарём шахтёрского сленга.

Источниками, на основе которых мы собирали эти «Материалы», были:

1) тексты, собранные во время полевых работ группы по изучению донецкой речи, а также анкеты информантов;

2) материалы созданной нами группы «Словарь донецкого говора» в социальной сети «Фейсбук» (https://www.facebook.com/groups/587256148065323/);

3) брошюра Г.И. Рихтера «Нормы литературной речи, по преимуществу разговорной» [Рихтер 1958];

4) материалы форума «Городские диалекты» (http://forum.lingvolive.com/cat/l26/);

5) материалы электронных и печатных СМИ и форумов.

Мы благодарны нашим добровольным помощникам, участвовавшим в сборе материала, особенно нашему главному помощнику – Наталье Кулик.

Условные обозначения

Безличн. – безличный глагол.

Ж – женский род.

КС – категория состояния

М. – мужской род.

Мест. – местоимение.
Мн. – употребляющееся только во множественном числе.
Нар. – наречие.
Несов. – несовершенный вид
Нов. – новое, появившееся во время войны в Донбассе.
Общ. – общий род.
Перен. – переносное.
Предл. – предлог.
Проф. – профессиональное.
С. – средний род.
Собир. – собирательное.
Сов. – совершенный вид.
Уменьш. – уменьшительное.
Устар. – устаревшее или устаревающее
Част. – частица.
Шахт. – из шахтёрского профессионального сленга.

А́мпулка, *-и,* ж. Сменный стержень для шариковой ручки.

Антресо́ля, *-и,* ж. Антресоль: настил, полка под потолком либо верхняя часть шкафа для хранения вещей.

А́рбуз, -а, м. Арбу́з.

Аполо́нник, *ополо́вник, поло́нник*, *-а,* м. Половник.

Ба́бский, *-ая*, *-ое*. То же, что и бабий: характерный для бабы, женщины, предназначенный для бабы, женщины.

Бадья́, *-и*, ж. Ведро.

База́рное ма́сло. Подсолнечное масло домашнего производства, продающееся на рынке.

Бази̇̀кать, несов. Рассказывать небылицы. *Шо ты базикаешь*?

Бакла́жка, *-и*, ж. Пластиковая бутылка.

Балахма́нный, *-ая*, *-ое*. *Устар*. Непутёвый, ненормальный (обычно о женщине).

Балда́, -ы́, ж. *Шахт*. Полупудовая (8 кг) кувалда.

Балди́чка, -и, ж. *Шахт*. Кувалда весом в четверть пуда (4 кг).

Ба́хи, *-ов*, мн. *Нов*. Отдалённые звуки артиллерийского или миномётного обстрела.

Ба́хкать, несов. 1. Бить, биться обо что-то. 2. безличн. *Бахкает*. *Нов*. Стрелять в отдалении.

Без балды. По правде сказать, не шутя.

Бе́лые се́мечки. Тыквенные семечки.

Беспоко́йствие, -я, с. Беспокойство.

Бестолко́вка, -и, общ. Недотёпа.

Бе́хкать, несов. Сильно ударять по чему-либо.

Бито́н, *-а*, м. Бидон.

Би́ть ба́йдыки. Лениться. То же, что бить баклуши.

Бичмала́, *-ы́,* ж. 1. *Шахт*. Полужидкая горная масса. 2. Всякая грязная вязкая жидкость (из *мачмала*).

Блука́ть, несов. Блуждать.

Бо, союз. Потому что.

Бодя́га, *-и*, ж. 1. Жидкая смесь: нечто неудобоваримое и гадкое. 2. *Перен*. Чушь, обман. 3. *Перен*. Утомительное, скучное дело.

Бодя́жить, несов. Разводить что-л. водой.

Боковýшка, -и, м. Боковая спинка у кровати.

Бокопо́р, -а, м. Тот, кто *бокопорит*.

Бокопо́рить, несов. Портить, некачественно выполнять какую-л. работу.

Бо́лер, *-а*, м. Бойлер.

Болта́ть, несов. Размешивать, взбивать.

Болтýнья, *-и*, ж. Яичница из взбитых с молоком яиц; омлет.

Болтýшка, *-и*, ж. То же, что *болтунья.*

Боля́чка, *-и*, ж. 1. Ранка, язва. 2. Болезнь.

Бордю́ра, *-ы*, ж. Бордюр.

Бормотýха, *-и*, ж. Дешёвое вино.

Бо́сый, *-ая*, *-ое*. Босой, не обутый.

Брасма́тик, *-а*, м. 1. Тюбик туши для ресниц. 2. Сама тушь.

Бреха́ть, несов. Лгать.

Брехли́вый, -ая, -ое. 1. Лживый. 2. Разговорчивый.

Брехло́, -а, общ. Лжец.

Брехýн, -а, м. То же, что *брехло*.

Брехýнчик, -а, м. 1. Маленькая рюмка. 2. Стограммовая бутылка водки.

Брусо́к, *-ка*, м. Оселок, точильный камень в виде бруска.

Бры́ться, несов. Бриться.

Бры́тый, *-ая*, *-ое*. Бритый.

Бýбки, *-бок,* мн. Очищенные семечки, ядра подсолнечника.

Бубочки, *-чек*, мн. Уменьш. к *бубки*.

Булды́жка, булды́шка, -и, ж. 1. Голень (свиная, куриная, говяжья). 2. Мосол.

Бýрса, -ы, ж. Профессионально-техническое училище.

Бурсите́т, -а, м. То же, что и *бурса*.

Буря́к, *-а*, м. Свёкла.

Бýтор, -а, м. *Устар*. Нечто отвратительное, несъедобное, иногда вообще что-то плохое.

Бýтыль, *-я*, м. Большая банка.

Бутылёк, -лька́, м. 1. Маленькая банка. 2. *Шахт*. Как правило, шахтёрские посиделки с крепкими алкогольными напитками.

Буха́нка, *-и*, ж. Хлеб круглой формы.

Бухнýть, сов. Выпить (о спиртном).

Бýхнуться, сов. Упасть.

Бухы́кать, несов. Кашлять.

Буца́ть, несов. Пинать.

Буцма́тый, -ая, -ое. Устар. Крепыш, крепко сбитый, жилистый, подтянутый.

Бы́льца, *-ец* (*-цев*), мн. То же, что и *боковушки,* перила, перильца.

Бы́чка, -и, общ. Агрессивный человек.

Бэцик, *-а*, м. *Устар*. 1. Мелкое назойливое насекомое. 2. Прыщик.

В какýю цéну? Сколько стоит?

В тя́гу (*не в тя́гу*), *нар*. Нравится (не нравится), сложно (не сложно), хочу (не хочу) это делать.

Вáвка, *-и*, ж. Ранка.

Вагá, -и, ж. Вес.

Вáжить, несов. Взвешивать.

Вáркий, -ая, -ое. Хорошо разваривающийся.

Ввáливать, несов. Бить, наказывать.

Ввинти́ть (*кран*), сов. Закрыть кран.

Весá, *-óв*, мн. Весы.

Ветрови́к, *-á*, м. Форточка в автобусе, троллейбусе, трамвае.

Ветродýй, -я, м. Обогреватель с вентилятором.

Ветругáн, *ветрюгáн,* -á, м. Сильный ветер.

Взболтáть, сов. Взбить венчиком, вилкой и т.д.

Ви́дно, КС. Светло. *На дворе видно*.

Включи́ть, сов. 1. В обороте: *Включить воду*. 2. В обороте: *включить выключатель*.

Вкрути́ть (*кран*), сов. То же, что *ввинтить*.

Вовнýтрь, нар. Внутрь.

Водолáзка, *-и*, ж. Тонкий обтягивающий свитер.

Войти́, сов. Вселиться. *Войти в новую квартиру*.

Вотрýсь, нар. Плотно.

Вóшкаться, несов. Медлить, долго собираться, возиться.

Впоймáть, сов. Поймать.

Вставáть, несов. Выходить из общественного транспорта на своей остановке.

Встать, сов. Остановиться, перестать действовать. *Машина встала*.

Вступи́ться (*в разговор*), сов. Вступить (в разговор).

Втихаря́, нар. Тайно, втихомолку.

Выбива́лка, -и, ж. Предмет домашнего обихода, предназначенный для выбивания пыли из ковров.

Выбражу́ля, воображу́ля, -и, общ. Воображала, зазнайка.

Выгинать, несов. Выгибать.

Выгудзёливать, несов. *Устар*. Делать что-то тщательно. *Выгудзёливать рубашку* (выглаживать).

Вы́дохнуть, сов. Поумирать.

Вы́дубеть, сов. Вырасти крепким.

Вы́здохнуть, сов. То же, что *выдохнуть*.

Выла́зить, несов. 1. Вылезать. 2. То же, что *вставать*.

Вы́лазка, -и, ж. Пикник.

Вы́мануть, сов. Выманить.

Вы́нять, сов. Вынуть.

Выру́бливать, несов. Вырубать.

Высоко́сный (*год*). Високосный.

Вихола́живаться, несов. 1. Остывать (о помещении). 2. Остужаться (о еде).

Вью́щие (волосы). Вьющиеся (волосы).

Га́вкать, несов. Лаять.

Гайгу́й, -я, м. Вечеринка.

Гаплы́к, -а, м. Конец, провал.

Га́пнуться, сов. Упасть.

Гарбу́з, -а, м. Тыква.

Гармо́шка, -и, ж. Автобус или троллейбус – сцепка, два салона которого разделены резиновым проходом.

Гармы́дер, -а, м. Беспорядок.

Где, де, мест. Куда. *Где ты идёшь*?

Гендэ́лык, -а, м. Пивная, забегаловка.

Гла̀дилка, -и, ж. Гладильная доска.

Глей, -я, м. Загустевший сок, который выступает на коре фруктовых деревьев.

Глейкова́тый, -ая, -ое. Непропечённый, вязкий.

Гли́вки́й, глы́вки́й, глывко́й, -ая, -ое. То же, что *глейковатый*.

Глуда́, -ы́, ж. 1. *Шахт*. Большой пласт угля. 2. Большая куча чего-либо.

Глу́дка, -и, ж. Уст. Ком чего-л. *Уголь глудками*.

Глу́дочка, -и, ж. Уст. Уменьш. к *глудка*. *Каша с глудочками*.

Гля (*ля*), межд. Междометие со значением удивления, обиды.

Говору́ха, -и, общ. Болтун, разговорчивый человек.

Говору́шка, -и, общ. То же, что *говоруха*.

Головня́к, -а, м. Неприятные заботы.

Гололёд, -а, м. Корка льда на дороге, гололедица.

Гололёдица, -ы, ж. Гололедица.

Го́лый, -ая, -ое. Без верхней одежды. *Куда ты голый? Холодно на дворе*.

Горе́лка, -и, ж. Конфорка.

Горобе́ц, -бца, м. Воробей.

Горо́бчик, -а, м. Уменьш. к *горобец*.

Го́род, -а, м. Центральная часть города. *Мы с квартала в город поехали*.

Гото́вка, -и, ж. Процесс приготовления пищи.

Го́цалки, -ок, мн. Танцы, дискотека.

Го́цать, несов. 1. Танцевать. 2. Прыгать.

Гру́дка, -и, ж. То же, что *глудка*.

Гру́дочка, -и, ж. То же, что *глудочка*.

Гудёж, -а́, м. Веселье, пьянка, вечеринка.

Гуде́ть, несов. Кутить, веселиться, пьянствовать.

Гужба́н, -а, м. То же, что *гудеж*.

Гужба́нить, несов. То же, что *гудеть*.

Гужева́ться, несов. 1. То же, что *гудеть*. 2. Собираться группой.

Гу́лька, *-и*, ж. Уменьш. к *гуля*.

Гу́льки, *-лек*, мн. Гуляния, прогулки. *Девчата ушли на гульки.*

Гу́ля, -и, ж. Волосы, собранные в пучок.

Гуля́ть, несов. 1. Играть во что-л. *Пойди погуляй в футбол*. 2. Встречаться (об отношениях между молодыми людьми). *Он с ней гуляет*.

Гуля́ться, несов. Гулять, играть, отдыхать. *Пойди погуляйся на улице*.

Гу́пать, несов. Стучать, издавая громкий звук.

Гуса́к, *-а́*, м. 1. Гусь. 2. *Шахт*., *уст*., *перен*. Угощение, выставляемое виновником торжества для совместного празднования. *Выставить гусака*.

Гу́ска, *-и*, ж. Гусыня.

Гу́сто, нар., КС. Много.

Гэ́пнуться, сов. То же, что *гапнуться*.

Две́ри, -ей, мн. Дверь.

*Дитё (*тв. п. *дитём)*, с. Ребёнок.

Ди́чка, -и, ж. 1. Не привитое фруктовое дерево. 2. Плод не привитого фруктового дерева.

До, предл. В значении «к». *Поехали до кумы*.

До́быча, *-и*, ж. *Шахт.* Извлечение из земли угля.

До́сточка, *-и*, ж. Дощечка.

Дось́да (*доцюда*), мест. Сюда.

Доту́да, мест. Туда.

Дражни́ть, несов. Дразнить.

Друшля́к,*-а́*, м. Дуршлаг.

Ду́вчик, *-а*, м. Маленький *ветродуй*, вентилятор.

Ду́тыш, -а, м. Куртка.

Ды́бать, несов. 1. Искать. 2. Набирать.

Дырча́ть, несов. Издавать громкие неприятные звуки.

Ды́рчик, -а, м. Мопед, мотоцикл.

Жадо́, нескл., м. Железнодорожный вокзал.

Жак, -а, м. *Шахт*. Ручное подъёмное устройство.

Жакова́ть, несов. 1. *Шахт*. Поднимать при помощи *жака*. 2. Поднимать при помощи каких-либо подъёмных устройств.

Жарёха, *-и*, ж. Жареная картошка.

Жари́ще, *-а*, с. Жарища.

Жерде́ли, -дель мн. Мелкие абрикосы.

Жерде́ля, -и, ж. 1. Абрикосовое дерево с мелкими плодами. 2. Абрикос.

Жёрди́, *-ей*, мн. То же, что и *жерделы*.

Жи́литься, несов. Напрягаться.

Жи́ха́рка, *-и.*, общ. *Уст*. Худой человек.

Жме́ня, *-и*, ж. 1 Пригоршня. 2. Количество чего-либо, вмещающееся в ладонь.

Жу́жалка, жу́желка, *-и*, ж. Печной шлак.

За, предл. 1. О (об, обо). *Говорить за новые ботинки*. 2. Во времена. *Это было за царя*. 3. По. *Скучать за сестрой*.

Заместо. Вместо.

Заби́ться, сов. Удариться, разбиться.

Забульбе́нить[1], сов. Сделать что-л. быстро. *Мы забульбеним новый проект*.

Забульбе́нить[2], сов. Далеко забросить. *Он забульбенил мяч подальше*.

Забульбе́нить[3], сов. Выпить спиртного.

Забури́ться[1], сов. *Шахт*. Углубиться в породу, сверля её буром; начать бурение.

Забури́ться[2], сов. Замешкаться с работой.

Забури́ться[3], сов. 1. Заглянуть к кому-либо, зайти куда-либо на какое-то время. 2. Попасть куда-нибудь не туда, забраться в труднодоступное место. 3. *Перен*. Погрузиться в веселье.

Зава́рник, -а, м. Заварочный чайник.

Заверну́ть, сов. Вернуть, повернуть. *Нас завернули с полдороги*.

Завинти́ть (*кран*), сов. Закрыть кран.

Загина́ть, несов. Загибать.

Заголи́ть, сов. Оголить

Задарма́, нар. 1. Бесплатно. 2. Напрасно.

Заде́лать, сов. Сделать, изготовить что-л.

Заде́латься, сов. 1. Стать кем-то. *Он заделался мастером участка*. 2. Прикинуться, притвориться. *Он заделался героем*.

Задубе́ть, сов.1. Стать твёрдым. 2. Замёрзнуть.

Зае́сться, сов. 1. Неаккуратно поесть, оставив следы еды на лице. 2. Привыкнуть к хорошему, к сытой жизни.

Зажи́га, -и, ж. 1. Зажигалка. 2. *Перен*. Быстро возбуждающийся, экспрессивный человек.

Закати́ть (*рукава*), сов. Закатать.

Зака́тка, -и, ж. 1. Процесс консервации фруктов и овощей. 2. Стеклянная банка с консервированными овощами или фруктами.

Заклопо́танный, -ая, -ое. Озабоченный, обеспокоенный, находящийся в бесконечных хлопотах.

Закру́тка, -и, ж. То же, что *закатка*.

Закрыва́чка, -и, ж. 1. То же, что *закатка*. 2. Закаточный ключ.

Закупо́риться, сов. Не по погоде тепло одеться.

Закупо́рка, -и, ж. То же, что *закатка*.

Зая́паться, сов. Выпачкаться.

Заману́ть, сов. Заманить.

Замаха́ться, сов. Сильно устать что-л. делать, утомиться.

За́молодь, -и, ж. Что-то приятное, вкусное, доставляющее удовольствие.

Запи́хиваться, несов. Быстро с жадностью есть.

Запле́снеть, сов. Заплесневеть.

Запра́вить, сов. Пополнить счёт мобильного телефона.

Запрова́дить, сов. Учредить, сделать что-то.

Запровто́рить, сов. Засунуть что-то куда-то, спрятать.

Запхну́ть, сов. Засунуть.

Зарамси́ть, сов. *Уст*. Ухудшиться, испортиться.

Заряди́ть, сов. То же, что *заправить*.

Засо́лка, -и, ж. 1. Процесс соления. 2. Продукт соления.

За́стить, несов. Заслонять, загораживать.

За́тишный, -ая, -ое. Тихий, укромный.

Затяну́ть, сов. 1. О стоимости товара, цена которого зависит от веса или количества. *Сколько картошка затянула?* 2. О стоимости любого товара. *Сколько твои джинсы затянули?*

Зауро́сить, сов. *Уст*. Зареветь, запричитать.

Зде́ся, нар., мест. Здесь.

Зёма, -ы, общ. Земляк.

Зме́йка[1], *-и*, ж. Застёжка-молния.

Зме́йка[2], *-и*, ж. Длинный многоподъездный дом.

Игра́ться, несов. Гулять где-л., играть. *Наши дети играются во дворе*.

Инду́с, -а, м. Перевозчик, обычно на личном транспорте.

И́скренный, -ая, -ое. Искренний.

Исупа́ться (*в душе, в ванне*), сов. Помыться.

И́хний, -яя, -ее. Их.

Каба́нчиком, нар. Быстро.

Кабысдо́х, -а, м. Худая, запаршивевшая собака или кошка.

Кабы́чка, -и, ж. *Устар*. Печка под открытым небом.

Каву́н, -а́, м. Арбуз.

Кавуни́ха, -и., ж. Арбуз, определяемый покупателями как «*кавун*-девочка», немного сплющенный и широкий в нижней части, с большим пятнышком напротив хвостика, очень сладкий.

Кавуни́ца, -ы, кавуны́ця, ж. То же, что *кавуниха*.

Кавуны́чка, -и, ж. То же, что *кавуниха*.

Кайба́ш, -а́, м. 1. *Шахт*. Подсобка, сарай на шахте. 2. Сарай.

Камфо́рка, -и, ж. Конфорка, *горелка*.

Кандуба́с, -а, м. *Шахт*. Деревянный брус небольшого размера от 40 до 70 см

Кандю́брик, -а, м. *Шахт*. То же, что *кандубас,* небольшой брусок.

Каптёрка, -и, ж. 1. *Шахт*. Место отдыха рабочих на производстве, место для переодевания. 2. Маленькая, тесная подсобная комнатушка.

Карапе́т, -а, м. Малыш, человек маленького роста.

Кардо́н, -а, м. Картон.

Карусе́ля, -и, ж. Карусель.

Кацаве́йка, кацове́йка, -и, ж. Короткая тёплая куртка.

Кача́ть (уголь), несов. *Шахт.* Добывать (уголь).

Каче́ля, -и, ж. Качели.

Качума́ть, кочума́ть, несов. *Устар*. 1. Отдыхать. 2. Помалкивать.

Ква́ртал, -а, м. Часть города, ограниченная несколькими пересекающимися улицами, кварта́л.

Ква́сить, несов. Много пить, пьянствовать.

Кви́лить, несов. *Устар.* Обычно о ребёнке: Дразнить, доводить до слёз.

Кви́литься, несов. *Устар*. О ребёнке: плакать, капризничать.

Керпа́тый, -ая, -ое. Курносый.

Кинде́йка, -и, ж. Маленькая комната, тесное помещение.

Кио́ск, -а, м. Ларёк.

Кирпи́чик, -а, м. Хлеб прямоугольной формы.

Кисля́к, -а, м. Скисшее молоко, простокваша.

Кицу́рик, -а, м. *Шахт*. Шпальный брус.

Кла́ва, -ы, ж. 1. Социальный автобус. 2. Троллейбус.

Клеть, -и, ж. 1. *Шахт*. Подъёмное устройство для транспортирования шахтных вагонеток и людей. 2. Кладовая.

Ко́вшик, -а, м. Небольшая миска с длинной ручкой.

Колиро́вка, -и, ж. Сортовой абрикос в отличие от не привитого, дички.

Колоти́ть, несов. Размешивать.

Колоти́ться, несов. 1. Волноваться, нервничать, суетиться. 2. Пребывать в постоянных хлопотах и заботах. *Она без мужа колотится с тремя детьми.*

Колупа́ть, несов. Ковырять. *Весь вечер колупали косточки из вишни.*

Колупа́ться, несов. Ковыряться, возиться. *Чего так долго колупаешься с этими уроками?*

Кондзю́бнуть, несов. Мёрзнуть. *Хватит уже кондзюбнуть на балконе*.

Кондю́брик, -а, м. То же, что *кицерик*.

Коного́нка, -и, ж. 1. *Шахт*. Шахтёрский фонарик, надеваемый на каску. 2. Фонарик, надеваемый на голову. 3. Фонарик.

Кончелы́га, -и, м. Запущенный, неприятный человек.

Конь, -я, м. *Шахт*. Минимальная норма. *Нарубить коня* – выполнить норму.

Копёр, -пра, м. 1. *Шахт.* Сооружение над шахтой с подъёмником клети. 2. *Перен.* Всё, что возвышается. *Что за копёр ты соорудила на голове?*

Копы́тные, -ых, мн. 1. *Шахт*. Часть оплаты труда шахтёра: компенсация за проход от *клети* к месту работы. 2. Сдача, оставляемая как вознаграждение тому, кто сходил за покупкой.

Кортаны́, -о́в, мн. Корточки.

Корты́, -о́в, мн. То же, что *кортаны*.

Коря́бать, несов. Царапать.

Коря́бки, -ок, мн. Когти, царапки.

Коря́буха, -и, ж. Горбушка хлеба (от *кора, корка*).

Край, част., нар. Очень. *Мне край нужно уехать*.

Кромса́ть, несов. Разламывать, разрезать на мелкие или неаккуратные куски. *Что ты кромсаешь*?

Крот, -а́, м. 1. Шахтёр. 2. Болельщик футбольного клуба «Шахтёр». 3. Игрок этого клуба.

Круго́м, нар. Вокруг. *Никого не было кругом*.

Куёвдиться, куёлдиться, несов. Возиться, беспокойно вести себя

Ку̀кситься, несов. О детях: ворочаться.

Кулёк, -лька, м. Полиэтиленовый пакет.

Кулёма, -ы, общ. 1. Небрежно одетый. 2. Недотёпа.

Кулёчек, -чка, м. Уменьш. к *кулёк*.

Ку́ля, -и, ж. То же, что *гуля*.

Кума́р, -а, м. Плотный дым.

Кума́рить, несов. Раздражать, надоедать.

Кумарно́й, -ая, -ое. Весёлый, заводной.

Купа́ться (*в душе, в ванне*), несов. Мыться.

Купо́рка, -и, ж. То же, что *закупорка*.

Куржа́к, -а, м. Тонкая ледяная корка на снегу, наст.

Куселя́ть, несов. *Уст*. Медленно жевать. *Что ты кутеляешь так долго*?

Кутёнок, -нка, кутятёнок, -нка, ку́тька, -и. Щенок.

Кухова́рить, несов. Готовить пищу.

Ку́чери, -ей, мн. Пышные и/или вычурно уложенные кудри.

Кучкова́ться, несов. Собираться в группу, толпиться.

Кыхы́кать, несов. То же, что *бухыкать*.

Лавру́шка, -и. Лавровый лист.

Ла́дки, ла́тки, -ок, мн. Салки (детская игра).

Ла́йба, -ы, ж. 1. Велосипед, мопед, мотоцикл. 2. Личный автомобиль.

Лист, -а, м. Противень.

Ло́дарька, ло́дырька, - и, ж. Лентяйка.

Лото́к, -тка, м. Контейнер для еды, для яиц.

Лохово́з, -а, м. Автобус, троллейбус.

Лузга́, -и. ж. 1. Шелуха семечек подсолнечника. *2.* общ., перен. Никчёмный человек. 2. собир., перен. Никчёмные люди. *Живёт же на свете такая лузга.*

Лу́зга́ть, несов. Грызть, щёлкать (о семечках).

Лу́снуться, сов. Удариться.

Лу́тка (*лу́дка*), *-и,* ж. Дверной косяк.

Лушпа́йка, -и, ж. 1. То же, что *лузга*. 2. Кожура, снятая с овощей. *Собаке наварила костей с картофельными лушпайками.*

Лы́ба, -ы, ж. Улыбка.

Лы́марь, -я, м. Неграмотный, необразованный человек

Лы́ндать, несов. Ходить без дела, шляться, шастать.

Ма́ечка, -и, ж. Полиэтиленовый пакет с ручками.

Майда́ун, -а, м. *Нов*. Сторонник майдана.

Ма́йка, -и, ж. То же, что *маечка*.

Мала́я, -о́й, ж. 1. Младшая дочь или сестра. 2. Маленькая девочка. 3. Ласковое обозначение жены или любимой девушки.

Мало́й, -о́го, м. 1. Младший сын или брат. 2. Маленький мальчик.

Ма́рка, -и, ж. Номер маршрута городского транспорта (автобуса, троллейбуса и т.д.). *Это какая марка отошла? На второй марке туда удобнее добираться.*

Ма́стерка, -и, ж. Лёгкая спортивная куртка.

Ма́стить, несов. Мазать маслом, добавлять масло.

Матю́к, -а, м. Мат, матерное слово или выражение.

Матюка́ться, несов. Материться, ругаться матом.

Махандра́, межд. Айда. *Махандра на улицу*.

Мачмала́, -ы́, ж. 1. *Шахт*. Полужидкая горная масса, то же, что *бичмала*. 2. Всякая непонятная жидкость, тягучая смесь. *Это не кисель, а какая-то мачмала.* 3. *Перен*. Что-л. малоценное, малозначительное, плохое, негодное.

Маячня́, -и́, ж. 1. Пустая болтовня, бред. 2. Беготня, суета, хлопоты.

Мелкотня́[1], *-и́*, ж. Маленькие дети.

Мелкотня́[2], *-и́*, ж. Мелкие фрукты.

Мелкотня́[3], *-и́*, ж. Мелкая рыба.

Ме́лочь, -и, ж. То же, что *мелкотня*.

Метуши́ться, несов. Суетиться.

Метушня́, -и, ж. Суета, метание из стороны в сторону, беготня.

Меха́рь, -я, м. Большая сумка.

Миви́на, -*ы*, ж. Любая вермишель быстрого приготовления.

Ми́нусы, -ов, мн. *Нов.* Обстрел с нашей стороны.

Модня́вый, -*ая, -ое*. Модный.

Модня́чий, -*ая, -ее*. То же, что и *моднявый*.

Мордобо́йка, -и, ж. Драка.

Мо́рква, -ы, ж. Морковь.

Моро́зиться, несов. Отмалчиваться, утаивать, скрываться, ломаться.

Морокова́ть, меркова́ть, несов. Думать, размышлять, соображать.

Мо́стить, несов. Размещать, пристраивать.

Мо́ститься, несов. Размещаться, устраиваться.

Мо́тик, мо́цык, -*а,* м. Мотоцикл, мопед.

Моча́лка, -*и*, ж. Губка.

Мочь, несов. Уметь. *Я могу читать*.

Мря́ка, -*и*, ж. 1. Мгла, туман. 2. Мелкий густой дождь.

Мудо́хаться, несов. Возиться с чем-либо.

Музды́каться, несов. То же, что *мудохаться*.

Муля́ка, -*и*, ж. Мутная, грязная вода, ил.

Му́сорка, -*и*, ж. Мусорное ведро или контейнер.

Мы́нтусы, -*ов,* мн. Вкусности не на каждый день.

Мы́ска, -*и*, ж. Тазик.

На пото́м, нар. На более позднее время. *Оставить на потом.*

Набодя́жить, сов. Развести водой.

Набульбе́ниться, сов. Напиться.

Навести́, сов. Заварить чай, растворимый кофе.

На́волка, -*и*, ж. Наволочка.

Нагина́ть, несов. Нагибать.

Нагина́ться, несов. Нагибаться.

Надухопе́риться, сов. Чрезмерно надушиться, опрыснуть себя духами или чем-либо душистым.

Нады́бать, сов. Найти, отыскать.

Нажма́ть, сов. Нажать.

Наки́дывать[1], несов. Добавлять цену.

Наки́дывать[2], несов. Привирать.

Наколоти́ть, сов. Размешать что-л. *Наколотить кофе*.

Накуту́зиться, сов. Напиться или насытиться.

Намо́рдник, -а, м. Респиратор.

Напну́ться, сов. Наткнуться.

Напосто́й, нар. Постоянно.

Напрямки́, нар. Прямо.

Напуга́ться, сов. Испугаться.

Напу́гаться, сов. Тепло одеться. *Ну ты и напу́гался*!

Наруби́ть, сов. 1. Шахт. *Нарубить угля*. 2. Нарезать продукты. *Наруби колбасу*.

Наста́читься, сов. Напастись. *На неё денег не настачишься*.

Насы́пать (*борща, супа*), сов. Налить.

Насы́пка, -и, ж. То, чем посыпают блюда: ванильный сахар и т.п.

Наха́ловка, -и, ж. Самострой.

На́цик, -а, м. *Нов*. Украинский националист.

Нашо́, мест. Зачем.

Недотёпанный, -ая, -ое. Неудачливый, глупый.

Не, част. Нет.

Нема́, част. Нет, не имеется, отсутствует.

Нигада́ себе́. Ничего себе.

Нишо, мест. Ничего.

Ништяки́, -о́в, мн. 1. Что-то приятное. 2. Вкусные блюда.

Ны́шпорить, несов. Суетясь, выискивать что-л., шарить, ковыряться в чём-л.

Ны́шпорка, -и, общ. Проныра.

Оба́пол, -а, м. Любая доска, пропиленная с двух сторон.

Обве́триться, сов. Высохнуть (о еде, обычно – о хлебе).

Обгиба́ть, несов. Огибать.

Обдури́ть, сов. Обмануть.

Обезба́ливать, несов. Обезболивать.

Обкорна́ть, сов. Коротко постричь.

Обля́паться, сов. То же, что *заляпаться*.

Обозва́ться, сов. Откликнуться.

Обра́тка, -и, ж. *Нов*. 1. Ответный выстрел артиллерии. 2. Поездка с Украины в Донецк (в речи перевозчиков).

Обува́чка, -и, ж. Обувь.

Огороди́ть, сов. Вскопать землю вокруг чего-л. *Иди и огороди вишню*.

Ожида́лка, -и, ж. Комната, зал ожидания.

Оско́ма, -ы, ж. Оскомина.

Осла́бнуть, сов. Ослабеть.

Отды́шка, -и, ж. Одышка.

Отки́нуть, сов. Отложить (обычно – товар).

Открыва́чка, -и, ж. Приспособление для открывания чего-л., консервный нож; то же, что открывалка.

Отлы́гать, сов. 1. Прийти в себя. 2. Выздороветь.

Ото́т, ота́, ото́, ото́тот, ота́от, ото́от, мест. Тот, та, то.

Отре́пье, -я, с. 1. Отбросы, ветхие вещи. 2. Отребье. Морально разложившиеся люди.

Отстро́чить, сов. Отсрочить.

Отчекма́рить, сов. Отрезать. *Я себе чуть палец не отчекмарил*.

Отэ́тот, отэ́та, отэ́то, отэ̀тото́т, отэ̀таа́т, отэ̀тоо́т, мест. Этот, эта, это.

Отэ́тываться, несов. Отнекиваться.

Охову́чить, сов. 1. Ударить. 2. Выпить залпом (обычно стакан водки).

Охоло́нуть, сов. 1. Остыть. 2. Замёрзнуть.

Па́дик, -а, м. Троллейбус.

Па́йта, -ы, ж. Тёплая весенне-осенняя кофта.

Пакова́н, -а, м. 1. Тяжёлый пакет. 2. Упаковка наркотиков.

Па́нькаться, несов. Церемониться.

Па́ра, нар. Несколько. *Дайте мне пару слив.*

Па́сочка, -и, ж. Фигура из песка, по форме напоминающая *паску*-кулич.

Па́ста, -ы, ж. Стержень для ручки.

Па́сха, па́ска, -и, ж. Кулич.

Па́тлы, -ов, мн. Космы.

Па́ца, нескл., *па́цики, -ов,* мн. Ребята, пацаны (в обращениях).

Педа́ли, -ей, мн. Обувь.

Пендю́рка, -и, м. Маленький предмет.

Перегоро́дка, -и, ж. Отгороженная часть лестничной площадки с 2-3 квартирами.

Перели́вчастый, -ая, -ое. Переливчатый.

Перено́ска, -и, ж. Электрический удлинитель.

Переобува́чка, -и, ж. Сменная обувь.

Переобу́вка, -и, ж. То же, что *переобувачка*.

Перестре́ть, сов. Встретить, перехватить кого-л.

Перецепи́ться, сов. Зацепившись за что-л., споткнуться.

Пешка́риусом, пешкарусом, нар. Пешком.

Пе́чка, -и, ж. Плита.

Плысть, несов. Плыть.

Плю́сы, -ов, мн. *Нов*. Обстрел с вражеской стороны.

По нэ́трям, нар. По закоулкам. *Что ты по нэтрям лазишь?*

По нэ́шпоркам, нар. То же, что по нэтрям.

Побиру́шка, -*и*, ж. Большая хозяйственная сумка.

Повы́здыхать, сов. Поумирать.

Пога́ный, -ая, -ое. Плохой.

Погля́дывать, несов. Присматривать. *Я поглядываю за детьми*.

Подгорну́ть, сов. Подсыпать (земли), окучить (растение).

Подказа́ть, сов. Подсказать.

Подки́нуться, сов. 1. Вскочить. 2. Резко собраться что-то делать.

Подкраду́хи, *подкраду́х*, мн. Бесшумные, мягкие туфли, обувь в целом.

Подойти́, сов. Прийти. *Подойдите через пару дней.*

Подорва́ться, сов. То же, что *подкинуться*.

Под расчёт, в значении нар. Без сдачи.

Подрихтова́ть, сов. 1. Выровнять, отремонтировать. 2. *Перен*. Побить (обычно лицо), изуродовать.

Подружа́йка, -*и*, ж. Подруга.

Подсти́лка, -*и*, ж. 1. Ковровая дорожка. 2. Пляжный коврик.

Подъе́сть, сов. Перекусить.

Пожа́мканный, *пожма́канный*, -*ая, -ое*. Помятый.

Пожа́мкать, *пожма́кать*, сов. Помять.

Позастекли́ть, сов. Застеклить.

Пока́мест, нар, союз. Пока.

Поко́цанный, -*ая, -ое*. Потёртый, повреждённый.

Полоды́рый, -*ая, -ое*. Неловкий.

Поло́нник, -*а*, м. То же, что *аполонник, ополовник*.

Полуу́мный, -*ая, -ое*. Полоумный.

Поману́ть, сов. Поманить.

Пома́стить, сов. Помазать маслом, добавить масла.

Понеде́льник, -а, м. *Шахт*. Двухпудовая (32 килограмма) кувалда.

Попа́вший (*первый попавший*), -*ая, -ое*. Попавшийся.

По́раться, несов. Возиться, хлопотать, копошиться, копаться.

Порожня́к, -а, м. 1. *Шахт*. Пустые вагонетки. 2. *Перен.* Пустые разговоры и обещания.

Порэ́паный, -ая, -ое. Истрёпанный, расцарапанный, шершавый.

Поса́дка, -и, ж. Городская искусственная лесополоса.

Поса́харить, сов. Посыпать сахаром, добавить сахар.

По́спа, -ы, ж. Клейстер.

Пости́лка, -и, ж. То же, что *подстилка*.

Постряпу́шки, -ек, мн. То же, что *готовка*.

Поха́вать, сов. Поесть.

Походода́ть, сов. Охладиться, замёрзнуть. *У меня нос похолодал*.

Почта́рька, -и, ж. Почтальон-женщина.

Пошука́ть, сов. Поискать.

По-шу́стрику, нар. Быстро.

Прибаба́ханный, -ая, -ое. Непутёвый, ненормальный, пришибленный.

Прилёты, -ов, мн. *Нов.* То же, что и *плюсы* (о снарядах).

Прима́стить, сов. Пристроить, разместить.

Примо́стить, сов. То же, что *примастить*.

Прису́живать, несов. Присуждать.

Притруси́ть, сов. Посыпать чем-л. *Притруси масло сахаром*.

Притули́ть, сов. Прислонить.

Притули́ться, сов. Прислониться.

Прихо́жка, -и, ж. Прихожая.

Проби́ть (*талончик*), сов. Закомпостировать.

Провтыка́ть, сов. Зазеваться.

Прого́нистый, -ая, -ое. Худой, тощий. *Прогонистый, как щука*.

Про́твень, -я, м. Противень.

Протря́хнуть, сов. О белье: досушить, проветрить.

Проýлок, -а, м. Переулок.

Прохóдчик, -а, м. *Перен*. Бомж.

Прятки, прядки, -ок, мн. Салки.

Пузырéк, -рькá, м. Большая или стандартная бутылка водки.

Пургомёт, -а, м. Врун.

Пуржúть, несов. Нести околёсицу, врать.

Путёвый, -ая, -ое. Путный, такой, какой надо, нормальный. *Он путёвый, зря ты на него наговариваешь*.

Пхать, несов. 1. Совать, засовывать. 2. Толкать.

Пхáться, несов. Толкаться.

Пхнуть, сов и несов. 1. Совать, сунуть, засовывать, засунуть. 2. Толкать, толкнуть. 3. Лезть. *Куда ты пхнёшь*?

Пылить, несов. Пускать пыль в глаза.

Пыриться, несов. Смотреть.

Рáдый, -ая, -ое. Довольный.

Разбúть, сов. Разменять деньги. *Разбей мне тыщу*.

Разбодяжить, сов. Развести водой.

Разбýть, сов. Разуть, снять обувь. *Оля, разбуй Ванечку.*

Разбýться, сов. Разуться, снять обувь. *Разбуйся, здесь вымыто*.

Раздербáнить, сов. Разделить на части, растащить.

Раздéть, сов. Снять. *Раздень куртку*.

Раздушúть, сов. Раздавить.

Разнóс, -а, м. Поднос.

Разорять, несов. Ломать.

Ра̀кушка, -и, ж. 1. Ракýшка. 2. Ларёк в виде ракушки.

Раскатáть (*дорогу*), сов. Сделать скользкой, очистить от снега и льда. *Машины раскатали дорогу*.

Раскидáть, сов. Поделить.

Расколоти́ть (*сахар*), сов. Помешать сахар, растворить сахар.

Распуши́ть, сов. Взбить, распустить волосы.

Рассы́пчастый, *-ая*, *-ое*. Рассыпчатый.

Раставо́ситься, сов. Окончательно проснуться.

Растопы́рка, *-и*, ж. Струбцина, один из видов вспомогательных инструментов, используемый для фиксации каких-либо деталей в момент обработки либо для плотного прижатия их друг к другу.

Растро́щенный, *-ая*, *-ое*. Разбитый, раздробленный.

Расхры́станный, *-ая*, *-ое*. Расстёгнутый, распахнутый, неопрятный, разболтанный.

Расшмато́ванный, *-ая*, *-ое*. Разорванный (на куски), разодранный.

Ре́бя, нескл, мн. Ребята (обычно в обращениях).

Ризе́тка, *резе́тка*, *-и*, ж. Розетка.

Ри́кша, *-и*, м. То же, что *индус*.

Ро́ба, -ы, ж. Спецодежда.

Ро́дич, *-а,* м. Родственник.

Руба́ть, несов. 1. *Шахт.* Рубить (уголь). 2. Быстро есть.

Ругня́, *-и*, ж. Ругань.

Руготня, *-и*, ж. Ругань.

Рыгота́ть, *рэгота́ть*, несов. Громко смеяться.

Ры́ночки, *-ек*. Пластиковые контейнеры, то же, что *лоточки*.

Рэ́панка, *-и*, ж. 1. Народное название картофеля и дыни с шершавой кожурой. 2. Рогатка со старой, истрёпанной (порэпанной) с краёв резиной.

Ря́бый, *-ая*, *-ое*. Рябой.

Сам, числ. Один. *Он сам ходит в садик. Она гуляет сама.*

Сара́й, *-я*, м. Автобус, троллейбус.

Са́хар ку́биками. Рафинад.

Свекру́ха, *-и*, ж. Свекровь.

Свинóта, -ы. 1. Общ. Неаккуратный человек. 2. *Собир*. Неприятные и неаккуратные люди.

Свиня́чий, -ья, -ье. Свинский.

Сды́хаться, сов. Избавиться.

Семари́, -ей́, мн. Семечки.

Се́мки, -óк, мн. То же, что *семари*.

Се́тка, -и, ж. Авоська.

Сёрбать, несов. Шумно есть.

Си́гáть, несов. Прыгать.

Си́ненькие, -их, мн. Баклажаны.

Си́точко, -а, с. Ситечко.

Ска́пка, -и, ж. Заноза.

Сквозня́к, -а, м. Сквозной переулок.

Ски́бка, скибочка, -и, ж. Долька (обычно об арбузе или дыне).

Скли́зкий, -ая, -ое. Скользкий.

Скупа̀ться, несов. Делать покупки. *Они скупаются в этом супермаркете.*

Скупѝться, сов. Сделать покупки. *Вчера удачно скупились.*

Ску́чить, сов. и несов. Скучать, соскучиться.

Ску́читься, сов. Соскучиться.

Сла́зить, несов. 1. Слезать. 2. Выходить из общественного транспорта. *Вы на Мира будете слазить?*

Слы́шать, несов. Чувствовать. *Я одна слышу этот запах?*

Смитьё, -я, с. Мусор, помои.

Со́ваться, несов. Вмешиваться во что-л., назойливо стремиться принять в чём-л. участие.

Со́лка, -и, ж. Соления, консервированные огурцы и помидоры.

Сотсю́да, сотсю́дова, мест. Отсюда.

Сотту́да, сотту́дова, мест. Оттуда.

Спа́льник, *-а*, м. Спальный район.

Спецу́ха, *-и*, ж. Спецовка.

Спи́ки, *спик*, мн. Спички

Спорти́вки, *-ок*, мн. Штаны от спортивного костюма.

Справля́ть, несов. Праздновать.

Стать, сов. То же, что *встать*. *Машина стала*.

Ставо́к, *-вка*, м. Пруд (обычно промышленный).

Стёрка, -и, ж. Резинка, ластик.

Стира́лка, *-и*, ж. Стиральная машина.

Струга́ть, несов. 1. Строгать. 2. Резать что-л. (о еде).

Сту́лка, *-и*, ж. Табурет, стул.

Сты́нуть, несов. Остывать (о еде).

Судочек, *-ка*, м. То же, что и *лоточек*.

Сюдо́ю, нар. Сюда.

Та, межд., част. Знак возражения. *Та! Не надо! Та шо ты говоришь!*

Табу́лька, *-и,* ж. Индивидуальная зарплатная ведомость, расчётный лист.

Табуре́тка, тубаретка, тыбаретка, *-и*, ж. Табурет.

Таво́шить, несов. Будить

Так са́мо, нар. Точно так же.

Тало́н, *тало́нчик,* -а, м. Билет на проезд в городском транспорте

Тара́нка, -и. Любая сушёная рыба.

Телепа́ть, несов. Махать, раскачивать.

Телепа́ться, несов. 1. Раскачиваться. 2. То же, что *телёпать*.

Телёпать, несов. Медленно идти, плестись.

Телёпаться, несов. То же, что *телёпать.*

Темнова́сто, нар., КС. Темновато. *На улице темновасто*.

Тёрка, *-и,* ж. То же, что *стёрка*.

Террико́н, -а, м. 1. Конусообразный отвал пустой породы на поверхности земли при шахте. 2. *Перен.* Нагромождение чего-л. *Что за терриконы из книг на столе?*

Ти́пать, несов., безл. Испытывать раздражение, возмущение. *Его аж типает от злости.*

Ти́хо, нар. Медленно. *Шо вы так тихо идёте*?

Толчёнка, -и, ж. Картофельное пюре, «толчёная картошка».

Тормозо́к, -зка. 1. *Шахт*. Шахтёрский продуктовый набор для перекуса в шахте. 2. Заготовленный заранее продуктовый набор для обеда на работе или учёбе.

Тра́лик, -а, м. Троллейбус.

Тре́мпель, -я, м. Вешалка для одежды, плечики.

Труси́ть, несов. 1. Встряхивая, очистить от пыли. *Вытрусить подстилки*. 2. Трясти. *Трусить яблоню*.

Труси́ться, несов. Трястись, волноваться. *Руки трусятся от страха.*

Туда́тка, и, ж. *Нов*. Поездка на Украину (в речи перевозчиков).

Тули́ть, несов. Прислонять, вставлять.

Тудою, нар. Туда.

Тю, межд. Знак удивления, разочарования, негодования.

Уби́ться, сов. То же, что *забиться*. *Куда ты полез? Убьёшься*.

Удава́ться, несов. Даваться. *Ему хорошо удавалась физика*.

Упря́жка, -и, м. 1. *Шахт*. Группа горнорабочих, работающих на одном объекте в данной смене. 2. Смена.

Упусти́ть, сов. Уронить. *Упустил книжку прямо в грязь*.

Урождённый, -ая, -ое. Врождённый. *У него урождённая глухота*.

Ухайдо́кать, сов. Разрушить.

Флаку́ша, -и, ж. То же, что *баклажка*.

Фру́кта, -ы, ж. *Собир*. Фрукты. *Фрукта у нас разная растёт.*

Хай, част. Пускай, пусть.

Халабу́да, -ы, ж. 1. Детский шалаш из подручных материалов. 2. Ветхое жильё.

Хала̀мбала́м, -а, м. Околесица.

Ха́та, -ы, ж. Квартира (обычно съёмная).

Хло́палка, -и, м. То же, что *выбивалка.*

Хова́ться, несов. Прятаться.

Ходи́ть, несов. Встречаться (об отношениях между молодыми людьми). *Дочка замужем? – Нет, ходит с каким-то хлопцем.*

Холоде́ц, -дца, м. Кушанье, приготовленное из сгустившегося от охлаждения мясного или рыбного отвара с добавлением мелких кусочков мяса или рыбы; студень.

Холо́дное, -ого, с. То же, что *холодец*.

Холодры́га, -и, ж. Сильный холод.

Холо́дчик, -а, м. Уменьш. от *холодец*.

Хомыри́, -ей, мн. Задворки, окольные пути.

Хря́пать, несов. Жадно есть.

Хря́цать, несов. То же, что и *хряпать*.

Худа́ть, несов. Худеть.

Цебеня́чить, несов., безличн. Лить (о дожде), стучать по крыше.

Цѐпочка, -и, ж. Цепо́чка.

Ципо́к, -пка́, м. Палка для ходьбы, трость.

Ча́морошный, -ая, -ое. Захудалый, замученный, безжизненный, невзрачный, зачуханный. *Помидоры в тени посадила, они и стоят чаморошные.*

Чего́, мест. Почему. *Чего ты бесисся*?

Чекуне́ц, -нца, м. Чекушка.

Че́рез, предл. Из-за. *Опоздали через пробку*.

Чи, союз. Или.

Чи не чи. В значении «можно подумать».

Чигири́, -е́й, мн. То же, что *хомыри*.

Чумы́чка, чуми́чка, -и, ж. Ковшик.

Чу́нька, -и, ж. Свинья.

Чу́шка[1], *-и*, ж. То же, что *чу́нька.*

Чу́шка[2], *-и*, ж. *Проф*. Небольшой слиток металла. В обиходе: любой кусок металла. *Подай вон ту медную чушку.*

Шаву́ха, *-и*, ж. Шаурма.

Шалба́н, шалаба́н[1], *щелба́н*, *-а*, м. Щелчок по лбу указательным пальцем (на шалабаны спорили и играли).

Шалаба́н[2], *-а*, м. Рюмка водки.

Шалапе́ндра, *-ы*, ж. Непутёвая девица.

Шахтёрки, *-ок*, мн. Шахтёрские ботинки.

Шво́рка, *-и*, ж. Верёвка.

Шерсть, *-и*, ж. Щенок.

Ши́бздик, *-а*, м. Человек маленького роста.

Шифоне́р, -а, м. Шифоньер.

Шканды́ба, *-ы*, м. Хромой человек.

Шкандыба́тый, *-ая, -ое*. Хромой.

Шкаря́бать, несов. Царапать.

Шкаря́баться, несов. Царапаться.

Шкляво́тина, *-ы*, общ. Худой человек.

Шкля́вый, -ая, -ое. Худой.

Шко́дник, -а, м. Шкодливый ребёнок, человек.

Шлы́ндать, несов. Ходить без дела. *Что ты здесь шлындаешь*?

Шматовать, несов. Резать большими кусками.

Шмо́ргать (носом), несов. Шмыгать носом, шумно втягивая воздух.

Шмурдя́к, -а, м. То же, что *бормотуха*.

Шмуры́гать, несов. То же, что *шморгать*.

Шно́бель, -я, м. Большой нос.

Шо, мест. 1. Что. 2. Почему. *Шо ты бесисся*?

Шóркать, шóрхать, несов. Ходить, двигаться, волоча ноги, производя шорох.

*Шóркать*ся, несов. То же, что *вошкаться*.

Шпéндик, *-а,* м. То ж, что *шибздик*.

Шпыня́ть, несов. 1. Толкать. 2. Корить насмешками.

Штакéта, -ы, ж. 1. То же, что штакетина. Узкая деревянная планка в штакетнике. 2. Высокий и худой человек.

Штéвкать, несов. *Устар*. Есть, принимать пищу.

Штрих, -á, м. Корректор. Специальное средство для исправления ошибок в печатном тексте.

Штыб, *-а*, м. *Шахт*. Мелкий уголь.

Шукать, несов. Искать.

Щáвлевый, -ая, -ое. Щавелевый (обычно суп).

Ю́почка, *-и*, ж. Юбочка.

Ю́шка, -и, ж. Бульон.

Ягодни́ца, *-ы,* ж. Ягодица.

Якшáстый, -ая, -ое. Общительный, коммуникабельный.

Я́ниться, несов. Капризничать.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аванесов Р. И. Введение / Р.И. Аванесов // Русская диалектология / Под ред. Р. И. Аванесова, В. Г. Орловой. – М., 1964. – С. 7–28.

2. Агаркова А. А. Мифопоэтика как способ создания образа региона: На материале Донбасса. Диссертация … кандидата исторически наук. Специальность 24.00.01 – Теория и история культуры / А. А. Агаркова. – М., 2002. – 188 с.

3. Александрова О. М. Становление содержания школьного курса русского языка в современной России: к проблеме стандартизации содержания обучения / О. М. Александрова, Ю. Н. Гостева // Русский язык в поликультурном мире: X Международная научно-практ. конф-ия: сб. науч. статей. В 2-х т.. / отв. ред. Е. Я. Титаренко. – Симферополь : ИТ «АРИАЛ», 2016. –Т. 2. – С. 3–11.

4. Арутюнова Н. Д. Образ (опыт концептуального анализа) // Референция и проблемы текстообразования / Н. Д. Арутюнова. – М. : Наука, 1988. – 215 с.

5. Арутюнова Н. Д. Образ, метафора, символ в контексте жизни и культуры / Н. Д. Арутюнова // Res philologica: Филологические исследования: Памяти академика Г.В. Степанова. – М. : Л. : Наука, 1990. – С. 71–88.

6. Асанов А. Ю. Основы тамбовских урбанонимов / А. Ю. Асанов // Вестник ТГУ, выпуск 8 (124), 2013. – С. 238–242.

7. Аскольдов С. А. Концепт и слово / С. А Аскольдов // Русская словесность. От теории словесности к структуре текста. Антология. – М. : Academia, 1997. – С. 267–279.

8. Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов / О. С. Ахманова. – М. : Советская энциклопедия, 1969. – 609 с.

9. Ашева А. А. Элитарная языковая личность в публицистическом дискурсе: автореф. дисс… канд. филол. наук / А. А. Ашева – Майкоп, 2013. – 25 с.

10. Балалыкина Э. А. Грамматические «тупики» в современном формообразовании / Э. А. Балалыкина // Русская и сопоставительная филология: концептуально-семантический и системно-функциональный аспекты: материалы итог. науч. конф. / Отв. ред. Н.А. Андрамонова. – Казань : Унипресс, 2002. – С. 14–15.

11. Банкова Т. Б. Об опыте составления словаря томского городского просторечия / Т. Б. Банкова. – М., 1987. – 31 с.

12. Бахтин М. М. Проблема текста: опыт философского анализа // Вопросы литературы – 1976. – № 10. – С. 122–151.

13. Беликов В. И. Социолингвистика / В. И. Беликов, Л. П. Крысин. – М. : Рос. гос. гуманит. ун-т, 2001. – 439 с.

14. Белошапкова В. А. Современный русский язык: учебник для филологических специальностей университетов / под ред. В. А. Белошапковой. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : Высшая школа, 1989. – 800 с.

15. Бельчиков Ю. А. Просторечие / Ю. А. Бельчиков // Языкознание. Большой энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. – М. : Большая Российская энциклопедия, 1998. – С. 402.

16. Бессарабова Н. Д. Метафора как языковое явление / Н. Д. Бессарабова // Значение и смысл слова. – М. : Изд-во МГУ, 1987. – С. 156–173.

17. Блинова О. И. Русская диалектология. Лексика / О. И. Блинова. – Томск : Изд-во Томского ун-та, 1984. – 134 с.

18. Блумфилд Л. Язык / Л. Блумфилд. – М. : Прогресс, 1968. – 606 с.

19. Бобровская Г. В. Двусмысленность в рекламных текстах / Г. В. Бобровская // Журналистика и медиаобразование-2007: сб. науч. тр. II-й Междунар. науч.-практ. конф.: в 2-х т. – Белгород: Изд-во БелГУ, 2007. – Т. II. – С. 33–36.

20. Богин Г. И. Модель языковой личности в ее отношении к разновидностям текстов: автореф. дисс… докт. филол. наук / Г. И. Богин. – Ленинград, 1984. – 48 с.

21. Богин Г. И. Модель языковой личности в ее отношении к разновидностям текстов: дисс... докт. филол. наук / Г. И. Богин. – Л., 1984. – 310 с.

22. Бодуэн де Куртенэ И. А. Проблемы языкового родства / И. А. Бодуэн де Куртенэ // Избранные труды по общему языкознанию. – Т. 2. – М. : Изд-во АН СССР, 1963. – С. 342–343.

23. Бондалетов В. Д. Социальная лингвистика / В. Д. Бондалетов. – М. : Просвещение, 1987. – 160 с.

24. Бородина М. А. Диалекты или региональные языки? / М. А. Бородина // Вопросы языкознания. – 1982. – № 5. – С. 29–38.

25. Борхвальдт О. В. Лексика золотопромышленности в аспекте исторического терминоведения русского языка : дис. д-ра филол. наук / О. В. Борхвальдт. – Красноярск, 2000. – 513 с.

26. Брофман М. В. Французские заимствования в английский литературный язык XVII-XVIII веков : автореф. дис. канд. филол. наук / М. В. Брофман. – М. ; Алма-Ата, 1958. – 27 с.

27. Брысина Е. В. Социальная изолированность диалекта, его

престижность и дивергентные процессы в национальном языке / Е. В. Брысина, В. И. Супрун // Вестник Кемеровского государственного университета. – 2016. – № 3. – С. 94–100.

28. Бузинова З. И. Из истории развития русской эргонимии / З. И. Бузинова // Восточноукраинский лингвистический сборник. – Вып. 5. – Донецк : Донеччина, 1999. – С. 60–73.

29. Бузинова З. И. Особенности функционирования номинационной модели «эргоним > ойконим» в топонимии Донбасса / З. И. Бузинова // Филология в пространстве культуры. – Донецк : ООО «Юго-Восток, Лтд», 2007. – С. 52–60.

30. Букринская И. А. Провинциальная речь: от диалекта к литературному языку / И. А. Букринская, О. Е. Кармакова // Региональные варианты национального языка: материалы Всероссийской науч. Конференции / Науч. ред. А.М. Майоров. – Улан-Удэ, 2013. – С. 12–16.

31. Бунтовский С. Ю. Донбасс: Русь и Украина. Очерки истории [Электронный ресурс] – Режим доступа: https:// history.wikireading.ru / 324313.

32. Буров А. А. Регионимика Северного Кавказа и ее место в языковой картине мира / А. А. Буров, Г. П. Бурова // Современные тенденции функционирования русского языка и культура речи вузовского преподавателя: Материалы Всероссийской научной конференции. В 2-х ч. – Белгород : Изд-во БелГУ, 2006. – Ч.1. – С. 102–105.

33. Вахтин Н. Б. Социолингвистика и социология языка / Н. Б. Вахтин, Е. В. Головко. – Москва: Гуманитарная академия, 2004. – 388 с.

34. Вернадский В. И. Научная мысль как планетное явление / В. И. Вернадский. – М. : Наука, 1991. – 271 с.

35. Верч Дж. Голоса разума. Социокультурный подход к опосредованному действию / Дж. Верч. – М. : Тривола – 1996. – С. 155–160.

36. Виноградов В. В. О языке художественной литературы / В. В. Виноградов. – М. : Госиздат, 1959. – 202 с.

37. Виноградов В. В. Русский язык (Грамматическое учение о слове): Учеб. пособие для вузов / В. В. Виноградов. – М. : Высшая школа, 1986. – 640 с.

38. Виноградов В. В. Русский язык (Грамматическое учение о слове) / под ред. Г. А. Золотовой. – 4-е изд. – М. : Рус. Яз., 2001. – 720 с.

39. Власкова М. В. Языковая личность бывшего сельского жителя: автореф. дис… канд. филол. наук: 10.02.01 / М. В. Власкова. – Киров, 2012. – 22 с.

40. Войлова К. В. Судьба просторечия в русском языке / К. В. Войлова : автореф. дисс. … д-ра филол. н. – М., 2000. – 40 с.

41. Воинов С. С. Донецкая область в «Слово о полку Игореве» / С. С. Воинов [Электронный ресурс]. – Режим доступа URL: http://etnodon.com/conference-igor/donetskaya-oblast-v-slovo-o-polku-igoreve.

42. Воркачев С. Г. Лингвокультурология, языковая личность, концепт: становление антропоцентрической парадигмы в языкознании / С. Г. Воркачев // Филологические науки. – 2001. – № 1. – С. 64–72.

43. Воркачев С. Г. Лингвокультурный концепт: терминологический статус и семиотика / С. Г. Воркачев // Современная лингвистика и исследования ментальности в XXI веке. – Киев : Изд. дом Д. Бураго, 2014. – С. 9–25.

44. Воронина О. С. Прием компрессии в текстах региональной рекламы / О. С. Воронина // Стратегии развития социальных общностей, институтов и территорий : материалы Международн. науч.-практ. конф. Екатеринбург, 23–24 апреля 2015 г. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2015. – Т. 2. – С. 116–120.

45. Ворошилова Е. В. Ономастикон города Канска как отражение истории и культуры народа: автореф. дис. … канд. филол. наук / Е. В.Ворошилова. – Тюмень, 2007. – 19 с.

46. Всесоюзний перепис людності 1926 року. Т. XIII. Українська соціялістична радянська республіка. Степ. Дніпрянський промисловий підрайон. Гірничий підрайон. Національність. Рідна мова. Вік. Писемність. – Видання ЦСУ Союзу РСР. – Москва, 1929 р. – 465 с.

47. Вымирание российской деревни: причины и последствия [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://salt.zone/radio/5523.

48. Галимова Е. Ш. Специфика Северного текста русской литературы как локального сверхтекста / Е. Ш. Галимова // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. – 2012. – № 1. – С. 121–129.

49. Гальченко И. Е. Северокавказские регионализмы в лексике современного русского языка: автореф. дисс. … д-ра филол. наук. – М.: МГПИ им. В. И. Ленина, 1980. – С. 9–11.

50. Ганова С. В. Концептуализация ойконимов в сознании региональной языковой личности: автореф. дисс… канд. филол. наук: 10.02.01 / С. В. Ганова. – Кемерово, 2013. – 24 с.

51. Гаспаров Б. М. Язык, память, образ / Б. М. Гаспаров. – М. : Новое литературное обозрение, 1996. – 351 с.

52. Герд А. С. Диалект – региолект – просторечие / А. С. Герд // Русский язык в его функционировании: тез. докл. Междунар. конф. (III Шмелевские чтения). – М., 1998. – С. 20–21

53. Герд А. С. Введение в этнолингвистику: курс лекций и хрестоматия / А. С. Герд. – СПб. : Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2001. – 488 с.

54. Гинзбург Л. Я. К вопросу об интерпретации текста / Л. Я. Гинзбург // Структура текста-81: тезисы симпозиума. – М. : Институт славяноведения и балканистики АН СССР, 1981. – С. 106–109.

55. Гіроакі Куромія. Свобода і терор у Донбасі: Українсько-російське прикордоння, 1870-1990-і роки / Гіроакі Куромія. – К. : "Основи", 2002. – 510 с.

56. Голев Н. Д. Лингвоперсонологическая гипотеза языка / Н. Д. Голев // Лингвоперсонология: типы языковых личностей и личностно-ориентированное обучение: монография. – Барнаул; Кемерово, 2006. – С. 20–28.

57. Голев Н. Д. Лингвоперсонологическое измерение речи русских переселенцев в зарубежье (методологические заметки) // Вестник Кемеровского государственного университета – 2015 – № 4 (64) – Т. 4. – С. 62–65.

58. Голикова Т. А. К вопросу о сущности регионального языка / Т. А. Голикова // Актуальные проблемы филологии. – Барнаул, 1998. – С. 77-81.

59. Головин Б. Н. Как говорить правильно: заметки о культуре русской речи / Б. Н. Головин. – М. : Высшая школа, 1988. – 160 с.

60. Горбаневский М. В. Русская городская топонимия / М. В. Горбаневский. – М. : Изд-во ОЛРС, 1996. – 222 с.

61. Горная энциклопедия [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https:// www.mining –enc. ru.

62. Горяев С. О. Астронимы в эрго- и прагматонимии / С. О.Горяев // В созвездии слов и имен : сб. науч. ст. к юбилею Марии Эдуардовны Рут. – Екатеринбург : Изд-во Урал. Ун-та, 2017. – С. 155–168.

63. Государственный архив Донецкой области Ф. Р – 4249. Оп. 1 доп. Спр. 26. Сводные таблицы Центрального управления народно-хозяйственного учёта Госплана СССР о распределении населения по национальности и родному языку, занятиям и возрасту по итогам Всесоюзной переписи населения в целом по области и г. Сталино (Ф. Д –О, Д – в), 1939 г., 39 л.

64. Государственный архив Донецкой области Ф. Р – 4249. Оп. 1 доп. Спр. 24. Сводные таблицы Центрального управления народно-хозяйственного учёта Госплана СССР о распределении лиц, имеющих занятия по отраслям народного хозяйства, национальности, общественным группам, источникам средств существования населения по итогам Всесоюзной переписи населения в целом по области и населенным пунктам, 1939 г., 99 л.

65. Государственный архив Донецкой области Ф. Р – 4249. оп. 1 доп.Спр. 25. Сводные таблицы Центрального управления народно-хозяйственного учета Госплана СССР о распределении лиц, имеющих занятия по отраслям народного хозяйства, национальности, общественным группам, источникам средств существования населения по итогам Всесоюзной переписи населения в целом по области и населенным пунктам, 1939 г., 90 л.

66. Грибанова Л. В. Структурно-семантический и ономасиологический аспекты номинации экономических объектов отдельного региона / Л. В. Грибанова. – Брянск, 2002. – 184 с.

67. Гринев С. В. К уточнению некоторых основных понятий семантики / Гринёв С. В. // Филологические науки. – М., 1997. – №2. – С. 67–75.

68. Грузберг Л. А. Региолект [Электронный ресурс] / Л. А. Грузберг // Филолог. – 2010. – № 11. – Режим доступа: http://philolog.pspu.ru/module/magazine/do/mpub_11_208.

69. Гумилев Л. Н. Черная легенда: друзья и недруги Великой степи / Л. Н. Гумилев / Предисл. В. Ю. Ермолаева. – М. : Экопрос, 1994. – 624 с.

70. Давлеткулова Л. Н. Классификация урбанонимов Лондона / Л. Н. Давлеткулова // Знак. – Челябинск, 2009. – №2(4). – С. 58–60.

71. Дарбеева А. А. Двуязычие в изолированных языках и диалектах / А. А. Дарбеева // Проблемы двуязычия и многоязычия. – М. : Наука, 1972. – С. 191–197.

72. Дмитриев Л. А. Глагол «каяти» и река Каяла в «Слове о полку Игореве» / Л. А. Дмитриев [Электронный ресурс] // Труды Отдела древнерусской литературы АН СССР. Ин-т русской литературы (Пушкинский Дом); Ред. В. П. Адрианова-Перетц. – М.-Л.: изд-во АН СССР, 1953. – Т. IX. – С. 30-38. – Режим доступа : http://docplayer.ru/33352840-Glagol-kayati-i-reka-kayala-v-slove-o-polku-igoreve.html (дата обращения 09.06.2018).

73. Донбасс: писатель и время : Лит-критич. очерки / Сост. И вступ. статья Е. М. Волошко; Общ. ред. С. А. Крыжанивского. – Донецк : Донбас, 1979. – 343 с.

74. Донецк: Историко-экономический очерк. – Донецк : Донбасс, 1969. – 288 с.

75. Донецкий край, в стихах воспетый : сборник лучших стихотворений участников открытого конкурса поэтического творчества «Донецкий край, в стихах воспетый» [Текст] / М-во культуры Донецкой Народной Республики, ГУК «Донец. респ. универс. науч. б-ка им. Н. К. Крупской»; сост. И. А. Пилипенко; ред. О. А. Пинзон; отв. за вып. И. А. Горбатов. – Донецк, 2017. – 152 с.

76. Донецька область: Адм.-терит.поділ на 1 березня 1988 р. – Донецк : Донбасс, 1988. – 183 с.

77. Дубичинский В. В. Лексические параллели. Текст / В. В. Дубичинский. – Харьков: Харьковское лексикографическое общество, 1993. – 155 с.

78. Егорова Т. П. Названия улиц в семиотическом аспекте общности стилей (на материале скандинавских и английских урбанонимов) / Т. П. Егорова // Ономастика. Типология. Стратиграфия. – М. : Наука, 1988. – 264 с.

79. Емельянова А. М. Эргонимы в лингвистическом ландшафте полиэтнического города: на примере названий деловых, коммерческих, культурных, спортивных объектов г. Уфы : автореф. дис. … канд.филол.наук / А. М. Емельянова. – Уфа, 2007. – 22 с.

80. Е-навигатор: учебно-методическое обеспечение преподавания современной литературы в школе. 5-11 классы / сост. Боброва В. В., Бережко А. Д, Зятьева И. А., Кайдаш Н. Н., Маханько Г. В., Семенюк Т. Е., Семёнова М. А., Шаннани Н. В. / под общей ред. Мельниковой Л. В. – Донецк : Истоки, 2018.

81. Ерофеева Т. И. Локальные лексические элементы в языковом быте города / Т. И. Ерофеева // Живое слово в русской речи Прикамья. – Пермь, 1969. – С. 31–42.

82. Ерофеева Т. И. Словари городской диалектологии как лексикографической интерпретации языковой реальности / Т. И. Ерофеева // Новые версии лексикографической интерпретации языковой реальности: материалы Всероссийской научной конференции «Язык. Система. Личность: Современная языковая ситуация и её лексикографическое представление». – Екатеринбург, 2010. – С. 106–110.

83. Ерофеева Т. И. Взаимодействие литературного языка и диалекта (к вопросу о локальных синтаксических явлениях в речи лиц, владеющих литературным языком) / Т. И. Ерофеева // Живое слово в русской речи Прикамья. – 1974. – № 4. – С. 3–20.

84. Ерофеева Е. В. Вероятностные структуры идиомов: социолингвистический аспект / Е. В. Ерофеева. – Пермь : Изд-во Перм. ун-та, 2005. – 320 с.

85. Жеребило Т. В. Словарь лингвистических терминов и понятий / Т. В. Жеребило. – Изд. 6-е, испр. и доп. – Назрань : Пилигрим, 2016. – 610 с.

86. Жирмунский В. М. Национальный язык и социальные диалекты / В. М. Жирмунский. – Л. : Художественная литература, 1936. – 297 с.

87. Загрязкина Т. Ю. Французская диалектология / Т. Ю. Загрязкина. – М. : МГУ МАЛП. 1995. – 191 с.

88. Залевская Н. От донбасского регионального патриотизма к России [Электронный ресурс] / Н. Залевская // ИА «Новороссия». – Режим доступа: https://novorosinform.org/738382?utm_source=push-notification&utm_medium=push-world&utm_campaign=push.

89. Зализняк Анна А. Семантическая деривация в синхронии и диахронии

: проект “Каталога семантических переходов” / Анна Зализняк // Вопросы языкознания. – 2001. – № 2. – С. 13–25.

90. Зварыкина И. С. К вопросу о соотношении диалектного и регионального в русском языке (на примере лексики Астраханского края) / И. С. Заварыкина // Гуманитарные исследования. – 2013. – № 2 (46). – С. 30–36.

91. Иссерс О. С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи / О. С. Иссерс. – Москва : КомКнига, 2006. – 288 с.

92. История городов и сел УССР: в 26 т. : Донецкая область. – К. : Украинская советская энциклопедия, 1976. – 811 с.

93. История рабочих Донбасса: в 2 т. – Т.1 – К.: Наукова думка, 1981. – 321 с.

94. Итоги Всесоюзной переписи населения1970 г. Т. IV. Национальный состав населения СССР. [отв. Орехов]. – М. : Изд-во «Статистика», 1973. – 647 с.

95. Итоги сплошной подворной переписи Донецкой губернии (янв., февр. 1923 г.) т. четв. Итоги демографической переписи Донбасса, Харьков: Типо-лито-фото-цинкография Военно-Редакц. Сов. УВО им. Фрунзе, 1923. – 461 с.

96. Кадоло Т. А. Региональная лексика как проявление поликультурности / Т. А. Кадоло // Язык и культура. – 2011. – № 2 (14). – С. 22–28.

97. Калинин А. В. Лексика русского языка / А. В. Калинин. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 1971. – 231 с.

98. Калинкин В. М. Поэтика онима / В.М. Калинкин // Донецк : Юго-Восток, 1999. – 408 с.

99. Карасик В. И. Оценочная мотивировка, статус лица и словарная личность / В. И. Карасик // Филология. – Краснодар, 1994. – С. 2–7.

100. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В. И. Карасик. – Волгоград : Перемена, 2002. – 477 с.

101. Караулов Ю. Н. О состоянии русского языка современности (доклад на конф. «Русский язык и современность. Проблемы и перспективы развития русистики» и материалы почтовой дискуссии). – М., 1991.

102. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность / Ю. Н. Караулов. – Изд. 7-е. – М. : Изд-во ЛКИ, 2010. – 264 с.

103. Карпенко Ю. А. О гидронимах Днепр, Днестр, Турунчак / Ю. А. Карпенко // Русское языкознание : респ. междувед. научн. сб. Вып. 4. – К. : Вища школа, 1982. – С. 11–14.

104. Касимханова А. Ф. Языковая личность регионального телеведущего в контексте телевизионного дискурса: автореф. дисс… канд. филол. наук: 10.02.01 / А. Ф. Касимханова. – Уфа, 2015. – 24 с.

105. Кацнельсон С. Д. Содержание слова, значение и обозначение / С. Д. Кацнельсон. – М.-Л. : Наука, Ленингр. отд-ние, 1965. – 112 с.

106. Клименко Л. П. ЛСГ в структуре связного текста / Л. П. Клименко, В. А. Симхович // Коммуникативные аспекты значения : сб. научн. трудов. – Волгоград : Изд-во Волгоградского пед. ин-та, 1990. – С. 90–91.

107. Климкова Л. А. Региональное слово в художественной речи / Л. А. Климкова // Региональные аспекты лексикологии. Межвузовский сборник научных трудов. – Тюмень : Тюменский гос. ун-т, 1994. – С. 52–53.

108. Книгогид: Николай Васильевич Кобзев. [Электронный ресурс] – Режим доступа URL: https://knigogid.ru/authors/129121-nikolay-vasilevich-kobzev.

109. Книжникова З. О. О семантике имени собственного / З. О. Книжникова // Известия Тульского государственного университета. // Гуманитарные науки. – 2009. – № 2. – С. 237–243.

110. Кобзев Н. В. Слово о полку Игореве / Н. В. Кобзев [Электронный ресурс]. – Режим доступа URL: http://docplayer.ru/33761497-Nikolay-kobzev-slovo-o-polku-igoreve.html (дата обращения 09.06.2018).

111. Коготкова Т. С. Литературный язык и диалекты / Т. С. Коготкова // Актуальные проблемы культуры речи. – М., 1970. – С. 104–152.

112. Колесов В. В. Язык города / В. В. Колесов. – М. : Высшая школа, 1991. – 192 с.

113. Коркунов В. Локальный текст: к вопросу объединения исторического и биографического контекстов [Электронный ресурс] / В. Крикунов // Дети Ра. – № 7 (117). – 2014. – Режим доступа : http://magazines.russ.ru/ra/2014/7/12k.html.

114. Корнилов В. В. Донецко-Криворожская республика. Расстрелянная мечта [Электронный ресурс] / В. В. Корнилов // Блог. – Режим доступа : http://kornilov.name/tag/ukrainizatsiya/

115. Кошарная С. А. Региолект Белгородчины как лингвокультурное образование / С. А. Кошарная // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Гуманитарные науки Филология. Журналистика. Педагогика. Психология. – Белгород, 2017. – С. 14–25.

116. Кравченко Н. К. Практическая дискурсология: школы, методы, методики современного дискурс-анализа / Н. К. Кравченко / Практическое пособие. – Луцьк : Волиньполіграф, 2012. – 251 с.

117. Кравченко В. А. Специфика антропонимной системы приазовских греков / В. А. Кравченко. // Восточноукраинский лингвистический сборник. Сборник научных трудов. – Вып. 13. – Донецк, 2000. – С. 61–71.

118. Красных В. В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? / В. В. Красных. – М. : ИТДГК «Гнозис», 2003. – 375 с.

119. Крикуненко В. Г. Переводчик Николай Кобзев: наши публикации [Электронный ресурс] / В. Г. Крикуненко. – Режим доступа:

http://docplayer.ru/27847462-Kobzar-tarasa-shevchenko-v-novyh-russkih-perevodah-nikolaya-kobzeva.html (дата обращения 09.06.2018).

120. Крысин Л. П. О параметрах регионального варьирования современного русского языка / Л. П. Крысин // Региональные варианты национального языка: Материалы Всероссийской науч. Конференции / Науч. ред. А. М. Майоров. – Улан-Удэ, 2013. – С. 66–71.

121. Крысин Л. П. Иноязычные слова в современном русском языке / Л. П. Крысин. – М. : Наука, 1968. – 208 с.

122. Крысин Л. П. Русское слово, свое и чужое: исследования по современному русскому языку и социолингвистике / Л. П. Крысин. – М. : Языки славянской культуры, 2004. – 888 с.

123. Крюкова И. В. Русская эргонимия постсоветского периода в диахроническом аспекте/ И. В. Крюкова // И слово Ваше отзовется / Гуманитарный центр «Азбука». – К. : Издательский дом Дмитрия Бураго, 2012. – С. 298–307.

124. Кубрякова Е. С. Части речи в ономасиологическом освещении / Е. С. Кубрякова. – М. : Наука, 1978. – 115 с.

125. Кудрейко И. А. Региолект как особая форма функционирования национального языка [Электронный ресурс] / И. А. Кудейко // Вестник ДонНУ. Серия Б. Гуманитарные науки – № 3. – 2016, С. 19–24. – Режим доступа: http://donnu.ru/public/journals/files/Вестник ДонНУ. ..http://donnu.ru/vestnikB

126. Кудрейко І. О. Соціолінгвістичні портрети міст Донеччини : монографія / І. О. Кудрейко. – Донецьк : Вид-во «Ноулідж» (донецьке відділення), 2013. – 174 с.

127. Кузьмина Х. Х. О некоторых принципах изучения лексики тюркских письменных памятников / Х. Х. Кузьмина // Бодуэновские чтения : Бодуэн де Куртенэ и современная лингвистика : междунар. науч. конф., 11-13 дек. 2001 г. : труды и материалы : В 2-ух т. – Казань : Изд-во Казан. ун-та, 2001. – Т. 2. – С. 135-137.

128. Культура русской речи: энциклопедический словарь-справочник / под ред. Л. Ю. Иванова и др. – М. : Флинта: Наука, 2003. – 840 с.

129. Курбанова М. Г. Ассоциативный аспект эргонимов современного русского языка / М. Г. Курбанова // Международный научно-исследовательский журнал. – 2012. – № 6. – С. 27 – 28.

130. Курилович Е. Очерки по лингвистике / Е. Курилович. – М. : Изд-во иностранной литературы, 1962. – 456 с.

131. Курмакаева Н. П. К вопросу о структуре региональной языковой личности и принципах её формирования / Н. П. Курмакаева // Вестник

Донецкого национального университета. Серия Д. Филология и психология. – Донецк : ДонНУ. – 2018. – № 1. – С. 9–14.

132. Кутуза Н. В. Структурно-семантичні моделі ергонімів (на матеріалі ергонімікону м. Одеси) : Автореф.дис. канд..філол.наук / Н. В.Кутуза. – Одеса, 2003. – 18 с.

133. Ларин Б. А. О лингвистическом изучении города / Б.А. Ларин // История русского языка и общее языкознание. М. : Просвещение, 1977. – 224 с.

134. Ливинская И. В. К вопросу о региональном варьировании национального языка / И. В. Ливинская // Вестник МГОУ. Серия Русская филология. – 2015. – № 6. – С. 37–42.

135. Лингвистический энциклопедический словарь / [глав. ред. В. И. Ярцева]. – М. : Советская энциклопедия, 1990. – 685 с.

136. Лингвоперсонология: типы языковых личностей и личностно-ориентированное обучение: монография / Под ред. Н. Д. Голева и др. – Барнаул; Кемерово, 2006. – 435 с.

137. Литература родного края. Учебное пособие. 7 класс / сост. Король Г. Н., Савченко Е. А., Пеньков В. Н. – Донецк : Истоки, 2017. – 220 с.

138. Литература родного края**:** пособие по литературному краеведению / Сост.: Мельникова Л. В., Король Г. Н., Прядко А. Г., Левченко. – Донецк : Истоки, 2015. – 234 с.

139. Литература родного края: программа факультатива для общеобразоват. организаций / сост. Титова В. В., Король Г. Н. – Донецк : Истоки, 2015. – 29 с.

140. Литература родного края: Хрестоматия для учащихся 5–11 классов / Составители: Г. Н. Король, Л. В. Мельникова, Н. А. Коняшина, В. Н. Пеньков, Т. А. Верланова. – Донецк, 2016. – 505 с.

141. Литература родного края: Хрестоматия. 5-11 классы / сост.: Король Г. Н., Мельникова Л. В., Коняшина Н. А., Пеньков В. Н., Верланова Т. А. — 2-е изд., доп. и перераб. – Донецк, Истоки, 2018. – 505 с.

142. Лихачев Д. С. Концептосфера русского языка / Д. С. Лихачев // Русская словесность. От теории словесности к структуре текста. Антология. – М. : Academia, 1997. – С. 280–305.

143. Лихачев Д. С. Краеведение как наука и как деятельность / Д. С. Лихачев // Историческое краеведение в СССР: вопросы теории и практики. – Киев, 1991. – с. 52–59.

144. Лихачев Д. С. «Слово о полку Игореве» / Д. С. Лихачев // Слово о полку Игореве. – Л. : Сов. писатель, 1990. – С. 5–44.

145. Лосев А. Ф. Диалектика мифа / Сост., подг. текста, общ. ред. А. А. Тахо-Годи, В. П. Троицкого. – М. : Мысль, 2001. – 558 с.

146. Лосев А. Ф. Знак. Символ. Миф / А. Ф Лосев. – М. : Изд-во МГУ, 1982. – 479 с.

147. Лосев А. Ф. Имя: сочинения и переводы /А. Ф. Лосев. – Санкт-Петербург : Алетейя, 1997. – 616 с..

148. Лотман Ю. М. Семиотика культуры и понятие текста / Ю. М. Лотман // Русская словесность. – М., 1997. – С. 202–205.

149. Лотман Ю. М. Структура художественного текста / Ю. М. Лотман. – М. : «Искусство», 1970. – 384 с.

150. Лукьянова Н. А. Экспрессивная лексика разговорного употребления: Проблемы семантики / Н. А. Лукьянова. – Новосибирск : Наука, 1986. – 227 с.

151. Люсый А. П. Русская литература как система локальных текстов: диссертация ... доктора филологических наук / Люсый Александр Павлович. – Вологда, 2017. – 341 с.

152. Макаров М. Л. Интерпретативный анализ дискурса в малой группе / М. Л. Макаров. – Тверь : Тверской гос. ун-т, 1998. – 200 с.

153. Макарова А. А. Русская ментальность: пути и источники ее изучения / А. А. Макарова // Современные тенденции функционирования русского языка и культура речи вузовского преподавателя: Материалы Всероссийской научной конференции: в 2-х ч. – Белгород : Изд-во БелГУ, 2006. – Ч. 1. – С. 102–105.

154. Малиновский Б. Функциональный анализ / Б. Малиновский //Антология исследований культуры. – СПб. : Университетская книга, 1997. – С. 681–702.

155. Марков В. М. Избранные работы по русскому языку / В. М. Марков. – Казань : ДАС, 2001. – 275 с.

156. Маслова В. А. Региональная лингвистика: проблемы и перспективы / В. А. Маслова // Филологические науки: научные доклады высшей школы. – 2015. – № 6. – С. 3–8.

157. Меликова-Толстая С. Античные теории художественной речи / С. Меликова-Толстая // Античные теории языка и стиля. – М.-Л. : Соцэкгиз, 1936. – С. 147–290.

158. Мельникова Л. В. О жанровом разнообразии школьных сочинений, или как сделать процесс написания сочинения увлекательным, интересным и самостоятельным / Л. В. Мельникова // Педагогическая сокровищница Донетчины. – Донецк, 2016. – № 1. – С. 32-39.

159. Михина А. Ф. Антропонимические традиции болгарской диаспоры Украины (двухосновные семейно-родовые прозвища) / А. Ф. Михина. // Восточноукраинский лингвистический сборник. Сборник научных трудов. – Вып. 13. – Донецк, 2000. – С. 91–111.

160. Мозговой В. И. Форма имени и характер номинации как средство хронологизации топонимов / В. И. Мозговой. // Номинация в ономастике. Сб. статей / Под ред. М. П. Рут. – Свердловск : Уральский госуниверситет, 1991. – С. 123–133.

161. Мозговой В. И. Юз и Юзовка / В. А. Гайдук, В. Г. Ляшенко, В. И. Мозговой, И. П. Навка / Под общей ред. Гайдука В. А. – Донецк : «Кардинал», 2000. – 320 с.

162. Мозговой В. И. Там, где было Дикое поле… Очерки истории Донецкого края / В. И. Мозговой, В. Г. Ляшенко // Общая ред, предисловие, составление приложений – В. И. Мозговой. – Донецк : «Кардинал», 2001. – 336 с.

163. Мозговой В. И. Донбасс с высоты свободного полёта / В. И. Мозговой. – Донецк : «Кардинал», 2003. – 360 с.

164. Мозговой В. И. Макропроблеми двомовної мікротопонімії : з досвіду роботи над мікротопонімією Донецька / В. І. Мозговий. // Культура народов Причерноморья. – 2008. – № 142, т. 2. – С. 89–92.

165. Мозговий В. І. Специфіка фонологічних і фонематичних субституцій у спільному українсько-російському онімному просторі / В. І. Мозговий // Наукові записки. – Вип. 81 (4). Серія Філологічні науки (мовознавство) : У 4 ч. – Кіровоград : РВВ КДПУ ім. В. Винниченка, 2009. – С. 185–190.

166. Мозговий В. І. Донеччина. Долаючи час простір / В. І. Мозговий, В. П. Безродний. / Загальна ред., глави «Вступ в історію», «Історія», пер. укр. і рос. мовами В. І. Мозгового. – Донецьк : «Донбас», 2010. – 320 с.

167. Мозговой В. И. Имена собственные и не собственные. Принципы выделения и классификации / В. И. Мозговой. // Гуманитарно-педагогическое образование. Психология. Педагогика. Филология. Искусствоведение. Культурология. Научн. журнал. – Т. 3, № 3. – Севастополь : СГУ, 2017 а. – С. 44–51.

168. Мозговой В. И. Переименования топонимических объектов Донбасса: объективная необходимость или орудие экспансии? [Электронный ресурс] / В. И. Мозговой // Наука и мир в языковом пространстве : сб. науч. трудов Республиканской очно-заочной научной конференции (20 ноября 2015 г.). – Макеевка, 2015. – С. 271 – 275. – Режим доступа : http : // donnasa.ru

169. Мозговой В. И. Причины и следствия ложной активации культурно-исторической реальности в правовой ономастике / В. И. Мозговой. // Гуманитарно-педагогическое образование. Психология. Педагогика. Филология. Искусствоведение. Культурология. Научный журнал. – Т.3, № 4 – Севастополь : СГУ, 2017 б. – С. 55–60.

170. Мозговой В. И. Уровни номинативности собственных имён в языковой реальности и речевом вымысле / В. И. Мозговой. // Русский язык в

поликультурном мире : II Международный симпозиум (8–12 июня 2018 г.); сб. науч. статей. В 2-х т. / отв. ред. Е. Я. Титаренко. – Симферополь : АРИАЛ, 2018. – Т. 1. – С. 125–133.

171. Мустайоки А. Разновидности русского языка: анализ и классификация / А. Мустайоки // Вопросы языкознания. – 2013. – № 15. – С. 3–27.

172. Національний склад та рідна мова населення Донецької області (За даними Всеукраїнського перепису населення 2001 року). – Донецьк : Ротапринт, 2003. – 24 с.

173. Неговорова И. В. Рекламный текст как отражение кубанского регионального сознания [Электронный ресурс] / И. В. Неговорова // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусствоведение. 2009. №1. – Режим доступа URL: https://cyberleninka.ru/article/n/reklamnyy-tekst-kak-otrazhenie-kubanskogo-regionalnogo-soznaniya (дата обращения: 05.06.2018).

174. Нелюбин Л. Л. Очерки по введению в языкознание / Л. Нелюбин. – М. : МГОУ, 2001. – 356 с.

175. Нелюбин Л. Л. Переводоведческий словарь: учебное пособие / Л. Л. Небин. – М. : МПУ, 1999. – 137 с.

176. Николаева Т. М. Три пространства Игорева похода (художественное, летописное, «реальное») / Т. М. Николаева. О чем рассказывают нам тексты? – М.: Языки славянских культур. 2012. – С. 299–318. [Электронный ресурс] – Режим доступа URL: https://www.openstarts.units.it/bitstream/10077/2374/1/20.pdf (дата обращения 09.06.2018).

177. Никольский В. Н. Национальные проблемы 20-х годов и их решение / В. Н. Никольский // Нові сторінки в історії Донбасу : [ст. / упоряд. З. Г. Лихолобова]. – Донецьк : Донбас, 1992. – Кн. 2. – С. 51-70.

178. Никольский Л. Б. Синхронная социолингвистика: (теория и проблемы) / Л. Б. Никольский. – М. : Наука, 1976. – 168 с.

179. Никонова Т. «Воронежский текст»: образы и легенды центрального Черноземья / Т. Никонова // Университетская площадь. – № 9. – 2016.

180. Новиков Л. А. Современный русский язык. Теоретический курс. Лексикология / Л. А. Новиков, Е. И. Кедайтене, А. Н. Тихонов. – Ч. 2 – М. : Рус. яз., 1987. – 160 с.

181. Новикова Т. Ф. Лингворегионоведение / Т. Ф. Новикова // Часть 1: программа и программно-методические материалы. – Белгород : Изд-во БелГУ, 2010. – 76 с.

182. Новикова Т. Ф. Проблемы создания словаря языка региона / Т. Ф. Новикова // Мова і культура (Науковий журнал). – К. : Видавничий дім Дмитра Бураго, 2011. – Вип. 14. – Т. IV (150). – С. 126–132.

183. Новикова Т. Ф. Опыт аспектного анализа регионального языкового материала (на примере Белгородской области) / кол. моногр. под ред. Т. Ф. Новиковой. – Белгород : ИПК НИУ «БелГУ», 2011. – 228 с.

184. Новикова Т. Ф. Теоретико-прикладные проблемы описания современных региолектов / Т. Ф. Новикова // Acta Neophilologica. – XIX (1). – 2017. – С. 171–178.

185. Новикова Т. Ф. Новые формы сосредоточения и сохранения регионоведческой информации филологического содержания / Т. Ф. Новикова // Язык и культура региона как составляющие образовательного пространства: Материалы II Международной научно-практической конференции. – Белгород, 2017. – С. 42–46.

186. Новикова Т. Ф. Регионоведческая проблематика школьных исследовательских проектов по русскому языку и литературе / Т. Ф. Новикова // Моделирование внеурочной деятельности в образовательном процессе начальной школы: материалы региональной научно-практической конференции. – Елец: ЕГУ им. И. А. Бунина, 2015. – С. 134–138.

187. Нора П. Проблематика мест памяти / Франция-память. – СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета, 1999. – С. 39.

188. Обидньова О. В. Зміни в національному складі населення Донецького басейну в 20-30-роки XX століття / О. В. Обидньова // Нові сторінки історії Донбасу. – Донецьк : Видавництво Донецького ДУ, 1998. – Кн. 6. – С. 142–153.

189. Оглезнева Е. А. Дальневосточный региолект русского языка как региональный вариант русского национального языка / Е. А. Оглезнева // Слово: фольклорно-диалектологический альманах. Материалы научных экспедиций. – Благовещенск, 2013. – Вып. 10. – С. 27–37.

190. Оглезнева Е. А. К вопросу о границах дальневосточного региолекта / Е.А. Оглезнева // Вестник Бурятского государственного университета. – 2014. – Вып. 10. – С. 65–68.

191. Отин Е. С. Гідроніми Східної України / Є. С. Отін. – Киев – Донецк : Вища школа, 1977. – 155 с.

192. Отин Е. С. Номинационные процессы в русской эргонимии XX века (названия промышленных предприятий, акционерных обществ и фирм) / Е. С. Отин // Актуальные вопросы теории языка и ономастической номинации. Сб. науч. ст. – Донецк : ДонГУ, 1993. – С. 83–94.

193. Отин Е. С. Избранные работы / Е. С. Отин. – Донецк : «Донеччина», 1997. – 470 с.

194. Отин Е. С. Избранные труды по языкознанию. Том 2. / Е. С. Отин. – Донецк : Донеччина, 1999. – 400 с.

195. Отин Е. С. Топонимия приазовских греков (историко-этимологический словарь географических названий) / Е. С. Отин. – Донецк : ДонГУ, 2000. – 195 с.

196. Отин Е. С. Словарь коннотативных собственных имён / Е. С. Отин. – Донецк : Юго-Восток, 2010. – 518 с.

197. Отин Е. С. Гидронимия Дона : монография в 2-х тт. / Е. С. Отин. – Донецк : Юго-Восток. – Т. 1 : Верхний и Средний Дон. – 2011. – 575 с.; Т. 2 : Нижний Дон. – 2012. – 792 с.

198. Отин Е. С. Топонимия Донетчины / Е. С. Отин. – Донецк : Юго-Восток, 2013. – 118 с.

199. Отин Е. С. Происхождение географических названий Донбасса / Е. С. Отин . – Донецк : Юго-Восток, 2014 – 199с.

200. Пайпс Ричард. Россия при старом режиме / Ричард Пайпс. – М. : Экопрос, 1993. – 453 с.

201. Палінська О. Класичний львівський регіолект і його сучасні інтерпретації / О. Палінська // Мова і суспільство. – 2010. – Вип. 1. – с. 174–180.

202. Панькова Е. С. Взаимодействие лексики и грамматики в формах родительного падежа множественного числа существительных / Е. С. Панькова // Учёные записки казанского государственного университета. Т. 152, кн. 2 . Серия: Гуманитарные науки, 2010.

203. Панькова Е. С. Грамматическая синонимия именных форм в родительном падеже множественного числа / Е. С. Панькова // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского, 2010. – № 4 (2). – С. 661–664.

204. Пауль Г. Принципы истории языка / Г. Пауль. – М. : Изд-во ин. лит., 1960. – 500 с.

205. Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897, XIII т., Екатеринославская губерния. – Издание центрального статистического комитета министерства внутренних дел под редакцией А. Тройницкого, 1904. – 234 с.

206. Першина К. В. Из истории ойконимов Донбасса / К. В.Першина // Восточноукраинский лингвистический сборник. Выпуск первый. Сб. науч. тр. – Донецк : ДонГУ, 1994. – С. 86–91.

207. Першина К. В. Пробные статьи к «Историко-этимологическому словарю географических названий юго-восточной Украины» / К. В. Першина, Е. С. Отин и др. // Актуальные вопросы теории языка и ономастической номинации: Сб. научных статей. – Донецк : ДонГУ, 1993. – С. 94–107.

208. Першина К. В. Топонимы Донбасса в этнокультурном измерении / К. В. Першина // Наука и мир в языковом пространстве : сб. науч. трудов

Республиканской очно-заочной научной конференции (20 ноября 2015 г.). – Макеевка, 2015. – С. 286–289.

209. Песни и сказы Донбасса / Сб. А. В. Ионова. – Сталино: Донбасс, 1960. – 345 с.

210. Пирко В. А. Заселение в XVI – XVIII вв. / В. А. Пирко // Нові сторінки в історії Донбасу. – Донецьк : Донбас, 1992. – Кн. 1. – С. 26–44.

211. Пищальникова В. А. Проблемы лингвоэстетического анализа художественного текста / В. А. Пищальникова. – Барнаул, 1984. – 59 с.

212. Пірко В. О. Міста Донеччини в XVII – XVIII ст./ В. О. Пірко // Нові сторінки історії Донбасу : [ст. / головн. ред. З. Г. Лихолобова]. – Донецьк, 1998. – Кн. 6. – С. 5–20.

213. Пірко В. О. Заселення Донеччини у XVI – XVIII ст. (короткий історичний нарис і уривки з джерел) / В. О. Пірко. – Донецьк : Східний видавничий дім, 2003. – 180 с.

214. Подов В. И. Открытие Донбасса : исторический очерк. Документы / В. И. Подов. – Луганск : РГТ, 1991. – 108 с.

215. Подольская Н. В. Словарь русской ономастической терминологии / Н. В. Подольская. – М. : Наука, 1988. – 198 с.

216. Подсушный В. П. Лексические заимствования в английском экспрессивном просторечии США : дис. канд. филол. наук / В. П. Подсушный – Л., 1990. – 216 с.

217. Полещук Л. З. «Петербургский текст» и петербургский миф в концепции В. Н. Топорова / Л. З. Полещук // Вестник КГУ им. Н. А. Некрасова. – № 1 – 2006. – С. 98–101.

218. Полякова Л. Филологическая регионалистика как наука / Л. Полякова // Вопросы литературы – 2015. – Май-июнь. – С. 186-201.

219. Попов И. С. О принципах разработки программы собирания сведений для областных словарей / И. С. Попов // Теория и практика областной лексикографии. – Л. : Наука, 1984. – С. 116–124.

220. Портянникова В. Н. Некоторые проблемы лексической характеристики жаргонизмов (на материале «молодежного жаргона» современного немецкого языка в ФРГ) : автореф. дис. … канд. филол. наук / В. Н. Портянникова. – М., 1971. – 21 с.

221. Потебня А. А. Собрание трудов: символ и миф в народной культуре / А. А. Потебня. – М. : Лабиринт, 2000. – 479 с.

222. Приказ МОН ДНР от 17.07.2015 №325 «Об утверждении Государственного образовательного стандарта среднего общего образования на 2015-2017 гг.», зарегистрированный в Министерстве юстиции 06.08.2015, регистрационный № 336.

223. Приказ МОН ДНР от 17.07.2015 №327 «Об утверждении Государственного образовательного стандарта основного общего образования на 2015-2017 гг.», зарегистрированный в Министерстве юстиции 06.08.2015, регистрационный № 337.

224. Прокофьева Е. В. Диалектная языковая личность на Алтае: дисс. … канд. филол. наук: 10.02.01 / Е. В. Прокофьева. – Барнаул, 2012. – 235 с.

225. Прокудина И. С. Русская языковая личность в аспекте лингвокогнитивных стилей репродуцирования научного текста: на материале студенческих рефератов: дисс. … канд. филол. наук / И. С. Прокудина. – Кемерово, 2009. – 202 с.

226. Просвиркина И. И. Региональное языковое сознание как основа модели региональной языковой личности / И. И. Просвиркина // Вестник Оренбургского гос. ун-та. Сер. Языкознание. – 2005. – № 11. – С. 106–107.

227. Протекших дней очарованье… Сказки, песни, частушки, присловья Донбасса, записанные Петром Тимофеевым / Запись, сост. вступ., ст. и ст. к разделам, подгот. текстов, свед. об исполн., пунктах записи, словарь П. Т. Тимофеев. – Донецк : Донбасс, 2008. – 220 с.

228. Пушкарева Ю. Г. Принципы классификации внутригородских объектов / Ю. Г. Пушкарева // Вестник Бурятского госуниверситета. Серия «Филология». – Улан-Удэ: Изд-во Бурятского гос. ун-та, 2010. – Вып. 10. – С. 116–122.

229. Резвухина Ю. А. Регионализм: к определению понятия [Электронный ресурс] / Ю. Резвухина. – Режим доступа: https : //cyberleninka.ru/ article/n/regionalizm-k-opredeleniyu-ponyatiya (Дата обращения: 05.04.2018).

230. Реформатский А. А. Топономастика как лингвистический факт / А. А. Реформатский // Топономастика и транскрипция. – М. : 1964. – С. 9–34.

231. Рихтер Г. И. Нормы литературной речи, по преимуществу разговорной / Г. И. Рихтер. – Сталино: Сталинское обл. изд-во, 1958. – 30 с.

232. Роль человеческого фактора в языке: язык и картина мира / Б. А. Серебренников и др. – М. : Наука, 1988. – 216 с.

233. Рудяков А. Н. Георусистика и национальные варианты русского языка / Рудяков А. Н. // Культура народов Причерноморья. – Симферополь, 2009. – № 168. – Т. 1. – С. 7–10.

234. Рудяков А. Н. Георусистика и закономерности формирования национальных вариантов языка / А. Н. Рудяков. // Функциональная лингвистика : сб. науч. работ. – Симферополь, 2010. – Т. 1. – С. 5-6.

235. Русский язык. Уроки текстоведения и развития речи. 5 класс: Электронное пособие для дистанционного обучения и самообразования обучающихся. / Сост. Плыс Л. Н.; под ред. Мельниковой Л. В. – Донецк, 2017.

236. Русский язык. Уроки текстоведения и развития речи. 6 класс: Электронное пособие для дистанционного обучения и самообразования обучающихся. / Сост. Плыс Л. Н.; под ред. Мельниковой Л. В. – Донецк, 2018.

237. Русский язык. Уроки текстоведения и развития речи. 7 класс: Электронное пособие для дистанционного обучения и самообразования обучающихся. / Сост. Плыс Л. Н.; под ред. Мельниковой Л. В. – Донецк, 2018.

238. Русский язык: сборник дидактических материалов по подготовке к сочинению по прочитанному тексту. 10-11 класс / сост.: Рубинская Н. О., Хитун М. Ф., Ващук С. Н., Болотина Е. С., Распутина О. С., Донцова О. А., Филиппова О. В., Шейко Л. П. / под общей ред. Мельниковой Л. В. – Донецк : Истоки, 2018.

239. Рут М. Э. Антропонимы: размышление о семантике / М. Э. Рут // Известия Уральского государственного университета. – 2001. – № 20 – С. 26-28.

240. С любовью к родному краю… Интерактивные таблицы по русскому языку. 5-11 класс / сост. Данилова И. Н., Плыс Л. Н., Бережная Н. В., Дейна Н. А., Болгаров М. В., Ельникова И. А., Лихтанская Т. Е., Сатункина С. В., Созанская Е. Н., Новик О. А., Харитошина Ю. В. и др. / под общей ред. Мельниковой Л. В. – Донецк : Истоки, 2018. – 410 с.

241. Савельева А. И. Метонимия как инструмент языковой игры в печатных рекламных текстах [Электронный ресурс] / А. И. Савельева // Материалы XVII Международной научной конференции студентов, аспирантов и молодых учёных «Ломоносов 2011». – Режим доступа: http://conf.msu.ru/archive/Lomonosov_2011/1245/32528_e78f.pdf.

242. Савченкова И. Н. Региональная апеллятивная лексика и фразеология как средство аккультурации иностранных учащихся / И. Н. Савченкова // Известия ЮФУ. Филологические науки. – 2011 – № 4. – С. 172–179.

243. Сборник диктантов для государственной итоговой аттестации по русскому языку: для общеобразоват. организаций (основное общее образование): 9 кл. / сост.: Рубинская Н. О., Бурцева С. А., Денисова Н. Ф., Ленская И. Н. и др. – 2-е изд., доп. и перераб. – Донецк : Истоки, 2018. – 132 с.

244. Сборник изложений для государственной итоговой аттестации по русскому языку : для общеобразоват. организаций (среднее общее образование). : 11-й кл. / сост. Мельникова Л. В., Чаленко О. В., Шаповалова Л. Н., Крюкова А. В., Постол В. А. , Рожкова Л. А., Воронько Г. К., Иванова Г. В., Изотова С. М., Коняшина Н. А., Левченко Е. Я., Овчаренко Л. А., Павлова Л. М., Рыжикова О. В., Сметанка О. С. и др. 2-е изд., доп. и испр. – Донецк : Истоки, 2018. – 402 с.

245. Сборник ценностно-деятельностных задач. Литература. 5-11 классы / Составители: Данилова И. Н., Болгаров М. В., Бондаренко А. Ю. С.,

Бережная Н. В., Филиппская Е. М., Дейна Н. А., Дейнеко С. В., Ельникова И. А., Журавлева А. Ю., Зятьева И. А., Истомина А. Ю., Кайдаш Н. Н., Криворучко А. В., Лихтанская Т. Е., Ржесик С. А; под ред. Мельниковой Л. В. — 2-е изд., доп. и перераб. – Донецк : Истоки, 2018. – 270 с.

246. Сборник ценностно-деятельностных задач. Русский язык. 5-11 классы / Составители: Данилова И. Н., Болгаров М. В., Ржесик С. А., Филиппская Е. М., Чебаненко О. Н. Бережная Н. В., Бондаренко А. Ю., Дейна Н. А., Дудко Е. И., Ельникова И. А., Лихтанская Т. Е., Мамченко Н. И., Московская Т. В. / Под общей ред. Мельниковой Л. В. – Донецк : Истоки, 2017. – 458 с.

247. Світличний І. О. Слово про Ігореву січ [Электронный ресурс] / І. О. Світличний. Твори: Поезії, переклади, публіцистика. – 2012. – С. 164-184. – Режим доступа URL: http://shron1.chtyvo.org.ua/Svitlychnyi_Ivan/Tvory_poezii_pereklady_publitsystyka.pdf.

248. Свободная шахтерская энциклопедия [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https: // mining.ru.

249. Седов К. Ф. Дискурс и личность: эволюция коммуникативной компетенции / К. Ф. Седов. – М.: Лабиринт, 2004. – 304 с.

250. Селиванова Е. А. Когнитивная ономасиология / Е. А.Селиванова. – К. : Издательство украинского фитосоциологического центра, 2000. – 248 с.

251. Семенова С. Г. Метафизика русской литературы / С. Г. Семенова. – М., 2014. – 512 с.

252. Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии / Э. Сепир. – М.: Прогресс, 1993. – 656 с.

253. Серебренников Б. А. К проблеме существования языка / Б. А. Серебрянников // Общее языкознание. Формы существования, функции, история языка. – М., 1970. – С. 479–481.

254. Сидоренко Е. Н. Аббревиатурные образования в эргонимии Донетчины / Е. Н.Сидоренко // Вісник Донецького університету. Серія Б. Гуманітарні науки. – Вип. 1-2. – 2013. – Т.1. – С. 290–295.

255. Сидоренко Е. Н. Эргонимизация топонимов на примере эргообъектов Донецкой области / Е. Н. Сидоренко // Мова. – 2013. – № 20. – С. 168–171.

256. Скворцов Л. И. Терминология и культура речи (заметки языковеда) / Л. И. Скворцов // Исследования по русской терминологии. – М. : 1971. – С. 218–230.

257. Скляревская Г. Н. Метафора в системе языка / Г. Н. Скляревская. – СПб: Университетская книга, 1993. – 227 с.

258. Сковородников А. П. Модель культурно-речевой компетенции студента высшего учебного заведения / А. П. Сковородников, А. Г. Копнина //

Journal of Siberian Federal University. Humanitiers & Social Sciences Supplement. – 2009. – № 2. – С. 5–18.

259. Сковородников А. П. О понятии «коммуникативная компетенция» / А. П. Сковородников // Культура речевого общения в образовательных учреждениях разных уровней: материалы Всерос. науч.-практ. конф. – Красноярск, 2003. – С. 95–105.

260. Словарь русских синонимов [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://classes.ru/all-russian/dictionary-russian-synonyms4.htm.

261. Сорочан А. Ю. Тверской край в литературе: образ региона и региональные образы. – Тверь : Издательство М. Батасовой, 2010. – 172 с.

262. Степанов Є. М. Російське мовлення Одеси / Є. М. Степанов. – Одеса : Астро-принт, 2004. – 496 с.

263. Степанов Е. Н. Национальные варианты русского языка или русские территориальные койне? / Е. Н. Степанов // Мова: науково-теоретичный часопис з мовознавства. – Одесса, 2011. – № 16. – С. 9–15.

264. Степанов Ю. С. Константы. Словарь русской культуры / Ю. С. Степанов. – М. : Академический проект, 2001. – 989 с.

265. Степанова И. Ж. К проблеме выделения регионального слова / И. Ж. Степанова // Русский язык: исторические судьбы и современность: V Международный конгресс исследователей русского языка: труды и материалы. –– М. : Изд-во Моск. ун-та, 2014. – С. 558–559 .

266. Тараненко А. А. Языковая семантика в ее динамических аспектах / А. А. Тараненко. – К. : Наукова думка, 1989. – 254 (2) с.

267. Татаринов В. А. Теория терминоведния: в 3 т. / В. А. Татаринов. – Т. 1. Теория термина: История и современное состояние – М. : Московский Лицей, 1996. – 311 с.

268. Теркулов В. И. Композиты русского языка в ономасиологическом аспекте : дисс. … доктора филол. наук / Теркулов Вячеслав Исаевич. – Горловка, 2008. – 472 с.

269. Теркулов В. И. Региолект или национальный вариант : к постановке проблемы / В. И. Теркулов. // Филология и культура. – Казань, 2012. – № 2 (28). – С. 117–120.

270. Теркулов В. И. Региолект территорий позднего заселения как системное образование / В. И. Теркулов // Славянский вклад в мировую цивилизацию: материалы междунар. конф. Волгоград, 16–19 окт. 2017 г. / науч. ред. проф. Л. А. Шестак. – Волгоград : Науч. изд-во ВГСПУ «Перемена», 2017. – С. 50–55.

271. Теркулов В. И. Параметры описания лексической системы диффузного региолекта / В. И. Теркулов // Русский язык в поликультурном

мире Сборник научных статей II Международного симпозиума. В 2-х томах. Ответственный редактор Е. Я. Титаренко. – Симферополь, 2018. – С. 403–408.

272. Тихонов А. Н. Современный русский язык. Лексикология: учебное пособие / А. Н. Тихонов, Л. Л. Ким, С. А. Тихонов. – Ташкент : Укитувчи, 1991. – 264 с.

273. Топоров В. Н. Лингвистический анализ гидронимов Верхнего Поднепровья / В. Н. Топоров, О. Н. Трубачев. – М. : АН СССР, 1962. – 315 с.

274. Топоров В. Н. Петербург и «Петербургский текст русской литературы» (Введение в тему) // Топоров В. Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ: Исследования в области мифопоэтического: Избранное. – М. : Издательская группа «Прогресс» - «Культура», 1995. – С. 259–367.

275. Топоров В. Н. Петербургский текст русской литературы: Избранные труды / В. Н. Топоров. – Санк-Петербург : «Искусство – СПБ», 2003. – 616 с.

276. Торохова Е. А. Региональный вариант русского литературного языка, функционирующий на территории Удмуртии (социолингвистический аспект) : автореф. дис.. … канд.филол.наук / Е. А. Торохова. – Ижевск : Удмуртский государственный университет, 2005. – С. 11–12.

277. Трапезникова А. А. Ономастическое сознание современного горожанина (на материале эргонимии Красноярска) : автореф. дис.. … канд.филол.наук / А. А.Трапезникова. – Красноярск, 2010. – 21 с.

278. Трофимов В. К. Душа России: истоки, сущность и социокультурное значение русского менталитета / В. К. Трофимов. – Изд. 2-е. – Ижевск : ФГОУ ВПО Ижевская ГСХА, 2010. – 408 с.

279. Трубачев О. Н. Названия рек Правобережной Украины / О.Н. Трубачев. – М. : Наука, 1968. – 347 с.

280. Трубинский В. И. Современные русские региолекты: приметы становления / В. И. Трубинский // Псковские говоры и их окружение: межвуз. сб. науч. тр. – Псков : Псков. гос. пед. ин-т, 1991. – С. 156–162.

281. Туманян Э. Г. Язык как система социолингвистических систем / Э. Г. Туманян. – М. : Наука, 1985. – 247 с.

282. Турута И. И. Некоторые рассуждения о современной русской эргонимии / И. И.Турута // И слово Ваше отзовётся. – К. : Издательский дом Дмитрия Бураго, 2012. – С. 577–586.

283. Уоррен Бергер [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://psy.wikireading.ru/95487

284. Утробина Т. Г. Языковые средства репрезентации концептуальной картины мира (на материале сатирических рассказов М. М. Зощенко 1920-х годов) / Т. Г. Утробина // Текст: структура и функционирование. – Вып. 2. Барнаул, 1997. – С. 72–81.

285. Улуханов И. С. Единицы словообразовательной системы русского языка и их лексическая реализация / И. С. Улуханов. – М. : ЛКИ, 2008. – 232 с.

286. Уфимцева А. А. Лексическое значение слова. Принцип семиологического описания лексики / А. А. Уфимцева. – М. : УРСС, 2002. – 240 с.

287. Уфимцева А. А. Лексика / А. А. Уфимцева // Общее языкознание. Внутренняя структура языка. – М. : Наука, 1962. – С. 394-456.

288. Учимся писать сочинение на основе прочитанного текста: 10 (11) класс: программа элективного курса (среднее общее образование) / Сост. Данилова И. Н. – Донецк, 2018. – 38 с.

289. Филин Ф. П. К проблеме социальной обусловленности языка / Ф. П. Филин // Вопросы языкознания. – М., 1966. – № 4. – С.32–44.

290. Филин Ф. П. Очерки по теории языкознания / Ф. П. Филин. – М. : Наука, 1982. – 336 с.

291. Филиппова Л. С. Современный русский язык. Морфемика. Словообразование : учебн. пособие / Л. С. Филиппова. – М. : Флинта ; Наука, 2009. – 248 с.

292. Харченко В. К. О языке, достойном человека: учебн. пособие / В. К. Харченко. – М. : Флинта; Наука, 2010. – 160 с.

293. Харченко В. К. Регионоведческая компонента в структуре языковой личности / В. К. Харченко // Язык и культура региона как составляющие образовательного пространства: Материалы II Международной научно-практической конференции. – Белгород, 2017. – С. 81–85.

294. Хорошева Н. В. Региолект как промежуточный идиом во французском и русском языках / Н. В. Хорошева // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. – 2011. – Вып. 3 (15). – С. 32-36.

295. Чайковский Р. Р. Метрополия и регионы: проблемы взаимодействия / Р. Р. Чайковский, Л. И. Чайковская // Образование на Севере: проблемы и перспективы. Материалы международной конференции. – Магадан : СМУ, 2002. – С. 156–159.

296. Черемисина, Е.В. О региолекте в современном языкознании / Е.В. Черемисина // Перспективы развития современных гуманитарных наук: сборник научных трудов по итогам международной научно-практической конференции. – Воронеж, 2015. – Вып. 2. – С. 45–49

297. Чернышева М. А. Региональные варианты языка как источник формирования филологической компетенции (на материале французских выражений в Нормандии) [Электронный ресурс] / М. А. Чернышева. – Режим доступа: http://genproedu.com/paper/2010-01/full_217-228.pdf.

298. Шама И. М. Функционирование символа в художественном тексте: сравнительный и переводоведческий аспекты. Автореф. дисс. канд. филол. наук: 10.02.17 / И. М. Шама. – Одесса, 1993. – 25 с.

299. Шанский Н. М. Лексикология современного русского языка / Н. М. Шанский. – М. : Просвещение, 1972. – 327 с.

300. Шарлемань Н. В. Заметки натуралиста к «Слову о полку Игореве» /Н. В. Шарлемань // Труды отдела древне-русской литературы, VIII. – АН СССР, 1951. – С. 53–67 [Электронный ресурс] – Режим доступа URL: http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=6648.

301. Шахты и рудники Донбасса [Электронный ресурс] – Режим доступа: https: // tw1npeaks.blogspot.com.

302. Швейцер А. Д. К разработке понятийного аппарата социолингвистики / А. Д. Швейцер // Социально-лингвистические исследования. – М. : Наука, 1976. – С. 31–41.

303. Шелов В. Д. Терминология, профессиональная лексика и профессионализмы (К проблеме классификации специальной лексики) / В. Д. Шелов // Вопросы языкознания, 1984. – № 5. – С. 76–87.

304. Шестак Л. А. Русская языковая личность: коды образной вербализации тезауруса / Л. А. Шестак. – Волгоград : Перемена, 2003. – 311 с.

305. Шимкевич Н. В. Русская коммерческая эргонимия: прагматический и лингвокультурный аспекты: Автореф. дис.. … канд. филол. наук / Н. В. Шимкевич. – Екатеринбург, 2002. – 23 с.

306. Широкова Н. В. Категория вокатива как переферическое явление БЯС / А. В. Широкова, Н. В. Новопасская // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика. – 2008. – № (4). – С. 18–23.

307. Шовина Е. Н. Место социальной рекламы в осмыслении региональных социальных проблем (на примере Мурманской области) / Е. Н. Шовина [Электронный ресурс] // Проблемы развития территории. – 2013. № 4 (66). – С. 95–101. – Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/mesto-sotsialnoy-reklamy-v-osmyslenii-regionalnyh-sotsialnyh-problem-na-primere-murmanskoy-oblasti (дата обращения: 06.06.2018).

308. Шугардт Г. Этимология и исследование истории слова / Г. Шугардт // Избранные статьи по языкознанию. – М. : Изд-во ин. лит., 1950. – С. 210–220.

309. Шулан Б. Некоторые вопросы билингвизма / Б. Шулан // Славика. – 1963. – № 3. – С. 14–15.

310. Щерба Л. В. Языковая система и речевая деятельность / Л. В. Щерба. – Л. : Наука, Ленингр. отд-ние, 1974. – 428 с.

311. Щерба Л. В. О понятии смешения языков / Л. В. Щерба // Языковая система и речевая деятельность. – Л., 1974. – С. 60–74.

312. Юбилейные даты литературы Донбасса на 2016 год: календарь-справочник / Автор-составитель А. Чернов. – Луганск, 2016.

313. Юрьева Е. В. Слоган социальной рекламы: коммуникативно-прагматические и когнитивно-концептуальные функции : диссертация на соискание учёной степени кандидата филологических наук : спец. 10.02.01 «Русский язык» / Юрьева Е. В. – Горловка, 2017. – 228 с.

314. Язык и культура региона как составляющие образовательного пространства: материалы II Международной научно-практической конференции (г. Белгород, 18–20 мая 2017 г.) / отв. ред Т. Ф. Новикова. – Белгород : ООО «Эпицентр», 2017. – 328 с.

315. Яловец-Коновалова Д. А. Названия коммерческих предприятий: ономасиологическая классификация и функционирование в современном русском языке: Дис. … канд.. філол.. наук / Д. А. Яловец-Коновалова. – Челябинск, 1997. – 177 с.

316. Яцкина Е. А. Пути и принципы краеведческого подхода в языковом образовании / Е. А. Яцкина // Язык и культура региона как составляющие образовательного пространства: Материалы II Международной научно-практической конференции. – Белгород, 2017. – С. 88–91.

317. Dokulil M. Tvoreni slov v ceštine. I. Teorie odvozováni slov / M. Dokulil. – Praha : CAV, 1962. – 263 s.

318. Grice H. P. Logic and conversation / H. P. Grice // Syntax and semantics / ed. by P. Cole and J. L. Morgan. – N. Y.: Academic Press, 1975. – Vol. 3. – P. 41-58.

319. Kjørup S. Langages de l’image et d’auters. Degres // Bruxelles, 1980, – № 21. – P. 1–15.

320. Searle J. R. Indirect speech acts / John R. Searle // Syntax and Semantics / Cole P., Morgan J.L. (eds.). – New York, San Francisco, London : Academic Press, 1975. – Vol. 3: Speech Acts. – P. 59–82.

321. Shapiro M. The structure of meaning in semiotic perspective // Papers from the 4-th international conference of historical linguistics / Ed by Closs Traugott E.C. et al. – Amsterdam, 1980. – P. 53–61

322. Thom R. L’espace et les signes / R. Thom // Semiotica. – The Hague, 1980. – № 3/4. – P. 139–208.

Научное издание

"Донецкий региолект"

Монография

Коллектив авторов:
В.И. Теркулов, Н.П. Курмакаева, В.И. Мозговой, К.В. Першина, И.А. Кудрейко, О.В. Матвиенко, Л.В. Мельникова, М.Г. Евсеева, А.Ю. Коробов-Латынцев, Е.В. Юрьева, А.И. Бровец, В.С. Коробова-Латынцева, К.А. Куприянова.

Под редакцией В.И. Теркулова.

Материалы печатаются на языке оригинала

Оригинал-макет: ООО "НПП"Фолиант"

Подписано к печати «15» октября 2018 г.
Формат 60х84 1/16. Бумага офсетная.
Гарнитура Times New Roman / Печать - лазерная.
Усл. печат. л. 15,35 Уч.-изд. л. 14,52
Тираж 300 экз. Заказ № 28/18

ISBN 978-5-6041177-3-6

Издательство ООО "НПП "Фолиант"
346332, Россия, г. Донецк, ул. Шевченко, 12
Контактный телефон: +79897194796
E-mail: ooo.foliant@bk.ru
ООО "НПП "Фолиант", 2018.
Свидетельство о государственной регистрации
61№008044237 от 30.09.2016 г.

Отпечатано в типографии ООО "Цифровая типография"
(ФЛП Артамонов Д.А.)
283121, г. Донецк, ул. Челюскинцев, 291 а,
Тел.: +380 (62) 388-07-31, 388-07-30; (050) 886-53-63
Свидетельство о регистрации ДНР
серия АА02 № 51150 от 9 февраля 2015 г

На обложке фрагмент панорамного фото (около 1911 г.) из альбома завода «Новороссийского общества каменноугольного, железного и рельсового производств» (из архива В. Мартыненко).
Источник: http://fromdonetsk.net